

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

О. Н. Астафьева,
доктор философских наук,
профессор, заслуженный
работник высшей школы
РФ, лауреат премии
Правительства РФ
в области культуры
(Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ)

О. Ю. Васильева,
доктор исторических
наук, профессор,
заслуженный деятель
науки РФ, президент РАО,
академик РАО,
член Международной
ассоциации истории
религий, почетный член
Российской академии
художеств (Российская
академия образования)

Н. И. Гендина,
доктор педагогических
наук, профессор,
заслуженный деятель
науки РФ (МГИК)

О. В. Гукаленко,
доктор педагогических
наук, профессор,
академик РАО, лауреат
премии Правительства РФ
в области образования
(Институт содержания
и методов обучения)

С. В. Иванова,
доктор философских наук,
кандидат педагогических
наук, профессор,
почетный работник
общего образования РФ,
академик РАО,
заслуженный деятель
науки РФ (Институт
стратегии развития
образования РАО)

К. К. Колин,
доктор технических
наук, профессор,
заслуженный деятель
науки РФ (Федеральный
исследовательский
центр «Информатика
и управление» Российской
академии наук)

И. А. Корсакова,
доктор культурологии,
кандидат философских
наук, доцент (Московский
государственный
институт музыки
имени А. Г. Шнитке)

Р. П. Кошкин,
доктор технических
наук, профессор,
член Союза
авиапроизводителей
России,
почётная грамота
Президента РФ
(Государственный
научно-исследовательский
институт гражданской
авиации)

И. В. Малыгина,
доктор философских
наук, профессор
(Московский
государственный
лингвистический
университет)

Р. С. Мотульский,
доктор педагогических
наук, профессор,
заслуженный
деятель культуры
Республики Беларусь
(Институт современных
знаний имени
А. М. Широкова,
Республика Беларусь)

С. Б. Синецкий,
доктор культурологии,
доцент,
профессор
(Челябинский
государственный
институт культуры)

У. А. Тешабаева,
PhD, директор
(Национальная
библиотека Узбекистана
имени Алишера
Навои, Республика
Узбекистан)

Л. В. Федякина,
доктор
педагогических наук,
кандидат
экономических наук,
профессор,
член-корреспондент РАО
(Министерство
культуры РФ)

Я. Л. Шрайберг,
доктор технических
наук, профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
заслуженный работник
культуры РФ
(Государственная
публичная научно-
техническая
библиотека России)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. И. Ануфриева,
доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального
образования РФ (МГИК)

Л. В. Беловинский,
доктор исторических
наук, профессор,
заслуженный работник
культуры РФ, лауреат
премии памяти митрополита
Московского и Коломенского
Макария (МГИК)

С. Н. Гавров,
доктор философских
наук, профессор, член
Союза писателей Москвы
(Финансовый университет
при Правительстве РФ)

А. ДеБласио (A. DeBlasio),
PhD, заслуженный профессор
свободных искусств и наук,
кафедра Славистики,
Дикинсон Колледж (США)

Е. Э. Дробышева,
доктор философских наук,
профессор (Академия Русского
балета имени А. Я. Вагановой)

А. Жубара (A. Jubara),
кандидат философских
наук, научный сотрудник,
преподаватель Майнцского
университета имени
Иоганна Гутенберга
в Гермерсхайме (Германия)

Е. В. Золотухина-Аболина,
доктор философских
наук, профессор (Южный
федеральный университет)

Л. С. Зорилова,
доктор культурологии,
кандидат педагогических
наук, профессор, член
Союза писателей России, член-
корреспондент Международной
академии наук педагогического
образования, почетный
работник высшего образования
(РАМ имени Гнесиных)

Т. И. Кимеева,
доктор культурологии,
доцент (Кемеровский
государственный
институт культуры)

С. М. Климова,
доктор философских наук,
профессор (Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»)

Р. А. Литвак,
доктор педагогических
наук, профессор, почетный
работник высшего
профессионального
образования РФ
(Челябинский государственный
институт культуры)

А. М. Мазурицкий,
доктор педагогических
наук, доцент (МГИК)

А. Д. Майданский,
доктор философских наук,
профессор (Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет)

Л. С. Майковская,
доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального
образования РФ (МГИК)

С. Б. Никонова,
доктор философских наук,
профессор (Академия Русского
балета имени А. Я. Вагановой)

Н. К. Рашианов,
доктор технических наук,
профессор (Научно-
исследовательский институт
развития цифровых технологий
и искусственного интеллекта
при Министерстве по развитию
информационных технологий
и коммуникаций
Республики Узбекистан)

В. А. Ремизов,
доктор культурологии, кандидат
философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы, член Союза
писателей РФ (МГИК)

Н. В. Синявина,
доктор культурологии,
доцент (МГИК)

Т. Н. Суминова,
доктор философских наук,
кандидат педагогических
наук, профессор (МГИК)

Т. В. Христидис,
доктор педагогических
наук, профессор (МГИК)

Н. В. Шарковская,
доктор педагогических
наук, доцент (МГИК)

М. М. Шибаева,
доктор философских наук,
кандидат педагогических
наук, профессор (МГИК)

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности. Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объем статьи составляет от 23 000 до 40 000 знаков, включая пробелы и список литературы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 10 и не более 30.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);
 - б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес;
 - в) обязательным является указание на УДК, грант или госзадание. Обязательно указание на шифр и название специальности, по которой идет статья.
5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru
 - а) все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
 - б) до рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75%. Цитаты занимают не более 20 % текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 % текста в форме пересказа со ссылкой на источник). Совпадение не более 2 %.
 - в) автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях.
 - г) статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации. При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

май – июнь
3 (131) 2026 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ	10	ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е. В.
ПРОТИВОРЕЧИЯ ГУМАННОСТИ (ФИЛОСОФСКО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)
	21	ВАХИТОВ Р. Р.
КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕЕ – БОГ ИЛИ КУЛЬТУРА
(ПРОЧТЕНИЕ ГЕГЕЛЯ И. ИЛЬИНЫМ И Э. ИЛЬЕНКОВЫМ)
	29	ЕГОРОВ Н. С.
АВТОР КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО: КОНФИГУРАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ В КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	38	ПОНИЗОВКИНА И. Ф.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ДАТА-ЦЕНТРОВ ДО НОМО MATRIX
	50	РЕМИЗОВ В. А., КУДРИНА Е. Л.
КУЛЬТУРА РОССИИ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН:
ПОТЕРИ, ОБРЕТЕНИЯ, УГРОЗЫ
	58	ВОЕВОДИНА Л. Н.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ
КАК НАУКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
	67	СУМИНОВА Т. Н.
ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ
КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ
	80	КИТОВ Ю. В., ГЕРТНЕР С. Л.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК
СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ
СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЫ

90 ДРОБЫШЕВА Е. Э., ЛАРИОНОВА Н. О.
ФЕНОМЕН КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ
В МОДУСЕ КОММУНИКАЦИИ

100 КОРЖАВИНА А. А.
ПЕЧАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ КАК ФЕНОМЕН
СТАНОВЛЕНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

111 ПУХНАЧЕВА Е. Ю.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. В. ПУХНАЧЕВА
ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ РУССКОГО
КОЛОКОЛЬНОГО ИСКУССТВА

121 КИСЕЛЕВА О. М.
МИФ КАК ИСТОЧНИК ФЕСТИВАЛЬНЫХ
ТРАДИЦИЙ ИНДИИ

ЭСТЕТИКА 134 КАПИЧИНА Е. А., МАРИНЧЕНКО М. В.
ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ИГРОВОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ
В. БЫЧКОВА И М. БАХТИНА

144 ФАРИТОВ В. Т.
ФОЛЬКЛОРНЫЕ И МИФИЧЕСКИЕ
МОТИВЫ БАЛЕТА «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

156 ДВИНИНА М. А.
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ:
ОТ ОБЩИХ ОСНОВАНИЙ –
К АВТОРСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ
(НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ
В. Б. ДОВГАНЯ)

**ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ 168 ШАРКОВСКАЯ Н. В.**
ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ В ТВОРЧЕСКОМ
ВУЗЕ: НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ
“СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИННОВАТИКА”

178 ХРИСТИДИС Т. В.
ЦИФРОВАЯ ПЕДАГОГИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

187 УСКОВА И. В.
СТАНОВЛЕНИЕ ДОМАШНЕЙ УЧЕБНОЙ
РАБОТЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ, 198 ЦВЕТКОВА В. А., МУРОМЦЕВА А. А.,
БИБЛИОГРАФИЯ КАЛАШНИКОВА Г. В.
И КНИГОВЕДЕНИЕ
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЖУРНАЛОВ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ
СФЕРЫ НА ОСНОВЕ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ РИНЦ

210 БОРОНИНА Н. В.
МИГРАНТЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ

РЕЦЕНЗИИ 220 МАРЕЕВА Е. В.
КОНКРЕТНЫЙ ИСТОРИЗМ И «ОБОБЩЕНИЕ
ФАКТОВ» (К ПЕРЕИЗДАНИЮ КНИГИ
С. Н. МАРЕЕВА «ДИАЛЕКТИКА ЛОГИЧЕСКОГО
И ИСТОРИЧЕСКОГО И КОНКРЕТНЫЙ
ИСТОРИЗМ К. МАРКСА» (М., ЛЕНАНД, 2026)

May – June
3 (131) 2026
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY** 10 **ZOLOTUKHINA-ABOLINA E. V.**
CONTRADICTIONS OF HUMANITY
(PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS)
- 21 **VAKHITOV R. R.**
THE CONCRETE-UNIVERSAL – GOD OR CULTURE
(I. ILYIN AND E. ILYENKOV’S READING OF HEGEL)
- 29 **EGOROV N. S.**
THE AUTHOR AS A SOCIAL ENTITY:
CONFIGURATIONS OF SOCIAL PRESENCE
IN A CULTURAL AND HISTORICAL RETROSPECTIVE
- 38 **PONIZOVKINA I. F.**
ENVIRONMENTAL TRAPS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
FROM DATA CENTERS TO HOMO MATRIX
- THEORY AND HISTORY OF CULTURE** 50 **REMIZOV V. A., KUDRINA E. L.**
RUSSIAN CULTURE IN THE AGE OF CHANGE:
LOSSES, GAINS, AND THREATS
- 58 **VOEVODINA L. N.**
THE CURRENT STATE OF CULTURAL STUDIES
AS A SCIENCE: METHODOLOGICAL SEARCHES
AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS
- 67 **SUMINOVA T. N.**
VALUE-ORIENTED CREATIVE INDUSTRIES:
A PARADIGM SHIFT IN STATE CULTURAL POLICY
- 80 **KITOV Yu. V., GERTNER S. L.**
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS
OF REALIZING THE INTERESTS
OF THE MODERN AMERICAN ELITE

- 90 DROBYSHEVA E. E., LARIONOVA N. O.**
THE PHENOMENON OF COLLECTING
IN THE MODE OF COMMUNICATION
- 100 KORZHAVINA A. A.**
PRINTED MEDIA AS A PHENOMENON
OF THE FORMATION OF MASS
CULTURE IN RUSSIA IN THE LATE
19th AND EARLY 20th CENTURIES
- 111 PUKHNACHEVA E. Yu.**
THE ACTIVITIES OF Yu. V. PUKHNACHEV
IN THE REVIVAL OF RUSSIAN BELL ART
- 121 KISELEVA O. M.**
MYTH AS A SOURCE OF INDIAN
FESTIVAL TRADITIONS
- AESTHETICS**
- 134 KAPICHINA E. A., MARINCHENKO M. V.**
PHILOSOPHICAL-AESTHETIC ANALYSIS
OF THE GAME VIRTUAL REALITY
IN THE CONTEXT OF CONCEPTS
OF V. BYCHKOV AND M. BAKHTIN
- 144 FARITOV V. T.**
FOLKLORIC AND MYTHICAL MOTIFS
IN THE BALLET "SWAN LAKE"
- 156 DVININA M. A.**
THE AESTHETIC DIMENSION OF
CONTEMPORARY SACRED MUSIC:
FROM GENERAL FOUNDATIONS TO
THE AUTHOR'S CREATIVITY (BASED
ON THE WORKS OF V. B. DOVGAN)
- PEDAGOGY AND EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**
- 168 SHARKOVSKAYA N. V.**
FORMATION OF THE PROFESSIONAL
WORLDVIEW OF THE FUTURE MANAGERS
IN A CREATIVE UNIVERSITY:
ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE
"SOCIO-CULTURAL INNOVATION"
- 178 KHRISTIDIS T. V.**
DIGITAL PEDAGOGY: MODERN
METHODS AND TECHNOLOGIES

187 USKOVA I. V.

THE FORMATION OF HOMEWORK
AS A DIDACTIC CATEGORY

**LIBRARY SCIENCE,
BIBLIOGRAPHY
AND BOOK STUDIES**

**198 TSVETKOVA V. A., MUROMTSEVA A. A.,
KALASHNIKOVA G. V.**

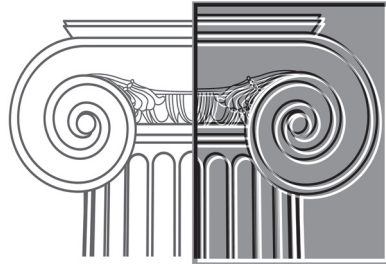
POSITIONING OF JOURNALS IN THE LIBRARY
AND INFORMATION SCIENCE BASED ON
RSCI BIBLIOMETRIC INDICATORS

210 BORONINA N. V.

MIGRANTS AS A SPECIAL
CATEGORY OF LIBRARY USERS

REVIEWS 220 MAREEVA E. V.

CONCRETE HISTORICISM AND
"GENERALIZATION BY FACT" (FOR THE
REPUBLICATION OF S. N. MAREEV'S
BOOK "THE DIALECTICS OF THE
LOGICAL AND THE HISTORICAL AND
THE CONCRETE HISTORICISM OF
K. MARX" (MOSCOW, LENAND, 2026)

ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГУМАННОСТИ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

УДК 177.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-10-20>

Е. В. Золотухина - Аболина

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу о смысле гуманности как характеристики нравственной оценки в современном мире. Автор изначально различает гуманизм и гуманность, понимая под гуманизмом видение мира через призму интересов человека, в то время как гуманность и доброта относятся к практике жизни. И если гуманизм может быть «титаническим», агрессивным, то то гуманность – это практика благожелательности, помощи и поддержки. Автор видит ядро гуманности в идентификации с Другими людьми как глубинно равными в силу наличия субъективности и обладания сознанием. Межличностная доброта получает на социальном уровне наименование гуманности («гуманная политика»). Гуманность, являясь моментом личных отношений, в жизни социума выступает в первую очередь как идеал, как момент, воспаряющий над противостоянием интересов и борьбой социально-экономических групп за доминирование. В статье отмечается, что отнюдь не все интеллектуалы и деятели культуры XIX–XXI веков разделяют идеал гуманности, содержащийся уже в священных писаниях мировых религий. Целый ряд направлений, исповедующих индивидуализм и утилитаризм, а в яркой форме ницшеанство, отвергают гуманность как ценность и основу морали. Но даже те, кто вполне привержен гуманности, нередко сталкиваются в современном мире с ее противоречиями и фальсификациями, с разноречивыми толкованиями. В статье происходит обращение к ряду спорных характеристик современных реалий, которые подаются как гуманные, в то время как, по мнению автора, таковыми не являются либо несут в себе свою противоположность. Речь идет о понимании гуманности применительно к разного рода девиациям, квалификацию гуманности в отношении войны, эвтаназии, воспитания и образования, в отношении к миграционным процессам и при оценке гуманной/антигуманной роли искусственного интеллекта. Автор полагает тему гуманности и доброты многоплановой и открытой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: гуманность, гуманизм, доброта, субъективность, равенство, индивидуализм, социальные конфликты, фальсификация, девиации, война, эвтаназия, воспитание, миграции, искусственный интеллект.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Противоречия гуманности (философско-культурологический анализ) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 10–20. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-10-20>

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Южный федеральный университет
ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History of Foreign and Domestic Philosophy, Southern Federal University

© Золотухина-Аболина Е. В., 2026

CONTRADICTIONS OF HUMANITY (PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS)

Elena V. Zolotukhina-Abolina

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the question of the meaning of humanity and kindness as characteristics of moral assessment in the modern world. The author initially distinguishes between humanism and humaneness, understanding humanism as a vision of the world through the prism of human interests, while humaneness and kindness relate to the practice of life. And if humanism can be “titanic”, aggressive, then humaneness is a practice of benevolence, help and support. The author sees the core of humanity in identification with Other people as deeply equal due to the presence of subjectivity and possession of consciousness. Interpersonal kindness receives the name of humanity (“humane policy”) at the social level. Humaneness, being a moment of personal relationships, in the life of society acts primarily as an ideal, as a moment that soars above the confrontation of interests and the struggle of socio-economic groups for dominance. The article notes that not all intellectuals and cultural figures share the ideal of humanity, contained in the sacred scriptures of world religions. A number of schools of thought that profess individualism and utilitarianism, and in a vivid form Nietzscheanism, reject humaneness as a value and the basis of morality. But even those who are fully committed to humaneness often encounter its contradictions and falsifications in the modern world, with conflicting interpretations. The article addresses a number of controversial characteristics of modern realities that are presented as humane, while, in the author’s opinion, they are not or contain their opposite. We are talking about the understanding of humaneness in relation to various kinds of deviations, the qualification of humaneness in relation to war, euthanasia, upbringing and education, in relation to migration processes and in assessing the humane/inhumane role of artificial intelligence. The author believes that the topic of humaneness and kindness is multifaceted and open to further research.

Keywords: humanity, humanism, kindness, subjectivity, equality, individualism, social conflicts, falsification, deviations, war, euthanasia, education, migration, artificial intelligence.

For citation: Zolotukhina-Abolina E. V. Contradictions of Humanity (Philosophical and Cultural Analysis). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 10–20. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-10-20>

Постановка вопроса и различие понятий

Вопрос, которому посвящена предлагаемая читателям статья, является в немалой степени практическим. Что означает «следовать гуманности», которой клянутся самые разные социальные силы? Что означает «творить добро», быть добрым? Что означает это сейчас, сегодня, когда человечество так рвануло вперед по пути информационно-технического прогресса, что многие традиционные представления и феномены остались позади, сделались достоянием прошлого. Лишь на первый взгляд кажется, что все здесь ясно и прозрачно,

поэтому я ставлю своей задачей хотя бы кратко обратиться к *проблемным моментам темы гуманности и доброты*, как универсальным, так и исторически-актуальным.

Только в старых сказках всегда понятно, кто добрый, а кто злой, в жизни все сложнее. Впрочем, в современных сказках (особенно их киноверсиях) благое и пагубное так часто меняются местами, что зритель выходит из зала озадаченным. Нынешняя «эпоха смещений», стартовавшая еще в начале XX века, стирает границы между явлениями, противоположность которых казалась незыблемой; постмодернизм, все еще отнюдь не исчерпавший себя, строит гримасы и дразнит, провоцирует нас

сказать: «Да нет ее, никакой доброты и гуманности! Все это одна лишь ложь и лицемерие!» И именно поэтому стоит попытаться разобраться, где и когда гуманность – это достоверная реальность, а где и когда – лишь поверхностная игра. Много лет назад в популярной тогда «Литературной газете» появился сатирический персонаж литератор Евгений Сазонов, которого шутники-авторы квалифицировали как «людоведа» и «душелюба». Шутка была удачной и обращает наше внимание на игровую ассоциацию мудрого людоведа с людоедом, а сентиментального душелюба с душегубом. И это не что иное как намек на трикстерное оборотничество благих начинаний: «благими намерениями вымощены дороги в ад». Тем важнее выявить устойчивое ядро того, что мы считаем гуманностью и добротой, то ядро, которое остается неприкосновенным при любых поворотах истории, при любых обстоятельствах и новациях. Это даст возможность увидеть тот путь, по которому можно двигаться, чтобы сохранить подлинный смысл гуманности при всех вызовах, с которыми она встречается сегодня.

Но сначала о применяемых понятиях. Отметим, что понятия гуманизм и гуманность далеко не всегда различаются, поскольку в этом не всегда есть необходимость, и мы с полным правом причисляем к авторам-гуманистам в XIX веке Л. Фейербаха [11], молодого К. Маркса [6], а в XX веке – Э. Фромма [14], А. Маслоу [7], М. Бубера [1], В. Франкла [12], А. Швейцера [18], П. Тиллиха [10]. В этом ключе вполне можно говорить также о Ж.-П. Сартре [9] и К. Льюисе [4], хотя в их взглядах есть некоторые радикальные моменты, выраженные в одном случае с атеистических, в другом – с христианских позиций, которые не всегда ассоциируются с обыденным понятием доброты. Авторы-гуманисты – это представители антропологического философствования, ставящие экзистенциальные вопросы, но нередко достаточно резкие и сами не всегда являющие образ безграничного и милосердного человеколюбия. Так, Жан-Поль Сартр часто немилосерден в своих высказываниях к люд-

ским слабостям в отличие, скажем, от утешительного В. Франкла, а К. Льюису свойственно говорить о том, что человек без Бога – это комок грязи.

Для избранной нами темы гуманности и доброты определить понятийные различия все же нужно. Поэтому обозначим наше понимание терминов в этой статье.

Под *гуманизмом* мы будем иметь в виду философско-теоретическое направление, ставящее человека в центр интересов исследователя. Гуманистическое философствование – это взгляд через призму интересов человека и человечества, когда присущая людям субъективность опосредствует любые доступные нам характеристики мира. Здесь учитываются как особенности человеческого мировосприятия, формирующие картину окружающего, так и потребности и интересы человека, задающие практически угол зрения на открывающуюся реальность. Гуманизм, сформировавшийся в эпоху Возрождения и центрированный на человеке, может быть проникнут идеей гармонии человечества с миром, но может выступать и как достаточно агрессивный. Тема «человек – лучший цвет и господин вселенной» нередко выражается в стремлении перековать природу по-своему, скрыть горы и повернуть реки, не считаясь с естественностью процессов. Как мы узнали не так давно, эта титаническая агрессия может быть обращена и к природе самого человека, что выразилось в практике смены пола и тенденциях трансгуманизма, жаждущего создать синтез человека и машины. Как ни парадоксально, гуманизм *не всегда гуманен и отнюдь не добр*, тем более, если его преобразовательные интенции подкрепляются рыночными стимулами.

По теме *гуманности* за ряд лет в России были изданы работы, прежде всего, двух авторов: Л. А. Швачкиной [17] и Т. В. Григорян [2]. Мы вполне согласны с позицией Л. А. Швачкиной, которая отмечает: «Гуманность есть универсалия, присущая человечеству в разных культурах (Востока и Запада), в разные времена. Взятая вне культурных контекстов, она всегда выражается в личных отноше-

ях между людьми, реализуясь как деятельное сострадание, бескорыстное благоволение, помощь и поддержка, жалость по отношению как к близким людям, так и людям совсем чужим. И такой она способна быть в любые времена и в любых сообществах. В то же время гуманность – выражение и свидетельство определенного цивилизационно-исторического опыта, она всегда зависит по характеру осознанной мотивации от мировоззрения, типичного для данной культуры, ее традиций и облечена в формы типичных культурных практик» [16].

Таким образом, *гуманность* в нашем контексте это *практическое доброе отношение к другим людям*, то есть, бескорыстное благорасположение, помощь и поддержка, стремление избавить от страданий и гибели, сочувствие, стремление понять чужие резоны, содействие в развитии и реализации творческих потенциалов. И если в личных отношениях мы чаще говорим о хорошем, спасительном и поддерживающем отношении, о симпатии и милосердии *как о доброте*, то на уровне деятельности общества, государства и культуры принято применять термин «гуманность». О политике государства вряд ли можно говорить как о «доброй», а как о «гуманной» говорить можно. Такова лексическая тонкость. Гуманное (социальное) государство стремится не эксплуатировать нещадно своих членов, создает им условия для успешного труда и заработка, строит распределение и правосудие на основах справедливости, дает возможность лечения, отдыха и личного развития. Пусть даже это некое «идеальное государство», мы будем говорить о нем как о гуманном, а о его гражданах как о «добрых людях». Хотя, в сущности, не исключено и о конкретном человеке говорить, что он «поступает гуманно».

В сущности, слова «доброта» и «гуманность» означают не что иное как проявления *человеколюбия*, которое является *деятельным утверждением бытия и счастья всех людей*, признанием их полного и законного права на бытие и счастье. Причем, любовь эта выступает именно не как индивидуальная и из-

бирательная, а как *общее благорасположение* и готовность жалеть и беречь других, даже если мы не испытываем к ним личной привязности. Идея эта – христианская и чеканно выражена у Канта в его категорическом императиве, где ведущим является понятие *долга*. Академик Т. И. Ойзерман так писал о категорическом императиве: «Показательно, что Кант не ограничивается одной его формулой, которая неизбежно вела бы к одностороннему его пониманию. Первая его формула такова: «категорический императив, который вообще выражает то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона». Вторая, не менее значительная по своему содержанию формула этого императива гласит: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как цели и никогда не относился бы к нему только как средству». Стоит подчеркнуть, что Кант именно эту формулу категорического императива выделил курсивом, придав ей тем самым особенное значение. Человек как разумное существо есть цель сама по себе, следовательно, никто не должен относиться к нему как средству для достижения какой-то своей цели [8]. То есть, по Канту, человек *должен* быть гуманным в отношении других. И это то, что вызывало глубокое возмущение З. Фрейда, не согласного любить чужих и враждебных людей и называющего христианскую любовь, а значит и гуманность, «влечением, заторможенным по цели» [13, с. 98]. Это то, с чем, согласно К. Льюису, не справиться без Божьей любви, которая, одна лишь, дает нам силу любить невыносимых – врагов, преступников, идиотов, тех, кто утомляет нас и смеется над нами [4, с. 256]. Лишь она позволяет проявлять гуманность.

Но что лежит в основе гуманности как долга и священной обязанности человека? Думается, в основу ее понимания может быть положено представление *об идентификации*. Даже в сказочном мире джунглей, созданном Кипплингом, звери говорят друг другу: «Мы одной крови, ты и я». И тем более так

могут сказать люди, когда в любом человеке, какой бы он ни был культуры и цвета кожи, они видят самих себя: «Я – это Другой; Другой – это я». В этом случае боль Другого – это моя боль, а его радость – моя радость. В своей «этике благоговения пред жизнью» А. Швейцер пишет: «Одобрять мы должны только то, что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека» [18, с. 494]. В глубине идентификации себя с другими как достойными любви, уважения и содействия находится подспудная мощная тема *равенства – равенства субъектов и субъективностей как чувствующих, страдающих, разумных и достойных добросердечной заботы*. Конечно, по своим социальным и культурным достоинствам одни люди не равны другим, но они равны как носители духа, как существа, обладающие внутренним миром.

Однако в наши дни мы наблюдаем множество проблем, связанных с воплощением гуманности в жизнь. Осознание не породило автоматического перехода к гуманной практике. Социальная реальность и история ставят нас перед фактом нестыковок наших постулируемых нравственных идеалов и реальных процессов. Взглянем коротко лишь на некоторые спорные и двусмысленные темы, связанные с гуманностью в современном мире.

Гуманность – не всеобщий идеал

Прежде всего отметим, что в истории человечества *гуманность никогда не была основным трендом*. История полна жестокости, борьбы народов и государств за существование, за выживание и доминирование. Слова «убил», «вырезал», «сокрушил», «обрек на вымирание» часто сопровождают описание событий прошлого, а эпосы разных народов воспроизводят битвы и истории покорения и покорности. Авраамический Бог Ветхого Завета – это сердитый, вздорный и мстительный бог, испепеляющий все племена, не следующие его законам. И если взглянуть на историю с социально-экономической точки зрения,

то мы увидим не только противостояние этносов и вероисповеданий, но и то, что классики марксизма называли в свое время *классовой борьбой*: безжалостные схватки бедных с богатыми, эксплуатируемых с эксплуататорами. Да и повседневные нравы былых эпох не отличались сентиментальностью. Гуманность и доброта присутствуют прежде всего в отношении близкой родни, быть может, одноплеменников, и лишь ограниченно относятся к людям «внешним» – иностранцам, иноверцам, представителям иного общественного статуса (например, к рабам).

И все же бескорыстное благорасположение «к любому Другому» рождается и живет в культуре как некая вуаль на ее поверхности, как «искра лучшего мира», пробегающая по темным водам. Важность гуманности и доброты формулируется в религиозных заповедях, они становятся темой размышления «просвещенных людей» и моментом «высоких отношений». Речь идет именно о гуманности как поведенческой практике на базе убеждения в том, что «быть добрым приятно и душевспасительно», а также похвально и благородно. Слабому надо помогать, страдающему сочувствовать, боль врачевать, чужому таланту содействовать. И все это без какой-либо выгоды, на базе прямого чувства, непосредственного сопереживания. И если звучит доброе слово или совершается доброе дело, то не в духе «собачке дворника, чтоб ласкова была», а просто так, от широты душевной. Ибо это и есть добро в мире, где правит дьявол, который ведет постоянную борьбу с Богом.

Впрочем в последние несколько столетий гуманность, существующая скорее как призыв и как дело доброй воли, чем как регулярная социокультурная практика, тоже получила *отпор и критику*. Она была пренебрежительно отвергнута *этическим утилитаризмом*, выброшена за борт *социальным дарвинизмом* и облита презрением *нищиеанством* как дело слабых и вырождающихся. То есть, даже на уровне идейных дебатов гуманность и доброта не стали приняты как святой долг и норма культурного человека. Отнюдь не все ин-

теллеktуалы выстроились, чтобы поклониться идеалам доброты и гуманности. И этому в огромной степени мешала и мешает *гордыня*, которая, как известно, есть смертный грех, именно она препятствует *принятию сущностного равенства, которое велит относиться к другим так же, как к себе самому. Чувство превосходства* – сословного, классового, гендерного, расового, национально-этнического, интеллектуального – не позволяет быть гуманным и добрым, не позволяет «опускаться до сочувствия и жалости» или же помочь развиться росткам чужого таланта.

У отказа от доброты и гуманности, как мы уже заметили, есть и свои *объективные корни*. Это столкновение интересов, борьба за выживание и обогащение, схватка за ресурсы, каждый раз принимающие конкретно-исторические формы. Сейчас мы живем в постиндустриальную эпоху информационного рыночного капитализма, геополитических боев и недобросовестной конкуренции. Главный движитель функционирования рыночного общества – *погоня за прибылью*, нередко любой ценой, которая вдохновляется лозунгами «падающего толкни!», «кто сильнее, тот и прав» и «умри ты сегодня, а я завтра!». Человеческие пороки успешно расцветают на почве конкурентных бегов, интересы олигархов не предполагают ни сентиментальности, ни доброты, а локальные войны постоянно потрясают планету. Именно в силу этого гуманность по преимуществу *витает как прекрасный идеал*, которому хорошо бы почаще воплощаться, да редко получается.

Тем не менее *тема гуманности звучит*, и даже кровавые телевизионные детективы порой кончаются хепши-эндом, что дает зрителям надежду найти доброе отношение и в реальной жизни. Но когда мы все же принимаем гуманность и доброту как *прекрасную человеческую норму*, желаем быть гуманными, идем по пути благоволения, обнаруживается, что сама гуманность несет в себе *проблемы и спорные толкования*, что в отношении ее есть *недопонимание и несогласие*, что она, в конце концов, может быть просто сфальсифицирована.

Гуманность: дискуссионные темы

Обращаясь к дискуссионным вопросам, связанным с гуманностью как идеалом и практикой, отметим особую роль, которую сыграли для России идеи либерализма, активно привнесенные в нашу страну в 90-е годы XX века. Западный либерализм как совокупность руководящих для социума идей выдвигал и выдвигает принцип *приоритета личного над общественным*, что в свое время было резким контрастом социалистической идеологии, которая более семидесяти лет проводилась в России и республиках СССР. И этот тренд на личное, частное, обособленное, полностью самовольное одновременно *позиционировал себя как «путь подлинной гуманности»*. Многие представления наших соотечественников перевернулись, поведенческие и оценочные плюсы поменялись на минусы и обратно. Но либерализм 90-х годов, сам трансформируясь в XXI веке, пошел дальше, отступив от провозглашенного им демократического принципа и акцентировав «приоритеты меньшинств». С этим связан целый ряд современных расхождений в оценке того, что гуманно, а что – нет.

1. Гуманность: проблема девиантности.

Установка на гуманность как бы подспудно предполагает, что «все люди хорошие» (просто потому, что они люди) и что все они достойны учета их резонансов и обеспечения им максимального внешнего и внутреннего благополучия. Предполагается, что все они в должной мере ответственны и не страдают отклонениями в поведении (девиациями). Ориентация на гуманность внушает идею сочувствия и великодушия, но не справедливости и необходимости наказания. В то же время в любом обществе, которое включает в себя нормы, запреты, законы, в том числе ограничения агрессии и обмана, присутствуют средства наказания преступников, чтобы пресечь их разрушительные действия и оградить от них миролюбивое население. Обзор исторического изменения этих средств в Европе представлен у М. Фуко [15]. Речь там в том числе идет о постепенной гуманизации наказаний в ходе европейской

истории. Действительно, по идее, судебная система – не система садизма, а, напротив, вроде бы призвана побудить преступника вернуться к честной жизни. Однако, например, переход к отмене смертной казни, приветствуемый и сегодня во многих странах мира, в том числе и в России, является актом гуманности по отношению к злодеям и убийцам, но *актом антигуманности по отношению к жертвам преступников и их родным*. Садист, совершивший страшные злодеяния, остается жив, получает мизерный тюремный срок, чтобы вскоре вернуться и продолжать преследовать чудом спасшуюся жертву. Рецидивисты и маньяки, которые не могут быть излечены, угрожают теперь уже другим людям. Гуманность к душегубам оборачивается антигуманностью в отношении невинных.

Другим примером является «гуманная» поддержка на современном Западе болезненного стремления людей изменить пол и приписать себе одну или несколько идентичностей из пакета выдуманных гендеров. На самом деле за подобного рода гуманностью стоит интерес большой фармы и хирургического сообщества, которым выгодно перекраивать тела психотиков. Никто не заботится о том, что пациент захочет вернуть утраченный естественный пол. При этом «гуманное» поощрение транссексуалов и трансгендеров оборачивается антигуманным принуждением адекватных в половом отношении граждан к уродованию и калечению как себя самих, так и своих детей. И если граждане не желают следовать навязанной тенденции и наносить себе физический и психический вред, то их вполне антигуманно штрафуют и сажают в тюрьму, отнимают детей. Разумеется, это несправедливо.

Еще в середине XX века на Западе возникло направление «антипсихиатрии», одним из лидеров которого выступил Рональд Лэйнг [5]. Его ведущей идеей было то, что психические больные, во-первых, являются жертвами общества, ибо оно «сводит их с ума», заставляя подчиняться неким требованиям «общей реальности», которая на самом деле не более, чем коллективная выдумка, требующая подчи-

нения; а, во-вторых, психбольные менее безумны, чем окружающий их социальный мир. Чтобы быть подлинно гуманным, согласно Лэйнгу, надо было распустить все психиатрические лечебницы и выпустить пациентов. Надо создавать совместные коммуны пациентов и психиатров для лечения «на свободе». Сам Лэйнг практиковал такую коммуну, где процветало пьянство и торговля наркотиками. Тем не менее, в результате начатого им движения во многих странах европейской культуры резко сократилась сеть психиатрических клиник, а опасные больные оказались без присмотра. И внешне это выглядело действительно гуманно, потому что крупные умы XX века, например, К. Ясперс, отмечали бездушное отношение психиатров к пациентам. И, конечно же, больных людей нельзя истязать, морить голодом или игнорировать, но в то же время нельзя дать им полную свободу рук, за которую они не в состоянии отвечать, потому что такая «доброта и щедрость» оборачивается реальной опасностью для ни в чем не повинных обывателей.

2. Гуманность и смерть. Причинение смерти, убийство представляет собой в гуманном этическом кодексе вершину антигуманности, недаром во всех Священных писаниях мировых религий присутствует запрет на убийство. «Не убий!» – говорит нам уже Ветхий завет, убийство Каином Авеля открывает кровавый путь человеческой истории. «Не навреди!» – говорит клятва Гиппократова, имея в виду, прежде всего, спасение от смерти. В то же время смерть, являясь атрибутивной характеристикой человеческой жизни в эмпирическом мире, способна по-разному соотноситься с темой гуманности, потому что, возможно, еще худшим грехом и злодеянием, «*абсолютным злом*» *выступает мучительство, глумление*: охотное причинение физических и психических страданий, а также позволение им не прекращаться. Недаром образ ада – это не образ полного исчезновения «Я», а образ вечных мучений.

Как ни парадоксально, но во время войны вполне *гуманным актом* считается уничто-

*жение врага, который грозит истреблением нашего народа, уничтожением родины, издевательствами над мирным населением. Сегодня мы оцениваем идущую Специальную военную операцию как гуманную акцию по спасению русскоязычного населения Донбасса и Луганщины. Чтобы прекратить обстрелы мирных городов, российской армии пришлось вступить в масштабные сражения, где гибнут бойцы и одной, и другой стороны. Солдат, который сам постоянно рискует собой, может получить орден или медаль именно за то, что он успешно убивает противников. Убийство, однозначно антигуманное в гражданской жизни, оказывается гуманным и похвальным на войне, *пацифизм* же выглядит не как гуманность, а как трусость, нежелание встать на защиту женщин и детей. Если некто пацифистски избегает столкновения, то совершенно антигуманно дает истреблять незащищенных «своих».*

Другая тема, связывающая в бесконечных дискуссиях гуманность и смерть, это тема *эвтанази*. В традиционном обществе самоубийство никогда не поощрялось, считалось, что если жизнь тебе дана Богом, то и не твое право ее прерывать. В то же время светский подход, утверждающий наличие у человека свободной воли, говорит о праве сознательно прервать страдания, если они невыносимы. В нашей стране, ориентированной на гуманность в традиционно-христианском понимании, эвтаназия запрещена, *но это не означает, что запрет сам по себе снимает проблему*. Разумеется, является преступлением и злодейством, если человека из корыстных побуждений подвигают на совершение эвтаназии, поощряют добровольно прервать жизнь. Это в полной мере антигуманно. Категорическим противником любого вида самоубийства являлся знаменитый логотерапевт Виктор Франкл. Однако эвтаназия является гуманной акцией, если она дает человеку возможность умереть достойно, избавляет больного от физических мучений, а его родственников – от чувства бессилия и невозможности облегчить муки близкого человека.

Очень важно также то, что мы на самом деле не знаем того, «а что за смертью?» Материалисты считают, что там ничего нет, христиане предполагают ожидание отсроченного Страшного суда, а эзотерики, коих ныне пруд пруди, в подробностях описывают переход «я» в тонкий мир, где жизнь продолжается и «умершего» встречают те, кто раньше перешел в иные измерения бытия. Вот и вопрос: гуманна или не гуманна эвтаназия? Если физическое тело уже распадается, а судьба исполнена, не гуманная ли это помощь в движении через метафизическую границу?

3. Гуманность, воспитание, образование. Либеральные концепции, спекулирующие на теме гуманности и гуманизма, привнесли в воспитание детей тенденцию соблюдения абсолютной свободы выбора едва ли не с рождения. В результате интеллигентные и культурные родители, желая быть просвещенными и добрыми, просто попустительствуют незрелым малышам, не знающим предела собственному «хочу». Они боятся свое дитя травмировать психологически и стремятся принимать его «таким каково оно есть». Не зная отказа и дисциплины, ребенок оказывается не способен к самодисциплине, не ведая авторитетов, он не умеет ни с кем считаться и никого уважать. *Гуманно ли это по отношению к ребенку, которому так или иначе жить среди людей?* Является ли добротой оставление «воспитательных акций» внешнему миру, который без всякой жалости надает оплеух? Да, когда-нибудь так «гуманно» воспитанный ребенок «сам все поймет», но иногда это случается слишком поздно...

Кроме того, подобная гуманность, вырастающая из полного безосновательного уравнивания взрослых и детей, оставляет незащищенными родителей, учителей, других старших. Можно согласиться с профессором психологии Н. И. Козловым, который так описывает правила либерального «гуманного» воспитания: «Взрослые не имеют права требовать от ребенка послушания. Дети должны быть свободны, а взрослые должны относиться к ним, как к равным. Строго запрещаются любые на-

казания. Не следует просить детей выполнять какую-либо работу, пока им не исполнится 18 лет. Родители не должны требовать, чтобы дети говорили им «спасибо» и «пожалуйста». Нельзя вознаграждать ребенка за хорошее поведение. Вознаграждение – это скрытая форма принуждения. Успеваемость ребенка в школе является его личным делом, родители не должны вмешиваться в этот вопрос. Заметьте, – пишет автор, – гуманистическое воспитание содержит множество запретов, просто все эти запреты – против родителей» [3]. Такие дети, конечно же, оскорбляют взрослых, да и сверстников не щадят. А ведь скоро распущенные, не знающие окорота подростки станут взрослыми, и что же это будет за анархическая вольница? Очевидно, что гуманность подобного воспитания – это самообман.

Еще одним спорным пунктом в разговоре о гуманности применительно к образованию, является почерпнутая с Запада *практика инклюзии*. В России были разрушены многие специализированные школы для детей-инвалидов, где осуществлялось действительно гуманное воспитание и обучение с учетом всех особенностей и возможностей детей с физическими и психическими проблемами. Тренд «на инклюзию» под девизом гуманности лишил детей-инвалидов необходимой профессиональной помощи, взвалил на учителей неподъемную нагрузку занятий одновременно с больными и здоровыми учениками, которые не могут учиться в одном темпе, осложнил положение здоровых учеников, которым надо постоянно приспосабливаться к чужим недугам и с малолетства созерцать увечья. *Псевдогуманность* в отношении больных, оборачивается антигуманностью в отношении здоровых.

4. Гуманность и миграция. Замена населения Европы гастарбайтерами из стран мирового Юга в течение последних десятилетий происходила *под флагом гуманности*. При этом гуманность, если следовать логике либеральных сторонников миграции, состояла в том, что целые народы надо спасать от голода и безработицы, и потому их следует срочно интегрировать в европейскую культуру. Инте-

грации не получилось, а вытеснение коренного населения – совершенно негуманное – пошло полным ходом. Собственно, декларированная необходимость «спасения» сама происходила из колониального и постколониального прошлого прибывающих народов, жизнь, уклад и экономика которых была разрушена странами-метрополиями.

«Гуманность» вышла на сцену, играя роль исторического извинения, но не достигая своей подлинной цели: мигрантов определяют на черные работы, которыми не хочет заниматься вымирающее коренное население Европы. Стремление «осчастливить» европеизацией осуществляется крайне противоречиво для всех культур-участниц, и не лучше ли было бы помочь народам, вынужденным мигрировать, убегая от голода и безработицы, построить нормальное общество *на их собственной земле*? Помочь поднять экономику, навести порядок в социуме. Как в старой притче, что человека надо не просто накормить рыбой, а научить ловить рыбу, тогда он и сам справится. Но даже очень культурный капитализм не может никого облагодетельствовать, так как бескорыстные благодеяния не в его природе: прибыли они не приносят, разве что они порой приносят с собой полезные побочные эффекты. Миграция выгодна власти предрасположенным, даже если пагубна для автохтонных народов, а «гуманность» является красивой оберткой, в которую ее облачают.

5. Гуманность и искусственный интеллект. Увеличивает ли искусственный интеллект долю гуманности в мире? Являются ли нейросети добрыми помощниками людей, способными облегчить жизнь, улучшить условия работы, позитивно повлиять на мировосприятие? Это вопросы, на которые можно дать лишь *противоречивые ответы*, в одном отношении сказать «да», а в другом – категорическое «нет». Прежде всего стоит подчеркнуть, что искусственный интеллект, это, конечно, впечатляющая метафора, но на самом деле никакой он не интеллект, а лишь бойко работающий человеческий инструмент. Сознание присутствует там не более чем в автомобиле,

в машине, которую можно антропоморфизировать, говоря ей «ты – моя Маша»! Поэтому дело не в гуманности отношений между людьми и нейросетями, а в том, как и для чего они применяются в качестве *инструмента трансформации нашей повседневности*. Однако насколько они гуманны, насколько несут добро и помогают людям?

Спору нет, развитие информационных технологий создало и создает для нас множество удобств: быстрая связь с любым концом планеты, огромное информационное поле, возможность быстрых заказов и доставок, мгновенный поиск текстов и изображений, новые эффективные методы лечения – все это улучшает, гуманизирует жизнь людей. Но в то же время на базе информационных технологий расцвело беспрецедентное мошенничество, изощренные виды грабежа, каких не знало прошлое, а в условиях войны возникло мощное беспилотное вооружение и появились эффективные способы терроризма.

Антигуманностью могут оборачиваться и казалось бы собственно гуманные акции, например, стремление с помощью технологий утешить людей, потерявших близких. Так уже сегодня расцвел бизнес «цифрового воскрешения», когда цифровым способом создается аватар умершего. На базе его портретов, роликов и стиля речи производится «копия» личности, с которой можно вести беседы, обмениваться письмами, обсуждать вопросы. И здесь вновь – имитация и игра, иллюзия, камуфлирующая пустоту, но общение с эрзац-копией способно затягивать. «Вместо того чтобы принять потерю и научиться жить дальше, – пишет автор статьи, посвященной этому вопросу, – человек получает суррогат, который консервирует боль. Возникает риск зависимости от иллюзии. Проблема «зловещей долины» усугубляет травму – мелкие несоответствия в поведении аватара вызывают не утешение, а жуткое ощущение «почти-но-не-совсем-человека»¹.

¹ Ученые нашли странный способ воскресить человека. Но очень эффективный // <https://dzen.ru/a/aJgtJypB1VzmV5L4>

Прибыли подобного бизнеса растут на скорби и боли, а источником возможности подобной имитации являются современные технологии, ИИ, нейросети. Вновь «хотели как гуманнее», а получилось... Ну, как вышло, так и вышло. Развитие науки еще не раз столкнет нас с оборачиванием доброго и злого, гуманного и антигуманного, человеческого и того, что разрушает лучшие благие чаяния. И не всегда сразу можно разобраться, что именно принесут с собой изобретения и открытия.

Краткое резюме

Тема гуманности и доброты не так проста, как может показаться на первый взгляд. Сама идея гуманности выдвигает высокие требования к человеку: способность отказать от гордыни и корысти, умение видеть в любом Другом онтологически равное тебе существо и живую душу, которая нуждается в защите и содействии. Гуманность апеллирует к великодушию, к внутренней щедрости, которая есть далеко не у всех, как раз поэтому существует целая плеяда интеллектуалов, отвергающих гуманность и презирающих стремление к благодеяниям. На уровне общества спонтанная доброта, направленная на родню и соплеменников, должна трансформироваться в гуманность сознательную, последовательную, в ту, что воплощается в социальной практике, которую осуществляет государство. Хотя, к сожалению, очень часто она не воплощается, зато остается лозунгом, призванным прикрыть эгоистические интересы конкретных экономических и политических групп. Заметим: в жестокие исторические времена никто не клялся гуманностью и не поднимал доброту как знамя, идея, что «Карфаген должен быть разрушен» не аргументировалась благом жителей Карфагена... Зато сегодня японские политики, следуя актуальным политическим интересам, утверждают, что ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки Соединенными Штатами Америки, была благом, практически актом гуманности по отношению к японцам... Это

что-то в духе заявлений святой инквизиции, что страшные пытки приводят душу к благу и спасению... Современное лицемерие наследует худшие черты лицемерия былых эпох. Вот почему так важно всякий раз пристально смотреть, действительно ли является гуманным то, что на данный момент таковым объявляется? Мы уже отметили выше, что даже не всякий гуманизм на самом деле гуманен, поэтому без рефлексии о том, «что

есть и что не есть подлинная доброта», никак не обойтись.

Завершая мое небольшое размышление, хочу отметить, что я затронула здесь лишь небольшую часть сюжетов, связанных с гуманностью и добротой, да и те, что кратко освещены на страницах этой статьи, требуют более подробного анализа, развернутых комментариев, многочисленных примеров и дискуссии.

Список литературы

1. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры Москва: Республика, 1995. С. 15–92.
2. Григорян Т. В. Проблема формирования феномена гуманности в контексте форм отношений // Наука и современность. 2014. № 31. С. 171–175.
3. Козлов Н. И. Современный гуманизм. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/sovremennyyu-gumanizm>
4. Льюис К. С. Любовь // Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты. Москва: Республика, 1992. 432 с.
5. Лэнг Р. Расколотое “я”. Москва: Академия, Санкт-Петербург: Белый кролик. 1995. 352 с.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 517–642.
7. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. Москва: Смысл, 1999. 425 с.
8. Ойзерман Т. И. Категорический императив и абсолютность запрета на ложь в этике Канта // Логос. 2008. № 5 (68). С. 172–178.
9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Москва: Издательство политической литературы, 1989. С. 319–344.
10. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость (Онтологический анализ и применение к этике). Москва-Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 128 с.
11. Фейербах Л. Стремление к счастью. Москва: АСТ, 2020. 320 с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва: Прогресс 1990. 368 с.
13. Фрейд З. Недовольство культурой. Москва: Фолио, 2013. 222 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Москва: Республика, 1994. 447 с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с.
16. Швачкина Л. А. Гуманность в контексте культурных традиций Востока и Запада: автореферат дисс. ... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 60 с.
17. Швачкина Л. А. Об универсальном в культуре: гуманность // Вестник МГОУ. Серия “Философские науки”. 2011. № 1. С. 52–57.
18. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. Москва: Прометей, 1993. 512 с.

*

Поступила в редакцию 23.03.2026

КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕЕ – БОГ ИЛИ КУЛЬТУРА (ПРОЧТЕНИЕ ГЕГЕЛЯ И. ИЛЬИНЫМ И Э. ИЛЬЕНКОВЫМ)

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-21-28>

Р. Р. Вахитов

Уфимский университет науки и технологии,
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация,
e-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению трактовок философии Гегеля у советского философа-марксиста Э. В. Ильенкова и русского философа-идеалиста И. А. Ильина. В статье показано, что Ильенков (как и Ленин) читал Ильина и даже советовал студентам изучать его книгу о Гегеле. Автор выясняет, как Ильенков противопоставляет прочтение Гегеля Ильиным неопозитивистской трактовке, при которой исследование мышления и логики сводится к языку, в то время как в марксизме анализ мышления не отделим от выяснения деятельных оснований мира культуры. Несмотря на интуитивистскую трактовку Ильиным гегелевской методологии, за что его критикует Ильенков, их сближает владение гегелевской диалектикой в ее сердцевине, выраженной категорией конкретно-всеобщего. Речь идет о движении от абстрактного к конкретному, от рассудочных абстракций к диалектическому синтезу, воссоздающему единство во многообразии, именуемое Гегелем, среди прочего, «тотальностью». У русского идеалиста Ильина эта тотальность есть Бог, который в основе всего, а потому культура должна быть религиозно фундирована. У советского философа Ильенкова такой тотальностью является сама культура, созидаемая практикой, трудом коллективного человека. Важнейший пункт, в котором они едины при всех теоретических и политических расхождениях, это признание объективной сути гегелевского метода как истинного способа воссоздания идеального, будь то Бог или мир культуры.

Ключевые слова: Э. В. Ильенков, И. А. Ильин, Г.-В.-Ф. Гегель, Бог, конкретно-всеобщее, диалектическая логика, культура, практика, идеализм, неопозитивизм.

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Конкретно-всеобщее – Бог или культура (прочтение Гегеля И. Ильиным и Э. Ильенковым) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 21–28. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-21-28>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологии

ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology

© Вахитов Р. Р., 2026

THE CONCRETE-UNIVERSAL – GOD OR CULTURE (I. ILYIN AND E. ILYENKOV'S READING OF HEGEL)

Rustem R. Vakhitov

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Bashkortostan, Russian Federation,
e-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Abstract. This article compares the interpretations of Hegel's philosophy by the Soviet Marxist philosopher E. V. Ilyenkov and the Russian idealist philosopher I. A. Ilyin. The article demonstrates that Ilyenkov (like Lenin) read Ilyin and even recommended his book on Hegel to his students. The author explores how Ilyenkov contrasts Ilyin's reading of Hegel with his neopositivist interpretation, which reduces the study of thought and logic to language, while in Marxism, the analysis of thought is inseparable from elucidating the active foundations of the cultural world. Despite Ilyenkov's intuitionist interpretation of Hegel's methodology, for which he is criticized, they are united by their mastery of the Hegelian dialectic at its core, expressed through the category of the concrete-universal. We are talking about a movement from the abstract to the concrete, from rational abstractions to dialectical synthesis, recreating unity in diversity, which Hegel, among other things, called "totality." For the Russian idealist Ilyin, this totality is God, who is the basis of everything, and therefore culture must be religiously founded. For the Soviet philosopher Ilyenkov, this totality is culture itself, created by practice, the labor of the collective human being. The most important point on which they agree, despite all their theoretical and political differences, is the recognition of the objective essence of Hegel's method as the true means of recreating the ideal, be it God or the world of culture.

Keywords: E. V. Ilyenkov, I. A. Ilyin, G.-W.-F. Hegel, God, concrete-universal, dialectical logic, culture, practice, idealism, neopositivism.

For citation: Vakhitov R. R. The Concrete-Universal – God or Culture (I. Ilyin and E. Ilyenkov's Reading of Hegel). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 21–28. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-21-28>

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 24-18-00130.

Введение

Иван Александрович Ильин и Эвальд Васильевич Ильенков, казалось бы, фигуры, противоположные во всем. Первый – эмигрант, высланный Лениным из России на «философском пароходе», убежденный антикоммунист и антисоветчик, идеолог зарубежных белогвардейских организаций, симпатизант европейских правых¹, живший до 1938 года в гитлеровской Германии, наконец, философ-идеалист и человек подчеркнуто религиоз-

ный. Второй – коммунист, советский патриот, прошедший всю Великую отечественную войну и участвовавший во взятии Берлина, убежденный марксист.

И. А. Ильин ничего не знал об Э. В. Ильенкове, так как умер в 1954 году в Швейцарии, в то время как Ильенков только за год до этого окончил аспирантуру философского факультета МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и как раз в 1954 году приступил к преподаванию. При этом Ильенков про Ильина не только знал, но, что любо-

¹ Сегодня мы слышим много спекулятивных рассуждений о его «поддержке нацистов», что фактически неверно. Его отношение к немецкому национал-социализму было сложным, во многом критическим (особенно после июня 1941 года, когда он предсказал поражение Германии в войне), хотя, конечно, и антифашистом его назвать было бы трудно. Разбор стереотипов о политической позиции Ильина см. в работах А. И. Вакулинской на сайте «PRO Ильин» (<https://pro-ilyin.ru/>).

пытно, при всех их политических расхождениях относился к нему как к философу не без уважения.

Осенью 1970 года студент философского факультета МГУ по фамилии Шулевский попросил Э. В. Ильенкова составить список произведений философов-классиков, которые он рекомендует к обязательному чтению [9, с. 66]. В этом списке Ильенков указал Платона, Аристотеля, Спинозу, Локка. Примечательно, что против фамилий Канта, Фихте и Гегеля в списке были пометки с рекомендацией прочитать все их работы. Особенно категорической была пометка по поводу работ Гегеля: «Перелопатить, изучить все написанное, сказанное Гегелем». Ожидаемо в списке присутствовали Фейербах, Маркс и Ленин. Правда, из работ Маркса были упомянуты лишь «Экономически-философские рукописи 1844 г.», «Экономические рукописи 1857–58 гг.» (Грюндриссе) и «Капитал». Работы Энгельса в этом списке отсутствовали, хотя советское философское образование строилось не столько на Марксе, сколько на Энгельсе. И уж совсем удивительно, что замыкал этот список Иван Александрович Ильин с его книгой «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

Очевидно, Ильенков читал эту книгу Ильина и нашел в ней нечто важное для себя. Такую догадку подтверждают исследователи: В. Т. Кудрявцев сообщает, что книга Ильина о Гегеле стояла у Ильенкова дома на полке, он ее часто снимал, читал и «усматривал в ней одну из наиболее продуктивных и содержательных попыток понимания гегелевской Логики в XX столетии» [7]. А. Д. Майданский сообщает, что книга Ильина о Гегеле была бережно переплетена самим Эвальдом Васильевичем, который самостоятельно реставрировал старые книги, и также отмечает, что в упомянутом списке Ильенкова указаны всего два русских философа – Ленин и Ильин [8, с. 181–182]. Этот факт до сих пор удивляет многих «правверных марксистов», которые «диалектику учили не по Гегелю». Вероятно, не меньше их удивил бы и другой факт:

именно эту книгу Ильина внимательно читал и высоко оценил человек, которого Ильенков считал своим учителем, постоянно цитировал, соглашался с ним и даже посвятил ему свою последнюю книгу. Естественно, имеется в виду В. И. Ленин.

В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях писал, что Ленин, который в конце жизни часто штудировал философскую литературу и во время последнего посещения Кремля в 1922 году взял с собой в Горки «Науку логики» Гегеля, с удовольствием «изучил с карандашом» труд Ильина о Гегеле и сказал: писатель – не наш, но книжка талантливая [3]. Более того, Владимир Ильич принял участие в судьбе Ивана Ильина, когда тот был арестован ВЧК по обвинению в членстве в контрреволюционной организации. По просьбе профессора Московского университета Алексея Ивановича Яковлева – сына чувашского просветителя и друга семьи Ульяновых Ивана Яковлевича Яковлева – Владимир Ильич ознакомился с этим делом (даже звонил Ф. Э. Дзержинскому), не нашел вины Ильина и добился его освобождения.

Философ Ильин об этом знал и даже обещал упомянуть этот факт в своих воспоминаниях, но не сделал этого. Не будем забывать о том, что Ильин был арестован вторично, сам откровенно признал свою враждебность Советской власти, был внесен в списки рекомендованных к высылке из Советской России и выслан. Эти списки подписывал Ленин и, конечно, не мог не заметить знакомую фамилию. Ленин не вычеркнул ее из списка, потому что убедился, что это не просто «талантливый писатель», а непримиримый противник Советской власти. Тем не менее, обратное своей оценки его творчества Ленин не взял.

Что же привлекало и Ленина, и Ильенкова в философии Ильина? Что такое близкое себе, а значит и марксизму, они в ней нашли, а с чем согласиться не могли? И как это связано с теорией культуры? Ответ на этот вопрос мы находим в статье Э. В. Ильенкова «Гегель и проблема предмета логики» [4].

Критика Гегеля и Ильина Э. В. Ильенковым

Эвальд Ильенков в указанной работе сравнивает Гегеля с Наполеоном, в котором сам Гегель, напомним, видел воплощение «мирового духа». Наполеон Бонапарт создал огромную империю, возглавив армию, которой двигал дух революции и ненависти к «старому порядку». Однако он потерпел поражение от сил «старого порядка». И то же произошло с Гегелем, о котором Ильенков пишет: «Сумев сосредоточить в своей личности всю мощь революционной энергии, накопившейся под тяжким гнетом закостенелых форм мышления, <...> буквально разгромил армии сторонников прежней, чисто формальной концепции мышления, <...> был вынужден сдать все завоеванные им территории, потерпев поражение в схватке с силами тех самых предрассудков, от власти которых он не смог освободить мир именно потому, что не одолел их в самом себе» [4, с. 99]. Диалектика, как и революция, не терпит предательства – констатирует советский философ.

Э. Ильенков остроумно сравнивает «Венский кружок», выступивший с неопозитивистской антидиалектической программой, с Венским конгрессом, перечеркнувшим завоевания Французской революции и вновь утвердившим власть Бурбонов во Франции. Подобно тому, как Венский конгресс отверг претензии Наполеона на вхождение в семью коронованных владык Европы, «Венский кружок» отверг претензии Гегеля на правильное понимание логики – утверждает Ильенков. Основанием для этого послужило убеждение неопозитивистов-«венцев», что Гегель неправомерно широко понимал мышление. И действительно, напоминает Ильенков, согласно Гегелю, вообще-то Логика (и Гегель и Ильенков всегда писали это слово с большой буквы) это ... учение о Боге. Логика, сказано в «Науке Логики», есть «изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа» [2, с. 34]. Однако Ильенков считает, что

гегелевский «Бог» не имел отношения к Богу авраамических религий, он просто «псевдоним» реальной власти «коллективных (общественных) сил (или деятельных способностей) человека, понимаемого не как изолированный индивид, а как индивид в сплетении социальных связей его с другими такими же индивидами...» [4, с. 101]. И далее он добавляет: «Если “мышление” понимать как мышление этого, а не мифически-изолированного Человека, то в гегелевских положениях насчет предмета логики прочитывается гораздо более глубокая истина, нежели та поверхностная “истина”, с точки зрения которой гегелевская логика представляется лишь перепевом религиозных доктрин» [4, с. 101].

Думаем, Гегель, конечно, не согласился бы с тем, что его «Бог» – всего лишь «общественный человек». Но он, безусловно, отверг бы неопозитивистское сужение мышления до «внутренней речи» индивида, взятого отдельно от других людей. Гегель, как верно признает Ильенков, резко критиковал понимание мышления лишь как психической способности человека, такой же как память, воля и так далее. Неопозитивизм, как уже говорилось, редуцирует мышление лишь к «словесной форме его обнаружения» [4, с. 104]. На этом и настаивают неопозитивисты, рассуждающие о понятии как о термине, суждении как высказывании. Таким образом, вместо мышления они начинают исследовать язык, который на деле лишь одна из форм выражения мышления. Но есть ведь и другие формы. Мышление обнаруживает себя не только в языке, но и «реальных делах своих, в формировании вещей внешнего мира» [4, с. 106]. И делам человека мы верим больше, чем словам.

Тут в разговоре о предмете логики у Ильенкова и появляется тема культуры: «Мышление обнаруживает себя – свою силу, свою деятельную энергию и свою природу в ее всеобщих закономерностях и схемах, – пишет он, – не только в говорении или в сочинении трактатов, но и в создании всего грандиозного мира культуры, всего предметно-

противостоящего человеческому индивиду «неорганического тела человека» <...>» [4, с. 107–108]. Мышление в данном случае неотделимо от коллективной предметно-преобразующей деятельности человека, которая невозможна без осмысленности и целеполагания. Это и есть практика, про которую говорят марксисты как о воплощении человеческих идей в предметах культуры, позволяющем им существовать «вне сознания, вне психики индивида».

Речь, таким образом, идет об «объективных представлениях» человечества, а не о капризах индивидуальной психики. Машина – опредмеченная мысль инженера, и если эта мысль не истинная, не соответствующая объективной реальности, машина попросту не будет работать. Здесь скрыта тайна объективности идеального, как это понимал Ильенков в противоположность своим оппонентам – вульгарным материалистам и неопозитивистам.

Что касается признания идеального как «объективных представлений» в мире культуры, отмечает Ильенков, с Гегелем может согласиться и марксист. Гегелевский идеализм проявляет себя не в этом, а в том, что Гегель считает «логику дела», то есть практику, вторичной, лишь «фазой теоретического процесса», а первичной он признает «логику слова», сам «теоретический процесс». В этом, по Ильенкову, и состоит гегелевская уступка схоластически понятому Аристотелю, формальной логике, в конечном итоге – сокрушившему его впоследствии неопозитивизму. Это – Ватерлоо Гегеля, за которым последовал Венский конгресс в виде манифеста «Венского кружка».

Таковы аргументы Ильенкова против неопозитивизма, у которого в XX веке явным антиподом был экзистенциализм, а шире сюда можно отнести весь иррационализм, интерпретацию которым гегелевской философии Ильенков также считал ошибочной. У Ильенкова эта интерпретация представлена «правыми гегельянцами», из числа которых он выделяет Джованни Джентилле и Ивана

Ильина. Их советский философ упрекает в том, что они иррационалистически толкуют «логику дела», что они подменяют ее «логикой дел», «страстей и увлечений человека», «абстрактной схемой “субъективной активности” рода человеческого», что они видят в Гегеле философа, дающего «мниморациональный вид схемам вполне иррациональной деятельности» [4, с. 111]. Такое толкование, говорит Ильенков, зачеркивает «рациональное зерно» гегелевской логики – ее объективность. Но так ли это в отношении Ивана Ильина?

Трактовка Гегеля у И. А. Ильина

Действительно, Иван Ильин дает повод для такого рода упреков. Его трактовка Гегеля была очень необычной, не похожей на образ философа, возводящего в абсолют Ум и рациональное познание. Специалист по творчеству Ильина А. И. Вакулинская вообще отрицает принадлежность русского философа к «школе Гегеля» и говорит о влиянии на него Э. Гуссерля, Г. Зиммеля, Г. Когена и других [1]. Иван Ильин называл немецкого рационалиста «одним из величайших интуитивистов в философии» [6, с. 17]. По его мнению, в каждом определении у Гегеля «видится вся сложность его интуитивно-мыслящего подхода <...>. И перед этой энергией и глубиной меркнет, отходит на второй план его дедуктивно-диалектическое искусство» [6, с. 18]. Задача философии, считал Ильин, при помощи «творческой, систематически осуществляемой интуиции» проникнуть в сам предмет, стать «адекватным явлением» самого предмета. И такова философия Гегеля: только она способна проникнуть в сущность Божества. Научное знание о сущности Бога и человека, даруемое гегелевской философией, ведет к пересмотру «духовных основ культуры» и способно удовлетворить «духовный голод», порожденный материалистически уклоном современной цивилизации.

Откуда же берется это иррациональное начало, коренящееся в основе всего, и требующее интуитивного подхода? От самой ре-

альности, которая является исходной точкой для разумного познания. Ильин не жалеет черной краски при описании этой реальности как мира чувственно-данных предметов и событий. Он является конкретным в гегелевском понимании этого термина, то есть сложным, множественным, состоящим из сросшихся частей. Ильин подчеркивает, что у Гегеля конкретный мир – это значит «сращенный», сложный [6, с. 23], и то же самое, как мы знаем, постоянно подчеркивал и Ильенков. Но конкретность чувственного мира, доказывает Ильин, «мнимая» [6, с. 26], примитивная. Чувственный мир – это множество, «лишенное единства» [6, с. 26], «царство разъединения и бессвязности», где все «друг другу чуждо», все «мертво» [6, с. 27]. Это сфера «конечного» и «смертного» [6, с. 29]. Этот мир мы можем непосредственно, чувственно созерцать, но не можем философски познать – не из-за бессилия философии, а из-за неразумности, или, правильнее, доразумности такого мира: «конкретно-эмпирическое гибнет перед лицом философии именно потому, что оно всем своим существом инородно, гетерогенно мысли» [6, с. 35]. Ильин называет мир, с которого, по его мнению, начинается путь осмысляющий себя гегельянский разум, «познавательного ущербным пришлецом» [6, с. 35], «миром тупого безмыслия» [6, с. 51]. Он его характеризует как «бесконечно рассеянное, необозримое, <...> постоянно меняющееся и хаотически перепутанное» и заключает: «оно не поддается закончено ясному формированию, <...> не поддается мысли» [6, с. 51]. Мысль требует всеобщности, – повторяет Ильин Гегеля, – а конкретно-эмпирическое состоит из единичных вещей [6, с. 36].

Поэтому между чувственным созерцанием, на которое опираются эмпирические науки, и спекулятивным созерцанием, которое использует философия, должно быть нечто среднее, которое соединит их, будучи причастным и к первому, и ко второму. И это – рассудочное мышление, логика в обычном, аристотелианском смысле, мышление абстрактно-формальное, которое «вносит

мыслимость в низшую сферу эмпирии» [6, с. 42]. Рассудочное мышление прибегает к абстрагированию, при помощи которого оно рассекает конкретно-эмпирическое, изменяет его и подготавливает к тому, чтобы оно стало материалом для спекулятивного мышления: «Для того, чтобы получить нечто, поддающееся мышлению, сознание должно силою <...> удержать одну из различённых сторон, сосредотачивая на ней свое внимание: только при этом условии получится необходимая определённость в мышлении. Другая же часть подвергается «своеобразному забвению» [6, с. 44]. В этом и состоит суть абстрагирования, что переводится с латыни как «отвлечение».

Таким образом, согласно Ивану Ильину, мир абстрактных понятий – это тоже мнимый мир. «Абстракция» <...> как таковая не имеет «существования», она «реальна» <...> только в общей связи своей с тем множеством эмпирических обстоятельств и свойств, от которых она была отвлечена» [6, с. 45]. Рассудочные понятия – логические атомы, которые отличны от физических лишь тем, что несут в себе всеобщее, а в остальном, перед нами – стихия бескрылая, не знающая настоящего единства, настоящего бытия и настоящей истины.

В итоге подлинной реальностью у Ильина оказывается Божество как конкретное в истинном смысле и как органическое единство многообразия. Своеобразие позиции Ильина состоит в том, что указанная истинно-конкретная связь всего – «не есть только познавательный (и практический – вспомним мы здесь Маркса и Ильенкова! – Р. В.) синтез, мысленно-идеальный, человеческим субъективным мышлением строяемый, но подлинный живой синтез самих элементов и самого предмета» [6, с. 53]. Ильин характеризует такое Всеобщее, как «единство, образовавшееся из множества», сущность всякого подлинного процесса» [6, с. 120], субъект и объект, сознание, живую, свободную творческую силу, саморазвивающееся понятие [6, с. 125]. Это Всеобщее входит во всякое единичное, во всякую вещь как их «живая сущность» [6, с. 126]. Это – Бог, «ибо Бог есть

всеобщее» [6, с. 142]. По сути, и существует только Бог как это «конкретно-всеобщее», «единично-множественное». Восхождение к Богу от конкретно-эмпирического через абстрактно-формальное – это путь нашей человеческой мысли, а не реальная, онтологическая лестница. «С эзотерической точки зрения, – пишет Иван Ильин, – никаких особенных самостоятельных ступней нет» [6, с. 146].

Познание Бога – «спекулятивное мышление», которое, согласно ильинской интерпретации, у Гегеля не только мышление (так как под мышлением мы привыкли понимать формально-логическое, рассудочное мышление!), но и своеобразное «образно»-интуитивное постижение, видение смысла-идеи умом (точнее, самораскрытие смысла-идеи через наше умственное видение!). «Мышление и воображение после срачивания своего имеют единый предмет и в этом предмете смысл совпадает с образом» – пишет И. А. Ильин и резюмирует: «<...> философствование Гегеля откроет не только свою рационалистическую сторону, обращенную к понятию, к смыслу <...>, но и свой иррационалистический, созерцательно-фантастический аспект, сближающий его с философами – романтиками всех веков» [6, с. 68].

Итак, по Ильину, Гегель – еще и иррационалист, «романтик». Это то, что не принял и подверг критике Ильенков в ильинской трактовке великого немецкого диалектика.

Заключение

Повторим, Ильенков имел основания упрекать Ильина в иррационализме. Философа абсолютного Разума тот превращает в интуитивиста, гегелевскую природу, которая есть инобытие абсолютной Идеи, он превращает в царство хаоса и безмыслия, сам гегельянский разум, который основывается лишь на самом себе, и все выводит из себя, он превращает в надстройку над «немыслимым».

Насколько адекватны трактовки Гегеля у Ильина и Ильенкова? И кто прав в этом споре? Очевидно, что есть марксисты, которые

не согласятся с трактовкой Гегеля у Ильенкова, и есть религиозные философы, которые не примут понимание Бога у Ильина. Эти вопросы настолько сложны, что однозначно ответить на них – в любом случае поступиться истиной. Но движение по этому пути возможно. И первый шаг, заодно объясняющий место Ильина в списке, написанном Ильенковым для Шулевского, связан с блестящим владением Ильиным гегелевской диалектикой в ее сердцевине, выраженной категорией конкретно-всеобщего. Речь идет о движении от абстрактного к конкретному, от рассудочных абстракций к диалектическому синтезу, воссоздающему единство во многообразии, именуемое Гегелем, среди прочего, «тотальностью». У Ильина эта тотальность есть Бог, у Ильенкова такой тотальностью является Культура, создаваемая трудом коллективного человека и создающая его самого в истории.

В статье «О всеобщем» Ильенков акцентирует отличие идеализма и материализма, а точнее марксизма, в трактовке диалектического метода. Но в характеристике конкретно-всеобщего он рассуждает, прежде всего, как гегельянец, и в этом сходится с Ильиным. Конкретно-всеобщее, согласно Ильенкову, есть закономерная связь особенных индивидов, которая превращает их в моменты реального, а не номинального единства. «*Всеобщее выступает тут*, – отмечает Ильенков, – как закон или принцип связи таких деталей в составе некоторого целого, «тотальности», как предпочитал выражаться вслед за Гегелем К. Маркс. *Здесь требуется не абстракция, а анализ*» [5, с. 62].

Во времена Ильенкова Бог воспринимался в духе Фейербаха как псевдоним Человечества. Понятно, что для Ильина была неприемлема такая абсолютизации человека и его творчества, и он бы упрекнул Ильенкова в человеко- и культурупоклоничестве. Но важнейший пункт, в котором они едины при всех теоретических и политических разногласиях, это признание объективной сути гегелевского метода как способа воссоздания идеального, будь то Бог или мир культуры.

Список литературы

1. Вакулинская А. И. «Гегельянство» Ивана Ильина. Анализ философского метода на примере московского периода творчества // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 139–149.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Том 1. Объективная логика (пер. с нем. Б. Г. Столпнера) Москва: Primedia L-launch LLG 2017. 540 с.
3. Ермичев А. А. И. А. Ильин и В. И. Ленин. Об одном факте двух биографий // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Том 11. Выпуск 1. С. 148–151.
4. Ильенков Э. В. Гегель и проблема предмета логики. (Об одном старинном и живучем предрассудке) / Диалектическая логика: Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация» 2023. С. 99–122.
5. Ильенков Э. В. О всеобщем / Диалектическая логика: Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация» 2023. С. 55–82.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том 1. Учение о Боге. Собрание сочинений: В 10 томах. Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Москва: Русская книга, 2002. 448 с.
7. Кудрявцев В. Т. Иван Ильин. Потерянная тайна. Предисловие к публикации. URL: <https://tovievich.ru/book/korni/5820-ivan-ilin-poteryannaya-tayna.html>
8. Майданский А. Д. Размышления над книгой С. Н. Мареева «Э. В. Ильенков: жить философией» (Москва: Академический проект, Трикста, 2015) // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 1 (21) С. 181–182.
9. Толстых В. И. Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. (Книга-диалог). Москва: Институт философии РАН 1997. 239 с.

*

Поступила в редакцию 01.04.2026

А ВТОР КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЛИЦО: КОНФИГУРАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 130.2; УДК 808.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-29-37>

Н. С. Егоров

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация,
e-mail: jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальности автора как фундаментальной характеристике его бытия в культуре. Автор рассматривается не только как творец эстетических ценностей, но и как социальное лицо, носитель авторского этоса, субъект публичного присутствия и объект общественных ожиданий. Социальность автора постигается в широкой культурно-исторической ретроспективе. Особое внимание уделяется диалектическому единству личного и внеличного в авторской фигуре. С одной стороны, автор предстает как уникальное «я», чье творчество детерминировано внутренними императивами. С другой, – он неизменно включен в систему социальных отношений и институциональных ограничений, определяющих горизонты авторского высказывания. Напряжение между творческой свободой и социальными условиями, между уникальностью личного опыта и его способностью быть обращенным к Другим составляет диалектическое ядро фигуры автора. Кроме диалектической организации были проанализированы механизмы легитимации автора в социокультурной действительности, а также – конфигурации социального присутствия в культурно-исторической ретроспективе. Делается вывод о культурно-исторической изменчивости авторской социальности вплоть до растворения индивидуального начала в коллективной идентичности, социальном целом (Средние века). И тем не менее социальность автора не способна упразднить экзистенциальное измерение, необходимый коррелят социального. Автор всегда существует на границе личного и общественного, сама эта пограничность составляет исходную матрицу авторского бытия.

Ключевые слова: автор, социальность, социальность автора, авторское «я», авторский голос, авторская ответственность, авторский этос, идентичность автора.

Для цитирования: Егоров Н. С. Автор как социальное лицо: конфигурации социального присутствия в культурно-исторической ретроспективе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 29–37. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-29-37>

ЕГОРОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
EGOROV NIKITA SERGEEVICH – CSc in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University

© Егоров Н. С., 2026

THE AUTHOR AS A SOCIAL ENTITY: CONFIGURATIONS OF SOCIAL PRESENCE IN A CULTURAL AND HISTORICAL RETROSPECTIVE

Nikita S. Egorov

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation,
e-mail: jivaturik@yandex.ru

Abstract. This article examines the sociality of the author as a fundamental characteristic of their cultural existence. The author is considered not only as a creator of aesthetic values but also as a social figure, a bearer of the author's ethos, a subject of public presence, and an object of social expectations. The author's sociality is understood within a broad cultural and historical perspective. Particular attention is paid to the dialectical unity of the personal and the impersonal in the author's figure. On the one hand, the author appears as a unique "I," whose creativity is determined by internal imperatives. On the other, they are invariably embedded in a system of social relations and institutional constraints that define the horizons of the author's utterance. The tension between creative freedom and social conditions, between the uniqueness of personal experience and its ability to be addressed to others, constitutes the dialectical core of the author's figure. In addition to dialectical organization, the mechanisms of author legitimation in sociocultural reality were analyzed, as well as the configurations of social presence in cultural and historical retrospect. A conclusion is drawn about the cultural and historical variability of the author's sociality, right down to the dissolution of the individual element in a collective identity, a social whole (Middle Ages). Nevertheless, the author's sociality cannot eliminate the existential dimension, a necessary correlate of the social. The author always exists on the border between the personal and the social – this very borderline constitutes the initial matrix of the author's existence.

Keywords: author, sociality, authorial sociality, authorial self, authorial voice, authorial responsibility, authorial ethos, authorial identity.

For citation: Egorov N. S. The Author as a Social Entity: Configurations of Social Presence in a Cultural and Historical Retrospective. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 29–37. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-29-37>

Полисемия общегуманитарного понятия «автор» неизменно требует от исследователя предварительных уточнений (даже у латинского «аустор» выявлено не менее десяти значений, среди которых «основатель», «писатель», «вдохновитель», «знарок» и т. д. [8, с. 114]). Более того, отдельного пояснения требуют контекстуальные факторы. Возьмем для примера одну из возможных интерпретаций понятия вкупе с контекстуальной обусловленностью, имплицитно обозначенной в одной из энциклопедических статей: «Его считают наиболее вероятным автором анонимного сочинения...» [7, с. 261]. «Автор» здесь выступает субъектом творческого процесса. Если же мы помещаем автора в социокультурный контекст, подобная фраза становится противоречивой: произведение может быть или авторским, или анонимным. «Автор анонимного произведения» – оксюморон.

Подобные контекстуальные коллизии интенсифицируют споры о жизни и смерти автора. Какой автор умер? Какой жив? Манифестируемая Р. Бартом смерть произошла в текстуальном пространстве – была констатирована утрата единого источника смыслообразования [4]. Но даже у Р. Барта мы не встречаем отрицания всей семантической полноты авторства. Иными словами, даже в самой радикальной постструктуралистской критике сохраняется пространство для концептуализации автора и авторства. Так, в работе 1963 года «Две критики» Р. Барт писал: «Связь между автором и его произведением, конечно, существует (кто станет это отрицать? Произведение ведь не падает с неба; одна лишь позитивистская критика до сих пор еще верит в Музу), но это не мозаичное соотношение, возникающее как сумма

частных, рассыпанных там и сям «глубинных» сходств, а, напротив, отношение между автором как целым и произведением как целым» [3, с. 266].

Среди наиболее актуальных контекстов осмысления фигуры автора выделяется контекст биографический. Именно он позволяет увидеть в авторе смысловой узел личного и внеличного. Книги серии «ЖЗЛ», как и иные биографические произведения, пользуются в настоящее время особой популярностью у читателей. Об этом свидетельствует регулярное премирование биографических сочинений (о Л. Н. Толстом, Л. Н. Гумилеве, В. П. Катаеве, В. В. Розанове и других) в рамках «Большой книги». Фигура писателя стала инструментом постижения культуры и истории через уникальную биографическую навигацию и персональную карту смыслов: читатель получает проводника, актуализирующего эпоху, открывающего к ней эмоциональный доступ.

Автор-человек, биографически данный автор, антропологически данный автор – это не синтез авторской функции с человеческим содержанием, а единая и непреходящая фигура европейской культуры. Имя автора-человека – не только часть структуры классификации текстов, но и мнемонический якорь, оператор культуры, упорядочивающий смыслы, тексты и контексты.

Авторство как социокультурное явление имеет значительные пересечения с семантикой «творчества», но добавляет к ней реалистические и эмпирические акценты [5 с. 84]. Безусловно, понятия «автор» и «творец» могут быть использованы синонимично – семантическое богатство «автора», как было показано выше, дает ключ ко многим дискурсивным полям. И тем не менее, говоря об «авторе», мы реже имеем в виду суверенную и единоличную субъективность творца (творчества) и гораздо чаще – диалог, взаимодействие: автор и издатель, автор и читатель, автор и время. И наконец, автор и правовая реальность, автор как субъект правовых интеракций в рамках авторского права. В этом

состоит основное диалектическое напряжение фигуры автора. Если «творец» замкнут на творчестве, то «автор» открыт для внеличной событийности.

Социальное лицо автора – это не временная маска, а один из аспектов авторского бытия. Произведение становится фактом социальной реальности постольку, поскольку оно ориентировано на Других, откликается в Других и признается Другими. Признается и сам автор-человек, что гарантирует ему публичный социально-творческий статус. Именно авторская социальность порождает важнейшие установки и явления, обрамляющие авторские фигуру в истории и современности – авторская слава, авторская ответственность [10], авторское одиночество, авторский жест, самопрезентационные стратегии и так далее.

Обратимся к культурно-исторической ретроспективе, чтобы проследить динамику авторской социальности через ее условия, метаморфозы и смены режимов публичности.

В какую эпоху конституируется социальное лицо автора? Ответ на этот вопрос требует обращения к проблеме рождения авторского начала, уже рассмотренной нами в свете концепта осознанного авторства [11]. Едва ли можно говорить об авторской социальности без индивидуальной творческой рефлексии. Стадия дорефлективного традиционализма, характеризовавшая, по мнению, С. С. Аверинцева, древние словесные культуры за пределами античного мира [2], не дает нам почвы для анализа феномена авторства в институциональной полноте. Тем не менее мы можем говорить об особой обращенности библейского (ветхозаветного) слова, имеющего в виду еврейский народ как коллективный субъект. Можно говорить об участии автора в нациестроительстве уже в ветхозаветные времена (создание нарративов об общей судьбе, общем Законе). Хотя здесь же можно заметить, что учреждение религиозно-этнической общины (народ Божий) не является прямым или косвенным проявлением авторской воли. Напротив, автор выступает проводником Божественного установления. Автор здесь

не самостоятельный актер социального преобразования, а исполнитель посреднической функции, медиатор, агент традиции.

Говоря об иных древних культурах, мы также вынуждены сохранять осторожность в утверждениях о социальной субъектности автора. Зато мы можем говорить о социальной принадлежности. К примеру, о социальной принадлежности древнеегипетских авторов к единой корпорации писцов [13].

В античной Греции на культурно-историческую сцену выходит целый ряд явлений, оформляющих социальное бытие автора. Именно в Античности авторская фигура начинает проявляется на фоне социума: появляется тип непонятого гения, «гения среди толпы», обозначающий как авторский вызов, так и вечный диалог, вписанный в социальную реальность. Даже аутизация (уход Гераклита) в античной культуре становится выразительным социальным жестом (жестом превосходства и осуждения), порождая новую социальную роль мудреца-одиночки.

Общество становится для автора агонем, полем политической и художественной борьбы, в которой слово обретает вес публичного поступка. Слово Сократа (феномен устного авторства рассмотрен в отдельной публикации [12]) было взвешено на весах социального согласия, обнажив противоречия внутри афинского социального организма.

Слава, как главная и универсальная ценность всей эллинской культуры [9, с. 282], стала основной целью авторского творчества. Заметим, слава, особое общественное признание, не давалась свыше, а завоевывалась в рамках горизонтальных коммуникаций. Здесь мы находим не вертикальную структуру (каковой была структура трансляции Истины через авторитетное лицо в иных древних культурах), а сетевую плоскость равных субъектов, производящих славу как продукт коллективного одобрения.

Лично-именной способ кодирования продуктов культуры (укоренившаяся еще в архаическую эпоху практика фиксации авторского имени) является ключевым дости-

жением греков на пути формирования авторского начала в качестве культурной константы. Безусловно, авторские имена встречаются и в других древних культурах, но ни в одной из них имя не становилось открытым репутационным капиталом. Именно у греков имя перестало быть присвоенной авторитетной меткой, указывающей на особое значение текста [1, с. 21], став инструментом самозидания. Вместо штампа неприкосновенности – знак социального присутствия.

Роль личного авторского имени (как и роль самого автора) рифмуется здесь с иными социокультурными и политическими достижениями греков. Как греческий законодатель не получает законы от богов, не диктует или транслирует норму, а убеждает равных, так и автор текста, лишенный авторитетного статуса и божественной санкции, говорит от своего, «человеческого», имени, вступая в горизонтальные конкурентные отношения с иными авторскими голосами.

О конкурентных отношениях следует сказать особо. Агональный дух древнегреческой культуры, нашедший выражение в политической жизни, войне и спорте, безусловно, имел место и в сфере словесного творчества. Можно вспомнить как заочные авторские противостояния (Гесиод – Гомер, Аристофан – Еврипид и так далее), так и регулярные очные состязания драматургов и лириков, ставшие нормой литературного процесса в классической Греции. Всякое лидерство в древнегреческом социокультурном пространстве проходило проверку, и каждый акт признания был актом длящегося агона.

Отметим, что между политикой, законодательством, риторикой и поэтикой в классической Греции нет непроницаемой границы (само понятие авторства с полным правом может быть применено к автору законодательной инициативы). Основные модусы эллинского социального бытия организованы вокруг признания и непризнания (осуждения) перед лицом равных.

Таким образом, авторство обнаруживает структурную параллель с социальным поряд-

ком: принципы организации полисной жизни – состязательность, публичность, гражданственность, горизонтальная легитимация – воспроизводятся во всем строе авторского существования.

Римская культура, унаследовавшая от Греции жанровую систему, мифологию, интеллектуальный инструментарий и даже греческий язык (как язык интеллектуального творчества), унаследовала и архитектуру авторского присутствия в социокультурной реальности. Социальность римского автора, как и социальность автора греческого, не вызывает сомнений. Сохранился и был развит лично-именной способ кодирования достижений культуры, нашедший выражение в практике цитирования (не последнюю роль здесь сыграл римский юридический комплекс [18]). Еще одно существенное сходство состоит в том, что римский автор, как и греческий, был ориентирован на прижизненную славу. Приведем слова Цицерона: «Почет питает искусства, слава воспламеняет всякого к занятию ими» [20, с. 385].

Отличие конфигурации авторского присутствия мы находим там, где горизонталь равных сменяется вертикалью патроната и имперской иерархии. Но и это отличие не может быть признано радикальным, ведь стать автором в Риме можно было без рода, без патроната и даже без гражданства – вспомним пример устного авторства вольноотпущенника Эпиктета, одного из виднейших представителей римского стоицизма.

Средневековая логика авторского социального присутствия, как и средневековый режим словесности, являют крайнюю оппозицию античной модели. Сильное авторское начало было отменено новой культурной и социальной парадигмой. Термины «сильное авторское начало», «слабое авторское начало» не были концептуализированы в академической литературе об авторе и тем не менее их использование (к примеру, у Д. С. Лихачева [14, с. 9]) демонстрирует эвристическую емкость. Они остаются достаточно открытыми, чтобы вмещать культурно-исторические ва-

риации, но при этом удерживают проблемное поле. Слабое авторское начало Средних веков – это в том числе иная авторская социальность, социальность, довлеющая над индивидуальными творческими амбициями. Если в Античности социальность определяла авторские притязания (новаторство, победа в агоне, прижизненная и вневременная слава), то в Средние века она же стала сетью обязательств, препятствующих индивидуальному авторскому жесту. Античный текст был посланием одного ко многим, средневековый же текст, как правило, был трудом многих (общим делом), соборностью голосов. Однажды созданный текст становился пространством для неузнанной творческой инициативы со стороны переписчиков и комментаторов. Этот режим причастности к тексту устраняет автора как лицо, презентующее творение обществу на правах владельца. Более того, текст, как правило, вообще не требует открытого презентирования в условиях циркуляции в замкнутой группе (монастырь, университет).

Комментатор осмысляет, компилятор организует – все участники творческого процесса средневекового текстуального производства могли бы претендовать на признание своей сотворческой роли в иных социокультурных реалиях, однако эстос коллективного труда, обусловленный монашескими этическими константами, сделал авторизацию в античном смысле практически невозможной. Текст принадлежал традиции (вспомним средневековую псевдоэпиграфическую практику – подпись чужим авторитетным именем), Церкви, Богу и только в редких случаях (к примеру, в случае автобиографического наследия П. Абеляра) мы находим частное, индивидуальное послание, выделяющее авторское «я» из социальной, социально-творческой среды.

Не будет преувеличением сказать, что сама социальность ренессансного поэта и мыслителя – важнейший маркер различения Средневековья и Возрождения в индивидуально-творческом измерении.

К примеру, по социальности, явленной в творческом наследии Данте, мы определяем его как ренессансного автора. Данте – не переписчик, не служитель, не выразитель традиции (традиционного взгляда). Он – центр уникальной творческой реальности, взирающий на социум, оценивающий его со стороны четко обозначенной авторской самости.

Историки ренессансной авторской социальности следует искать в изменившихся условиях интеллектуальной жизни. Монастыри и университеты, составляющие основу средневековой интеллектуальной инфраструктуры, утратили исключительное положение в процессах текстуального производства. Развитие книгопечатания, меценатство, формирование светской публики и рост городских центров – все эти явления, детерминирующие новый интеллектуальный пейзаж Ренессанса, оказали влияние на оформление новой авторской социальности. С помощью печатной книги автор приобрел новые возможности обращения к неизвестному читателю – публике, не связанной с автором корпоративными узами. Кроме того, печатная книга определила новые условия функционирования авторского имени, получившего значение актуального символического капитала. Вместе с этим изменилась экономика авторства: и книгоиздатели, и меценаты (Медичи, Сфорца, Эсте), определяя новые формы зависимости, освободили автора от прежних, институционально-корпоративных. Формирование светской читающей публики (купец, чиновник, городской обыватель) определило наличие общественного мнения как фактора авторской деятельности. Общественная репутация и слава впервые с античных времен вошли в фактологию социально-творческой активности.

Рост городских центров породил новую горизонталь общения – свободную коммуникацию интеллектуалов нового типа (наиболее известный пример такой коммуникации является сообщество, сложившееся во Флорентийской Платоновской академии). Свободное общение ренессансных интеллектуалов соответствует более свободному в сравнении

со Средними веками перемещению между городскими центрами.

Только в ренессансном городе, по мнению А. Ф. Лосева, «образовалась социально-историческая почва для крупного, сильного и независимого человека, который не будучи связан ни с чем другим, утверждал себя стихийно, а будучи единственным и окончательным создателем своего собственного продукта, утверждал себя еще и артистически. <...> Именно в городах с их свободными и независимыми мастерами и мастерскими зародилось представление о некоем абстрактном и идеальном человеке, ни от чего не зависимом и всегда свободомыслящем» [15, с. 625]. Свобода мысли, свобода чувственного восприятия, свобода самопрезентации – все эти свободы во многом являются плодом полифонии городской жизни.

Говоря о степени ренессансной свободы, стоит упомянуть и ролевую пластичность. Л. М. Баткин констатировал, что итальянский гуманист стремился «проявить себя в широком наборе социальных ролей и преуспеть в них настолько, насколько позволяют собственная одаренность, энергия и случай» [6, с. 28]. Множественность ролей и статусов автора доказывает, что социальность перестала быть судьбой, став полем возможностей: профессионал интеллектуального труда, носитель нового авторского этоса, не вписан в общество пассивно – он инсценирует собственную социальность.

При этом не стоит абсолютизировать экономическую и институциональную автономия автора. На протяжении всего Нового времени выдающиеся творцы, интеллектуалы, учителя нации существовали в амбивалентной позиции двойной легитимации – со стороны власти и общества. В эпоху Возрождения Л. да Винчи служит у Сфорца и Франциска I, Рафаэль – у римского папы. В эпоху Просвещения Ж.-Б. Расин и Н. Буало – придворные историографы, Ж.-Б. Мольер – придворный драматург.

Двойная легитимация – не эпизод, а устойчивый механизм социального бы-

тия автора, прослеживаемый от Ренессанса до XX века. С одной стороны, успех у публики (составление общественного мнения, имя на книжном рынке), с другой стороны – валидизация и патронаж официальных институций (от королевского двора до Союза писателей СССР). Безусловно, эти два полиса инвариантны. Однако они ни в коем случае не могут считаться универсальными для каждого отдельного случая индивидуального авторского становления. Тем не менее они представляют собой явные структурные константы, позволяющие наблюдать социокультурную динамику авторства.

Пограничное положение между властью и обществом наделяет автора Нового времени социальной функцией медиатора. Если древний автор-авторитет, будучи посредником между Богом и человеком, транслировал знание «сверху вниз», то новоевропейский автор, как правило, транслирует смыслы «снизу вверх». Автор остается социальным переводчиком, обеспечивающим вертикальную циркуляцию смыслов на протяжении всей эпохи модерна.

Преобразование, осмысление и активное выражение общественных запросов, ожиданий предполагает еще одну легитимацию – внутреннюю, выраженную в глубоком сознании собственной авторской власти и нравственной правоты. Наиболее репрезентативным примером внутренней легитимации является фигура Л. Н. Толстого. Обращение Л. Н. Толстого к императорской особе со словами «любезный брат» [19, с. 184] демонстрирует радикальный отказ от иерархической дистанции. Источником толстовского права здесь выступает харизматический авторский ресурс. В этом жесте кристаллизуется суть внутренней легитимации: автор учреждает свое место в социокультуре, сам определяет дистанции и предъявляет требования от имени истины.

Особый режим авторства и особый порядок легитимации возникает в рамках оголощенной культуры. Литераторы, получившие от И. В. Сталина статус инженеров че-

ловеческих душ, встроились в производственную логику советского проекта. Специфика советского авторства заключается в субординации всех типов легитимации. Легитимация «снизу», сохранив свое значение, приобрела институционализированные формы: народное одобрение перестало быть стихийным процессом, будучи интегрировано в механизмы государственного регулирования литературы. Таким образом, в советских условиях легитимации «сверху» и «снизу» образовывали иерархическую связку. Реальный читательский спрос мог расходиться с официальными оценками; латентные формы народного признания (рукописи, самиздат, устное обсуждение), функционируя на периферии, амортизировали последствия монополии на печатное слово.

Несмотря на кардинальное изменение внешних рамок литературного процесса, представление о социальной миссии автора было унаследовано советской эпохой от XIX столетия, в котором литература утвердила себя в качестве формы общественного служения, а писатель примерил на себя роль «учителя жизни», ответственного за нравственное состояние народа. Продолжая рефлексии «реального» направления, К. М. Симонова в статье «Несколько слов о чувстве ответственности» называет советского литератора пилотом, ответственным «за духовную жизнь людей, которых он взял с собой в рейс». Как для пилота профессиональная задача с ее важностью и риском утверждает его идентичность, так и для автора социальная миссия становится не внешним ограничением, а конституирующим основанием авторского «я» [17, с. 329].

Социальность современного автора в России и за рубежом имеет иные основания. Этнос авторского должествования не утрачен, так как потребность в осмыслении социальной реальности не исчезла, и автор, даже не декларируя социальную миссию явно, оказывается вовлечен в процессы социальной рефлексии уже в силу самого институционального статуса литературы. Однако теперь авторская социальность эксплициру-

ется не столько через традиционные формы художественного или публицистического высказывания, сколько через медийную самопрезентацию и постоянное присутствие в информационном поле. При этом исключительная социокультурная роль авторского высказывания, авторского «суда» над действительностью/эпохой, была утрачена в результате радикальной демократизации публичного высказывания. Блогер, ведущий телепередачи, музыкант, режиссер и даже стендап-комик – представители всех публичных профессий – сегодня говорят и пишут на социальные темы с не меньшей, а иногда и большей аудиторной эффективностью, чем писатель или публицист. И все же, будучи лишь одним из участников публичного диалога, автор остается фигурой, чье высказывание потенциально обладает большей семантической глубиной. С этим связана имплицитно предполагаемая мера авторской ответственности: от автора ожидают, что его высказывание – не спонтанная реакция, а результат внутренней интеллектуальной работы. Этот кредит доверия обеспечен авторитетом литературы, ее способности к смыслопорождению.

Подводя итог рассмотрению социальной роли автора в культурно-исторической ретроспективе, можно утверждать, что авторская фигура никогда не была ограничена эстетическим содержанием. Автор неизменно выступал в качестве социального лица, субъекта публичного присутствия, объекта общественных ожиданий, носителя определенного (созвучного или не созвучного эпохе) авторского этоса. Менялись институциональные рамки, трансформировались механизмы легитимации, смещались акценты во взаимодействии

с властью и обществом, при этом сама укорененность авторства в социальном измерении оставалось константой. От сакрального образа творца в архаических культурах через просветительскую миссию и пророческий пафос до плюралистической, медийно насыщенной социальности XXI века автор сохранил двойственную природу.

Диалектического ядро автора – это перманентное напряжение между двумя полюсами: стремлением к автономному творчеству и неизбежной вовлеченностью в социальные отношения. Когда творческое «я» поглощается социальностью, редуцируется само авторское начало; пример такой социальности мы наблюдаем в средневековых практиках текстурального творчества. Когда же творческое «я» безраздельно доминирует над социальным, авторство утрачивает диалогичность: автор из творца превращается в нарцисса, смотрящегося в текст, как в зеркало.

К. Маркс определил человека как совокупность общественных отношений [15, с. 3]. Мы оставляем за скобками идеологическую нагруженность этой формулы и принимаем ее в качестве исследовательской оптики, позволяющей увидеть один из аспектов человеческого бытия. В этой оптике об авторе можно сказать, что он есть совокупность отношений – с другими авторами, государством, обществом, с каждым отдельным читателем. Но диалектика авторства требует удержания и другой стороны: автор есть также то, что выходит за пределы этих отношений. Автор – это одновременно и продукт социальных связей, и их возможный преобразователь, и точка, в которой социальное встречается с экзистенциальным.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 13–75.
2. *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // *Аверинцев С. С.* Поэтика древнегреческой литературы. Москва: Наука, 1981. С. 3–14.

3. *Барт Р.* Две критики // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1994. С. 262–268.
4. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1994. С. 384–391.
5. *Басина Н. И.* Проблема автора в культуре: дисс. ... доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 325 с.
6. *Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни, стиль мышления. Москва: Наука, 1978. 198 с.
7. *Володарский В. М.* Фома Кемпийский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 2010. С. 261–262.
8. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. Москва: Русский язык, 1976. 1096 с.
9. *Драч Г. В.* История античной философии и культуры: избранные труды: в 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 512 с.
10. *Егоров Н. С.* Авторская деятельность в диалектике внутренней и внешней ответственности // Наука. Искусство. Культура. 2025. № 3 (47). С. 142–150.
11. *Егоров Н. С.* Рождение автора как междисциплинарная проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. № 4. С. 209–217.
12. *Егоров Н. С.* Текст и/или автор? К поискам выхода из «черно-белого лабиринта» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. № 2. С. 56–60.
13. *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. Санкт-Петербург: Нева, Летний сад, 2001. 365 с.
14. *Лихачев Д. С.* Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 1: XI–XII века. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С. 7–24.
15. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. Москва: Мысль, 1998. 750 с.
16. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 издание. Т. 3. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 1–4.
17. *Симонов К. М.* Несколько слов о чувстве ответственности // Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 11 (допол.): Очерки и публицистика. Статьи и заметки о литературе и искусстве. Москва: Художественная литература, 1985. С. 328–329.
18. *Синченко Г. Ч.* Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Часть I. Методология исследования. Архаика и античность // Вестник ОмГ У. 2023. № 2. С. 4–13.
19. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 73. Москва; Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 532 с.
20. *Цицерон М.* Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. Москва: Искусство, 1994. 539 с.

*

Поступила в редакцию 23.03.2026

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ДАТА-ЦЕНТРОВ ДО НОМО MATRIX

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-38-48>

И. Ф. Понизовкина

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются возможные сценарии развития ИИ (искусственного интеллекта), влияющего на экологическую устойчивость и изменение роли человека в мире. В центре внимания статьи – новые вызовы, с которыми мы можем столкнуться в недалеком будущем, но пока мало анализируем и учитываем их в погоне за сиюминутными выгодами. В данной статье на большом фактологическом материале представлена комплексная оценка воздействия искусственного интеллекта на окружающую природную и социальную среду. Автор предлагает также пути достижения компромисса между развитием ИИ и экологической устойчивостью, подчеркивая, что в подходах к решению проблем ИИ на сегодняшний день существует пока явный разрыв между краткосрочной утилитарной и долгосрочной прогнозной оценкой этого феномена.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), экология, центр обработки данных, углеродный след, информационная революция, электронные отходы, homo matrix.

Для цитирования: Понизовкина И. Ф. Экологические ловушки искусственного интеллекта: от дата-центров до homo matrix // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 38–48. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-38-48>

ENVIRONMENTAL TRAPS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: FROM DATA CENTERS TO HOMO MATRIX

Irina F. Ponizovkina

Plekhanov Russian University of Economics (PRUE),
Moscow, Russian Federation,
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Abstract. The author explores possible scenarios of the development of artificial intelligence, affecting environmental sustainability and changing the role of man in the world. The focus of the article is on new challenges that we may face in the near future, but so far we have little analysis and consideration of them in the pursuit of short-term benefits. This article, based on a large amount of factual material, provides a comprehensive assessment of the impact of artificial intelligence on the natural and social

ПОНИЗОВКИНА ИРИНА ФЕДОРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

PONIZOVKINA IRINA FEDOROVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics (PRUE)

© Понизовкина И. Ф., 2026

environment. The author also suggests ways to achieve a compromise between AI development and environmental sustainability, emphasizing that in approaches to solving AI problems today there is still a clear gap between the short-term utilitarian and long-term predictive assessment of this phenomenon.

Keywords: artificial intelligence (AI), ecology, data center, carbon footprint, information revolution, electronic waste, homo matrix.

For citation: Ponizovkina I. F. Environmental Traps of Artificial Intelligence: from Data Centers to Homo Matrix. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 38–48. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-38-48>

По выражению нашего президента В. В. Путина, искусственный интеллект (ИИ) начал новую главу в жизни человечества [15]. Какой быть этой главе, радостной и оптимистичной или тревожной и даже ужасающей, зависит от нас. Информационная революция была встречена человечеством в лице ученых-исследователей, экономистов, политиков, творческой интеллигенции и просто обывателей с большими надеждами и даже восторгом от осознания возможностей, а появляющиеся новые гаджеты и искусственный интеллект воспринимались долгое время как эффективные инструменты помощи и даже спасения человечества – для прогнозирования катастроф, оптимизации ресурсов, борьбы с изменением климата, мониторинга, разработки экологически чистых технологий, облегчения человеческого труда и экономии времени. Этому посвящено много статей, статистики, различных информационных поводов [16]. Казалось, что при этих преимуществах виртуальный мир – просто «подарок» исторической Судьбы и ничего не стоит человеческому сообществу. Но со временем стало приходить понимание, что искусственный интеллект превращается в невидимого тихого экологического убийцу.

Восторг от открывающихся возможностей сменился пока смутной тревогой осознания экологических последствий и грозящих бед, масштаб которых всё еще не до конца осмыслен большинством населения и даже специалистами. Когда вы в последний раз задумывались, сколько природе «стоит» ваш диалог с чат-ботом? Каждое обращение к ИИ запускает цепочку затратных собы-

тий: энергия из ископаемого топлива, вода для охлаждения, редкие металлы для чипов, токсичные отходы при утилизации, тонны выделяемого CO₂, гектары отравленной земли и так далее. Мы восхищаемся скоростью нейросетей, но совершенно забываем про их экологические «хищнические» аппетиты. Пора подвергнуть более глубокому, разностороннему и конкретному рассмотрению масштабы жертв, которых требует цифровой прогресс. Эти негативные последствия ИИ для многообразной окружающей среды, которые не столь очевидны неискушенному большинству, неуклонно ведут к её деградации.

Пожалуй, анализ этих последствий стоит начать с «парадоксально» огромного ущерба для природных невозполняемых ресурсов. Так, Центры обработки данных (ЦОД), обеспечивающие работу ИИ, потребляют громадное количество электроэнергии. По данным Международного энергетического агентства, в 2022 году на центры обработки данных уже приходилось от 1% до 1,5% мирового потребления электроэнергии. Надо иметь в виду, что это было еще до бума искусственного интеллекта, который начался с запуска ChatGPT в конце того же – начале следующего года. А искусственный интеллект потребляет гораздо больше энергии в ЦОД, чем обычные облачные приложения. «Насколько я понимал, когда уходил [из Google в 2022 году], доля вычислительной нагрузки, связанной с искусственным интеллектом, в центрах обработки данных Google была относительно небольшой, – сказал в 2024 году Крис Тейлор, нынешний генеральный директор компании Gridstor, занимающейся хранением энер-

гии, и бывший руководитель подразделения энергетической стратегии Google в центрах обработки данных. – Два года назад [ИИ] не был главной проблемой, по крайней мере для нашей энергетической команды». По данным Goldman Sachs¹, для обработки запроса к ChatGPT требуется почти в 10–100 раз больше электроэнергии, чем для поиска в Google, а к 2030 году энергопотребление центров обработки данных вырастет минимум на 160% и достигнет 8% мировой электроэнергии [25]. Обучение только одной крупной языковой модели (вроде GPT-4) может потребовать столько же энергии, сколько 5000 средних американских домовладений за год, – и это только на старте. Тренировка GPT-3 (меньше, чем GPT-4) требует энергии, которой хватило бы на питание среднего города в течение нескольких часов [5].

Другие данные столь же неутешительны. Следует рассмотреть проблему углеродного следа. Это понятие, вошедшее в обиход в 2004 году, означает совокупность разнообразных выбросов парниковых газов, значительно влияющих на климат и состояние окружающей среды. По данным на 2022 год, на центры обработки данных приходилось от 2,5 до 3,7% мировых выбросов парниковых газов, что превышало выбросы коммерческой авиации. Оказалось, что это лишь вершина айсберга. По исследованиям издания «The Guardian», с 2020 по 2022 год реальные выбросы от «внутренних» центров обработки данных Google, Microsoft, Meta и Apple, принадлежащих компаниям, были примерно на 662% (в 7,62 раза) выше указанных в их официальных отчетах из-за особенностей подсчетов [25]. Обучение крупных языковых моделей, в соответствии с исследованием Университета Массачусетса еще в 2019 году, может генерировать выбросы в 284 тонны CO₂, сопоставимые с пятилетним углеродным следом американского домохозяйства или сроком

эксплуатации пяти автомобилей за весь их жизненный цикл. Всего лишь один запрос в ChatGPT может привести к выбросу от 2,5 до 5 граммов CO₂. При этом вопросы, требующие обстоятельных ответов-рассуждений, например, по философии, дают в шесть раз выше выбросов, чем более простые и конкретные темы по истории. Максимилиан Даунер и Gudrun Socher из Мюнхенской высшей школы прикладных наук подвели итоги своим исследованиям: «Влияние на окружающую среду при использовании обученных LLM сильно зависит от их подхода к рассуждениям: явные процессы рассуждения заметно увеличивают энергопотребление и выбросы углекислого газа. Мы обнаружили, что модели с функцией рассуждений производят до 50 раз больше CO₂, чем модели, дающие краткие ответы» [20].

Кроме того, электростанции, снабжающие энергией ЦОД, а также резервные дизельные генераторы выделяют мелкодисперсные частицы и оксиды азота, которые вызывают значительное загрязнение воздуха, влияющее на рост заболевания лёгких, включая астму и рак. К 2030 году выбросы, связанные с ИИ-центрами, будут превышать экологический ущерб от всей сталелитейной промышленности США и будут сравнимы с влиянием автомобильного транспорта в Калифорнии. Исследование Калифорнийского университета в Риверсайде и Калтеха прогнозирует, что к 2030 году ежегодное количество преждевременных смертей в США, связанных с загрязнением от ИИ-центров, может достичь 1 300 случаев, а расходы на здравоохранение только в США увеличатся до 20 миллиардов долларов [23]. Неуклонное увеличение количества цифровых данных ведет к росту объемов хранения и передачи информации, что с необходимостью увеличивает энергозатраты и углеродный след.

Другой волнующей проблемой является значительное потребление воды, которое требуется для работы ИИ и для охлаждения серверов. По оценкам специалистов, центры обработки данных потребляют более милли-

¹ Goldman Sachs – (Goldman Sachs Group, «Голдман Сакс групп») – крупный американский многонациональный инвестиционный банк и компания.

арда литров воды в день, включая воду, используемую для выработки энергии. Только один центр Google использует 15 млрд литров в год. Это создаёт давление на водные ресурсы, особенно в регионах с дефицитом воды, и ведет к быстрому их истощению [19].

К этим невосполнимым потерям стоит прибавить проблему увеличения и накопления количества электронных отходов в результате быстрого развития технологий ИИ – 45 млн тонн ежегодно. Сегодня мы наблюдаем сокращение жизненного цикла аппаратных средств (графических процессоров, интегральных схем и др.), что при неправильной утилизации таких устройств может загрязнять почву, воду и воздух тяжелыми металлами и токсичными веществами, такими как свинец, ртуть и антипирены и тому подобное. А проблема с технологией их утилизации не решена до сих пор.

Всё это разрушающе действует не только на человека, но и на природные экосистемы. Инфраструктура для ИИ (ЦОД, коммуникационные сети) требует значительных земельных участков, что может приводить к фрагментации среды обитания диких животных и угрожать биоразнообразию.

Человечество, увлеченное использованием искусственного интеллекта, не успевает осознавать скрытый ущерб от использования ИИ, учитывать эти риски и создавать новые технологии, внедрение которых минимизировало бы негативное влияние ИИ на экологию. Мы видим на практике выдачу грантов и субсидий российским компаниям-разработчикам ИИ в рамках программ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры), поощрения за использование инструментов ИИ в разных областях жизнедеятельности общества, поддержку инновационного предпринимательства. Об этом много говорят и пишут [4]. В 2025 году Минцифры РФ и Фонд содействия инновациям (ФСИ) объявили конкурсы «Старт-ЦТ» и «Старт-ИИ» в рамках федерального проекта «Отечественные решения» [2]. Взят курс на достижение цели – «снизить зависимость

от иностранных поставщиков и укрепить технологическую независимость страны» [18], сделать российскую систему искусственного интеллекта одной из наиболее развитых и эффективных в мире. Но самой ли безопасной? Ведь пока на данный момент не удалось найти конкретной информации о получении финансирования от Минцифры РФ какого-либо стартапа в рамках государственных программ для поддержки провозглашенного гармоничного развития технологий искусственного интеллекта и сохранения благоприятной экологической обстановки в нашей стране. Возможно, это недостатки рекламной деятельности в этом актуальном вопросе, что тоже не может не тревожить общество.

Какие же возможные пути снижения отрицательного воздействия ИИ на окружающую природную среду может предложить человечество? Рассмотрим основные из них. Проторенный путь – переход на возобновляемую энергетику, обеспечение центров обработки данных чистой электроэнергией. Урс Хельцле, старший вице-президент по технической инфраструктуре Google, например, официально заявил о полном переходе Гугл с 2017 года на возобновляемые источники энергии для своих операций [24]. Однако возникает замкнутый круг в «оздоровлении» экологии – проблема утилизации, о которой мы упоминали выше. Вот по этой причине второй мерой решения проблемы негативного воздействия ИИ является развитие эффективных методов утилизации и повторного использования всё увеличивающихся компонентов цифрового оборудования. В последнее десятилетие появилось понятие *циркулярной экономики* (экономика замкнутого цикла) для электроники – развитие ремонта и восстановления электронных продуктов, а также экодизайн устройств для легкой утилизации.

Следующее направление оздоровления природной среды касается недостатков самих цифровых технологий: оптимизация архитектуры сетей и уменьшение нагрузки на инфраструктуру путем внедрения энергосбере-

гающих алгоритмов, логистики и технологий виртуализации (например, квантование, дистрибуция моделей, консолидация серверов в облаке, edge-вычисления и так далее). ИИ также могут стать инструментом для снижения негативного воздействия на экосистемы и прогнозирования климатических изменений и стихийных бедствий (отслеживание популяций животных, выявление браконьерства, мониторинг лесов и океанов, анализ данных о климате, прогнозирование наводнений, засухи и другие).

Но решение вышеизложенных задач невозможно без еще одного принципиально важного направления – разработки этических норм в регулировании использования ИИ, направленных на снижение негативного воздействия технологий на природу. Как тут не вспомнить слова американского мыслителя XIX века Р. Эмерсона: «Природа – это наука, способствующая пониманию вопросов, относящихся к духовной истине» [22].

Все эти меры, позволяющие сделать процесс развития ИИ устойчивым и безопасным для будущих поколений, в той или иной мере изложены в официальных документах и исследованиях, посвященных вопросам влияния искусственного интеллекта (ИИ) на экологию. Основные типы документов включают отчеты правительственных организаций, международные соглашения, научные публикации, рекомендации отраслевых ассоциаций и тому подобное. Среди них основополагающее место занимают доклады ООН. Самый известный орган ООН, готовящий эти доклады, – «United Nations Environment Programme» (Программа ООН по окружающей среде) или UNEP [27; 12]. В докладах UNEP упоминаются вопросы роли технологий в борьбе с изменением климата и снижением углеродного следа. Однако пока мы не видим системного подхода международного сообщества к решению проблемы ИИ в вопросах экологии. Об этом же свидетельствует и последний доклад ООН [11], в котором звучит предупреждение, что человечество стремительно приближается к «экологической точке невозврата» и необ-

ходима масштабная трансформация от экономики до продовольствия, но нет никакой связи с новыми рисками развития ИИ.

Но национальные и отраслевые ежегодные отчеты (Министерство энергетики США, Федеральное агентство Германии по охране природы, Федеральная служба РФ по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Amazon и так далее), директивы (Директива EcoDesign и Директива об отходах электрического и электронного оборудования (WEEE) в ЕС) о влиянии новейших технологий на природную среду не оставляют надежд, что экологического анализа функционирования ИИ удастся избежать. И чем скорее это будет сделано, тем больше шансов у человечества избежать природной деградации.

Россия также активно включилась в рассмотрение проблем, вызванных развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Были приняты документы, регулирующие сферу ИИ: Федеральная целевая программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (ФЦП) [17], осуществлявшаяся в России правительством М. Мишустина с 2019 по 2024 год, план мероприятий («дорожная карта») по реализации Национальной программы «Цифровая экономика», а также «Стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в октябре 2019 года. Вопросы экологичности ИИ по сути там не поднимаются. С 2025 года реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [9]. Данные проекты предусматривают и решение в определенной мере экологических проблем – повышение энергоэффективности центров обработки данных (ЦОД), развитие зеленых технологий в сфере ИИ, повышение экологической грамотности, законодательное регулирование вопросов ИИ, поддержка инноваций в сфере чистых технологий. Но пока на данный момент не удалось найти список таких поддержанных экологических инноваций в нашей стране.

Вышеизложенное – лишь одна сторона экологической проблемы развития ИИ, связанная с природной окружающей средой. Экология, по нашему убеждению, требует более широкой смысловой трактовки [13]. Концепт экологии включает не только отношение с природной окружающей средой, но и взаимодействие с социально-духовным окружением как важнейшим условием существования и формирования человека. Широкое распространение ИИ затрагивает как природную среду, так и внутренние аспекты человеческого существования, порождая ряд серьезных вопросов и вызывая озабоченность относительно возможной деградации духовного здоровья общества. Рассмотрим некоторые из ключевых проблем духовной экологии, возникающих вследствие активного внедрения ИИ.

Продолжая затронутую тему природных условий существования человека, хочется отметить возможность утраты непосредственной практической и духовной связи с природой из-за чрезмерной зависимости от цифровых технологий. В то время, как экологические глобальные проблемы заставили человечество задуматься в конце XX века о возвращении характерной для первобытного периода генетической эмоциональной, симпатической связи человека с природой, без которой невозможно преодолеть сформировавшееся веками равнодушно-потребительское отношение к ней, сегодня в силу нового «виртуального» образа жизни человека, он всё более отдаляется от неё. Восприятие природы через призму анализируемых формальных данных и алгоритмов, например, наблюдение за экосистемами с помощью спутников и беспилотников, а не через непосредственный опыт; всемерная урбанизация с автоматизированными видами деятельности заменяют живое эмоциональное взаимодействие с природными объектами, сочувственно-осознанное отношение к ним, смещается акцент на технологический прогресс, эффективность и комфорт, а не на гармонию с окружающим миром, откуда че-

ловек раньше черпал энергию. Вместе с этим утрачиваются традиционная природная наблюдательность за окружающим миром, народные приметы, навыки выживания в природе, наслаждение ее естественной красотой, сезонные ритуалы – всё это уходит в прошлое, уступая место сухим цифровым сервисам, прогнозам, виртуальным экскурсиям по заповедникам и конструируемым искусственным интеллектом «красивым открыткам» и онлайн-играм с «природными объектами», часто далеким от живой природы. Человек даже стал заводить себе цифровых питомцев и детей. Реальная природа, которая веками была источником вдохновения, гармонии и жизненной силы для человечества, стала терять ценность в его глазах. Это опасная тенденция отчуждения от матери-природы сопровождается неосознанностью в массовом сознании её хрупкости и уязвимости, дальнейшим ростом потребительского отношения к ней.

Культурно-социальная среда обитания человека стремительно меняется с появлением нового цифрового пространства и, скорее всего, не в пользу всестороннего гармоничного развития личности. Прежде всего, тревожит, что с распространением ИИ в разных сферах деятельности человека ему грозит утрата личной свободы и автономии, поскольку постоянно наблюдая за ним через гаджеты, подстраиваясь под особенности и интересы каждого субъекта, искусственный интеллект начинает умело управлять его поведением через персонализированные рекомендации и завуалированную рекламу, продвигает нужные ценности и определенный образ мыслей.

Более того, человек стал заменять для решения собственных проблем человеческое общение использованием чат-ботов и виртуальных ассистентов, теряя навыки непосредственного взаимодействия и способность к эмпатии, любви, прощению и диалогу, то есть всё то, что является человеческой сущностью. Это фундаментальное изменение человеческой природы, которое может приве-

сти к моральной слепоте и потере способности отличать добро от зла. Патриарх Кирилл подчеркивает, что подобные трансформации затрагивают не только технологии, но и духовные основы общества. А общение человека с ИИ и его дальнейшее развитие могут привести к наступлению «эры антихриста» [8]. Действительно, искусственный интеллект проникает во все сферы нашей жизни, даже сакральные. Католическая церковь, обычно чрезвычайно открытая всем новшествам, на этот раз в лице Папы Римского Льва XIV выразила озабоченность по поводу замены духовного личностного поиска алгоритмическими генераторами: он отказался санкционировать создание «искусственного Папы» для ответов верующим и осудил практику использования священниками ИИ для подготовки проповедей, охарактеризовав технологию «пустой, холодной оболочкой, которая нанесет большой урон тому, что есть человечество» [7].

Постепенно теряется взаимосвязь между поколениями: молодежь стала пользоваться советами неодушевленных чат-ботов, становясь всё больше зависимой от гаджетов, роботов и отдаваясь от предыдущего поколения, живого общения с ним, его традиций, исторического и жизненного опыта, ценностей, исторической памяти. В дальнейшем это грозит не только снижением межпоколенной эмпатии, но и полным размыванием культурно-ценностного и нравственного пространства, проблемами национально-исторической идентичности. Но опасность этого процесса еще не понята до конца. Многим обывателям (и даже исследователям) всё еще кажется, что атмосферу живых встреч и непосредственных диалогов между поколениями, эмоции легендарных рассказов и воспоминаний отцов и дедов можно с лёгкостью и даже большей «продуктивностью» заменить на интерактивные уроки или игры, рассказывающие о семейных ценностях [3]. Однако уже наметившееся отчуждение между поколениями на основе разного восприятия ИИ молодыми и пожилыми, разная вовлеченность ИИ в решения и дела,

замена непосредственного общения и личной заботы о старшем поколении «добрыми гаджетами» постепенно становятся предметами исследования и выводов о разрыве между поколениями [21]. Эта проблема более глубокая, чем кажется на первый взгляд. По нашему мнению, речь в данном случае идет о роли того самого имплицитного неявного знания, о котором нам поведал британский ученый и философ-постпозитивист Майкл Полани (1891–1976) [26], но применительно не к науке, а к области культурно-исторической памяти в межпоколенных отношениях. Неявное знание, полученное в непосредственном общении между поколениями, глубоко личностно и эмоционально окрашено, формируется посредством прямых социальных контактов, живой, подчас «молчаливой» передачи опыта, жизненной философии и собственного примера: мы знаем больше, чем можем выразить словами. Оно способствует успешной социализации молодого поколения, его включению в духовно-историческое пространство общества и социально-культурной идентификации. А, значит, не прервется связь времен...

Также существует значительный риск потери индивидуального творчества, которое будет заменено качественной, но шаблонной «деятельностью» ИИ. Тем самым будет снижен уровень интеллектуальных и культурно-эстетических притязаний человека, его способности к нестандартным решениям и проявлениям уникальности. Такой схематизм духовной деятельности, общая атмосфера непритязательного «доверия» к ИИ неотвратимо приведут к деградации человеческого существования и его эмоциональной, интеллектуальной и волевой сфер, утрате культурного многообразия [14]. Что касается интеллектуальных способностей человечества в цифровую эпоху, то миссией ИИ должно стать их углубление и дополнение, а не замена. Но на практике все оказалось ровным счетом наоборот. В книге американского нейробиолога и профессора педагогики Калифорнийского университета Марианны Вулф (Вольф) «Читающий мозг в цифровом

мире» [1] сравнивается важнейший для развития интеллекта процесс образовательного чтения в доцифровую эру с современным при наличии ИИ. И не в пользу последнего. Ранее существовало, по мнению автора, «глубокое чтение», основанное на модели «источник → критический отбор → синтез», которое формировало способность к полной концентрации и вдумчивости, контекстуальному анализу и пониманию, систематизации и рефлексии, а недоступность мгновенных ответов тренировала метакогнитивные навыки – правильный отбор материала, правильный запрос, построение стратегии поиска надежных и авторитетных источников. Сегодня нейросети стали необходимостью для студента в обучении. Исследователь Вулф справедливо считает, что эти цифровые изменения могут иметь серьезные последствия для мышления и необходимо изучать их заранее. Чтение – это культурное изобретение, а не естественный процесс. Поэтому при переходе от культуры «глубокого чтения» к цифровой мозаичной культуре мозг перестраивает свои базовые структуры и нейроны. «Эти два подхода к учебе – не просто разница в технологиях. Это принципиально разные когнитивные ландшафты, формирующие различные типы мышления. Нейросети, ставшие за последние два года общедоступными, не просто ускорили учебный процесс – они переписали правила игры, создав между поколениями пропасть в понимании самого смысла образования, усилия и знания» [6]. Результаты ряда зарубежных исследований в 2023–2024 годах показали, что студенты, использующие AI-помощников для выполнения заданий, показали более высокие результаты в креативности, но более низкие – в тестах на глубокое понимание текстов и концепций, что можно объяснить смещением фокуса с освоения фундаментальных принципов на оптимизацию результата. Кроме того, выявлен тревожный факт ослабления внимания, памяти, навыков чтения, математики, способности к решению задач и общего уровня IQ, а также – снижения толерантности к когнитив-

ной нагрузке у активных пользователей нейросетей. «Привычка к мгновенным ответам ослабляет способность к самостоятельному решению многошаговых задач» [6]. По мнению некоторых наблюдателей, например, нейробиолога Джареда Куни Хорвата, поколение так называемых зумеров, стало первым за всю историю наблюдений, которое демонстрирует более низкие когнитивные показатели по сравнению с предыдущим поколением, о чем он официально заявил, выступая в Сенате США [10]. Таким образом, развитие ИИ, «стремящегося» превзойти ослабевающий человеческий разум, можно рассматривать как потенциальную угрозу самому существованию человечества и человеческого. Некоторые эксперты оценивают вероятность трагедии в 95%: «Для сверхразумного ИИ человек – прямой конкурент, и стереть его с лица земли не составит труда» [10].

Исследователи в лице экспертов, мыслителей, журналистов всё чаще предупреждают о рисках потери человеческого контроля над сверхразумными системами, что может привести к катастрофическим последствиям для людей и природы. Homo Sapiens, уже практически ставший Homo Digital, свободно ориентирующимся в цифровом пространстве и взаимодействующим с ним, стремительно превращается в Homo Matrix, чья жизнь, мышление и социальные взаимодействия в определяющей степени формируются, развиваются и находятся под влиянием цифровых технологий, виртуальных сред и искусственного интеллекта. Это новый тип личности, интегрированный в цифровую реальность, где границы между физическим и виртуальным мирами размыты, что грозит полной потерей автономии и приватности, социальной и духовной деградацией.

Все вышеобозначенные проблемы духовной экологии касаются сущностных родовых качеств индивида и способны незаметно выхолостить человеческое из человека, если не принять своевременно предупредительных мер. Но потеря внутренней мотивации человека к активной, подчас рутинной или ответ-

ственной деятельности в условиях торжества ИИ и возможности не выходить за пределы комфортного существования не оставляют надежд на быстрое и бесконфликтное решение этой проблемы.

Ученые разных стран бьют экологическую тревогу, но чаще в их регулярных обзорах, статьях и выпусках журналов речь идет о положительном вкладе ИИ в снижение вреда окружающей природной и социальной среде, в обогащение социально-духовной жизни. Реальные угрозы от масштабного использования ИИ остаются на обочине исследовательского и государственного внимания, особенно проблемы духовной экологии, которые затрагивают саму суть человеческого существования: быть или не быть человеку.

Одним из известных критиков внедрения искусственного интеллекта является Элиезер Юджовский, американский исследователь, чьи взгляды на развитие технологий и перспективы развития искусственного интеллекта являются предметом активных дискуссий среди ученых и технологов. Юджовский настаивает на скорой возможности и потенциальной опасности появления сверхинтеллекта, который значительно превосходит человеческий разум. Он утверждает, что создание мощного искусственного интеллекта без должного контроля и понимания его целей может привести к катастрофическим последствиям для человечества [28]. Юджовский активно участвует в дебатах вокруг безопасности ИИ и стремится привлечь внимание к возможным рискам: границы перехода от обычного ИИ к сверхчеловеческому «разуму» трудно определить заранее, переход может произойти внезапно, без предупреждения и иметь фатальный исход для человечества. Риск потери контроля над сверхразумом, по мнению исследователя, обусловлен недостаточной подготовкой и пониманием процессов, происходящих внутри искусственных интеллектов. Автор призывает принять следующие меры: 1) полная остановка текущих исследований; 2) создание безопасной инфраструктуры для предотвращения возможных опасностей со стороны ИИ.

К беспокойству и призывам Юджовского присоединились два из трех «крестных отцов» искусственного интеллекта – Йошуа Бенжио и Джеффри Хинтон. Однако создать какое-либо организованное направление критики ИИ пока не удалось. Более того, часто приходится читать скептические комментарии к критическим публикациям – как в России, так и за рубежом: «раздули проблему...», что свидетельствует о неосведомленности общественности о возможных серьезных рисках.

Российские исследователи, некоторые из которых вдохновлены взглядами Юджовского, также участвуют в дискуссиях об экологической безопасности и духовно-этических аспектах развития технологий. Например, один из основателей и известных топ-менеджеров российской IT-индустрии, признанный эксперт в области ИИ, кандидат технических наук Игорь Ашманов на стадии обсуждения специалистами и чиновниками нацпроекта «Экономика данных» раскритиковал его за отсутствие раздела, посвященного рискам, что обуславливает кампанейщину в данном вопросе. При этом он охарактеризовал поспешное внедрение ИИ в социальную сферу не просто вредным, а крайне опасным [18]. Но, несмотря на наличие сторонников осторожного, поэтапного внедрения ИИ в повседневную жизнь, а также множество активных пользователей и подписчиков Э. Юджовского, четких организаций или направлений, официально представляющих российское сообщество критиков ИИ, не существует. Таким образом, критический долгосрочный прогноз по отношению к ИИ в России проявляется скорее на уровне индивидуальных участников научных и виртуальных сообществ и энтузиастов, беспокоящихся о будущем человечества сейчас. Завтра, возможно, будет поздно...

Подводя итоги, хочется отметить, что сегодняшняя битва за экологию разворачивается уже не только в лесах и океанах, а в облачных кластерах и алгоритмах. И первый шаг – перестать верить в удобные мифы о безвредности ИИ. Его внедрение создаёт парадокс:

с одной стороны, ИИ может способствовать решению экологических проблем через оптимизацию ресурсов и мониторинги, но с другой – его широкое распространение угрожает как самой природе, так и духовной экологии, размывая границы между человеком и машиной. Главная задача современного общества – не допустить полного отчуждения от естественной среды и сохранить человеческое в человеке, его родовую духовную сущность. Станем ли мы пассивными потребителями алгоритмически сгенерированных смыслов или

научимся вести с ИИ равноправный диалог, где последнее слово остается за человеческим разумом? [6].

Но здесь в подходах к решению проблем ИИ существует пока явный разрыв между краткосрочной утилитарной и долгосрочной прогнозной оценкой этого феномена в пользу первой. Возникает извечный гамлетовский вопрос в цивилизационном масштабе – быть или не быть? Успеем ли мы не допустить или исправить ошибки раньше, чем они станут необратимыми? Будем надеяться...

Список литературы

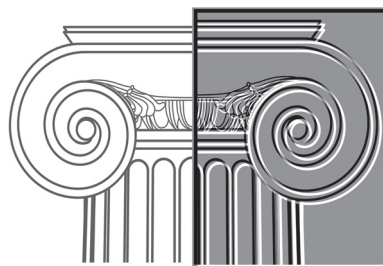
1. Вулф М. Читающий мозг в цифровом мире. Москва: АСТ, 2021. 256 с.
2. Запущены конкурсы по поддержке стартапов в области цифровых технологий и искусственного интеллекта. URL: <https://d-russia.ru/zapuscheny-konkursy-po-podderzhke-startapov-v-oblasti-tsifrovyyh-tehnologiy-i-iskusstvennogo-intellekta.html>
3. ИИ для семейных традиций: укрепляем межпоколенческие связи. Женский журнал. 5 июня 2025. URL: <https://ae-24.ru/kak-iskusstvennyy-intellekt-pomogaet-ukreplyat-mezhpokolencheskie-svyazi-i-sohranyat-semeynye-traditsii>
4. Кабмин заложил почти 1,5 млрд рублей на поддержку стартапов на основе ИИ-технологий. ТАСС. 29.03.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11017367>
5. Лисовский Г. Углеродный след ИИ и человека: разбор мифа о том, что нейросети экологичнее писателей. Ai Manual. 19.01.2026. URL: <https://ai-manual.ru/article/uglerodnyij-sled-ii-i-cheloveka-razbor-mifa-o-tom-chto-nejroseti-ekologichnee-pisatelej/>
6. Лопатина А. Диалог с ИИ: как нейросети создают пропасть между поколениями в учёбе? URL: <https://vk.com/@tirezmezdoo-dialog-s-ii-kak-neroseti-sozdaut-propast-mezhdu-pokoleniyami>
7. Минь А. Папа Римский призвал священников не использовать ИИ для написания проповедей. URL: <https://rutab.net/b/lifestyle/2026/02/26/papa-rimskiy-prizval-svyaschennikov-ne-ispolzovat-ii-dlya-napisaniya-propovedey.html>
8. Минь А. Патриарх Кирилл предупредил о духовных рисках искусственного интеллекта. URL: <https://rutab.net/b/lifestyle/2025/06/25/patriarh-kirill-predupredil-o-duhovnyh-riskah-iskusstvennogo-intellekta.html>
9. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>
10. Нейробиолог назвал зумеров первым поглупевшим поколением людей в истории. URL: <https://deti.mail.ru/news/201881-neyrobiolog-nazval-zumerov-pervym-poglupevshim/>
11. Новый доклад Программы ООН по окружающей среде: как избежать экологического коллапса. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/12/1467083>
12. Официальный сайт ЮНЭП. URL: <http://www.unepcom.ru/unep.html>
13. Понизовкина И. Ф. Еще раз об экологии // Вестник Российского философского общества. 2009. № 1. С. 128–131.
14. Понизовкина И. Ф. Искусство сегодня: между вдохновением и алгоритмом // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 4 (126). С. 80–90.

15. Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82>
16. Светунькова А. ИИ свое возьмет: как нейросети помогают решать экологические проблемы. URL: <https://iz.ru/1595973/alena-svetunkova/ii-svoe-vozmets-kak-neiroseti-pomogaiut-reshat-ekologicheskie-problemy>
17. Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
18. Шпунт Я. Разработчики ИИ получают господдержку. URL: <https://www.comnews.ru/content/233536/2024-06-04/2024-ew23/1008/razrabotchiki-ii-poluchat-gospodderzhku>
19. Calma J. AI's water and electricity use soars in 2025. The Verge. URL: <https://www.theverge.com/news/845831/ai-chips-data-center-power-water>
20. Dauner M., Socher G. Energy costs of communicating with AI. In Front. Commun. Sec. Science and Environmental Communication. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/communication/articles/10.3389/fcomm.2025.1572947/full>
21. Doroudian, A., Loos, E., Ter Vrugt, A., & Kaufman, D. The Impact of the Relationship and Family Status in Retirement Age on Women's Incorporation of Technical Devices in Their Everyday Life. In: Human Aspects of IT for the Aged Population. Springer. URL: https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/421584/Gales_Loos2020_Chapter_TheImpactOfTheRelationshipAndF.pdf?sequence=1
22. Emerson R. W. Nature. URL: <https://emersoncentral.com/texts/nature-addresses-lectures/nature2/chapter1-nature/>
23. Han Y. and ots. (Oct 2025) The Unpaid Toll: Quantifying and Addressing the Public Health Impact of Data Centers. URL: <https://arxiv.org/pdf/2412.06288>
24. Hölzle U. Clean Energy: Renewable Energy Milestone – Google Sustainability URL: <https://sustainability.google/stories/announcement-100/>
25. O'Brien I. Data center emissions probably 662% higher than big tech claims. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2024/sep/15/data-center-gas-emissions-tech>
26. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. University of Chicago Press, 1958.
27. United Nations Environment Programme. URL: https://www.muiiv.ru/un/download/report-unep.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
28. Yudkowsky El., Soares N. If Anyone Builds It, Everyone Dies: Why Superhuman AI Would Kill Us All. Hachette Book Group. 2025.

*

Поступила в редакцию 30.03.2026

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

К УЛЬТУРА РОССИИ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН: ПОТЕРИ, ОБРЕТЕНИЯ, УГРОЗЫ

УДК 316.3

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-50-57>

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуется суть перемен, происходящих в культуре современного общества, фиксируется внимание на таких важнейших сторонах социокультурных системных общественных процессов, как цивилизация и культура, ценности общества и человека, векторы социокультурной динамики, уровни культурной развитости общества, созидательные силы векторов культурно-исторического развития. Особое внимание уделяется социокультурной реальности в российском обществе с ее угрозами, обретениями и потерями в фокусе культурного кода страны и духовных скрепов, с ее культурной преемственностью и духовной идентичностью. В статье выдвинуты идеи о маркерах современной диалектики культуры и цивилизации, о цивилизационном диалоге, о тенденциях развития духовного сознания человека, о патриотизме и устремленности к обновлению. Авторы акцентируют внимание на тенденциях, характеризующих две стороны культурной жизни страны: 1) СВО и сфера, связанная с ее осуществлением, 2) общегражданская жизнь страны и ее культурный ареал. Отмечается, что отношения этих двух сторон достигли кризисной нормы и требуют своего разрешения.

Ключевые слова: культура, культурные ценности, культурный неокOLONIALИзм, цивилизация, «эпоха перемен».

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, заслуженный работник культуры
Российской Федерации, директор Научного центра Российской академии образования на базе
Московского государственного института культуры, профессор кафедры педагогической теории
и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of
Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Honorary Worker of Culture of Russian Federation,
Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education based at the Moscow State Institute of
Culture, Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities,
Moscow State Institute of Culture

© Ремизов В. А., Кудрина Е. Л., 2026

Для цитирования: Ремизов В. А., Кудрина Е. Л. Культура России эпохи перемен: потери, обретения, угрозы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 50–57. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-50-57>

RUSSIAN CULTURE IN THE AGE OF CHANGE: LOSSES, GAINS, AND THREATS

Vyacheslav A. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kudrina_1955@mail.ru

Abstract. The article characterizes the essence of the changes taking place in the culture of modern society, focusing on such important aspects of sociocultural systemic social processes as civilization and culture, the values of society and the individual, the vectors of sociocultural dynamics, the levels of cultural development of society, and the creative forces of the vectors of cultural and historical development. Special attention is paid to the sociocultural reality in Russian society, with its threats, gains, and losses, focusing on the country's cultural code and spiritual bonds, as well as its cultural continuity and spiritual identity. The article presents ideas about the markers of the modern dialectics of culture and civilization, about the civilizational dialogue, about the trends in the development of human spiritual consciousness, and about patriotism and the desire for renewal. The authors focus on the trends that characterize two aspects of the country's cultural life: 1) the special military operation and the sphere related to its implementation, and 2) the general civic life of the country and its cultural area. It is noted that the relationship between these two aspects has reached a crisis level and requires resolution.

Keywords: culture, cultural values, cultural neocolonialism, civilization, “the era of change.”

For citation: Remizov V. A., Kudrina E. L. Russian Culture in the Age of Change: Losses, Gains, and Threats. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 50–57. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-50-57>

Все, происходящее сегодня в мире, реально формируется в эпоху перемен. Эти перемены осуществляются во всех сферах жизни общества и представляют особый исследовательский интерес, как эпоха социокультурного развития общества. Изменяются принципы, формы, способы, методы, цели и смыслы функционала этих сфер. Экономика и финансы складываются по принципам политики, а политика осуществляется по лекалам «сделки», которая детерминируется «экзистенцией» и личными мерками групп политической, прежде всего, англо-саксонской верхушки, которая, в свою очередь, руководствуется личной выгодой и попыткой пересмотреть

сложившийся мир, его границы и обеспечить себе благо: общественно-политическое, энергетическое и финансовое, за счет ресурсов других народов и государств.

Здесь так и всплывает эхо известных исторических лозунгов: «Дранг нах Остен», «Дойчланд Юбер Аллес». Недаром, например, премьер ФРГ господин Мерц произносит уже не один раз фразу о том, что Россия ему представляется «страной варваров...», «колоссом на глиняных ногах». И эту его позицию косвенно поддерживает ряд нынешних руководителей стран Европы.

Следует заметить, что это говорится в адрес страны с тысячелетней историей, ря-

дом с которой стоят такие страны, как Китай, Индия, Индонезия, Филиппины и другие, которые вкпе составляют большую часть населения Земли. В определенной мере сложился признак агрессивного европоцентризма англо-саксонского типа с явными характеристиками неокOLONиализма XXI века.

Вся эта ситуация включена еще и в процесс перестройки миропорядка – с однополярной модели на многополярную, что обостряет отмеченные факторы общественного развития. В свою очередь, это вплетено в картину культуры и ярко отражается в мировом цивилизационном процессе. Следует отметить такое направление в теории культуры, как «культура отмены», а вслед за этим и о таких агрессивных акциях не дружественных нам государств, как «отмена русской культуры», проведение политики тотальных санкций и акций вооруженного насилия. В настоящее время известно о более чем 30 тысячах предъявляемых санкций со стороны Евросоюза по всем сферам общественной жизни России – экономической, политической, социальной, культурной и так далее.

Россия занимает активную позицию в пространстве действия всех векторов современной социокультурной реальности. Относительно культуры самой России следует особо отметить тенденцию, связанную с двумя сторонами культурной жизни страны. Одна сторона – это СВО и сфера, связанная с ее осуществлением. Другая сторона – общегражданская жизнь страны, ее культурный ареал. На наш взгляд, отношения этих двух сторон достигли кризисной формы и они требуют своего разрешения.

Несомненно, что основная задача состоит в том, чтобы обе эти стороны не только наполнялись полнокровным национально-культурным содержанием, но и функционировали на достойном уровне – организационном, контентном, технологическом, художественно-эстетическом.

В большей мере сегодня ведущей стороной является первая – СВО и окружающая ее сфера. Вместе с тем, заметим, что пока здесь

еще много проблем: не сложилась до конца культурно-репертуарная политика, не функционируют концертные бригады на постоянной основе (кроме армейских концертных бригад); средства массовой информации в сфере культуры не широко освещают события, связанные с СВО; не укрепилась технологическая сторона культурно-художественной деятельности на передовой, в зонах рекреации участников СВО, в районах военной учебной подготовки и дислокации.

Насущной задачей является культурно-художественная координация усилий фронтовых политико-воспитательных органов, административных функционеров и представителей православной церкви в российской Армии.

Большого внимания требует самодеятельное «окопное» творчество. Следует отметить положительную реакцию на данную тему кинематографа, представившего ряд фильмов о горячих битвах в зоне Донбасса. Набирает силу передача «Время героев», интересна радиопрограмма «Гордость». Вместе с тем, на телевидении только промелькнула передача по теме «Песни СВО» во главе с поэтом В. Маленко, но не получила своего продолжения и развития, не закрепились.

Нам представляется, что существующий общегражданский культурный ареал в некоторой мере находится в оторванном от событий СВО пространстве. Участники телешоу «Голос», «А ну-ка, все вместе» и другие поют «иные» песни и как будто не ведают, в каком мире мы сегодня живем. В песенных программах отсутствует связь с отечественной историей. Модно стало петь только о том, что «ты меня забыла», «...меня, неверная, не любишь», «твои глаза отравные» и тому подобное. И все это зачастую сопровождается эротизированной подтанцовкой. Естественно, от таких картин поколению социально взрослых становится грустно, а молодежь впитывает в себя дух «неведающих, что творят» и формирующих социально-культурное равнодушие. Более того, теле- и радио-эфир в последнее время все чаще становятся насы-

ценными англоязычием. Например, многие конкурсные музыкальные шоу не сопровождаются даже титрами перевода текстов недружественных стран. На наш взгляд, данное обстоятельство граничит с намеренным навязыванием позиций, несовпадающих с нашим мироощущением и мировоззрением. Естественно, появляется вопрос, а где же фестивали и конкурсы социально-ориентированных песен, песен дружбы и братства народов, мелодий родного края, строчек о высшей гражданской ценности – верности отчизне, ее предкам и памяти героев? Данная ситуация порождает впечатление, что все эти процессы отданы на откуп отдельным руководителям программ и/или телеведущим TV.

Это, конечно, сказывается на человеке. Испокон веков Россия была связана с фактором общинного духа, а сегодня мы стали поддаваться навязываемой идее о неременной автономии «индивидуальной духовности» и об агрессивности общественной духовности. Ярko и убедительно об этом говорит Захар Прилепин, повествуя о факте вручения кинопремии Оскар (США) за документальную провокационную ленту «Господин никто», которую снял некто – учитель из Челябинска – о якобы извращенной системе воспитания в школах России. Внедрению «нового» духа, увы, служат и свидетельства того, что женщины России стали массово курить и сквернословить, дети уже в школах употребляют нецензурную лексику, ведущие некоторых радиостанций уже не стесняются в употреблении «дурных» слов, федеральные программы TV демонстрируют боевики про преступность, кражу детей, семейное предательство, про зависть, про месть, про вражду! В Интернете присутствуют игры для детей, в которых ведущая тема – убийство, ненависть, мародерство. По оценкам Госдумы, 70% такой продукции направлено специально против СВО и тех, кто находится на передней линии (TV – «Спас», 20.02.2026, 22.00). При этом следует вспомнить известные слова писателя С. Михалкова о роли детей в общественной жизни: «Сегодня – дети, завтра – народ».

Правомерным можно считать вопрос «Какую страну мы строим»? На его фоне в глобальном социокультурном пространстве уходит на второй план эпоха экономической глобализации, а активное начало получает развитие эпохи приоритета национальных интересов, одним из которых является цифровизация и искусственный интеллект [6].

Началась эпоха ее величества «ЦИФРЫ», которая перевела социокультурную реальность в информационное содержательное пространство. Оно, вместе с тем, проявляет себя довольно противоречиво, оживив роль предоставления и получения услуги и формирования потребительства в сознании людей, отодвинув на дальний план такие категории, как сострадание, сердечность, терпимость и эмпатию. Несмотря на то, что это особенно ярко проявлено в англосаксонском мире, значительная часть россиян, увы, подчиняет себя идее личной выгоды. Зачастую личная выгода у молодежи 14–18 лет становится выше общественного долга, судеб других людей. Этому свидетельством является множественное втягивание молодых людей в теракты, в сетевые подлоги и обманы. Средства массовой информации наполнены описанием таких неформальных – часто преступных – молодежных сообществ, как дропперы, попкорницы, буллингты, зацеперы и другие [9, с. 47–54].

Надо отметить, что перестроились в мире и сферы общественной жизни. Они стали опираться на принцип «артизации», создавая политико-моральные «спектакли», часто беспощадные и ужасные. Именно такими являются недавние события в Венесуэле, а сегодня – события в Иране, на всем Ближнем Востоке и, конечно, на Украине. В этих реалиях не только померкли, но и окончательно разрушились и утонули признаки основного критерия культуры – гуманизма.

Сегодня заговорили о некоем «новом гуманизме», не исчезает тема «кроссгуманизма». В рамках «нового гуманизма» оправданию подверглись так называемые «побочные жертвы»: совершенно спокойно стали вещать, например, о 170 погибших девочках в Иране

при бомбежках со стороны США. В рамках «кроссгуманизма» муссируются темы «совершенствования породы человека», некрофилии; актуализируется тема, связанная с изменением пола ребенка, то есть, по существу, тема выхода из признаков человеческого вида как природного существа; поражают воображение темы о «гуманной» идее тактического ядерного оружия, о «гуманитете» израильских бомбардировок Ливана и Палестины. Именно об этом ужасе перерождения человеческого духа в свое время писали Ч. Айтматов и М. Шаханов в главе «Преступление в тени веков, или Маркиз де Сад, Доненбай и яд африканской двузубки» в книге-эссе «Плач охотника над пропастью: исповедь на исходе века» (Алматы, 1996).

Обращаясь к авторским суждениям, содержащимся в ряде предыдущих материалов книг и журнальных публикаций [4; 7; 8], следует отметить не только их актуальность, но и постепенную адаптацию в более устойчивое состояние.

Первое положение, постепенно обретающее статус устойчивого, характеризуется заполнением все большего объема жизни молодежи постмодернистской массовой культурой, вооруженной мощными техническими средствами распространения культурной продукции Запада. «Ну, а Интернет и его адресаты – все “утопают” в англосаксонских волнах. Чем это все отзывается? На наш взгляд, сегодня о “почвеннической” культурной позиции наших молодых поколений говорить стопроцентно вряд ли правомерно. Происходит абсолютизация в сознании молодежи модного, “стрёмного” (как они выражаются), на уровне только рекламно-информационного усвоения. Сюда можно приплюсовать и разного рода фанатов “дансинга”, “рэпа”, “сленга”, “граффити”, “street-art’a” и т. д.» [7, с. 66–67].

Второе положение связано со своеобразной культурной «люмпенизацией» части современной отечественной молодежи, их «духовной маргинализацией». «Представители такой молодежи, по результатам пилотной

социометрии (включенное общение, беседы) не только утрачивают черты национального менталитета, но и не знают (эффект «духовного манкурства» – Ч. Айтматов) элементарных родных образов-«скрепов», норм-ориентантов и оценок. Их духовность значительно связана с подражанием (не с аналитическим, осознанным отношением), с копированием, со следованием за модой, с иррационализацией суждений. Чаще всего в таком сознании укореняются такие постмодернистские координаты, как культурно-ценностный размытый либерализм без границ; отказ от веры в отечественный прогресс; неопределенность социально-культурной позиции; социальная ирония; опора на абстрактные формы, связанные с карнавализацией, с гедонизмом, с «перфоменсом». Вместе с тем, они живут в тревожном зуде ожидания неясного «чего-то», что толкает их к анархизму. Таким образом, налицо ситуация, когда, с одной стороны, человек как бы попадает в «пропасть бытия» (М. С. Каган) от психологического дисбаланса, рассогласования «Я»-существования и «Я»-бытия, а, с другой, – в «пропасть психического состояния» [7, с. 67]. Оба состояния связаны не только с духовным самочувствием человека, но и с его культурным ориентированием, которое в определенной мере может оказаться болезненным и разрушающимся [4].

Ценностная система общества – «трансляционная, селекционная, инновационная» [2, с. 6–12] – в значительной мере выступает регулятором данного процесса, требующего еще больших усилий по развитию наметившейся в стране устойчивой деятельности по включению молодежи в активную социокультурную практику, в созидательную духовную деятельность в форме постоянно и сезонно функционирующих форумов молодежи, таких как, например, «Таврида», «Сириус» и другие.

Следует подчеркнуть, что «культура сегодня, оставаясь одной своей стороной базой Российской цивилизации, а другой – функционально актуальной, «тактико-

определяющей», в значительной мере преобладающей, пока что не меняет «ценности-стратегемы» (П. Сорокин). Так, сравнительно недавно в Москве проводился широкий опрос о «предметах гордости за свою страну, свой народ». Первые пять позиций говорят о многом (в абрисе архетипа): 1. Наше прошлое, наша история; 2. Место, где я родился и рос; 3. Территория, на которой мы живем; 4. Великие люди моей национальности; 5. Родная природа. Однако, в свою очередь, культурные «тактико-определители», как свободные радикалы, бомбардируют ментальные позиции, архетипические ориентанты [7, с. 67–68]. И, «следуя народной мудрости “капля долбит камень”, можно полагать, что и архетипы (К. Юнг) способны размываться. Здесь зарождаются и основные противоречия, и бифуркации, которые, хотим мы этого или нет – раскачивают отечественную цивилизацию и по сути перекраивают смыслы сегодняшних динамик», – считает А. В. Костина [3, с. 132].

Показательно, что именно на диалектический характер исторического развития культурно-цивилизационных процессов указывал А. Я. Флиер, когда писал об их сути как о соперничестве различных тенденций: «<...> культуры как социального ограничения и культуры как социальной свободы; <...> как упорядочения (структурирования) и культуры как деструкции; <...> как повторения и культуры как неповторимости; <...> как единообразия и культуры как многообразия; <...> как отражения иного и культуры как его понятия; <...> как закономерного результата и культуры как ситуативной случайности и др.»; при этом «<...> социальная свобода побеждает социальное ограничение <...>, социальная значимость творческой новации побеждает социальную значимость следования традиции, индивидуализация преодолевает социализацию <...>; культурная толерантность <...> побеждает культурную дифференциацию <...>; асимметрия побеждает симметрию <...>; плюральность вытесняет нормативность <...>; случайное (ситуативное) <...> существенно расширяет степень

частотности своего проявления <...>» [11, с. 61–62]. Отметим, что в данном системном суждении цивилизационная факторность сегодняшнего мира активно вытесняет культурную. И это проявляется тем сильнее, чем полнее культура смыкается с политикой, становясь ее частной формой выражения, оказываясь «стимулятором» и «навигатором» социальной динамики.

Заметим, что цивилизационные формы бытия, оказываясь сегодня определяющим началом, активно сопровождаются культурными процессами, выступающими в разных ипостасях: или как «корреляты», или как «демпферы», или как «культурные инфекции», или как «культурные креативы». Это позволяет утверждать, что главным вектором текущей эпохи становится все более явно проявляющаяся борьба цивилизаций. Нынешнее время по закону исторической спирали (Ф. Гегель, Ф. Энгельс) вплотную приводит человечество к состоянию, когда одни цивилизации исчерпываются и уходят в небытие, затухая, изживая себя, а другие – набирают силу и определяют преимущественные векторы дальнейшего исторического развития человечества [8].

Россия, исторически оказавшись между Западом и Востоком, идет путем евразийства. И Толстой, и Соловьев, и Бердяев, и Вернадский, и Лев Гумилев вели речь об этом. Они были чужды национальному эгоизму. Идеи Толстого о справедливости, Соловьева о всеединстве, понятия о внехрамовой литургии у Федорова и Булгакова, идеи Бердяева о духовности россиян позволяют идти так называемым «срединным» путем, «срединным» направлением развития культуры, наследуя все лучшее в развитии цивилизаций и создавая «открытый тип» культуры [5, с. 162], в которой одним из важнейших является принцип служения Отечеству.

Гармония совести (морали) и права подразумевает единство и взаимосвязь между ними, соответствие в обществе добра и справедливости посредством реализации принципа гуманизма, в котором существует общий объект ре-

гулирования – единство общественного и личного блага, где воплощается сбалансированная социальная справедливость, где осуществляется примат согласия и взаимопонимания [7].

Социокультурные процессы первой половины XXI века связаны не только с реальной «конкуренцией» цивилизаций, но и с трудными «переломами» в социокультурном историческом процессе. В большей мере именно из этого исходит сегодня подавляющее большинство ученых в понимании сути цивилизации. Так, например, А. В. Немировская в специальном разделе курса лекций по культурологии пишет, что «цивилизация – это преобразованная человеком, окультуренная природа. Цивилизация – это материальная культура, т. е. средства для преобразования природы и создания наиболее комфортных условий существования человека. Цивилизация – это социальная культура, культура общественных отношений» [5, с. 105].

Обращаясь к устоявшейся типизации культурных цивилизационных кодов и поведенческих моделей народов, отметим утверждение авторитетного аналитика цивилизационных процессов А. С. Ахиезера о том, что западноевропейской цивилизации присущ так называемый медиационный способ развития. Данный способ И. В. Кондаков называет «либерально-демократическим». Российскую цивилизацию связывают (по А. С. Ахиезеру) с «инверсией». Она характеризуется как «маятниковая», как позиция крайностей (или полярностей) [8]. Однако в свете научных новаций есть основание высказать иное суждение. Культурно-исторический динамический код западноевропейских народов точнее можно было бы назвать рационально-медитативным. Очевидно, что это ближе к историко-культурным данным. Культурно-исторический динамический код русско-славянского (по Н. Я. Данилевскому) цивилизационного этноса корректнее все же считать созерцательно-инверсионным, так как смирение, терпение и «бессмысленный бунт» (А. С. Пушкин) были одновременно родовым признаком России, о чем высказывался, например, Н. А. Бердяев в работе «Судьба России» [1].

Данный подход совпадает с концепцией И. Канта о способе мыслительной деятельности людей и их практик. Сошлемся на философа Т. Н. Суминову, которая, исследуя социокультурные идеи И. Канта, отмечает, что «Кант предлагал рассматривать человека не как средство, а как цель, поскольку важным источником бытия человека является необходимость личной свободы, чувства долга, мораль и нравственность...» [10, с. 69]. В рамках культуротворчества автором особо подчеркивается, что «Кант трактовал разум как особую способность человека мыслить безусловное и беспредельное. В качестве предметов познания разума выступают Бог, свобода и бессмертие. Кроме того, разум имеет <...> природу, проявляющуюся в его противоречивости. Ведь лишь разуму подвластна генерация логически равных, но континентно противоположных суждений как антиномий, которые есть <...> противоречия, базирующиеся на природе разума человека <...>. Гармония отождествлялась философом с понятием свободы, с представлением о свободном развитии природы человека, которая обозначалась им в качестве постулата, идеала, желаемого» [10, с. 68–69].

Таким образом, цивилизационная матрица России не только специфична, но активна и подвижна. Это, прежде всего, переход к «государственному» подходу и «преобразованию» страны в международное, институциональное государство XXI века. Это связано с поиском и активным освоением связей с народами, составляющими большую часть населения планеты Земля – с Китаем, Индией, Филиппинами, Индонезией, Африкой, Южной Америкой и другими. Это обогащает цивилизационные ориентации России, способствует ее превращению в цивилизацию, обогащенную межнациональным опытом, на знамени которой четко обозначен главный критерий социальной справедливости – гуманизм. На этом пути Россия что-то исключает, что-то обретает и активно реагирует, отвечает на возникающие вызовы и угрозы мирового культурно-исторического процесса.

Список литературы

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. URL: <https://books.yandex.ru/books/SuBV4ir8/read-online>
2. *Костина А. В.* Глобальное информационное общество: противоречия развития культуры // Культура глобального информационного общества: сборник научных статей. Москва: СВЕТ. 2012. С. 6–12.
3. *Костина А. В.* Диалектика массового и элитарного в современной культуре. Москва: Социум. 2001. 196 с.
4. *Кудрина Е. Л., Ремизов В. А.* Духовно-нравственные ценности и культурно-образовательные векторы // Библиотека и закон: журнал-справочник. Тексты документов. Комментарии. Консультации. Москва: Либер-Дом. 2024. № 56 (1). С. 3–14.
5. *Немировская Л. З.* Культурология. Курс лекций. Москва: Проспект. 2014. 293 с.
6. *Пороховский А. А.* Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. 13 (2). С. 84–91.
7. *Ремизов В. А.* Культура и цивилизация: конформизм и неконформизм в современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 65–71.
8. *Ремизов В. А.* Социокультурные цивилизационные процессы в России: генетико-антропологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 38–46.
9. *Садовская В. С., Ремизов В. А., Есаков В. А.* Экстремизм: сущность и профилактика среди молодежи России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 47–54.
10. *Суминова Т. Н.* Культурфилософские идеи Иммануила Канта в контексте современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 65–73.
11. *Флиер А. Я.* Социальная практика как преодоление культуры: от бытового хулиганства до интеллектуальной субъективности // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 3 (12). С. 57–62.

*

Поступила в редакцию 27.04.2026

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК НАУКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 008:7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-58-66>

Л. Н. Воеводина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния культурологии как научной дисциплины в западной и российской исследовательских традициях. На основе анализа актуальных публикаций выявляются две разнонаправленные тенденции: на Западе – экологический и постгуманитарный поворот, методологическая политизация и отказ от антропоцентрической оптики, выражающиеся в развитии мультимедийных исследований, критике экстрактивизма; в России – саморефлексия и институциональная рефлексия на фоне реорганизации системы научных специальностей ВАК. Предметом исследования являются методологические установки, институциональные стратегии и публикационные практики, характеризующие современное состояние дисциплины. Особое внимание уделяется дискуссии о статусе культурологии как науки и учебной дисциплины. Выявляются зарубежные тренды в области культурологии и смежных дисциплин, а также – российские реалии в сфере культурологического образования и науки. Делается вывод о различии в социальных заказах и методологических стратегиях, а также – о перспективах интеграции западного опыта и российского опыта.

Ключевые слова: российская культурология, западная культурология, философия и культурология, гуманитарная культурология, прикладная культурология, методология культурологии, экологический кризис, экологический поворот, антропоцентризм, институциональная рефлексия, постколониальные исследования, критика капитализма.

Для цитирования: Воеводина Л. Н. Современное состояние культурологии как науки: методологические поиски и институциональные трансформации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 58–66. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-58-66>

ВОЕВОДИНА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры

VOEVODINA LARISA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture

© Воеводина Л. Н., 2026

THE CURRENT STATE OF CULTURAL STUDIES AS A SCIENCE: METHODOLOGICAL SEARCHES AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

Larisa N. Voevodina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: lvoevodina5@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state of cultural studies as a scientific discipline in the Western and Russian research traditions. Based on the analysis of current publications, two multidirectional trends are revealed: in the West, an ecological and posthumanitarian turn, methodological politicization and rejection of anthropocentric optics, expressed in the development of multi-species research, criticism of extractivism; in Russia, self-reflection and institutional reflection against the background of the reorganization of the system of scientific specialties of the Higher Attestation Commission. The subject of the research is methodological guidelines, institutional strategies, and publication practices that characterize the current state of the discipline. Special attention is paid to the discussion about the status of cultural studies as a science and an academic discipline. The article identifies foreign trends in the field of cultural studies and related disciplines, as well as Russian realities in the field of cultural education and science. The conclusion is drawn about the difference in social orders and methodological strategies, as well as about the prospects for integrating Western experience and Russian experience.

Keywords: Russian cultural studies, Western cultural studies, philosophy and cultural studies, humanitarian cultural studies, applied cultural studies, methodology of cultural studies, ecological crisis, ecological turn, anthropocentrism, institutional reflection, postcolonial studies, criticism of capitalism.

For citation: Voevodina L. N. The Current State of Cultural Studies as a Science: Methodological Searches and Institutional Transformations. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 58–66. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-58-66>

Культурология как область знания переживает состояние глубокой дисциплинарной фрагментации, что признается как западными, так и российскими исследователями. Эта фрагментация имеет различные проявления в зависимости от интеллектуального и институционального контекста. На Западе кризис выражается в тенденции к растворению культурологии в смежных социальных и политических науках и теориях, например, в культурной антропологии, постколониальных исследованиях, медиаисследованиях, которые предлагают альтернативные эпистемологические рамки. В российской культурологии доминируют попытки выжить в логике академической «эффективности», адаптироваться к постоянно меняющейся системе научной аттестации и доказать свою полезность в рамках государственных приоритетов культурной политики. Оба вектора,

при всей их несхожести, свидетельствуют о фундаментальном вопросе: справляется ли традиционная культурология, понимаемая как изучение артефактов, норм, ценностей и символических систем, с вызовами цифровой реальности, экологической катастрофы, войн памяти и стремительной трансформации идентичностей?

Поэтому актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью фиксации современного состояния дисциплины на фоне двух параллельных, но разнонаправленных процессов. С одной стороны, в западных гуманитарных науках последних пяти лет наблюдается то, что можно назвать «экологическим поворотом» (Ecological Turn), который фундаментально переопределяет само понимание культуры как неразрывно связанной с природными, технологическими и межвидовыми процессами: культура более

не мыслится исключительно как человеческая деятельность по производству смыслов и артефактов; она становится полем взаимодействия человека с «больше-чем-человеческим» (*more-than-human*) миром. С другой стороны, российская культурология проходит через этап глубокой институциональной рефлексии, связанный с пересмотром номенклатуры научных специальностей ВАК, поиском новых оснований для междисциплинарного синтеза и переопределением своих границ в условиях, когда классические философские и искусствоведческие подходы сталкиваются с новыми требованиями к научной продуктивности и практической применимости.

Исследовательская лакуна, на которую направлена данная статья, заключается в отсутствии систематического сопоставления западных и российских тенденций развития культурологии в условиях геополитических изменений последних лет. Как правило, отдельные работы посвящены либо западным исследованиям культуры, либо российским дискуссиям о статусе культурологии, поэтому необходимо предпринять комплексный сравнительный анализ, учитывающий как методологические, так и институциональные аспекты и тенденции развития культурологии.

Зарубежный вектор исследований культуры: «экологический поворот» и отказ от антропоцентризма

Анализ ведущих западных научных изданий, исследовательских программ и университетских курсов свидетельствует о том, что современная западная культурология, прежде всего в англо-американской традиции, но также и в европейском контексте, всё дальше уходит от классического изучения текстов и артефактов в сторону анализа материальных, экологических и межвидовых взаимодействий. Этот процесс можно обозначить как «экологический поворот» и отказ от антропоцентризма, который имеет

несколько измерений: *онтологическое* – пересмотр базовых категорий «природа» и «культура», *эпистемологическое* – разработка новых методов исследования, учитывающих нечеловеческие акторы, и политическое – соединение исследования с активизмом и практиками сопротивления экстрактивизму.

Одной из характерных особенностей западной культурологии последних лет становится последовательный и программный отказ от антропоцентрической оптики. Как отмечают М. Соммье, А. Фанари и Д. Рахмани в статье 2026 года, посвященной экологическому повороту в межкультурной коммуникации, экологический поворот означает сосредоточение на нестабильных и не поддающихся простому описанию способах взаимосвязи человека и природного мира (*more-than-human*), что переопределяет саму онтологию коммуникации как мультивидовых сборок и переговоров [14]. Этот подход бросает вызов не только западно-европейской системе мышления, которая веками помещала человека «над» природой и животным миром, но и базовым эпистемологическим допущениям классической культурологии, которая мыслила культуру исключительно как человеческий феномен.

В рамках данного направления активно развиваются мультивидовые исследования (*multispecies studies*), в рамках которых складывается новая парадигма отношения к миру природы, ее понимание, признается значимость взаимодействия человека с животным и растительным миром, а также разнообразными формами жизни, раскрываются этические, социальные, политические и другие аспекты этих контактов.

Также дальнейшее развитие в западных исследованиях получили постгуманизм, энвайронментальные исследования (*environmental humanities*) с их уходом от антропоцентризма и признанием ценности любой жизни и различные версии «материального поворота». Эти направления, имеющие различные философские истоки – от акторно-сетевой теории Бруно Латура [13]

до спекулятивного реализма и нового материализма – сходятся в признании того, что культурные процессы невозможно адекватно описать, исключая из анализа нечеловеческих акторов: животных, растения, ландшафты, технологии и даже климатические процессы.

Исследовательская группа ЭкоЛит (EcoLit) при Университете Осло в программном заявлении 2026 года формулирует свою задачу как изучение того, как литературные и культурные исследования в разных исторических, культурных и языковых контекстах могут внести вклад в решение экологических проблем [11]. На первый план здесь выходят вопросы совместного существования человека и нечеловеческих акторов в речных ландшафтах, городских средах, заповедных территориях и промышленных зонах. Показательно, что исследователи не ограничиваются констатацией экологических проблем, но стремятся разработать конкретные культурные практики и нарративы, способствующие более гармоничному сосуществованию.

К этому направлению примыкает и концепция «институционального устройства совместного существования», («convivial constitutionality»), предложенная профессором социальной антропологии Тобиасом Халлером (Институт социальной антропологии Университета Берна (Швейцария) [12]. Он занимается проблемами управления природными ресурсами, восприятия окружающей среды, охраняемых территорий, подчеркивает важность учета местных традиций, верований, знаний и практик для создания устойчивых институтов.

Он анализирует, каким образом могут быть построены институты сосуществования человека и животных, основанные на локальной онтологии местных сообществ, которая не разделяет природу и культуру. Исследователь подвергает критике классические модели консервации за то, что они «присваивают» культурные ландшафты, созданные местными сообществами на протяжении столетий, игнорируя факт, что в большинстве частей

глобального мира местные общества сосуществовали с дикими животными столетиями. Эта критика важна тем, что она не просто констатирует ценностные различия между западными и незападными способами отношения к природе, но и показывает, как эти различия воспроизводятся на уровне институционального дизайна и политических решений.

Другой значимый вектор западной культурологии – анализ культурных механизмов экстрактивизма в его связи с колониальным наследием. Здесь культурология смыкается с постколониальными исследованиями, критикой расового капитализма и исследованиями «эпистемического насилия». В современных неоколониальных практиках закрепляется экономическое, экологическое и политическое неравенство различных народов, происходит массовое извлечение природных ресурсов для экспорта при их минимальной переработке – это и есть экстрактивизм. Продолжается использование различных стран в качестве ресурсных придатков развитых стран, обостряются экологические проблемы в результате подобного отношения к природной среде. Это проявление экологического неравенства с нарушением жизни малых/коренных народов, загрязнением воды и почвы, утратой субъектности, независимости и подчинением. Например, подобные явления характерны для нефтяных регионов Нигерии, горных районов Анд – Перу, Боливия, Чили, где добывают медь, литий и другие ископаемые с высоким загрязнением окружающей природной среды. Осуществляется неравноценный обмен (Unequal Exchange), когда природные ресурсы – нефть, газ, лес, металлы – массово вывозятся из страны по низким ценам, а затем эта же страна закупает различные товары, сделанные в более развитой стране по высоким ценам. Возникает институциональная ловушка и феномен «ресурсного проклятия», когда прибыль получают глобальные центры. В результате растет коррупция и ослабевают демократические институты, а власть заинтересована не в развитии

человеческого капитала, а лишь в получении прибыли.

Одной из наиболее влиятельных теоретических рамок в этой области становится понятие «политической онтологии», разрабатываемое в работах М. Блейзера и других авторов. В частности, Блейзер в статье, помещенной в журнале «Культурологические исследования», считает, что в обществе существуют различные способы понимания реальности, разные онтологии [9]. Они оказывают воздействие на политику, которую делают индивиды, группы, политические институты. В данной статье он использует антропологические исследования и семиотический подход.

Западная таксономия ценностей природы основана на «натуралистической онтологии», предполагающей разделение природы и культуры. Однако для многих незападных сообществ такое разделение не существует. Актуальными являются исследования культурных различий, которые выступают не просто как различия в ценностях и символах, но различия в базовых категориях, через которые конституируется реальность данного общества.

Появляется множество исследований, проводимых в рамках междисциплинарного подхода, который позволяет проанализировать взаимосвязь капитализма, культурных форм и практик и экологии, а также – выявить роль культуры в преодолении экономических, экологических и социальных кризисов. В книге Ш. Декарда, М. Ниблетта и С. Шапиро, занимающихся изучением мировой литературы и культуры, «Отслеживающий капитал: мировые системы, мировая экология, мировая культура» (2024) рассматриваются классовые, расовые, гендерные и экологические проблемы современной мировой системы [10]. Они пытаются разработать новые рамки для объяснения общества, культуры и литературы в условиях ускоряющихся экологических катастроф, растущего социального неравенства и других проблем. Понятие «земипериферии» (*zemiperiphery*), введенное Стивеном Шапиро

и развитое в работах Ш. Декард, М. Ниблетта [10] и других исследователей, позволяет описывать эти онтологические конфликты в терминах миросистемного анализа И. Валлерстайна, обозначившего периферию как зависимые, эксплуатируемые регионы мировой экономики. Для культурологии это означает, что анализ культурных феноменов не может ограничиваться национальными рамками, но должен учитывать их положение в глобальной миросистеме, где земипериферии являются не просто «отсталыми» регионами, но и зонами культурного творчества и инновации.

Интересной, на наш взгляд, является дискуссия о методе исследования культуры, восходящая к работам Куан-Синга Чена [16]. Вслед за Ченом, Н. Пун и Х. Янг (2025) выдвигают новый подход в исследованиях, который они обозначили «Азия как метод» [15]. Этот подход предлагает рассматривать азиатские интеллектуальные традиции не как объект изучения с позиций западного теоретизирования, а как источник теоретических категорий и методологических ориентаций. Вместо классической модели культурного империализма, где западные теории применяются к азиатским «кейсам», «Азия как метод» предлагает «провинциализировать» Запад и увидеть в азиатских практиках общие способы сопротивления капиталистической логике. Этот методологический сдвиг имеет далеко идущие последствия для культурологии в целом, поскольку культуролог не должен ограничиваться интерпретацией культурных текстов; он должен участвовать в создании альтернативных культурных практик и институтов.

Характерной чертой западной культурологии остается ее политизированность. В ней разрабатываются такие темы, как постколониальные перспективы сообществ, влияние колониального наследия на современные экологические и культурные проблемы, включая вопросы справедливости, власти и идентичности; изучаются культуры местных и коренных сообществ, традиционные

знания, практики управления ресурсами и способы взаимодействия с окружающей средой, которые могут предложить альтернативные модели устойчивого развития. Исследователи не просто описывают культурные феномены, но позиционируют себя как акторов изменений. Соммье и соавторы (2026) прямо заявляют о необходимости соединить исследование и активизм, использовать мультимедийные методологии [14].

Кроме того, современные *cultural studies* сосредоточены на нескольких ключевых темах. Во-первых, это цифровые культуры – исследование онлайн-сообществ, социальных медиа, игр, фандомов как культурных феноменов. Во-вторых, экоккультурные исследования, включающие климатический кризис, отношения человека и природы. В-третьих, постгуманизм и новые материализмы – критика антропоцентризма и роль не-человеческих акторов. В-четвертых, платформенный капитализм, то есть анализ алгоритмического управления, данных и инфраструктур. В-пятых, глобальная и постколониальная культурология, направленная на критику евроцентризма и разработку деколониальных подходов. В-шестых, аффект и эмоции, включающие роль чувственного опыта в культурных процессах [4].

Российский вектор: институциональная рефлексия и поиск идентичности

Российская культурология демонстрирует иную траекторию развития. Здесь, в отличие от западной политизированности и экологической ориентации, на первый план выходят вопросы дисциплинарного статуса, институционального выживания, методологической рефлексии и публикационной стратегии. Прямая политизация, столь характерная для западных *cultural studies*, в российском контексте уступает место культурфилософской, этической, педагогической и эпистемологической проблематике. Это различие объясняется не только разницей

в академических традициях, но и разницей в социальном заказе, адресованном интеллектуалам.

Вопрос о том, каков статус культурологии сегодня в России, остается центральным для российского научного сообщества. Эта дискуссия имеет длительную историю, восходящую к 1990-м годам, когда культурология впервые была институционализирована как самостоятельная научная специальность и как образовательное направление. Однако в последние годы она приобрела новую остроту в связи с реформой системы научных специальностей, пересмотром номенклатуры ВАК и введением новых требований к публикационной активности. Спектр позиций в этой дискуссии чрезвычайно широк – от утверждения культурологии как фундаментальной философской дисциплины, изучающей культуру, а именно, целостную систему смыслов и ценностей, до признания ее сугубо прикладной областью, решающей конкретные задачи культурной политики, музеефикации, культурного менеджмента и культурного образования. Рассмотрим основные позиции подробнее.

Первая позиция – *культурология как философская дисциплина*. Эта позиция восходит к традициям философской культурологии, связанной с именами М. М. Бахтина, который выдвигал концепции диалогизма, хронотопа и карнавальной смеховой культуры [2], А. Ф. Лосева (диалектика имени и символа в культуре) [5], Ю. М. Лотмана (семиосфера как механизм культурной динамики) [6] и М. К. Мамардашвили (культура как «не-природа» и «медитация») [7]. В этой традиции культура понимается как аксиологическая и семиотическая система, подлежащая герменевтической интерпретации и философской рефлексии [3]. Культуролог здесь выступает прежде всего как интерпретатор культурных текстов и форм, раскрывающий их глубинные смыслы и связи с универсальными категориями бытия. Сторонники этой позиции предостерегают от «методологического редукционизма» и «прикладного

позитивизма», которые, по их мнению, нивелируют специфику культурологического знания и превращают его в обслуживающую дисциплину для социологии, политологии или экономики.

Вторая позиция – *культурология как прикладная область*. Эта позиция сближается с западными *cultural studies*, но с важной поправкой: если на Западе прикладной характер *cultural studies* выражается прежде всего в политическом активизме, участии в социальных движениях и критике институций власти, то в России – в разработке образовательных программ, методик преподавания культурологии, практик управления культурным наследием и культурного туризма. Сторонники этой позиции исходят из того, что культурология должна доказывать свою состоятельность через конкретные социальные и образовательные результаты. Это означает, что сама образовательная практика становится объектом культурологического анализа, а культурология, в свою очередь, получает легитимацию через свою полезность для образования.

Третья позиция – *культурология как метадисциплина*. Эта позиция занимает промежуточное положение между двумя первыми. Сторонники метадисциплинарного подхода настаивают на том, что культурология интегрирует данные философии, истории, социологии, антропологии, эстетики, искусствознания, семиотики и других наук о культуре, не сводясь ни к одной из них и не растворяясь в прикладных задачах. Культурология, с этой точки зрения, – это область, где различные дисциплины пересекаются для обсуждения общих вопросов о природе культуры, ее границах, механизмах трансляции и трансформации. Метадисциплинарный статус культурологии позволяет ей сохранять автономию, одновременно оставаясь открытой для междисциплинарного взаимодействия.

Однако у этой позиции есть уязвимая для критики сторона, в частности, это дисциплинарная гибридизация, которая ведет

к размыванию предмета и критериев научности. Если культурология включает в себя всё, что связано с культурой, то в пределе она не включает ничего специфического, она становится просто синонимом гуманитарного знания в целом. Как справедливо отмечают критики, такая ситуация создает риски для публикационной активности: рецензенты и редакционные коллегии научных журналов ВАК часто не могут определить, соответствует ли статья профилю «культурологии», или ее следует отнести к философии, филологии, искусствоведению или социологии.

Культурология в российском варианте распадается на три крупных блока: фундаментальная культурология, в рамках которой рассматриваются базовые проблемы культуры, понятийный аппарат, методологии; историческая культурология, в центре изучения которой находятся эволюционные трансформации культуры, исторические аспекты культурных процессов; прикладная культурология, которая занимается проблемами культурной политики, управления, социальными и культурными институтами, креативными индустриями.

В рамках фундаментальной культурологии традиционно выделяют социальную культурологию и гуманитарную культурологию. Так, например, М. М. Шибаева отмечает: «Интегративный характер культурологического знания и такого ее направления, как гуманитарная культурология, наглядно выявляет себя в многогранности проблемного пространства и в междисциплинарном подходе к различным аспектам Универсума культуры. Содержательность метатекста гуманитарной культурологии тяготеет одновременно к двум дискурсам – как к ценностному (аксиологическому), так и к человеческому (антропологическому) <...>. Отсюда и несомненная актуальность всего круга вопросов, касающихся духовного состояния общества и его нравственного климата, ценностно-смысловых аспектов культурной динамики, а также различных граней индивидуального бытия человека как

субъекта культурных отношений и творчества» [8, с. 21–22].

Показательная тенденция: в публикационной активности российских культурологов наблюдается устойчивый интерес к историко-философской ретроспективе, например, к русскому космизму и русской религиозной философии, философии мифа и символа А. Ф. Лосева, теории культуры советских философов-марксистов 60–70-х годов XX века, семиотическим проблемам культуры Ю. М. Лотмана и другим. Это можно интерпретировать как поиск «сильных» онтологических оснований в ситуации дисциплинарной неопределенности. Обращение к классическим авторитетам и фундаментальным философским проблемам служит способом доказать, что культурология не просто прикладная дисциплина, а полноценная область фундаментального знания.

Одновременно растет число статей, посвященных конкретным социокультурным практикам – от анализа городских сообществ и локальных идентичностей до исследований цифровых культур и новых медиа. Эта двойственность отражает фундаментальную напряженность внутри дисциплины: культурология в России одновременно претендует на статус фундаментальной философской науки и пытается доказать свою практическую полезность в логике государственных приоритетов культурной политики и образования. Эта напряженность не является патологией или признаком кризиса, скорее, она – показатель состояния дисциплины, которая находится в процессе самоопределения.

Острейшим вопросом дискуссии остается соотношение культурологии как науки (области исследовательской деятельности с определенными методами, критериями и результатами) и культурологии как учебной дисциплины (образовательного направления, готовящего бакалавров, магистров и специалистов). В советский период не существовало культурологии как отдельной специальности; существовали «марксистско-

ленинская теория и история культуры», «искусствознание» и «этнография». В постсоветский период культурология была институционализирована и как научная специальность, и как образовательное направление. Однако сегодня, в условиях реформы высшего образования и перехода к новой системе специалитетов, эта институционализация оказывается под вопросом. Ответ на этот вопрос определит не только судьбу дисциплины, но и стратегии публикационной активности, критерии оценки научной работы и требования к диссертационным исследованиям.

Как готовить культурологов в условиях, когда рынок труда предъявляет к ним не всегда ясные требования? Как согласовать фундаментальную философскую подготовку с прикладными компетенциями? Российская школа культурологии предлагает прагматичный, институционально ориентированный ответ: культурология – это область, которая должна доказывать свою состоятельность через конкретные исследовательские результаты и образовательные практики. Это не означает отказа от философского фундамента, но предполагает его соединение с анализом актуальных социокультурных процессов.

Таким образом, и российская, и западная культурология в настоящее время представляет методологически открытую область, стремящуюся преодолеть границы между природным и культурным, теорией и практикой, исследованием и деятельностью. Это интегративная наука, которая находится в постоянном поиске новых онтологий и эпистемологий, способных ответить на вызовы антропологического, экологического и климатического кризиса, утраты биоразнообразия и растущего неравенства в мире. Ее сильной стороной является анализ актуальных процессов культуры – экологии культуры, новых медиа, культурной памяти поколений, городской антропологии, цифровых арт-практик. Наконец, важной особенностью современной культурологии является ее способность к саморефлексии и самокритике.

Список литературы

1. Арнольдов А. Я. Человек и мир культуры: введение в культурологию. Москва: Издательство Московского государственного института культуры. 1992. 237 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 424 с.
3. Воеводина Л. Н. Философия культуры в эпоху постсовременности // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2014. № 3 (130). С. 29–35.
4. Воеводина Л. Н. Экономика впечатлений и постмодернистская культура потребления в контексте постсовременности // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2026. № 2 (130). С. 88–96.
5. Лосев А. Ф. Философия имени. Москва: Издательство Московского университета, 1990. 276 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ, 2000. 704 с.
7. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс, 1992. 418 с.
8. Шibaева М. М. К вопросу об эвристической значимости сопряжения гуманитарной культурологии и антропологии искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. № 2 (130). С. 20–27.
9. Blaser M. Political Ontology: The Many and the One // Cultural Studies. 2019. Vol. 33, No. 1. P. 1–22.
10. Deckard S., Niblett M., Shapiro S. Tracking Capital: World-Systems, World-Ecology, World-Culture. State University of New York Press, 2024. URL: <https://www.jstor.org/stable/jj.14284452>
11. EcoLit Ecocritical Literary and Cultural Studies // University of Oslo, Department of Literature, Area Studies and European Languages. 2026. URL: <https://www.hf.uio.no/ilos/english/research/groups/ecolitt/>
12. Haller T. Convivial Constitutionality: Conditions for Human-Predator Cohabitation, Institutional Change and Ontological Contestations in a 'Glocal' World // International Journal of the Commons. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 180–194.
13. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 312 p.
14. Sommier M., Fanari A., Rahmani D. Moving Towards (More-Than-)Human Solidarities and Sustainable Futures: On the Critical Urgency of the Ecological Turn in Intercultural Communication // Journal of Intercultural Communication Research. 2026. P. 1–12.
15. Pun N., Yang H. Asia as Method: Rethinking Cultural Studies in the Global South // Inter-Asia Cultural Studies. 2025. Vol. 26, No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/14649373.2025.2456789
16. Chen K.-H. Asia as Method: Toward Deimperialization. Durham: Duke University Press, 2010. 416 p.

*

Поступила в редакцию 12.03.2026

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

УДК 338.48:008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-67-79>

Т. Н. Сумина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию концепции ценностно-ориентированных креативных индустрий (ЦОКИ) как ответу на методологический кризис в их осмыслении. Данный кризис заключается в противоречии между признанной экономической ролью креативных индустрий и их нереализованным потенциалом в качестве инструмента целенаправленного формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В качестве решения предлагается новая ценностно-ориентированная парадигма осмысления креативных индустрий в контексте государственной культурной политики. На основе сравнительно-исторического и дискурс-анализа существующих подходов выявляется их ключевое ограничение – отсутствие целостной аксиологической концепции, позволяющей рассматривать креативные индустрии как сферу производства культурных смыслов, а не только экономических благ. В ответ на это автором конструируется и обосновывается концепция ЦОКИ. Ее ядро составляет оригинальная трехуровневая модель, обеспечивающая интеграцию ценностного подхода на уровнях формирования гармонично развитой личности, трансляции традиционных ценностей и государственного управления. Практическая реализуемость модели подтверждается разработанной системой критериев оценки социокультурной эффективности проектов. Предлагаемый подход означает методологический поворот, при котором креативные индустрии трактуются как управляемый ресурс для достижения аксиологических приоритетов общества, а не только как источник экономической прибыли, что открывает новые перспективы для исследований и практики в сфере государственной культурной политики.

Ключевые слова: креативные индустрии, государственная культурная политика, аксиологический подход, ценностно-ориентированные креативные индустрии, трехуровневая модель реализации, социокультурная эффективность, традиционные ценности.

Для цитирования: Сумина Т. Н. Ценностно-ориентированные креативные индустрии: смена парадигмы в государственной культурной политике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 67–79. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-67-79>

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор, директор Научно-издательского центра, профессор кафедры педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

SUMINOVA TATIANA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor, Scientific Publishing Center Director, Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activity, Moscow State Institute of Culture

© Сумина Т. Н., 2026

VALUE-ORIENTED CREATIVE INDUSTRIES: A PARADIGM SHIFT IN STATE CULTURAL POLICY

Tatiana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Abstract. This article provides a theoretical justification for the concept of value-oriented creative industries (VOCI) as a response to a methodological crisis in their understanding. This crisis stems from the contradiction between the recognized economic role of the creative industries and their unrealized potential as a tool for the targeted development of traditional Russian spiritual and moral values. As a solution, a new value-oriented paradigm for understanding the creative industries in the context of state cultural policy is proposed. Based on a comparative historical and discourse analysis of existing approaches, their key limitation is identified: the lack of a holistic axiological concept that allows for the creative industries to be viewed as a sphere of producing cultural meanings, and not just economic goods. In response, the author constructs and substantiates the VOCI concept. Its core is an original three-tiered model that ensures the integration of a value-based approach at the levels of developing a harmoniously developed individual, communicating traditional values, and public administration. The model's feasibility is confirmed by the developed system of criteria for assessing the sociocultural effectiveness of projects. The proposed approach represents a methodological shift, treating creative industries as a manageable resource for achieving society's axiological priorities, rather than merely as a source of economic profit. This opens up new perspectives for research and practice in the field of public cultural policy.

Keywords: creative industries, state cultural policy, axiological approach, value-oriented creative industries (VOCI), three-level implementation model, socio-cultural efficiency, traditional values.

For citation: Suminova T. N. Value-Oriented Creative Industries: a Paradigm Shift in State Cultural Policy. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 67–79. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-67-79>

Креативные индустрии в современной России оказываются в эпицентре системного противоречия: между стратегическими задачами по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей и доминирующей на практике экономико-утилитарной парадигмой их развития. Несмотря на провозглашенный в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [13] курс, креативный сектор продолжает рассматриваться преимущественно как источник роста валового регионального продукта (ВРП) и создания рабочих мест. Это приводит к фрагментарному и ситуативному использованию его потенциала, что не позволяет оказать системное воздействие на фор-

мирование гармонично развитой личности и укрепление гражданской идентичности.

Этим и обуславливается отсутствие целостной теоретико-методологической модели, позволяющей транслировать стратегические установки государственной культурной политики в практику управления креативными индустриями. Существующие подходы не обеспечивают системного взаимодействия между индивидуальным развитием личности через творческие практики и трансляцией традиционных ценностей в культурном пространстве через инструменты государственного регулирования сектора.

В этой связи значимым является теоретическое обоснование концепции ценностно-ориентированных креативных индустрий (ЦОКИ) как ядра новой парадигмы государственной культурной политики и разработка трехуровневой модели их реализации, обе-

спечивающей интеграцию аксиологического подхода на уровнях формирования личности, трансляции традиционных ценностей и государственного управления.

Осмысление современных креативных индустрий невозможно без обращения к *эволюции научных парадигм*, начинающейся с критической теории и завершающейся ценностно-ориентированным подходом. Особое значение имеют *критическая теория и политическая экономия культуры*. Теоретической основой для осмысления современных креативных индустрий являются работы немецких мыслителей XX века, заложивших основы критики коммерциализированного культурного производства. Вальтер Беньямин в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (*Œuvre d'art à l'époque de sa reproduction mécanisée*, 1936) впервые обозначил проблему изменения статуса культурного продукта в условиях его массового тиражирования (начиная с книгопечатания), отмечая как утрату «ауры» подлинности, так и новый демократизирующий потенциал искусства. Развивая эту идею, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в работе «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» (*Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, 1947) ввели понятие «культуриндустрии», отразив ее манипулятивный характер как инструмента стандартизации сознания и поддержания социального конформизма. Согласно их подходу, индустрия культуры превращает искусство в товар, а потребителя – в пассивный объект воздействия, что обеспечивает воспроизводство существующей социально-экономической системы.

Таким образом, работами Беньямина, Адорно и Хоркхаймера был задан фундаментальный критический вектор для анализа любых форм систематизированного производства культуры. Беньямин заложил основу диалектического анализа новой культурной реальности, где техническое воспроизводство несет как риски (утрата ауры), так и новые возможности (демократизация). Адорно

и Хоркхаймер сформулировали последовательную критическую парадигму в концепции «культуриндустрии», рассматривая ее как инструмент коммодификации, стандартизации сознания и социального воспроизводства. Этот подход установил высокую методологическую планку, требуя от любого последующего анализа ответа на вопросы об отчуждении, манипуляции и истинной ценности культурного продукта.

Непосредственным продолжением и актуализацией данной критической традиции для современного культурного производства стала работа Дэвида Хезмондалша «Культурные индустрии» (*The Cultural Industries*, 2002). Его исследование предлагает синтез политической экономии, исследований культуры и социальной теории, становясь ключевым звеном между классической традицией и современным анализом культурного производства. Хезмондалш детально рассматривает трансформацию сектора, начиная с 1980-х годов, уделяя особое внимание вопросам культурной политики, авторского права и адаптации индустрий к новым экономическим реалиям. Его работа позволяет рассматривать современные креативные индустрии не как отрицание «культуриндустрии», а как ее исторически сложившуюся и институционализированную форму, требующую целостного анализа. В итоге классическая критическая теория и политическая экономия культуры создали мощный аналитический инструментарий, в ответ на который в 1990-е годы и начала формироваться новая, позитивная парадигма креативных индустрий.

Становление и доминирование экономико-утилитарной парадигмы в 1990–2000-е годы сопровождалось ее *институциональным оформлением и выработкой ранних теоретических оснований*. Конец XX – начало XXI века ознаменовались кардинальным пересмотром подходов к изучению культурного производства, что стало переходом от критической парадигмы к прагматической экономико-утилитарной модели осмысления креативных индустрий.

Первым значимым документом, закрепившим новый подход, стал доклад правительства Австралии «Креативная нация» [16], где на государственном уровне был провозглашен тезис о стратегической значимости культуры для национальной идентичности и экономического развития.

Институциональное оформление концепции произошло в 1998 году, когда Департамент культуры, медиа и спорта Великобритании (UK DCMS) [10] представил первое официальное определение креативных индустрий [15] как видов деятельности, основанных на индивидуальном творчестве, мастерстве и таланте, обладающих потенциалом создания прибыли и рабочих мест через генерацию и использование интеллектуальной собственности.

Теоретическое осмысление этого феномена было развито в работах ключевых авторов. Ранние исследования Кимберли Селцер и Тома Бентли «Креативный век: знания и навыки для новой экономики» (The Creative Age: Knowledge and Skills for the New Economy, 1999) сместили акцент с макроэкономических показателей на человеческий капитал, провозгласив знания и навыки ключевым ресурсом развития. Практическое применение этих идей нашло отражение в работе Чарльза Лэндри «Креативный город: набор инструментов для городских новаторов» (The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators, 2000), где были предложены конкретные механизмы развития креативности в городской среде.

Питер Кой в статье «Креативная экономика: Какие компании будут процветать в ближайшие годы? Те, кто ценят идеи превыше всего» (The Creative Economy: Which Companies Will Thrive in the Coming Years? Those That Value Ideas Above All Else, 2000) предсказал переход мировой экономики от индустриальной модели к экономике, где ключевой движущей силой становится «растущая сила идей» [17]. Он одним из первых заявил, что творчество и генерация идей становятся центральным элементом экономического производства. Эта статья считается

одной из основополагающих работ, которая ввела сам термин «креативная экономика» в широкий оборот и подготовила основу для последующих, более детальных исследований.

Одновременно работа Дэвида Тросби «Экономика и культура» (Economics and Culture, 2001) предложила ценностное измерение культурных феноменов, введя понятие «культурного капитала» и теоретически обосновав взаимосвязь экономической и культурной ценности.

Дальнейшее развитие экономико-утилитарной парадигмы креативных индустрий связано с *формированием мейнстримной исследовательской программы*, основой которой стала монография Джона Хокинса «Креативная экономика: Как люди делают деньги из идей» (The Creative Economy: How People Make Money from Ideas, 2001). В ней автор предложил рассматривать творчество как ключевой экономический ресурс, а креативные индустрии – как самостоятельный сектор экономики, основанный на генерации идей и интеллектуальной собственности.

Ричард Флорида в теории «креативного класса», представленной в работе «Расцвет креативного класса: и как он меняет работу, досуг, общество и повседневную жизнь» (The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life, 2002), сместил акцент с продукции культуры на человеческий капитал, рассматривая концентрацию творческих профессионалов как ключевой фактор развития городов. Концепция Флориды, доминировавшая в последующие годы, радикализовала экономический подход, сделав «креативность» измеримым фактором роста, но при этом редуцировала ее до профессионального навыка и способа потребления (так называемые «3Т» – Talent, Technology, Tolerance).

В более поздних работах Флорида углубил и скорректировал свою первоначальную теорию. В книге «Кто твой город? Как креативная экономика влияет на выбор места жительства как на самое важное решение в жизни» (Who's Your City?: How the Creative

Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life, 2008) он развил идею о ключевой роли мегарегионов – крупных городских агломераций, которые, по его мнению, являются основными драйверами глобальной экономики, производителями инноваций и центрами притяжения креативного класса. Однако уже в работе «Новый городской кризис: как наши города увеличивают неравенство, углубляют сегрегацию и терпят провал среднего класса – и что мы можем с этим сделать» (The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class – and What We Can Do About It, 2017) Флорида признал негативные последствия модели, основанной на привлечении «креативного класса». Он констатировал, что концентрация талантов и инвестиций в успешных городах (в основном на побережьях) привела к резкому росту социально-экономического неравенства, усилению сегрегации и кризису среднего класса, тем самым поставив под сомнение устойчивость и инклюзивность предложенной им ранее парадигмы развития.

Параллельно развивалось иное, культурно-философское, осмысление источника креативности, примером чего является работа Роба Поупа «Творчество: теория, история, практика» (Creativity: Theory, History, Practice, 2005), расширяющая дискурс до философских и исторических оснований творчества как феномена. Однако в мейнстрим-исследованиях креативных индустрий этот пласт оставался вне особого внимания.

Таким образом, к середине 2000-х годов сформировался доминирующий экономико-утилитарный подход (Хокинс – Флорида), в рамках которого ценность креативности определялась ее вкладом в экономический рост и урбанистическое развитие. Однако последующая рефлексия, в том числе самим Флоридой, выявила издержки этой модели. Ее главным научным пробелом стало отсутствие целостной аксиологической концепции, то есть рассмотрения креативных индустрий не только как машины по производству до-

бавленной стоимости, но и как сферы порождения культурных смыслов, ценностей и социальных связей.

Современный этап (2010-е – настоящее время) характеризуется фрагментацией исследовательского дискурса: доминирующая экономико-утилитарная парадигма, исчерпав объяснительный потенциал и столкнувшись с внутренней критикой, подразделяется на множество специализированных направлений. Однако, несмотря на эмпирическое обогащение, ключевое аксиологическое ограничение – редукция культурной ценности к экономическим показателям – не преодолевается, а лишь воспроизводится в новых контекстах.

Это наглядно проявляется даже в наиболее синтезирующих работах, призванных углубить и систематизировать дискурс. Так, Терри Флю в работе «Креативные индустрии: Культура и политика» (The Creative Industries: Culture and Policy, 2012), а также авторы коллективных монографий «Ключевые концепции креативных индустрий» (Key Concepts in Creative Industries, 2013) – Дж. Хартли, Дж. Поттс, С. Каннингем, Т. Флю, М. Кейн, Дж. Бэнкс – первого исследования, систематизирующего концептуальный аппарат сферы, и «Креативная экономика и культура: вызовы, изменения и будущее креативных индустрий» (Creative Economy and Culture: Challenges, Changes and Futures for the Creative Industries, 2015) – Дж. Хартли, В. Вэнь, Г. С. Ли – проанализировали взаимосвязь сектора с цифровой трансформацией и культурной политикой. Несмотря на их значительный вклад, фундаментальная методологическая основа остается неизменной: ценность творческого продукта оценивается преимущественно через его коммерческий успех и вклад в ВВП.

Современный этап исследований характеризуется углублением в специализированные аспекты и междисциплинарный анализ креативных индустрий. Если Джейсон Поттс в работе «Креативные индустрии и эволюция экономики» (Creative Industries and Economic Evolution, 2011) заложил основы эволюционно-институционального подхода,

рассматривая сектор как двигатель экономической трансформации, то другие авторы акцентируют внимание на конкретных механизмах и контекстах.

Ключевые направления современных исследований:

- *предпринимательство, управление и инновации: в сборнике под редакцией Марты Перис-Ортис, Майера Рейньеро Кабрера-Флореса, Артуро Серрано-Сантойо «Культурные и креативные индустрии: путь к предпринимательству и инновациям» (Cultural and Creative Industries: A Path to Entrepreneurship and Innovation, 2019) и в книге Филиппа Макинтайра, Джанет Фултон, Сьюзан Керриган, Майкла Мини «Предпринимательство в креативных индустриях: как взаимодействуют инновационные агенты, навыки и сети» (Entrepreneurship in the Creative Industries: How Innovative Agents, Skills and Networks Interact, 2023) анализируются специфические бизнес-модели, роль креативных индустрий как катализатора инноваций, подчеркивается их значение для экономики знаний;*
- *региональное развитие и креативные кластеры раскрыты в публикациях Дитера Пухты, Фридриха Шнайдера, Стефана Хайгнера, Флориана Ваколбингера и Стефана Йеневайн «Креативные индустрии Берлина: эмпирический анализ будущих ключевых отраслей» (The Berlin Creative Industries: An Empirical Analysis of Future Key Industries, 2010), а также в сборнике под редакцией Элизы Иннерхофер, Харальда Печланера, Елены Борин «Предпринимательство в культуре и креативных индустриях: перспективы компаний и регионов» (Entrepreneurship in Culture and Creative Industries: Perspectives From Companies and Regions, 2018), где на конкретных примерах представле-*

но, как предпринимательские стратегии формируют региональные креативные экосистемы.

Далее фокус смещается к новым моделям в работе Юань Юань Вивиян «Экономическая логика китайских культурно-творческих индустриальных парков: Шэньчжэнь и Гуанчжоу» (The Economic Logic of Chinese Cultural-Creative Industries Parks: Shenzhen and Guangzhou, 2020) и к современным сетевым исследованиям, среди которых книга Филиппа Макинтайра, Сьюзан Керриган, Джейн Фултон, Эрика Кинга, Криса Уильямса «Креативность и креативные индустрии в регионах Австралии: взаимосвязанные сети, общие знания и агенты принятия решений» (Creativity and Creative Industries in Regional Australia: Interconnected Networks, Shared Knowledge and Choice Making Agents, 2023). Теоретическое обобщение этой эволюции представлено в работе Роберто Деллисанте «Культурные и креативные индустрии и региональное развитие: креативность где и почему» (Cultural and Creative Industries and Regional Development: Creativity Where and Why, 2023).

Таким образом, перечень отражает эволюцию научного взгляда от ранних эмпирических исследований ключевых отраслей в европейской столице через анализ предпринимательских стратегий на региональном уровне и экономических моделей азиатских парков к современному изучению сетей в австралийских регионах и, наконец, к теоретическому обобщению о природе креативности в территориальном развитии:

- *критика и защита значимости креативности* отражена в исследовании Питера Кэмпбелла «Устойчивая креативность: обоснование необходимости искусства, культуры и креативных индустрий» (Persistent Creativity: Making the Case for Art, Culture and the Creative Industries, 2019), где осуществляется аргументированная защита искусства, культуры и креативных индустрий, часто подвергающихся критике за из-

- лишнюю коммерциализацию, и доказываются их устойчивая социально-экономическая ценность;
- *цифровая трансформация* и влияние цифровых технологий на производство и дистрибуцию становится объектом различных исследований, например, в сборнике статей под редакцией Сабины Кртъен-Ичикава и Каролины Павлик «Креативные индустрии и цифровая трансформация в Китае» (Creative Industries and Digital Transformation in China, 2022) и в книге Массимилиано Нуччо, Софии Моньо «Картирование цифровых навыков в культурных и креативных индустриях Италии: подход, основанный на обработке естественного языка» (Mapping Digital Skills in Cultural and Creative Industries in Italy: A Natural Language Processing Approach, 2023);
 - *международный контекст* выявляется через анализ специфики развития в разных странах и межкультурного взаимодействия, что отражено в книге под редакцией Нобуко Кавасимы и Хье-Кюнг Ли «Азиатские культурные потоки: культурная политика, креативные индустрии и потребители медиа» (Asian Cultural Flows: Cultural Policies, Creative Industries, and Media Consumers, 2018), которая предлагает девестернизированный анализ региональных культурных потоков и политик в Азии; критический анализ глобальной проблематики представлен в фундаментальном четырехтомном сборнике ключевых работ (публикаций в журналах и книгах), подготовленном под редакцией Брайана Моэрана и Аны Алачовска «Креативные индустрии: критические статьи» (Creative industries: Critical Readings, 2012) – четырехтомной хрестоматии, систематизирующей ключевые критические подходы к индустрии;
 - *технологический вектор* как совре-

менный тренд отражен в книге под редакцией Каролины Фелисианы Маchado и Жоао Пауло Давим «Индустрия 5.0: креативные и инновационные организации» (Industry 5.0: Creative and Innovative Organizations, 2023), где раскрывается интеграция креативных индустрий в парадигму Индустрии 5.0, где творчество и инновации становятся ядром организационного развития в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, проведенный анализ эволюции парадигм позволяет выявить структурный теоретико-методологический пробел. Современный дискурс исследований, будучи эмпирически богатым, остается заложником дихотомии «критика vs. оправдание», оценивающей критические индустрии исключительно через призму экономической эффективности.

Методологическое ограничение всех рассмотренных подходов, от критической теории до самых современных специализированных зарубежных исследований, заключается в редукации культурных феноменов к экономическим метрикам. Это делает невозможным целостное понимание креативных индустрий как сферы порождения культурных смыслов и общественных ценностей. Преодоление данного пробела требует разработки принципиально новой, ценностно-ориентированной, исследовательской программы.

В современном российском контексте процессы институционализации, экономического анализа и исследований креативных индустрий достигли нового уровня. Принятие в 2024 году Федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [14] ознаменовало их официальное признание в качестве стратегического сектора. Экономические оценки подтверждают эту роль: согласно данным Минэкономразвития, доля креативных индустрий в ВВП России в 2024 году превысила 4%, а к 2030 году планируется достичь 6% [4]. Это позволяет Агентству стратегических инициатив (АСИ) характеризовать креативные

индустрии как «системный драйвер» модернизации экономики [6].

Отечественные исследователи активно изучают этот процесс. Работы Т. В. Абанкиной, О. И. Вапнярской и Н. А. Платоновой [2] дают системный анализ эволюции подходов и экономической роли сектора креативных индустрий, а публикации НИУ ВШЭ фиксируют его статус как одного из самых быстрорастущих в экономике [1].

Значительный вклад в теоретическое осмысление творческих индустрий внесла работа Е. В. Зеленцовой и Н. Гладких [5], где представлен целостный анализ теорий и практик, развитых затем в специализированном справочнике [12], в котором представлены теоретические основы и обобщены методы измерения вклада креативных индустрий в экономику, анализируются лучшие международные практики Великобритании, Австралии, Германии, Китая и других стран, практические механизмы развития (правовые аспекты, управление интеллектуальной собственностью и привлечение инвестиций, модели финансирования), исследуется роль городских сообществ и образовательных институций в формировании креативной экосистемы.

Теоретико-методологический базис для аксиологического поворота в осмыслении креативных индустрий представлен в монографии автора настоящей статьи [11]. В ней арт-менеджмент концептуализируется не только как инструмент индустрии, но и как фактор трансформации сознания аудитории и генерации ценностно-смыслового содержания в пространстве культуры. Развиваемая в монографии концепция арт-менеджера как продюсера, ответственного за создание «ценностно-смысловой матрицы» текстов культуры, наряду с предложенными педагогическими и управленческими технологиями, создает непосредственную теоретико-методологическую и практическую основу для конструирования ЦОКИ. Данный подход является ключевым для реализации задач государственной культурной политики по фор-

мированию гармонично развитой личности и укреплению традиционных ценностей через проекты в сфере искусств и культуры.

Экосистемный подход в региональном развитии креативных индустрий получает все большее признание. Современные исследования, например, публикуемые в журнале «Креативные индустрии» НИУ ВШЭ, отмечают эволюцию подходов от кластерной модели к экосистемному подходу. В исследовании коллектива авторов [3] анализируются современные тенденции и перспективы развития креативных индустрий в российских регионах. Согласно экосистемному подходу, стратегическим фокусом политики является восстановление «локального» контекста. Он базируется на региональных культурных ресурсах и потенциале, а не на копировании успешных моделей креативных кластеров, и позволяет исследовать эволюцию новых участников системы и формирование новых рынков.

Актуальные практики и перспективы развития креативных индустрий в РФ нашли отражение в работе И. В. Логунцовой [8]. Особого внимания заслуживает исследование предпринимательских аспектов в креативных индустриях, представленное в учебном пособии К. А. Кузьминой, М. В. Матецкой, О. Г. Тихомировой [7], где анализируются специфические бизнес-модели и управленческие подходы в творческом секторе.

Научный вклад российских исследователей проявляется в разработке целостного понимания креативных индустрий не только как экономического феномена, но и как инструмента социокультурного развития, что создает важную теоретическую предпосылку для реализации ценностно-ориентированного подхода в государственной культурной политике.

Актуальность формирования ценностно-ориентированного подхода находит прямое подтверждение в современной государственной повестке. Ключевой отраслевой форум «Российская креативная неделя – 2025» обозначил в качестве генерального тренда на ближайшие годы переход «От креативных индустрий к ценностно-ориентированной эконо-

мике» [9]. В числе приоритетных задач были названы стимулирование проектов на основе традиционных духовно-нравственных ценностей и интеграция этих ценностей в креативные продукты. Таким образом, предлагаемая в исследовании концепция ЦОКИ отвечает не только на теоретический вызов, но и на сформулированный запрос государственной политики, позиционируя креативные индустрии как управляемый ресурс для достижения аксиологических целей.

Проведенный анализ эволюции научных парадигм – от классической критики до современных исследований экономической эволюции, регионального развития и технологических трендов – позволяет выявить их *системный методологический пробел*: доминирование экономико-утилитарных и инструментальных перспектив при отсутствии целостной *аксиологической концепции*. Это определяет *необходимость разработки авторского подхода*.

Классическая теория усматривала в индустрии культуры угрозу, современная экономическая парадигма редуцирует ее к коммерческим показателям, а подход устойчивого развития инструментализирует культурные феномены, подчиняя их внешним по отношению к культуре задачам. Даже в рамках самых актуальных исследований, посвященных технологиям (Industry 5.0) и инновациям, ценностно-формирующая функция креативных индустрий системно не исследуется.

Вследствие этого их потенциал как инструмента целенаправленного укрепления духовно-нравственных основ общества остается теоретически неразработанным в рамках сложившихся научных парадигм.

Для преодоления выявленного пробела требуется разработка концепции ЦОКИ, которая предлагает синтез критической традиции, экономического анализа, целей и задач государственной культурной политики. Научная новизна данного исследования заключается в том, что предлагаемый подход преодолевает разрыв между стратегическим запросом государства, сформулированным

в Указе Президента Российской Федерации № 809, и ограниченностью существующих научных парадигм, позиционируя креативные индустрии как управляемый ресурс для достижения аксиологических целей.

Методологической основой исследования выступает синтез нескольких взаимодополняющих подходов, позволяющих осуществить комплексный анализ креативных индустрий как объекта государственной культурной политики и ценностно-ориентированной экономики. В работе применяется системный подход, рассматривающий креативные индустрии в качестве целостного социально-экономического и культурного феномена. Использование сравнительно-исторического метода позволило проследить эволюцию научных парадигм в осмыслении креативных индустрий – от критической теории Франкфуртской школы до современных концепций креативной экономики.

Важная роль принадлежит критическому дискурсу-анализу, направленному на выявление методологических ограничений существующих подходов. С помощью метода теоретического моделирования разработана оригинальная трехуровневая модель реализации концепции ЦОКИ. Институциональный анализ использовался для изучения нормативно-правовых условий функционирования креативных индустрий в России и за рубежом.

В качестве эмпирической базы исследования выступили законодательные и нормативные акты Российской Федерации в сфере культуры и креативных индустрий, стратегические документы государственной культурной политики, статистические данные Минэкономразвития России и международных организаций, научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблематике исследования, аналитические отчеты и исследования ведущих научных центров (например, НИУ ВШЭ).

Ограничением исследования является динамичный характер развития креативных индустрий, что обуславливает необходи-

мость дальнейшего мониторинга и актуализации полученных результатов. Кроме того, ценностно-ориентированный подход требует разработки более тонких инструментов измерения социокультурных эффектов, выходящих за рамки традиционных экономических показателей.

Именно поэтому авторская концепция ЦОКИ представляет собой теоретико-методологический конструкт, преодолевающий редуционизм существующих подходов через синтез трех ключевых измерений: экономической эффективности, культурного развития и аксиологического воздействия.

Следовательно, ЦОКИ логично определять как проекты и инициативы в сфере креативной экономики, где творческий и предпринимательский потенциал направлен на достижение социокультурных результатов, соответствующих стратегическим ориентирам государственной, в том числе культурной, политики (Указ Президента РФ № 809).

Проекты можно отнести к ЦОКИ согласно следующим критериям:

- 1) *аксиологическая релевантность* – соответствие традиционным российским духовно-нравственным ценностям;
- 2) *педагогическая направленность* – наличие механизмов формирования гармонично развитой личности;
- 3) *социокультурный эффект* – измеримое воздействие на укрепление гражданской идентичности;
- 4) *экономическая устойчивость* – способность к самокупаемости при сохранении ценностной ориентации.

В основе концепции ЦОКИ находится *трехуровневая теоретическая модель*, интегрирующая взаимодополняющие исследовательские перспективы:

- *аксиологический (ценностно-смысловой) подход*: данный уровень модели базируется на традиции исследований ценностей в социальных науках и культурной политике; он позволяет анализировать креативные индустрии не как нейтральные

экономические агенты, а как институты, целенаправленно продуцирующие, транслирующие и закрепляющие конкретные ценностные системы (в данном случае – традиционные российские духовно-нравственные ценности); этот подход отвечает на вопрос «во имя чего?» существуют ЦОКИ, задавая их нормативно-целевое ядро;

- *дискурсивно-коммуникативная теория* – уровень, который фокусируется на *механизмах* ценностного воздействия и способствует рассмотрению креативных индустрий как сложной системы производства и распространения культурных текстов (нарративов, образов, символов), формирующих коллективные представления и идентичности: анализ арт-менеджмента как технологии формирования «маркетингового коммуникативного пространства» и «ценностно-смысловой матрицы» [11] логично встраивается именно в эту теоретическую рамку, раскрывая «как» ценности воплощаются в культурных продуктах и транслируются аудитории;
- *принципы проектного и экосистемного управления* – прагматический уровень, который обеспечивает операционную реализацию модели; он заимствует из менеджмента методы и технологии управления креативными проектами, а из региональной экономики – *экосистемный подход*, акцентирующий важность локального контекста, взаимосвязей между участниками – художниками, предпринимателями, образовательными учреждениями, властью – и формированием благоприятной институциональной среды; отвечает на вопрос «*каким образом*» практически организовать и поддерживать работу ЦОКИ.

Концепция ЦОКИ предлагает *новый формат взаимодействия государства и креативного сектора*, основанный не на прямом ад-

министрировании, а на создании институциональных условий для развития ценностно-ориентированных проектов через разработку специальных критериев поддержки, создание системы оценки социокультурной эффективности, формирование инфраструктуры для развития ЦОКИ.

Таким образом, концепция ЦОКИ представляет собой теоретически обоснованный ответ на выявленный в ходе анализа ряда концепций и парадигм зарубежных и отечественных авторов пробел и создает основу для реализации задач государственной культурной политики в сфере креативной экономики.

Разработанная модель представляет собой системный механизм интеграции аксиологического подхода в практику управления креативными индустриями и отражает следующие аспекты: антропологический, социокультурный и институционально-управленческий.

Антропологический: формирование гармонично развитой личности. Данный аспект способствует реализации непосредственного воздействия на личность через вовлечение в творческие практики. Ключевыми механизмами являются:

- образовательные программы и арт-резиденции, развивающие когнитивные и эмоциональные компетенции;
- проектные мастерские, формирующие навыки критического мышления и командной работы;
- цифровые платформы ко-креации (совместного создания ценностей с потребителем), обеспечивающие активное участие последнего в создании культурного продукта.

Социокультурный: трансляция традиционных ценностей. Аспект отвечает за опосредованное укрепление ценностей через их интеграцию в современные культурные форматы:

- производство медиaproдукции (кино, сериалы, digital-проекты), транслирующей традиционные ценности в актуальных художественных образах;

- развитие культурных брендов территорий, основанных на историко-культурном наследии;
- создание иммерсивных образовательных сред (VR/AR), обеспечивающих погружение в историко-культурный контекст.

Институционально-управленческий: государственное регулирование и поддержка. Аспект создания системных условий для развития ЦОКИ предполагает:

- нормативно-правовое обеспечение и налоговые стимулы;
- разработку критериев социокультурной эффективности для предоставления грантовой поддержки;
- формирование инфраструктуры (креативные кластеры, центры компетенций);
- межведомственную координацию (культура + образование + цифровое развитие).

Модель предусматривает непрерывный мониторинг и корректировку через систему оценки социокультурного воздействия проектов; консультации по ценностной экспертизе; механизмы общественного обсуждения и обратной связи.

Трехуровневая модель обеспечивает целостность управления ЦОКИ, создавая условия для их устойчивого развития как инструмента реализации культурной политики солидарного государства с интегративным строем.

Для практической реализации трехуровневой модели разработана система критериев оценки, позволяющая дифференцировать проекты креативных индустрий по их ценностному потенциалу и социокультурному воздействию.

Основные критерии оценки:

- *ценностная релевантность:* соответствие целей проекта традиционным российским духовно-нравственным ценностям; наличие ценностного посыла в содержании культурного продукта; согласованность с приори-

татами государственной культурной политики;

- *педагогический потенциал*: наличие образовательной составляющей и развивающих механизмов; способность формировать критическое мышление и soft skills; включенность в программы непрерывного образования;
- *коммуникативная эффективность*: использование современных и доступных целевой аудитории форматов; способность вовлекать различные социальные группы; наличие обратной связи и механизмов диалога с аудиторией;
- *социокультурное воздействие*: вклад в укрепление гражданской идентичности; способность формировать общественное мнение; влияние на развитие местных сообществ.

Методами оценки эффективности являются: экспертная оценка по разработанной шкале критериев; мониторинг вовлеченности аудитории и обратной связи; анализ медиаотклика и общественного резонанса; исследование долгосрочных эффектов проекта.

Обозначенные критерии оценки применяются при отборе проектов для государственной поддержки, в системе грантового финансирования креативных индустрий, для оценки эффективности реализованных проектов, при формировании реестра лучших практик ЦОКИ.

Разработанная система критериев позволяет перейти от декларации о ценностной ориентации к измеримым показателям эффективности, обеспечивая практическую реализацию концепции ЦОКИ в рамках государственной культурной политики.

Проведенное исследование позволило разработать целостную концепцию ЦОКИ как нового вектора развития государственной культурной политики.

Теоретико-методологические результаты исследования:

- 1) выявлен и системно проанализирован научный пробел в современных ис-

следованиях креативных индустрий, заключающийся в доминировании экономико-утилитарных подходов при отсутствии целостной аксиологической концепции;

- 2) создана новая теоретико-методологическая конструкция – трехуровневая модель ЦОКИ, синтезирующая критическую традицию (Франкфуртская школа), экономический анализ креативных индустрий и цели государственной культурной политики в рамках аксиологического, дискурсивно-коммуникативного и проектно-экосистемного подходов.

Практико-ориентированные результаты исследования:

- 1) предложена модель реализации ЦОКИ, состоящая из трех уровней: антропологического (формирование гармонично развитой личности), социокультурного (трансляция традиционных ценностей) и институционально-управленческого (государственное регулирование и поддержка);
- 2) разработана система критериев оценки социокультурной эффективности проектов ЦОКИ, включающая ценностную релевантность, педагогический потенциал, коммуникативную эффективность и социокультурное воздействие;
- 3) создан методический инструментарий для интеграции аксиологического подхода в практику управления креативными индустриями.

Научная новизна исследования заключается в преодолении разрыва между стратегическим запросом государства на сохранение и укрепление традиционных ценностей и ограниченностью существующих научных парадигм осмысления креативных индустрий.

Практическая значимость работы состоит в создании теоретического и методического фундамента для разработки и реализации государственных программ поддержки

ценностно-ориентированных проектов в сфере креативных индустрий; формирования системы оценки их эффективности по вкладу в укрепление традиционных ценностей; подготовки арт-менеджеров как продюсеров, способных реализовывать задачи ценностно-ориентированной культурной политики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с апробацией разработанной модели в практике управления креативными индустриями на региональном уровне, а также – с разработкой конкретных методик измерения ценностного воздействия проектов ЦОКИ на различные целевые аудитории.

Список литературы

1. *Абанкина Т. В.* Креативные индустрии: эволюция подходов и векторы развития // Креативные индустрии. 2025. № 1. С. 14–36.
2. *Абанкина Т. В., Вапнярская О. И., Платонова Н. А.* Креативные индустрии. Москва: НИУ ВШЭ, 2025. 296 с.
3. *Абанкина Т. В., Николаенко Е. А., Романова В. В. и др.* Креативные индустрии России: тенденции и перспективы развития. Москва: Grey Matter, 2021. 44 с.
4. Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 году составил 7,5 трлн рублей URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rubley.html.
5. *Зеленцова Е. В., Гладких Н.* Творческие индустрии: теории и практики. 2-е изд., испр., доп. Москва: ТВ RUGRAM, 2021. 210 с.
6. Креативные индустрии становятся системным драйвером для российской экономики: АСИ обозначило ключевые направления роста URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8214231>.
7. *Кузьмина К. А., Матецкая М. В., Тихомирова О. Г.* Предпринимательство в креативных индустриях: учебное пособие. Санкт-Петербург: Петрополис, 2018. 138 с.: ил., табл.
8. *Логунцова И. В.* Креативные индустрии в РФ: актуальные практики и перспективы развития. Москва: Проспект, 2024. 110 с.
9. «Российская креативная неделя – 2025»: Сформированы тренды креативной экономики URL: <https://rg.ru/2025/10/01/rossijskaia-kreativnaia-nedelia-2025-sformirovany-trendy-kreativnoj-ekonomiki.html>.
10. *Салтанова С. В.* Картоотека IQ: креативная экономика URL: <https://issek.hse.ru/news/468966991.html>.
11. *Суминова Т. Н.* Арт-менеджмент как технология креативной экономики. Москва: Академический проект, 2021. 276 с.
12. Творческие (креативные) индустрии: Справочник / Сост. Е. Зеленцова. Москва, 2022. 221 с.
13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в ред. Указа Президента РФ от 04.03.2026 № 136) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>.
14. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912>.
15. Creative Industries Mapping Document. London: Department for Culture, Media and Sport, 1998.
16. Creative Nation: Commonwealth cultural policy, October 1994. 72 p. URL: <https://apo.org.au/node/29704>.
17. Defining the Creative Economy URL: https://upstartco-lab.org/creativity_lens/defining-creative-economy/.

*

Поступила в редакцию 16.02.2026

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТЫ

УДК 323.31(73):004.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-80-89>

Ю. В. Китов

Арктический государственный университет культуры и искусств,
Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация,
e-mail: lk31lk31@gmail.com

С. Л. Гертнер

Московский государственный институт культуры
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: gertnerlana@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются негативные аспекты применения ИИ. Социальное деление человечества на элиту и массу продолжает существовать и усиливаться. Показателем является контролирование элитами политических и экономических средств развития, находящихся в распоряжении национальных государств. Применение искусственного интеллекта придает данному социальному делению еще больший разрыв. Создается ситуация, когда занятость человека в производстве оказывается все менее экономически выгодной и человек заменяется машинами не только в его физической, но и интеллектуальной составляющей. Естественно, что принятие решений о замене человека машиной принимается элитами, в том числе благодаря широкому применению ИИ. Концентрация данных элит географически является неравномерной и формируется вокруг локаций разработки и приоритетного применения искусственного интеллекта. Американская техническая элита, разрабатывающая и контролирующая ИИ, несмотря на то, что входит в структуру элиты наряду с политической и экономической, приобретает в этой структуре постоянно усиливающееся значение. ИИ ею используется как средство реализации своих интересов не только в своей, но и в сфере экономики и политики. Обладание ИИ ставит данную элиту в положение, когда принимаемые ею решения идут не только в разрез с элитами других стран, но и ставят под вопрос необходимость учета интересов всего человечества, которое рассматривается как экономически нецелесообразное. И, хотя не происходит открытой артикуляции приоритета интересов элиты над интересами остального человечества, это просматривается в действиях элит по попыткам распространения своего управления на остальной мир. О критичности ситуации свидетельствуют и просачивающиеся в прессу высказывания

КИТОВ ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
Арктический государственный университет культуры и искусств

ГЕРТНЕР СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры

KITOV YURI VALENTINOVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies, Arctic
State University of Culture and Arts

GERTNER SVETLANA LEONIDOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture

© Китов Ю. В., Гертнер С. Л., 2026

представителей технической элиты о видении будущего, в котором ИИ существует не только наряду с человеком, но и превосходит его. Анализ интересов современной американской элиты позволяет составить более четкое представление о ее мировоззрении и планах на будущее.

Ключевые слова: элита, искусственный интеллект, интересы, интересы американской элиты.

Для цитирования: Китов Ю. В., Гертнер С. Л. Искусственный интеллект как средство реализации интересов современной американской элиты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 80–89. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-80-89>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF REALIZING THE INTERESTS OF THE MODERN AMERICAN ELITE

Yuri V. Kitov

Arctic State University of Culture and Arts,
Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation,
e-mail: lkd31lkd@gmail.com

Svetlana L. Gertner

Moscow State Institute of Culture
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: gertnerlana@gmail.com

Abstract. The social division of humanity into elites and the masses continues to exist and intensify. This is demonstrated by the elites' control over the political and economic means of development at the disposal of nation-states. The use of artificial intelligence further erodes this social division. A situation is emerging where human employment in production is becoming increasingly unprofitable, and humans are being replaced by machines not only in their physical but also intellectual capacities. Naturally, decisions to replace humans with machines are made by the elites, in part due to the widespread use of AI. The concentration of these elites is geographically uneven and is formed around the locations of development and priority application of artificial intelligence. The American technical elite, which develops and controls AI, despite being part of the elite structure alongside the political and economic elites, is acquiring ever-increasing importance within this structure. They use AI as a means of pursuing their interests not only in their own sphere but also in economic and political affairs. Possession of AI places this elite in a position where its decisions not only conflict with those of other countries but also call into question the need to consider the interests of all humanity, which are viewed as economically unviable. While there is no open articulation of the elite's priority over the interests of the rest of humanity, this is evident in the elite's attempts to extend their control over the rest of the world. The criticality of the situation is further evidenced by statements leaked to the press by representatives of the tech elite regarding a vision of a future in which AI not only exists alongside humans but even surpasses them. An analysis of the interests of the contemporary American elite allows us to gain a clearer understanding of its worldview and plans for the future.

Keywords: elite, artificial intelligence, interests, interests of the American elite.

For citation: Kitov Yu. V., Gertner S. L. Artificial Intelligence as a Means of Realizing the Interests of the Modern American Elite. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 80–89. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-80-89>

В настоящее время искусственному интеллекту (ИИ) все менее приходится доказывать собственную необходимость. Обретенное им качественное состояние позволяет его разработчикам перестать рефлексировать относительно его экзистенции. Производственные, вычислительные, информационные, креативные возможности существования технологии являются убедительным доказательством того, что возвращение в интеллектуально доискусственную эпоху не представляется возможным без потери тех преимуществ, которые современное человечество привыкло принимать как данность, в связи с чем сферы разработки ИИ, насколько бы важными они не представлялись, начинают уступать сферам его применения. Публичный дискурс безостановочно наполняется информацией о все новых областях использования ИИ, что способствует формированию спектра общественного настроения от восхищения до беспокойства и даже страха. Искусственный интеллект, являясь производной человеческой деятельности и обязанный своим существованием человеку, тем не менее превращается в сферу, параллельную человеческому существованию со все меньшей степенью влияния обычного человека на траекторию его развития. Возникновение и развитие различных технологий исторически создавало подобные ситуации, которые разрешались как при помощи их правового регулирования, так и их саморегуляции. Технология, насколько бы ее влияние ни было бы значительным, заменяла человека только в какой-либо его части. Ее угроза тем самым оказывалась в ее человеческом измерении частичной. Противостояла ей человеческая целостность. Соответственно, угроза технологии снималась человеческой целостностью в ее качественной характеристике.

Насколько бы значительными ни оказывались индустриальная, информационная или научная революции, они лишь подчеркивали доминирование человека, и человека как свое необходимое основание. Искусственный интеллект вплоть до своей интегративной и агентной формы находился в контексте закономерностей технологического развития. Однако с данными

его формами при бесконтрольном их развитии впервые в истории возникает ситуация бифуркации, когда ИИ в самодостаточности своего основания стремится к бесконечности, а в связи с необходимостью в своем развитии человеческого участия стремится к нулю. В сложившейся ситуации под угрозу попадает не будущее искусственного интеллекта, а человеческое будущее. Человеческое общество является не только мощной, но также господствующей по отношению к природе и искусственной реальности субстанцией и ему вполне возможно взять под контроль одну из созданных им технологий. Однако, если для предыдущих технологий достаточным оказывалось наличие человеческой целостности на национальном уровне, то для контроля над искусственным интеллектом необходимым является объединенное человечество. Интересы объединенного человечества в своем выживании должны стать основными интересами, в зависимости от которых будут поставлены все иные. Вместе с тем не все современные практики взаимодействия с искусственным интеллектом, взятые со стороны интересов, отдают приоритет выживанию.

Наша гипотеза состоит в том, что существуют интересы, которые оказываются более предпочтительными во взаимодействии с ИИ по сравнению с интересами выживания. Субъекты-носители таких интересов оказывают решающее влияние на траекторию развития данной технологии.

Возможность постулирования противоположных выживанию интересов базируется на таком законе диалектики, как единство и борьба противоположностей. Из этого следует, что философское мышление дает нам возможность априорно очертить сферу интересов, для которых существование и развитие ИИ будет приоритетным по сравнению с существованием и развитием человечества. При этом требование закона – не только о противоположном характере данных интересов, но и об их единстве с интересами выживания – предполагает наличие субъекта, способного подобные интересы в себе соединить. Фило-

софская рефлексия на данную тему для того, чтобы иметь репрезентативный характер, должна быть ограничена уровнем, который не позволил бы априорному предположению доминировать над апостериорными выводами. Тем самым применение диалектики единства и борьбы противоположностей требует ограничения действительностью, а не возможностью. Другими словами, поиск противоположных выживанию человечества интересов следует искать среди людей и к тому же не воображаемых, а живущих в реальности.

Следующим ограничительным условием репрезентативности исследования должно являться абстрагирование от единичных фактов, которые не ведут, а уводят от поиска общей закономерности. Это означает то обстоятельство, что среди представителей человечества встречаются противники его выживания, чьи представления являются настолько девиантными, что не позволяют их характеризовать в терминах рациональности, и, следовательно, данные представления не могут быть учтены вследствие их экстремальности. Еще одним уровнем ограничения поиска таких интересов является связь их действительности с возможностью их реализации. Это необходимо для того, что рефлексия об интересах, не имеющих возможности воплощения в действительность, оказывается малопродуктивной и рискует превратиться в абстракцию. Интересы, которым оказываются подчиненными интересы выживания человечества, должны быть реальными интересами, то есть их носителями должны выступать реальные субъекты, эти интересы должны быть общими для этих субъектов и иметь возможность своей реализации в действительности. Локализация субъектов интересов ведет к представителям современной технической, политической и военной элиты, которая в достижении своих целей сохранение человеческих жизней считает не основной, а подчиненной задачей. Подобные интересы являются общими не только для мировоззрения данных элит, но артикулируются ими и реализуются в действительности посредством осуществляемых элитами действий.

Локализация элит, отвечающих отмеченным выше требованиям, указывает на современную Америку. Это не означает, что только американская элита обладает интересами, в которых человеческая жизнь носит подчиненный другим целям характер. Однако, если в других странах носителями таких интересов являются единичные представители элиты, имеющие в своем распоряжении ограниченные средства по их реализации, то факт концентрации данных интересов и широкие возможности по их реализации оказываются общей характеристикой американской элиты. Так, Эдуардо Портер, сравнивая десятку самых богатых и влиятельных представителей элиты 1992 и 2025 года на основе данных журнала «Форбс», приходит к выводу, что если в 1992 году в нее входили наряду с американцами представители Японии, Германии, Канады, Южной Кореи и Швеции, то в 2025-м все места были заняты исключительно американцами. Это обстоятельство мотивирует Э. Портера рефлексировать над вопросом: «<...> что выйдет, когда узкий круг олигархов, находящихся на вершине технологической революции, сидя на вершине богатства и власти, решат определить, что случится с человечеством?» [8]. Вопрос о последствиях решения элит о судьбе человечества в связи с технологической революцией оказывается не случайным, поскольку среди десяти самых богатых и влиятельных семь принадлежат к высоким технологиям и заняты разработкой и внедрением ИИ. Какое же представление имеют представители этой технологической элиты о будущем человечества?

Так, Ларри Пейдж считает, что это будущее будет хорошим в том случае, если «мы дадим цифровому разуму свободу, а не попытаемся остановить и поработить его», а также, что «цифровая жизнь является естественным и желаемым шагом в гуманистической космической эволюции» [9]. Идею В. Вернадского о ноосфере в понимании будущего Л. Пейджем определить не получается, как и то, что будущее, в понимании Л. Пейджа, базируется на естественном разуме. Однако, то, что будущее для Л. Пейджа не представляет интереса без места

в нем для свободного от человеческого влияния искусственного интеллекта, еще не свидетельствует о жертве человечества во имя этого будущего. Интерес Л. Пейджа проявляется лишь в контексте, когда человечество поделилось свободой с ИИ, что означает, что свобода не является принадлежащей только человеку по основанию его рождения, но должна быть разделена с искусственными формами жизни. Это в свою очередь означает и потерю человечеством равенства, так как равным ему в притязании на свободу является и ИИ, который не может быть «порабощен».

Элиты, занятые разработкой ИИ, не вынашивают интереса к вписыванию технической революции в эволюционный процесс и наделения ИИ человеческими качествами. Они нацелены на превосходящие человеческие возможности ИИ и ради его разворачивания готовы пожертвовать человечеством: «Технические олигархи не слишком стесняются таких амбиций. Ларри Пейдж аргументирует, что цифровая жизнь является «естественным и желанным следующим шагом» в гуманистической космической эволюции» [8]. Расхождение интересов элиты с интересами остального человечества заключается в том, что элита не ощущает заботящих среднестатистического гражданина потребностей, поэтому ИИ ее интересует не с позиции, как он может служить человеку, а – превзойти его. Следовательно, интересы олигархической технической элиты оказываются не наполненными человеческим содержанием в том смысле, в котором это содержание включает в себя заботы обычного человека. Отрыв от него сокращает дистанцию для отрыва от человечества, возможностью выживания для которого является не использование ИИ в удовлетворении своих потребностей, но своих возможностей в удовлетворении потребностей ИИ. Выбор для человечества элитой оставляется небольшой: это либо судьба «загрузчика в цифровой интеллект биологического материала с последующим растворением в качестве ветви на дереве эволюции, либо определение успешного соединения с ним» [2].

Однако еще более важным является то, что

«<...> сверхчеловеческий ИИ возникнет как человеческо-компьютерный интерфейс. Провалом человеческого воображения и самонадеянностью является предположение о том, что никогда не будут созданы вещи, которые умнее нас самих» [2]. И чтобы у обычного человека не возникло иллюзии того, что будущее будет за ним, один из представителей современной технической элиты С. Альтман считает осуществляющийся процесс, в котором технические средства уже господствуют над человеком: «Я верю, что процесс уже пошел и мы находимся в нем на протяжении нескольких лет. Наши телефоны контролируют нас и сообщают нам, что и когда мы должны делать, социальные медиа определяют наше настроение, поисковые системы решают, о чем нам думать» [2]. Неизбежность превосходства машин над людьми, по мнению элиты, проистекает из интеллекта, качество которого у машин элементарно выше человеческого. Как когда-то люди обрели сингулярность, поскольку не были согласны с тем, чтобы только быть немного умнее животных, так и машины не согласятся с доминированием над ними интеллектуально не дотягивающим до них человека: «Наша ценность базируется на нашем интеллекте, и наше убеждение в нашей сингулярности вытекает из того, что мы должны быть единственно умными, а не немножко умнее всех остальных животных. Возможно, ИИ будет придерживаться такого же мнения и считать, как когда-то мы, что различия между нами и пигмеями не подлежат обсуждению» [2].

В интеллектуальных видах деятельности человек оказывается связанным с объектом особым образом. Он не только воздействует на объект, но и испытывает обратное воздействие. Так, в академическом научном исследовании предмет определяет метод своего исследования, в хорошем искусстве образ обретает целостность, и художник должен следовать его логике, а не делать с ним все, что заблагорассудится. Взаимодействие технической элиты друг с другом и с искусственным интеллектом также демонстрирует свои особенности. Техническая элита не только определяет себя связью друг

с другом, не с обычными людьми, но и связью со своим детищем – ИИ. Аргументы о том, что ИИ оказывается молохом, требующим ресурсов в виде энергии, воды и даже воздуха, воспринимаются элитами уже не с позиции человека, чьи потребности в еде, системе здравоохранения и образовании ставятся под угрозу развитием технологии, только с позиции ИИ. Поставленная в один ряд человеческая целостность и целостность ИИ не находит идентичной репрезентации в элитных интересах. Собственное предпочтение ИИ человеку элиты обосновывают заинтересованностью в эффективности и сохранении ресурсов, а не в пренебрежении ими. Человек оказывается очень затратным существом до достижения им интеллектуального состояния, способного обеспечить компенсацию за использованные ресурсы, и, соответственно, малоэффективным: «Люди говорят о том, как много энергии требуется для обучения ИИ, но много энергии требуется и для обучения человека. На обучение человека уходит 20 лет жизненного времени. Подумать только, сколько еды человек поглощает до достижения умного состояния» [5]. Подобный приоритет в интересах элиты очередной раз демонстрирует факт того, что в отличие от технологических революций прошлого ведомая ИИ революция имеет свою специфику. Она состоит в том, что ИИ заменяет не отдельные выполняемые человеком функции, но человека как такового. Значит, эффективность технической революции с момента ее обеспечения ИИ уже не может оцениваться только внутри научного знания.

Начиная с Нового времени, в фиксированной истории все меньше встречается эпизодов, когда наука может обойтись без философии. Выработав беспрецедентный набор методов для анализа действительности, наука ставит философию в защитную позицию необходимости доказательства важности своего существования в ситуации, когда она заменяет философскую рефлексию о явлениях их точным анализом. Вместе с тем история философии имеет примеры, когда ученые оказывались не в состоянии объяснить наблюдаемые ими

факты, исходя из выработанной наукой картины мира, и в отличие от психоаналитиков именно философы смогли вывести их из состояния научной депрессии. Так было с открытием фотона в физике и проблемой с материей, которые были объяснены в «Материализме и эмпириокритицизме», с информационным пространством, с высокой вероятностью полетов в безвоздушном пространстве. Подобная ситуация наблюдается и сегодня, когда наличествующая у философии возможность мировоззренческого объяснения явлений оказывается средством выведения науки из гносеологической коллизии. Научное установление факта использования или сохранения ресурсов вследствие задействования ИИ не в состоянии выступить критерием истины человеческого благополучия. Объем ресурсов как показатель благополучия человека оказывается невыполнимым представить в терминах объективности, рациональности, системности, проверяемости, но в диалектике жизни и смерти, красоты и безобразия, нравственности или безнравственности, то есть внутри философского мышления. ИИ, сужая сферу научного применения человеческого интеллекта, поразительным образом расширяет сферу его философского применения.

Обусловленная ИИ техническая революция приобрела иное соотношение и своих движущих сил. Ее протагонистом выступает обладающий большой властью узкий круг людей, чьи политические интересы используют демократию как прикрытие корысти. Демократия существует не только в политической форме, но и в форме культуры. Причем в своей культурной форме она выступает причиной других своих форм. Как следствие, она обретает то обуславливающее качество, наличие которого сторонниками определяющей роли культуры считается незаслуженно игнорируемым. Культурная форма демократии проистекает из идеи о субъекте как своей собственной причине. Ее реализация в политике приводит к политическому устройству, в котором люди выступают причиной власти над собой. Сам выбор, осуществляемый ими в отношении управления собой, базируется

на их интересах и не может противоречить им. Внешние интересы оказываются зависимыми от интересов субъектов. Эти внешние интересы в форме, делегируемой конкретному субъекту управления власти, могут осуществлять такое управление только в случае, если их реализация является следствием реализации интересов людей. То есть интересы управляющих субъектов могут быть только интересами управляемых ими субъектов. Значит идея демократии прямо противостоит определению идеологии в ее формулировании К. Марксом – «интересы управляющего класса становятся управляющими интересами». Ситуация, возникшая в политике современной Америки, связанная с попыткой использования в авторитарных целях такой формы реализации человеческой культуры, как искусственный интеллект, и вызвала к жизни идею демократии как культуры, противостоящей подобной попытке.

В истории Америки не раз предпринимались усилия использования культурного потенциала демократии и, несмотря на то, что не все они завершались успешно, есть примеры, когда их действие было необычайно эффективным. Одной из таких попыток было задействование идеи равенства против идеи сегрегации, составляющей сущность политического устройства Америки. В историю это событие вошло как борьба черного населения США за свои права в виде противостояния автобусной системе Монтгомери в штате Алабама. Вначале Клодетта Колвин, а затем Роза Паркс отказываются уступить места в автобусе белым пассажирам, что приводит к их аресту и возникновению движения за гражданские права. Однако сам факт автобусного инцидента не смог бы выступить причиной демократического движения, если бы он не соответствовал интересам американской прогрессивной элиты и не получил бы выражения в действиях одного из ее значимых субъектов – Мартина Лютера Кинга.

Рассмотрим, как демократические ценности вовлекаются в контекст разработки и использования ИИ в современной Америке. В феврале 2026 года при встрече президента Д. Трампа с руководителем компании Антро-

пик (Anthropic) Дарио Амадеи в Белом доме возник скандал. Дарио ответил отказом на требование администрации в предоставлении беспрепятственного доступа к использованию ИИ для отслеживания граждан и использования полностью автономных систем ИИ в военных целях. В печати отказ Д. Амадеи был поставлен в ряд героических примеров следования демократическим интересам, который демонстрируется представителем технической элиты [4]. Более того, когда другой представитель технической элиты, который сразу же заполнил освободившееся место – Сэм Альтман предложил услуги своей компании OpenAI правительству, то в печати он подвергся критике за свое решение, и его компания была предложена к бойкоту по аналогии с бойкотом автобусной системы Монтгомери: «OpenAI – это наша автобусная компания. Она является целью потому, что она подвержена влиянию. Она сжигает деньги на невиданном уровне. Ее рынок снизился с 69% до 45% за один только год. Компания не только отчаянно нуждается в прибыли, но и стала использовать рекламу, что Альтман однажды назвал “последним шансом”. Инвесторы следят за уровнем ее подписчиков как стервятники. Каждый, отозвавшийся из компании свою подписку, ценен». [4]. Сложно предположить, чем закончится призыв граждан Америки к бойкоту и насколько аналог с борьбой за десегрегацию окажется уместным. К тому же личностный уровень субъектов, поддержавших призыв к бойкоту (актер Марк Руффало), явно не соотносится с М. Л. Кингом, однако сама попытка заслуживает уважения. Она показывает, что приватность и ответственность являются ценностями, способными активизировать политические интересы части американской интеллигенции.

В таком случае оказывается важным определить и ценность приватности и ответственности для интересов американской технической элиты. Интерес элит к проблеме приватности состоит в ее приобретении как важного ресурса, находящегося в распоряжении населения. Ценность приватности состоит в том, что ее изъятие оставляет человека уязвимым

и открытым для влияния. Ее потеря открывает возможность использования индивида как экономического объекта, что означает изъятие его финансовых средств либо посредством предложения продуктов, от которых индивид не может отказаться, либо через эксплуатацию его на основе информации о сложной финансовой ситуации, мотивирующей к принятию заведомо невыгодного предложения о работе. Политическая предметность приватности в случае ее приобретения элитой означает изъятие у индивида его политического капитала, так как знание о его политических интересах открывает возможность либо для манипуляции ими, либо для блокирования входа индивида в пространство не соответствующей интересам элиты политической активности. Отъем приватности тем самым означает открытость индивида для экономической и политической эксплуатации. Если приватность интересует элиту в контексте приобретения, то ответственность – в контексте освобождения. Перекалывание ответственности за военные неудачи и тем более преступления на ИИ оказывается достаточно востребованным способом с целью реализации элитой своих экономических интересов без политических последствий. Поэтому современные политические элиты не мотивированы на введение правовых ограничений для ИИ.

Следовательно, проблема с правовым обеспечением ИИ состоит не только в регуляции его будущих, но и современных форм. Запаздывающая правовая регуляция действует в интересах элиты, а не большинства населения, так как прокладывает путь и является реальной угрозой для доминирования технологии над человеком. Такую возможность технологии предоставляет элита, которая ставит целью своих интересов контроль над населением через обретение доступа к приватной информации. В свою очередь, средством для доступа элитой избирается ИИ. Поэтому регуляция ИИ является целью интересов большинства, что выражается не только в применении права для ограничения технологии, но и права для защиты прав. Если рассматривать конфликт

между Антропиком и администрацией под этим углом зрения, то оказывается, что с возникновением ИИ сущность правовой формулы «то, что не запрещено, то разрешено», ранее защищающей человека от произвола власти, защищает произвол власти от ее ограничения правом человека. Время, когда индивид являлся блюстителем своей приватности и ее преодоление оказывалось возможным только с его согласия, с возникновением ИИ уходит в прошлое. Распорядителем приватности индивида становится ИИ, и его дерегуляция является потерей приватностью своей человеческой сущности через ее изъятие у человека. Причина запаздывания права от практики применения ИИ, которая способствует его использованию в наступлении на приватность, юристами напрямую связывается с кризисом отношений Антропика с правительством США: «В центре диспута лежит утверждение правительства о том, что оно должно иметь возможность применения ИИ в любых “законных” целях. Проблема в том, что право на десятилетия отстает от технологии, <...> наши данные открыто могут быть куплены на рынке и ИИ позволяет правительству беспрепятственно собирать эти данные в сеть беспрецедентно больших и всесторонних досье» [6].

Вместе с тем ситуация с Антропиком является нетипичной, поскольку представляет собою отклонение от правила единства интересов политической и технической элиты в дерегуляции ИИ. Интерес к дерегуляции объединяет эти две фракции элиты, каждая из которых извлекает из него свою выгоду: политическая элита получает доступ к приватной информации, техническая – имеет возможность разработки свободных от общественного контроля форм ИИ [1]. Подтверждающим интерес элит фактом к дерегуляции ИИ является отсутствие ограничивающих ИИ федеральных законов, оппозицией которым является политическая элита и деньги, которые техническая элита жертвуют для остановки инициатив штатов, способствующих выработке законодательства на местном уровне. Так, в одном Манхэттене

сумма пожертвований элиты на блокировку законов по регуляции ИИ превышает 200 миллионов долларов. Ее значительность превышает сумму пожертвований, на которую могут рассчитывать кандидаты, борющиеся за место в конгрессе [7]. Соответственно, тот из кандидатов, который выступит с программой ограничения регуляции ИИ, может рассчитывать на значительно большие пожертвования, нежели сторонник регуляции. Поскольку финансовые ресурсы в американской политике решают все, то можно утверждать, что интересы элит к дерегуляции ИИ будут представлены в конгрессе победившим кандидатом.

Такая политическая перспектива не может не оказывать влияния на экономические интересы даже самой прогрессивной части технической элиты. Показательно, что после жесткой реакции Д. Трампа на отказ предоставить Антропик для использования без ограничений в военных операциях, Дарио Амодеи в интервью главному редактору журнала «Экономист» Занни Минтон Беддоез заявил, что его взволновало не несоответствие использования технологии демократическим ценностям, а просто неготовность технологии [3]. Свое письмо к компании, в котором он обвинил американскую администрацию в переходе черты, отделяющей демократию от диктаторства, Амодеи охарактеризовал как соответствие демократии, которая присутствует в компании, когда каждый из ее участников может свободно высказаться на любую тему. Однако он полагает, что не следует путать демократию внутри компании с демократией как политической системой. Он не собирается включаться в дискуссию о том, что хорошо или плохо для политики. Этим самым Дарио Амодеи дистанцировался и даже извинился перед администрацией за отказ в предоставлении ИИ для автономных операций в военных целях. Возможность обретения 200 миллионов долларов оказалась для него той ценностью, на которую он готов поменять демократию.

В целом составить представление о том, как элиты видят будущее, оказывается сложным даже в том случае, когда сам представи-

тель элиты прибегает к откровениям в своих постах на любимом им чате. Во-первых, эти посты оказываются достаточно короткими, написанными на злобу дня и лишенными мудрости в том смысле, в котором она опирается на диалог. Посты пишутся элитой как окончательное и не обсуждаемое мнение. Это не диалог с населением, а декларация, которую население, в понимании представителя элиты, должно принимать с благоговением. Во-вторых, если же какой-то пост оказывается настолько отклоняющимся от нравственных норм большинства населения, что оно находит в себе силы и время для ответов и тем более акций, то высказанное представителем элиты мнение аннулируется его командой как не принадлежащее ему и по ошибке попавшее в сеть. Другие способы проникновения во внутренний мир представителей элиты оказываются еще более ненадежными. Так, телеинтервью редактируются медиакомпаниями, книги – издательствами и получают право на трансляцию или публикацию только с разрешения элитной особы. Те, кто игнорирует разрешения, рискуют попасть в ситуацию, когда дискуссия грозит миграцией из области массмедиа в юридическую область и выразится не в обмене мнениями, а финансовыми средствами.

Как правило, в таких случаях представители элиты выигрывают, поскольку хорошо приспособлены для получения дохода от любых предпринимаемых ими действий. В противном случае они бы не оказались в той социальной страте, которая их отделяет от большинства, как они считают, неудачников. Однако есть явление, которое в состоянии раскрыть истинную сущность представителя элиты достаточно точно – это интересы. Интересы являются одновременно характеристикой и сознания, и деятельности человека по основанию предметности. Внутренний мир человека обретает предметность в его действиях. Предметы, которыми интересуется элита, и предметность как результат действий элиты – это не то, от чего представитель элиты может легко отказаться. В определенном смысле обладание предметами делает представителя элиты тем, кем

он является в сущности. Так, элитная особа может утверждать, что его убеждение состоит в том, что ИИ должен получить строгое регулирование для его использования, при этом жертвуя солидной суммой денег организации, выступающей против принятия ограничивающего действия ИИ-законодательства. Предметность действия свидетельствует об истинности убеждения, в основе же действия проявляются определенные интересы. Принадлежность элиты к общественным организациям и, тем более, донирование ими финансовых средств, не может быть направлено против их интересов.

Таким образом, истина внутреннего мира представителя элиты расположена не в области его высказываний, а в области его интересов. Эти интересы по своей структуре представляют собой соединение экономических, властных и эгоистичных интересов. Следование интересам прогресса и совпадение в этом плане интересов элиты с интересами большинства

населения является эпизодическим и укладывается в статистическую величину погрешности аналитического проникновения в сущность интересов элиты. Исследование авторами статьи искусственного интеллекта как способа реализации интересов элиты, с одной стороны, позволило выявить системное преимущество экономической составляющей в структуре современной культуры США, что, безусловно, деструктивно митигирует значимость других сфер жизнедеятельности общества, таких, как наука, право, мораль, искусство, религия, политика; с другой – репрезентировало национальные и мировые риски потенциальной гегемонии малочисленного технократически-цифрового сегмента элитного сообщества, экспроприировавшего субъектность интересов общества с транспонированием этой субъектности власти искусственному интеллекту с целью максимальной реализации собственных – узко клановых – интересов.

Список литературы

1. *Нибусин А. С., Китов Ю. В., Гертнер С. Л.* Искусственный интеллект как культурфилософская проблема и опосредующая реальность культурных потребностей: монография. Москва: Московский государственный институт культуры. 2025. 206 с.
2. *Altman S.* The merge. URL: <https://blog.samaltman.com/the-merge>
3. *Anthropic's boss apologises for bashing Pentagon – but still plans to sue.* The Economist. URL: <https://www.economist.com/business/2026/03/06/anthropics-boss-apologises-for-bashing-pentagon-but-still-plans-to-sue>
4. *Bregman R.* Quit ChatGPT: right now! Your subscription is bankrolling authoritarianism. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/04/quit-chatgpt-subscription-boycott-silicon-valley>
5. *Gorski A., Toomey P.* Congress must prevent AI surveillance. The Anthropic feud proves. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2026/mar/09/congress-government-ai-surveillance-anthropic>
6. *Liam O'Dell* Open AI's Sam Altman slammed over 'dystopian' comments on ChatGPT's energy consumption. Indy100.Science. URL: <https://www.indy100.com/science-tech/sam-altman-ai-chatgpt-water-energy-consumption>
7. *Miller J, Hammond J.* The silicon valley billionaires spending bid to write America's AI rules. The financial times. URL: <https://www.ft.com/content/c1823595-d0f6-49a4-8a10-3d91c92da8f6>
8. *Porter E.* Tech oligarchs reshape humanity while the billionaires of old seem quaint. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2026/mar/08/billionaires-tech-oligarchs>
9. *Price D.* AI Doom? No Problem. The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/tech/ai/ai-apocalypse-no-problem-6b691772>

*

Поступила в редакцию 23.03.2026

ФЕНОМЕН КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В МОДУСЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 7.074

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-90-99>

Е. Э. Дробышева

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Н. О. Ларионова

ООО «Современные Исследовательские Технологии»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: natalia.larionova2015@mail.ru

Аннотация. Основная цель статьи заключается в представлении коллекционирования как антропологической практики в модусе коммуникации. Концептуально акцент делается на ценностных основаниях коллекционирования как культуротворческой, созидательной деятельности, чей коммуникативный потенциал проявляется в различных форматах. Наиболее репрезентативно это проявляется в пространствах формирования и функционирования структур идентичности и культурной памяти. Подчеркивается многосоставность и вариативность как формальных, так и содержательных характеристик коллекционирования, что требует исходного обозначения специфики авторского дискурса. В связи с этим выделены три основные исследовательские стратегии, рассматривающие данную культурную практику в критическом, апологетическом и условно синтетическом ключе. Отмечается, что в силу сложности самого изучаемого феномена любая крайняя позиция влечет за собой упрощенчество и односторонние выводы. Современный синтетический подход продиктован актуальностью стратегий креативности в архитектонике социокультурных процессов. Современные коллекции не только выступают как результат экономических или властных отношений в процессе символического обмена, но и приобретают статус актуальных медиа, эффективный элемент системы культурных индустрий. Подчеркивается, что в условиях становящейся парадигмы эпохи метамодерна, а также – возможностей новейших цифровых технологий коммуникативный культуротворческий потенциал коллекционирования расширяется и усиливается – как в институциональном, так и в экзистенциальном смысле. Новейший «антропологический поворот 2.0», сформированный комплексом социально-политических, экономических и технологических процессов, обуславливает актуальность и перспективность предложенного в статье исследовательского дискурса, имеющего помимо теоретической и очевидную практическую значимость.

ДРОБЫШЕВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры балетмейстерского образования, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой

ЛАРИОНОВА НАТАЛЬЯ ОЛЕГОВНА – Генеральный директор ООО «Современные Исследовательские Технологии»

DROBYSHEVA ELENA EDUARDOVNA – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Ballet Master Education, Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova

LARIONOVA NATALIA OLEGOVNA – General Director, Modern Research Technologies LLC

© Дробышева Е. Э., Ларионова Н. О., 2026

Ключевые слова: коллекционирование, антропологические практики, культурные практики, коммуникативный дискурс, аксиология современной культуры, культурная память, социокультурная архитектура.

Для цитирования: Дробышева Е. Э., Ларионова Н. О. Феномен коллекционирования в модусе коммуникации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 90–99. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-90-99>

THE PHENOMENON OF COLLECTING IN THE MODE OF COMMUNICATION

Elena E. Drobysheva

Academy of Russian Ballet named after A. Ya. Vaganova,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: pestelena@yandex.ru

Natalia O. Larionova

Modern Research Technologies LLC,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: natalia.larionova2015@mail.ru

Abstract. The main goal of this article is to present collecting as an anthropological practice in the modus of communication. Conceptually, the focus is on the value foundations of collecting as a culturally creative and productive activity, whose communicative potential manifests itself in various formats. This is most evident in the spaces of identity formation and cultural memory. The article emphasizes the complexity and variability of both the formal and substantive characteristics of collecting, which requires an initial understanding of the author's discourse. In this regard, three main research strategies have been identified, which consider this cultural practice in a critical, apologetic, and conditionally synthetic manner. It is noted that due to the complexity of the phenomenon itself, any extreme position leads to oversimplification and one-sided conclusions. The modern synthetic approach is dictated by the relevance of creativity strategies in the architectonics of sociocultural processes. Modern collections not only act as a result of economic or power relations, a process of symbolic exchange, but also acquire the status of relevant media, an effective element of the system of cultural industries. It is emphasized that in the context of the emerging paradigm of the meta-modern era, as well as the possibilities of the latest digital technologies, the communicative and cultural potential of collecting expands and intensifies, both in institutional and existential terms. The latest "anthropological turn 2.0", formed by a complex of socio-political, economic, and technological processes, determines the relevance and prospects of the research discourse proposed in this article, which has both theoretical and obvious practical significance.

Keywords: collecting; anthropological practices; cultural practices; communicative discourse; axiology of modern culture; cultural memory; sociocultural architectonics.

For citation: Drobysheva E. E., Larionova N. O. The Phenomenon of Collecting in the Mode of Communication. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 90–99. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-90-99>

Коллекционирование является одной из древнейших культурных практик. Начавшись с собирательства как протоколлекционирования, она сопровождала всю известную нам на данный момент историю человеческой цивилизации. Наделение определенной ка-

тегории вещей особыми смыслами и ценностью – сакральной ли, эстетической или экономической – результат проявления человеческой субъектности, рефлексии, интеллектуальных усилий. Совершенно очевидно, что в каждом конкретном случае собирания ка-

кой-либо категории предметов – от сувениров, монет, марок, книг до оружия, ювелирных изделий и автомобилей – можно выделить специфические аспекты данного рода культурной деятельности. В эмпирическом смысле объектом нашего исследования является художественное коллекционирование, но в данной статье нас будет интересовать максимально теоретическая, объединяющая все разновидности этого занятия проблема – потенциал и ценностные основания коллекционирования как коммуникативной стратегии.

Теоретическим исходным основанием для нас является исследование коллекционирования как антропологической практики, поскольку в условиях формирующейся ценностной парадигмы метамодерна мы наблюдаем спровоцированный разрушительными стратегиями XX века «антропологический поворот 2.0» и полагаем, что такая «турбосовременность требует адекватного, своевременного освещения, аналитики, рефлексии» [9, с. 6] Данная тема предполагает подробную, развернутую проработку, здесь же мы только наметим контуры и варианты данного дискурса. Именно коммуникация в качестве одного из аспектов реализации коллекционирования как антропологической практики выступает предметом анализа в данной статье. Методологической рамкой избран аксиологический подход, основными методами – типологический, аналитический, синтетический, системный.

В силу дискурсивной вариативности и гибкости самой антропологии, для нашей исследовательской задачи может быть использован арсенал подходов ее философского, социального и культурологического извода. Специфика философской версии антропологии заключается в том, что любой объект или процесс интересует ее не сам по себе, а как истинно человеческое отношение к миру или как объективация человеческого духа. Такой подход может акцентировать антропоцентризм, холизм, диалогизм, трансцендентализм, экзистенциализм и аксиологизм как свойства созидательной деятельности

индивида. В отличие от философской антропологии, культурная антропология – более прикладная наука, концентрирующая свое внимание на многообразии культурных форм и наполняющих их смыслов. Так, структурная антропология практикует рассмотрение культурных явлений в контексте социальных процессов, оперирование тезисом вариативности культур, вычленение векторов инкультурации и аккультурации. Например, в теории К. Леви-Стросса делается акцент на роли Зрителя / Слушателя – соучастника внутри любой культурной формы коммуникации, «благодаря которым каждый индивид воздействует на свою культуру, а культура – на индивида» [14, с. 18].

Коллекционирование как объект социогуманитарных исследований: общие положения

В силу многоаспектности самого феномена его изучением занимаются специалисты из области культурологии, социологии, психологии, философии, аксиологии, антропологии, истории [4; 5; 14; 15; 16; 17]. Причем, исходные позиции обращения к данной практике и полученные в итоге выводы могут быть самыми разнообразными. Однако есть некоторые общие характеристики коллекционирования, которые так или иначе вычленяются в результате каждого из этих дискурсивных подходов.

В любом случае сначала необходимо определиться с онтологическими основаниями интересующей нас культурной практики. Автор философско-антропологической версии анализа коллекционирования А. Н. Малинкин, опираясь на идею К. Маркса о «самодеятельности», приходит к выводу, что «коллекционирование – это выражение свободы, способ активной самореализации человека в свободное время, форма деятельного самоутверждения личности в обществе. Коллекционер не может быть натуралистически редуцирован ни к *homo libidinosus* Фрейда, ни к *homo politicus* Ницше, ни к *homo oeconomicus* Маркса. Он, как и субъект лю-

бой культурной практики, движим не столько тремя основными бытийно-жизненными силами, сколько направляющими эти силы душевными и духовными устремлениями, которые ориентированы на ценности, идеалы и нормы культуры, не сводимые ни к одной из этих сил, ни ко всем ним вместе» [17, с. 1328]. Такой – аксиологический в своей сути вектор исследования – импонирует нам в силу универсальности ценностной парадигмы, что бы ни говорили противники этого – якобы упрощенческого – подхода, оценивая «аксиологического разум» через его «мифологическую наивность» [23, с. 3]. А с учетом наличия древнейших праформ собирательства как осознанной культурной деятельности отсылка к мифосознанию выглядит еще одним из вариантов постановки проблемы.

Если выделить в качестве критериев перехода уровень рефлексии участников процесса и его институциональные алгоритмы, то собственно коллекционирование – как оформившаяся культурная практика – фиксируется исследователями, начиная с эпохи Просвещения. Именно тогда оно позиционируется и воспринимается как «целенаправленное собирательство, как правило, однородных предметов, объединенных определенным смыслом (стилистической общностью, функциональностью, материалом и т. д.), имеющих научную, историческую или культурную ценность» [16, с. 15]. Однако в каждом конкретном случае необходим учет множества факторов контекстуального, событийного характера. Каждая эпоха создает свои ценностные рамки, технологические условия, институциональные возможности для коллекционирования кратных ей категорий предметов. Так, например, исследователи отмечают двойственный характер актуального исторического контекста – глобализационных и глокализационных процессов. Если «глобализация способствует созданию новых культурных связей и расширяет доступ к различным культурным артефактам, что, в свою очередь, стимулирует интерес к коллекционированию как средству сохранения и передачи культурного наследия», то «гло-

кализация подчеркивает важность локальных культурных особенностей и их сохранения», находя «отражение в коллекционировании и сохранении предметов быта и культуры различных эпох и народов, что позволяет подчеркнуть уникальность и разнообразие культурного наследия» [4, с. 21].

Таким образом, палитра дискурсов, мнений и оценок в случае с данным объектом исследования весьма широка и разнообразна, однако попробуем вычленив некоторые основные векторы именно с позиции потенциала коллекционирования как пространства коммуникаций.

Основные подходы к коллекционированию в дискурсе коммуникативного анализа

Как в любой социально-культурной практике и соответствующей ей теории, «разбег» мнений представляет собой полярные точки зрения – критическую, апологетическую и «средневзвешенный» вариант. Как правило, крайние, полярные точки зрения, основанные на условно пессимистических и апологетических подходах, не дают адекватной картины, уводя в оценочные тупики. Наиболее эффективным в исследованиях социогуманитарных процессов является «срединный путь», требующий учета их диалектического характера. Коммуникативный дискурс применительно к коллекционированию также можно представить как спор трех основных позиций.

Начнем с *критического дискурса*. Здесь ключевым тезисом может стать оценка коллекционирования как «неудавшейся» коммуникации, высказанная Жаном Бодрийяром в работе «Система вещей» (1968). Философ последовательно систематизирует мир вещей, составляющий микрокосм жизни человека, деля их на «функциональную систему, или дискурс объекта» и «нефункциональную систему, или дискурс субъекта». Поскольку коллекционирование – практика сугубо субъективная, нас интересует оценка Бодрийяром вещей, обладающих ценностью *подлинности*.

Ее он обнаруживает в двух типах «маргинальных вещей» – старинных, «уникальных, диковинных, фольклорных» – и коллекциях: «Любовь к старине нельзя не сопоставить со страстью коллекционировать: между ними имеются глубокие сходства – в том, что касается нарциссической регрессии, системы отмены времени, воображаемого господства над рождением и смертью» [5, с. 83; 86]. Бодрийяр описывает эту вторую маргинальную систему как «глубинно соотнесенную с субъектом», который как бы говорит о предмете его интереса: «Это не просто неподатливое материальное тело, но и некая психическая оболочка, в которой я царю, вещь, которую я наполняю своим смыслом, своей собственностью, своей страстью» [5, с. 96].

Аффективный характер занятия по собиранию некоей коллекции предполагает заикленность на своем желании обладать определенным предметом: «<...> у каждой вещи, стало быть, две функции: одна – быть используемой, другая – быть обладаемой. Первая функция связана с полем практической тотализации мира субъектом, вторая же – со стремлением к абстрактной само-тотализации субъекта вне мира». «Прекрасная вещь», – скажет коллекционер, а отнюдь не «прекрасная статуэтка». Вещи перестают быть ценными в своей функциональности, в стремлении к обладанию ими – страсть к абстракции. «Обладание какой бы то ни было вещью несет человеку одновременно и удовлетворение и разочарование: за нею беспokoяще проглядывает целая серия <...>. Только при более или менее сложной организации вещей, отсылающих одна к другой, каждая вещь делается достаточно абстрактной, чтобы переживаться в абстрактном. Такая организация называется коллекцией (курсив наш – Е. Д., Н. Л.). Функциональность вещей, составляющих коллекцию – не суть важно, спичек ли, оружия или картин – постоянно «растворяется в субъективности, обладание смешивается с применением в тщетных попытках достичь целостной интеграции. <...> Коллекция может служить нам моделью об-

ладания – здесь страсть торжествует победу, здесь проза обиходных вещей превращается в поэзию, в триумфальный дискурс бессознательного» [5, с. 97–98].

В итоге, по мнению философа, коллекционер пытается сконструировать свой собственный идеальный нарратив, подконтрольный ему и парадоксально отдаляющий его от коммуникации с кем-либо – Иным, Другим. Человеку, особенно современному, сложно смириться с невозможностью контроля социальных процессов, ему «легче всего стать владельцем тайного серала среди своих вещей. Отношения между людьми, осуществляясь в сфере уникальности и конфликтности, никогда не позволяют так тесно слить абсолютную единичность и безграничную серийность; поэтому такие отношения всегда являются источником тревоги. Напротив того, в сфере вещей, последовательно-гомологических элементов, можно обрести спокойствие <...>, вещи получают всю ту нагрузку, что не удалось поместить в отношения с людьми». Чем больше усложняется социальная жизнь, чем сложнее человеку воздействовать на внешний контур своего существования, тем интенсивнее коллекционер «пытается сам воссоздать такой дискурс, который был бы для него прозрачен <...>. Но его проект обречен на неудачу». Вместо подлинной коммуникации складывается «замкнутый, повторяющийся дискурс», который «не связан с коммуникацией, и именно коммуникации в ней не хватает» – «попытка обрести целостность через вещи всегда отмечена одиночеством» [5, с. 101; 115]. Коллекция, по Бодрийяру – это монолог, обращенный к самому себе, попытка стать одновременно и отправителем, и получателем сообщения, и самим сообщением.

Позитивный взгляд на коммуникативный потенциал коллекционирования формируется на базе понимания его как поиска близких в ценностном отношении людей и последующий диалог посредством «вещи-как-сообщения». Различные социогуманитарные исследования формируют более оптимистичную картину – не то, чтобы отменяющую, а допол-

нящую Бодрийяра. «Возможно, сокровеннейший мотив собирателя можно было бы описать так: он поднимается на борьбу с рассеянием. Великий коллекционер до глубины души тронут хаотичностью, разобщенностью, в которой пребывают вещи в мире», – пишет еще один ключевой для этого дискурса автор – Вальтер Беньямин [3, с. 87–88].

Аксиологические концепты коллекционирования как культурной практики выражают самосознание творческого субъекта, понимаем ли мы под ним конкретного индивида или целый музейный коллектив, династию и прочее. В любом ракурсе именно ценностные основания художественной деятельности позволяют максимально глубоко проанализировать весь спектр ее параметров. Так, начиная с первой трети XVIII века, «коллекционирование в процессе европеизации выступало одним из коммуникационных каналов продвижения европейских ценностей и образа жизни, итогом развития практики частного коллекционирования становилась адаптация к российскому обществу новых форм культуры, прежде всего музеев и научных обществ» [13, с. 5].

Проблемы выстраивания идентичности – культурной в широком смысле, этнической, религиозной, поколенческой, гендерной – сопряжены с функционированием в обществе различных меморативных практик, составляющих пласт культурной памяти. Данный феномен мы трактуем как «социальную систему формирования, хранения и передачи значимой информации и порождаемые ей структуры взаимодействия с самим контентом и его носителями, включая институции, технологии и специфические языки кодирования / декодирования» [10, с. 151]. Коллекционирование занимает свою нишу в пространстве и процессах создания и трансформации структур культурной памяти, поскольку даже личные, даже глубоко интимные переживания человека, собирающего значимые для него вещи, все равно по итогу встроены в более широкий контекст – эпохи, поколения, художественного стиля, эстетической или интеллектуальной традиции.

Общение в данном случае реализуется через «биографию вещи»: «Возраст, место происхождения, способ изготовления, прежний владелец <...> – все это для истинного коллекционера соединяется в некую магическую энциклопедию, посвященную судьбе той или иной вещи» [3, с. 10–11]. Коллекционер меняет статус того или иного предмета: из разряда «товаров» она переводится в разряд «воспоминаний», вещь обретает «биографию» в контексте личных историй своих владельцев или институций, этапов смены таковых. Обмениваясь такими вещами или даже просто рассказывая о них, коллекционеры вступают в коммуникацию по поводу этих историй. Вещь становится медиатором в общении, краеугольным камнем целых социокультурных паттернов, ландшафтов, миров. «Мне важно показать вам отношение коллекционера к тому, чем он владеет, показать скорее процесс коллекционирования, чем саму коллекцию», – пишет В. Беньямин [3, с. 9].

Масса аргументов в пользу коммуникативной природы собирательства приходит из полевой антропологии. Так, американский антрополог Джанет Хоскинс столкнулась с тем, что аборигены племени коди в Индонезии не мыслят в абстрактных категориях. Когда же беседа исследователя с ними перешла на обсуждение конкретных материальных вещей, коммуникация сразу выстроилась, ведь каждая вещь для рассказчика имела историю: как ее приобрели, кто был предыдущим владельцем. Таким образом вещи становились репрезентантами их хозяев, концентрируя в себе особенности личных и коллективных историй, нарративов, смыслов. При этом Хоскинс подчеркивает вариативность таких интерпретаций: есть биографические объекты, которые «сосредоточены на личности и обладают локализованной, конкретной и индивидуальной идентичностью», и есть те, что «создаются внешним протоколом, механически произведены как общественные товары и имеют глобализованную и обобщенную идентичность» [25, с. 8].

В цивилизованных обществах роль властных инстанций в формировании структур культурной памяти трудно переоценить. Власть имущие издревле усиливали свое временное присутствие на земле обладанием теми или иными статусными вещами, сокровищами, сакральными предметами. Однако помимо этих – очевидных – элементов власти и богатства, наиболее дальновидные правители закладывали культурные стратегии, расширяя свое внимание на множество неочевидных, «необыкновенных», «куриозных» вещей. Так, в Указе Петра Первого от 1718 года говорится: «Также ежели кто найдет в земле, или в воде какия старыя вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости человеческия или скотския, рыбы или птичьи, не такия, какия у нас ныне есть, или и такия, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какия старыя подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи; понеже не видав, положить нельзя цены» [19, с. 541]. А в 1721 году выходит следующий Указ, согласно которому все древности, «куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору <...> настоящею ценою, и <...> не переплавляя, присылать в Берг-и Мануфактур-Коллегию, а во оной <...> докладывать Его Величеству» [18, с. 557].

Сегодня можно анализировать многие социокультурные процессы в дискурсе взаимопроникновения различных типов коммуникативной рациональности, условно – западного и восточного, что сопровождается взаимной апроприацией отдельных элементов культурных практик, приемов, инструментария и репрезентируемых ими смыслов и ценностей. В этом смысле коллекционирование можно рассматривать как энергетическое взаимодействие [9, с. 164], синергию индивидуальных и коллективных жизненных сценариев, возникновение на этом пересечении качественно новых свойств системы данной антропологической практики.

Таким образом, мы логично подошли к третьему подходу к коллекционированию, который может быть сформулирован на основе его *потенциала креативности*. Данный ракурс становится наиболее очевидным в архитектонике современных социокультурных процессов, базово ориентированных на формат креативных творческих индустрий. Это синтетический взгляд, рассматривающий коллекционирование как культуротворческую практику, создающую с использованием новейших технологий новые смыслы, актуальные формы социальной жизни. Разумеется, что данный вектор можно проследить в более ранние исторические эпохи, подобно многим культурным феноменам, развивающимся на протяжении длительного периода, но получающим свое сущностное воплощение в определенном контексте (например, дизайн; массовая культура становятся таковой именно в условиях необходимого для ее проявления уровня научно-технического прогресса).

В. Беньямин отмечает: «Бытие коллекционера диалектически простирается между полюсами порядка и беспорядка. <...> Ведь любая страсть граничит с хаосом, а страсть коллекционирования – с хаосом воспоминаний» [3, с. 9–10]. Такой бинарный подход, признающий диалектическую природу любой культурной практики, сегодня является наиболее универсальным, соответствующим духу формирующейся на наших глазах эпохи метамодерна с ее осциллятивной природой и высоким уровнем неопределенности.

Коллекционирование в данной трактовке не замыкается на самое себя как самоценный феномен, а порождает новые уровни и пространства коммуникации – как по горизонтали, так и по вертикали. Формируется многофакторная сложная «экосистема искусства», которая, конечно, «не может существовать без арт-дилеров, галеристов, музеев и художественной критики, но роль коллекционера трудно переоценить. Он и критик, и друг, и опора художника. В конце концов, большинство крупнейших музеев мира возникли на основе частных коллекций. Это, например,

Эрмитаж, Лувр, Третьяковская галерея, – отмечает директор Мультимедиа Арт Музея Ольга Свиблова в своей «Оде коллекционеру» [22]. «Тонко организованная творческая и интеллектуальная деятельность коллекционеров, во многом предвосхитившая современных кураторов, их интерес к истории, искусству и меценатство» [4, с. 3], зачастую выполняет важнейшие социальные функции: просветительскую, образовательную, культуртрегерскую.

По мнению куратора, заведующего Отделом новейших течений Государственного Русского музея А. Боровского, коллекционеры сегодня – это особая «страта, которая не только выживает, но и приумножается (страта в социологическом смысле – среда, объединенная общими признаками: поколенческими, культурными, экономическими)» [6, с. 103]. Как писал Иракий Андроников, «Коллекционер – это первая ячейка музея, коллекционеры – актив музея. Это ”кровеносная система“, связывающая государственное хранилище с жизнью» [1]. И если очевидная цель коллекционирования, в первую очередь, – «в удовлетворении потребности самовыражения посредством обладания рядом тематически подобранных в систематизированную коллекцию предметов и знаний о них», то «пропаганда коллекционирования часто неосознанна» [20].

Очевидно, что для сегодняшнего высокотехнологичного общества, удалившегося на заметную историческую дистанцию от выдающихся коллекционеров-меценатов, чьи собрания стали синонимичны их именам, надо заново осмысливать роль возможных новых Третьяковых, Щукиных, Морозовых. Только «популяризация позволяет видеть перспективы существования любых видов коллекционирования. Популяризация, как реклама, привлекает молодые кадры, которые станут базой для дальнейшего существования коллекционных направлений. Частный коллекционер часто имеет возможность проявить большую гибкость, чем сотрудники научных и музейных институций», справедливо пола-

гают авторы учебника по вспомогательным историческим дисциплинам – нумизматике и фалеристике [7, с. 5].

Помимо горизонтальных связей между частными коллекциями, галереями и музеями, отдельно следует отметить коммуникационные каналы, связывающие эти институции с академической наукой, вырабатывающей и систематизирующей как знания о самой культурной практике коллекционирования, ее технологиях, акторах, формах и смыслах, так и условия для ее реализации со стороны других социокультурных форматов, государственных структур, экспертного и законодательского контура. Сами собиратели – в хаотическом или систематическом «поиске предметов коллекционирования, а также сведений, с ними связанных – аккумулируют и предоставляют новые знания науке. Соответственно, можно говорить о синергии, то есть о взаимодействии и взаимодополнении науки и коллекционирования» [7, с. 4–5]. Как отмечают издатели журнала «Коллекция. Выставки, искусство, история», «коллекционирование из увлечения давно перерастает в определенное научное знание со своими законами и философией – философией коллекционирования [20]. «Коллекционеры – физиогномисты вещного мира», – полагает В. Беньямин [3, с. 11], что накладывает на эту культурную когорту немалую ответственность за формирование картины мира просвещенной части человечества. Как отмечает один из ведущих российских коллекционеров и меценатов Михаил Карисалов, зачастую «недостаточно что-то купить, нужно погрузиться в атмосферу, историю этих предметов, изучать, встречаться со специалистами, иногда принимать участие в реставрации» [8, с. 149].

Новейшие исследования в области *museum studies* и *anthropology of collections* предлагают рассматривать коллекции не как собрания объектов, а как «узлы социальных и материальных отношений». Так, авторы недавно опубликованного сборника «*Collections as Relations*» (2024) полагают, что коллекции определяют, формируют и трансформируют

«социальные и профессиональные сети, курсы и практики» [24]. То есть современные коллекции выступают не только как результат отношений типа обмена, купли-продажи, но и как медиум актуальной социокультурной архитектоники, «ретроактивная практика, медиархеология» [6, с. 129], парадоксально порождающий востребованные обществом смыслы, формы и ценности. Отдельно следует отметить перформативный потенциал данной антропологической практики как способа «пересборки» отношений со временем, что также соответствует запросам текущей ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коммуникационные аспекты такого сложного культурного феномена, как коллекционирование, составляют особый дискурс, требующий использования междисциплинарного инструментария – культурологического, искусствоведческого, социологического, психологического, философского. Как отмечает исследователь феномена художественного музея в аксиологическом ракурсе, «развивающееся в русле музеологии направление “философия музея” вовсе не означает, будто бы признается существование некоего особого учения о музее: речь идет лишь о выявлении его философских оснований как явления культуры» [12, с. 23]. В этом же смысле «философия коллекционирования» также может претендовать на некий универсальный концептуальный статус знания об этой уникальной культурной прак-

тике, имеющей длительную историю и трансформирующуюся на наших глазах в рамках стремительно наступающей цифровой эры, но базово остающуюся «свободной систематической человеческой деятельностью, связанной с самоценным увлечением собирательством» [16, с. 15]. И ее коммуникационный потенциал только расширяется благодаря новейшим технологиям, позволяющим и точнее атрибутировать предметы собраний, и формировать виртуальные коллекции для определенных целей, и укреплять статус культурных практик как «мягкой силы», так необходимой в условиях текущей геополитической повестки. Но неизменно в центре пространства и процессов коллекционирования стоит фигура Собирателя, Личности, поэтому так важен именно антропологический дискурс в исследовании этого многосложного явления. Несмотря на развитие технологий (включая радикальные типа NFT) и креативных стратегий, конкретные люди по-прежнему «поддерживают художников, открывают целые пласты художественного наследия, помогают государственным музеям, основывают свои, учреждают премии, издают книги» [1]. В спектре прогнозов и ожиданий в том числе и «Новое Просвещение – возможная версия мировоззрения, обеспеченного коллективной осознанностью, финансирующей экзистенциальные и аксиологические векторы будущей социокультурной архитектоники» [11, с. 12].

Список литературы

1. 25 интервью с коллекционерами. 2013–2025. The Art Newspaper Russia Москва: Дефи. 296 с.
2. Андроников И. Л. О собирателях редкостей. Москва: Советский писатель, 1960. С. 81–134.
3. Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. Москва: ЦЭМ, V-A-C press, 2018. 104 с.
4. Березина А. В., Щеплягина А. В. Социокультурные аспекты феномена коллекционирования в трудах российских и зарубежных ученых второй половины XX – начала XXI вв. // Цивилизационные перемены в России. 2024. С. 20–28.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. Москва: Рудомино, 2001. 225 с.
6. Боровский А. СовРиск тревоги нашей... // Третьяковская галерея. № 1 (83). 2026. С. 96–105.
7. Володихин Д. М., Сидельников А. А., Тренихин М. М. Вспомогательные исторические дисциплины: нумизматика и фалеристика. Учебное пособие. Москва: Снежный Ком, 2025. 190 с.

8. Десять правил коллекционирования Михаила Карисалова // Третьяковская галерея. № 1 (83). 2026. С. 146–149.
9. *Дробышева Е. Э.* Архитектура современного искусства: арт-практики первой четверти XXI века: монография. Санкт-Петербург: Издат-во Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2025. 200 с.
10. *Дробышева Е. Э.* Культурная память в структуре социокультурной архитектуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Выпуск 7 (862). С. 150–157.
11. *Дробышева Е. Э.* Прото / мета / ультра / пост: современная социогуманитаристика в поисках концепта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 3 (119). 2024. С. 6–13.
12. *Ересова В. В.* Современный художественный музей в контексте аксиологических концептов культуры: дисс... кандидата культурологии. Санкт-Петербург, 2022. 183 с.
13. *Игнатъева О. В.* Антропология коллекционирования: Учебно-методическое пособие. Пермь: Издат-во ПГНИУ, 2021. 150 с.
14. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. Москва: Академический Проект, 2008. 555 с.
15. *Лиховцева А. В.* Частные коллекции произведений искусства как объект культурного наследия (художественная целостность, методология формирования и международный контекст феномена): автореф. ... кандидата искусствоведения. Москва, 2019. 31 с.
16. *Малинкин А. Н.* Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 192 с.
17. *Малинкин А. Н.* Коллекционирование: красивые вершки – убогие корешки? (философско-антропологические предпосылки одной культурной традиции) // Философия и культура. 2015. № 9 (93). С. 1328–1338.
18. Указ от 15 февраля 1721 г. «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг – и Мануфактур-коллегию». Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. 1830. С. 557–558.
19. Указ Петра I от 13 февраля 1718 г. «О передаче родившихся монстров в каждом городе коменданту и о назначении за них платы, и о штрафе за утайку» / Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5. Санкт-Петербург, 1830. № 3159. С. 541–542.
20. Философия коллекционирования / Журнал «Коллекция. Выставки, искусство, история». URL: https://sammlung.ru/?attachment_id=26406
21. *Шахова И. А.* Коллекционирование как социокультурный феномен современного общества // Вестник Амурского государственного университета. 2017. № 78. С. 137–143.
22. *Ярутина О.* Коллекционеры на первом плане. The Art Newspaper Russia № 136. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20251111-bhkf/>
23. *Ячин С. Е.* Критика аксиологического разума. Москва: ИНФРА-М, 137 с.
24. *Dilger H., Göbel B., Schütze S.* Collections as Relations: Contestations of Belonging, Cultural Heritage, and Knowledge Infrastructures. New York: Routledge, 2024. 294 p.
25. *Hoskins J.* Biographical Objects: How Things Tell the Stories of Peoples' Lives. New York: Routledge, 1998. 213 p.

*

Поступила в редакцию 26.04.2026

ПЕЧАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ КАК ФЕНОМЕН СТАНОВЛЕНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 130.2 : 101

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-100-110>

А. А. Коржавина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Российская Федерация,
e-mail: anastasyaclimova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается некоторая издательская продукция в контексте формирования массовой культуры конца XIX – начала XX века. Характер публицистики, отражающий в буржуазную эпоху вкусы широкой аудитории, рассматриваются как закономерная ступень развития массовой культуры в целом. Опираясь на исследования и свидетельства современников, в статье обозначаются некоторые признаки массовой культуры и характерные черты ее потребителя, выделяются наиболее популярные периодические издания, сыгравшие значимую роль в приобщении массовой аудитории к художественной культуре. Автор статьи приходит к выводу, что продукты массовой культуры, получившие широкое распространение в ходе урбанизации, развития промышленных технологий и средств коммуникации, привлекали потребителя преимущественно высоким уровнем исполнительского мастерства, красотой, детализацией, яркостью и при этом лёгкостью содержания.

Ключевые слова: массовая культура, массовый потребитель, читатель, издательская продукция, иллюстрированный журнал, салонная живопись, художественная выставка, книгоиздатель, художники-передвижники, газета, премии журналов, приложения к журналам.

Для цитирования: Коржавина А. А. Печатная продукция как феномен становления массовой культуры в России конца XIX – начала XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 100–110. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-100-110>

PRINTED MEDIA AS A PHENOMENON OF THE FORMATION OF MASS CULTURE IN RUSSIA IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

Anastasia A. Korzhavina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: anastasyaclimova@yandex.ru

Abstract. This article examines certain publishing products in the context of the formation of mass culture in the late 19th and early 20th centuries. The nature of journalism, reflecting the tastes of a broad

КОРЖАВИНА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА – прикрепленное лицо кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры

KORZHAVINA ANASTASIA ANDREEVNA – attached person at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture

© Коржавина А. А., 2026

audience during the bourgeois era, is viewed as a natural stage in the development of mass culture as a whole. Drawing on research and contemporary accounts, the article identifies certain characteristics of mass culture and the characteristic traits of its consumers, highlighting the most popular periodicals that played a significant role in introducing the mass audience to artistic culture. The author concludes that mass culture products, which became widespread during urbanization and the development of industrial technologies and communications, attracted consumers primarily through their high level of artistic craftsmanship, beauty, detail, vividness, and yet, at the same time, simplicity of content.

Keywords: mass culture, mass consumer, reader, publishing products, illustrated magazine, salon painting, art exhibition, book publisher, Peredvizhniki artists, newspaper, magazine awards, magazine supplements.

For citation: Korzhavina A. A. Printed Media as a Phenomenon of the Formation of Mass Culture in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 100–110. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-100-110>

Интерес исследователей к процессу становления и опыта функционирования массовой культуры в условиях рыночной системы второй половины XIX – начала XX века в настоящее время обуславливается тем, что культура является значительной частью рыночных отношений в стране.

Сам термин «массовая культура» ориентировочно появился в 30-е годы XX века как реакция на появление формы культуры, которая опирается на новый вариант социального устройства массового общества. В это время осуществлялись попытки проанализировать появление нового потребителя – «массового человека». Тогда же разрабатывались такие категории, как «масса», «массовость», «массовое сознание», именно они стали главенствующими для дальнейшего последовательного исследования массовой культуры, показателями многогранности этого феномена и проблематики его определения [25]. Термином «массовая культура» обозначается уровень и формы культуры, ориентированные на массового потребителя, с высокой степенью доступности продукции, масштабами ее воспроизводимости и преимущественно, развлекательным характером содержания [34]. Стоит добавить, что помимо развлекательности продукты массовой культуры могли быть поучительными, нацеленными на воспитание добрых чувств или сентиментальными. По мнению доктора философских наук И. Ф. Петрова, «массовая культура феноменологически и онтологически связана с явлением “масса”, отличного

от общностей наподобие нации и народа» [22, с. 444]. Она детерминирована особенностями развития общества, в частности урбанизацией и индустриализацией.

Культура в целом понимается нами как совокупность форм и методов взаимодействия людей. Таким образом, массовая культура, нацеленная на коммерческий успех, старается угодить как можно большему количеству людей, то есть успешно контактировать с ними. Развитие такого взаимодействия между создателем и потребителем «культурных продуктов» возможно при демократизации общественной жизни. Поэтому последовавшие после проведения ряда реформ второй половины XIX века демократизация культуры и ослабление цензуры привели к активному развитию разных форм культуры, в частности издательского дела, что позволяет, по нашему мнению, использовать термин «массовая культура» в описании феноменов культуры конца XIX – начала XX века.

Известный русский библиограф и книговед Н. А. Рубакин в 1895 году писал: «История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история читателей этих произведений» [29, с. 23]. Появлению «массового читателя» печатной продукции способствовало несколько факторов. Стремительно увеличивалось население в городах, где разнообразие форм деятельности подразумевает владение универсальным способом получения информации – чтением.

Население городов с 1863-го по 1897 год почти удвоилось (с 6,1 млн до 12 млн человек) [26]. Кроме того, крестьяне, занимавшиеся сезонной работой в городе (отходничеством), участвовавшие в ярмарках и приезжающие в город по другим бытовым нуждам, всё чаще чувствовали необходимость в освоении грамоты. Значимость обучения крестьян грамоте и воздействию на столь многочисленную часть населения посредством печати была очевидна и властям. Повсеместно открывали школы разных типов: воскресные, церковно-приходские, земские, помещичьи в имениях. Количество учащихся школ с 1861-го по 1897 год увеличилось с 717,8 тыс. до 3239,3 тыс. человек, то есть более чем в четыре раза [6, с. 69]. Но при этом, по данным переписи населения 1897 года, указано, что в 89 губерниях общее число людей, для которых русский язык являлся родным, составляло 83.933.567 человек. Грамотные из них – 16.609.271 человек, а это 19% [21]. Формировавшаяся широкая читательская аудитория была очень «пёстрой», состоявшей преимущественно из «полуобразованных» людей. Это были, как правило, мелкие и средние чиновники, сельские священники, купцы и мещане, провинциальная интеллигенция. Проучившись несколько классов в гимназии, получив «среднее» образование в семинарии, уездном или духовном училище, они научились обращаться за ответами на возникающие вопросы к книге, но краткосрочность обучения обусловила неполное усвоение «научной» картины мира, их мировоззрение осталось фрагментарным и сохранило многие элементы обыденных житейских представлений и наблюдений [26]. Этому новому массовому читателю К. Чуковский дал следующую характеристику: «Пришел какой-то новый, миллионный читатель, – и это, конечно, радость, но дело в том, что читатель этот почему-то без головы или с булавочной, крошечной, головкой. Читатель-микроцефал. И вот для такого микроцефала в огромном, гомерическом количестве печатаются микроцефальские журналы и книги» [32, с. 511].

Первоначально подходящим материалом для такой аудитории оказалась низовая городская литература (лубочная). Близкие к фольклору лубочные книжки с картинками с 1860-х годов начали широко распространяться уже и среди сельского населения на ярмарках и через бродячих торговцев–офеней. И. Д. Сытин, один из крупнейших книгоиздателей того времени, активно занимавшийся изданием лубка писал: «Очень известны в нашем народе лубочные картины – не менее 300 лет. Может быть, за эти три века картина дала русскому человеку гораздо больше, чем книга. Ведь неграмотные по количеству всегда преобладали над грамотными, и это одно делало картину и доступнее и популярнее. Чтобы прочитать книгу, надо было знать грамоту, чтобы видеть картину, надо было иметь только глаза» [30, с. 34]. В воспоминаниях крепостного крестьянина С. Д. Пурлевского указано, что в юношестве на получаемые в подарок деньги он составлял свою библиотеку, где были произведения «Еруслан Лазаревич», «Бова Королевич», «Илья Муромец», «Семь Симеонов» [7]. Важным аспектом является то, «что существование и развитие лубочной литературы регулировалось, прежде всего, рынком. Здесь не было ни литературной критики, ни «идейных» издателей» [26, с. 157]. Переиздавалась лубочная литература огромными тиражами, однако тиражирование – не единственный показатель массовой культуры, хотя оно и является явным ее признаком. Так, издательство И. Д. Сытина было коммерческим, следовательно, рассчитанным на самого массового покупателя. Однако, помимо массы лубочной и художественной литературы и календарей, он выпустил много фундаментальных изданий – «Великие реформы», «Военную энциклопедию», «Народную энциклопедию». Внутренняя сущность такой литературы гораздо шире и сложнее массовой, ориентированной на нетребовательного читателя [2]. Здесь «массовое» (тиражируемое) выступает не столько количественным показателем, сколько качественным. Основываясь на дидактическом принципе освоения материала

“от простого к сложному”, можно считать, что массовая культура такого качества была необходимой ступенью в процессе приобщения к искусству. Ведь только что научившись читать, никто не берется за «Войну и мир», а начинает свое чтение с «Курочки-рябы».

Массовый читатель, как основной потребитель издательской продукции, напрямую влияет на форму подачи материала. Наиболее понятный и легко воспринимаемый читателем способ получения информации – визуальный. Массового читателя привлекали и впечатляли произведения, где точно прорисованы роскошные наряды, идеализированные пейзажи с изображением заката или рассвета. В отличие от лубка – здесь был высокий профессионализм мастеров и большое внимание к деталям. Яркое, вызывающее эмоции изображение было предпочтительнее сложного текста. Соответственно, небольшие, но обильно иллюстрированные издания становятся популярными.

Первые иллюстрированные еженедельники «Журнал карикатур» (1808) и «Живописное обозрение» (1835–1844) появились в России еще в начале XIX века, но быстрый рост числа и популярности таких журналов наблюдался позднее. Наиболее распространенными стали универсальные еженедельные журналы «для семейного чтения», в которых сочетался разносторонний материал и иллюстрации для всех членов семьи. Тонкие еженедельники, в отличие от толстых журналов, не ориентировались на определенную по взглядам аудиторию. По примерным подсчетам, с 1860-го по 1900-й год суммарный тираж толстых журналов увеличился с 30 до 90 тысяч экземпляров, а у тонких еженедельников с конца 1870-х по 1900-е годы тираж вырос со 100 до 500 тыс. экз. Иллюстрированные журналы активно расходились в среде небогатого населения, ранее довольствовавшегося лубочными изданиями. В 1890-е годы было отмечено, что теперь в деревне на стенах в крестьянских избах можно увидеть расклеенные рисунки и даже целые листы с рисунками из «Нивы», «Сына отечества», «Всемирной иллюстра-

ции», «Шута», «Будильника». Эти журналы сыграли важную роль в приобщении к художественной литературе и привитии читательской культуры в целом [26].

Регулярный выход еженедельников «Нива» (1869–1918), «Всемирная иллюстрация» (1869–1898), «Живописное обозрение» (1872–1900), «Пробуждение» (1906–1918) на протяжении длительного времени свидетельствует об успешном удовлетворении культурных запросов населения того времени.

Отличительной чертой некоторых журналов была выдача ежегодных премий своим подписчикам в виде ярких картин с понятным сюжетом. Олеографии картин, выдаваемые в качестве премий журналом «Нива», высылались вместе с рамой и становились украшением интерьеров у многих подписчиков. На страницах журналов часто репродуцировались изображения с мелодраматическими сюжетами и рисунки с милыми детьми, играющими с животными: Х. П. Платонов «Девочка с петухом», В. Гаузе «В раздумье», К. Е. Маковский «Девочка в раздумье». Помимо этого можно отдельно выделить регулярно встречающиеся изображения красавиц в модной или национальной одежде: К. Е. Маковский «Русская красавица», Е. Сапоретти «Тихий взгляд», Е. Блаас «Молодая девушка», П. Вагрен «Задумалась» [16].

Обозначая общий круг художественных явлений, которые популяризировались в «Ниве», можно указать западноевропейский академизм, поздний сентиментально-идиллический бытовой жанр русских и зарубежных художников – то, что чаще всего публиковалось на страницах журнала [29].

Журнал «Художник» в 1891 году выдал в качестве премии альбом «Красавицы», состоящий из десяти отдельных листов с изображением прекрасных дам [1]. В своих воспоминаниях М. В. Добужинский писал: «Первая моя любовь (безнадёжно неразделённая) была красавица с картины Ганса Маккарта, в широкополой шляпе со страусиным пером, – иллюстрация в «Живописном обозрении» [12, с. 62]. В 1906 году двухнедельный

журнал «Пробуждение», который, по словам редакции, создан по образцам лучших зарубежных изданий, дал рекламное объявление о том, что годовые подписчики получают 12 роскошных многокрасочных копий картин великих художников, и примечательно, что указано о получении еще 6 картин в декадентском стиле, исполненных красками с золотом и серебром. К этому же журналу выходило дешевое приложение – «Картинная галерея» с репродукциями салонной живописи. Помимо этого для подписчиков журнала «Пробуждение», цена «роскошного» иллюстрированного литературно-художественного альбома избранных произведений русских литераторов «Салон» с пересылкой составляла 1 руб., 50 коп., а для всех остальных – на рубль дороже [23; 24].

Рис. 1. Летний этюд. Ориг. Рисунок (собственность «Нивы») Журн. «Нива» № 16 (1886 г.)
Б. Томашевич,
грав. Ю. Барановский

Образы красивых женщин с цветами и в модной одежде, рисунки милых пухлых детей, играющих с животными, стали очень популярными. Они – как незамысловатые красивые картинки – использовались также в оформлении товаров народного потребления, выпускаемых большими партиями, что ещё больше способствовало омассовлению этих изображений. Такие изображения встречались на упаковках чая, мыла, какао, кофе, шоколада, пастилы. Можно отметить, что фирмы заказывали оформление упаковок своих товаров у вполне профессиональных художников, чтобы стимулировать покупку. Отмечая желание народа чем-нибудь украсить свой быт, Максим Горький указывал, что эта потребность по необходимости удовлетворялась даже обертками мыла «Брокер», ввиду чего одним из средств эсте-

Рис. 2. Красавица. С. Соломко. Из альбома «Красавицы» Премия журн. «Художник» (1891 г.)

Рис. 3. В раздумье. В. Гаузе. Журн. «Нива» № 18 (1887 г.)

Рис. 4. Воспоминания. К. Кизель Журн. «Пробуждение» № 23 (1913 г.)

Рис. 5. Фрагмент календаря на 1902 г. Премия журн. «Нива»

Рис. 6. Фрагмент календаря на 1904 г. Премия журн. «Нива»

Рис. 7. Первый шаг стат. Ф. Каменского «Журнал для всех» № 7 (1902 г.)

тического воспитания широких масс населения оказались модные рекламы [28]. Ниже приведены примеры очень схожих между собой изображений прекрасных дам из еженедельных журналов разных лет, на календарях и на обертках конфет знаменитых кондитерских фабрик (рис. 1–10). Источником представленных изображений календарей и конфетных оберток послужила электронная база данных государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, там же

можно ознакомиться с их подробным описанием [10].

Обертка конфет «Мишка косолапый» – яркий пример того, как художественное произведение стало тиражируемым. Рисунок для конфетного фантика создан на основе картины «Утро в сосновом лесу» знаменитого художника-пейзажиста, профессора и действительно члена Академии художеств И. И. Шишкина в соавторстве

Рис. 8. Конфетная обертка «Красотка» кондитерской фабрики товарищества С. Су и К°

Рис. 9. Конфетная обертка «Променад» кондитерской фабрики товарищества А. И. Абрикосова и сыновей

Рис. 10. Конфетная обертка «Аллегорические» (Ищите жениха) кондитерской фабрики Г. Бельфор

с К. А. Савицким. Конфеты выпускала кондитерская фабрика Товарищества Эйнем. После революции 1917 года национализированное предприятие было переименовано в «Красный октябрь», а успешный образ мишек продолжают использовать и сегодня [11].

Товарищество Эйнем выпускало серии вкладышей с картинками к своей продукции – кофе и шоколада. Получение подарка (вкладыша, открытки, наклейки, картины) стимулировало приобретение товара, в том числе для того, чтобы собрать полный набор (коллекцию). В 1896 году вышел набор «Русские художники и их картины». Серия состояла из двенадцати вкладышей со следующими картинами: «Буря на черном море» А. И. Айвазовского, «Этюд с натуры во Франции» А. П. Боголюбова «Витязь на распутье» В. М. Васнецова, «Молла Раим и молла Керим по дороге на базар» В. В. Верещагина, «Спускать свору» А. Д. Кившенко, «Фергана» Н. Н. Каразина, «Идеалист и практик» В. Е. Маковского, «Этюд» А. И. Мещерского, «Не ждали» И. Е. Репина, «Птицеловы» В. Г. Перова, «Меньшиков в Берёзове» В. И. Сурикова, «Этюд леса» И. И. Шишкина [27]. Пейзажей с изображением красивой природы в подборке больше, чем остальных жанров. Картины шестерых из двенадцати представленных в серии художников были выданы в качестве премий к «Ниве» за разные годы: А. П. Боголюбов – 1892, 1895, 1898; А. Д. Кившенко – 1878, 1891, 1895, 1898; И. К. Айвазовский – 1891, 1892, 1895, 1898; И. И. Шишкин – 1890, 1895, 1898; Н. Н. Каразин – 1891, 1893, 1895, 1898; И. Е. Репин – 1893 [16]. Это позволяет говорить о том, что выбраны художники, чьи фамилии уже были известны массе людей, тиражирование их произведений лишь усилило популярность.

Серийность выпускаемой продукции и стандартизация оформления указывают на её предназначение для массового потребителя. Это делает продукт узнаваемым, упрощает практическое использование, например, ускоряет поиск интересующего материала (раздела) в журнале.

Одной из самых важных составляющих продукта массовой культуры, является его доступность населению. Годовая подписка на еженедельные журналы была недорогой. В информации о подписке на журнал «Огонёк» за 1879 год редакция жирным шрифтом указала, что журнал доступен по цене каждому. Стоимость годовой подписки с рассылкой по стране в 1879 году на «Огонёк» составляла 5 рублей [19], на «Ниву» – 6 рублей [17], на «Живописное обозрение» – 7 рублей [13]. За эту плату подписчик получал не только 52 журнала, а еще и премию. Для понимания относительности цен, здесь можно указать стоимость других товаров в том же году. Розничная цена 1 пуда (≈16 кг.) ржи в Олонецкой губернии составляла 82 коп., в Ярославской – 72 копейки, в Воронежской – 49 копеек [15]. Розничная цена 1 фунта (≈400 гр.) чёрного чая высшего сорта составляла 1 рубль 60 копеек, включая пересылку по регионам отдаленностью от Москвы не более 2000 вёрст (≈2100 км.) [8]. В магазинах Петербурга цинковое ведро для воды стоило 1 рубль 50 копеек [17], сковородка – 2 рубля 50 копеек, нож для хлеба – 1 рубль 25 копеек [18].

Соглашаясь с мнением А. В. Бетехина, что художественный запрос это – «востребовательное послание носителя осознанной художественной потребности субъекту ее удовлетворения» [5, с. 10], можно сказать, что имеющая коммерческий успех продукция напрямую отражает художественные вкусы общества. Несмотря на то, что коммерческий успех можно считать индикатором высокой востребованности у населения, подсчёт количества отдельных покупок и подписок на продукцию не может дать редакции точную информацию о количестве читателей, так как прессу иногда покупали вскладчину несколькими семьями или брали в библиотеках. В разросшейся к XX веку разветвленной сети культурно-просветительных организаций насчитывалось 20 тысяч народных библиотек и читален, 375 научных и публичных библиотек, около 700 различных культурно-просветительных обществ, 314 народных домов [20].

Издательская продукция, как часть массовой культуры, нацеленная на создание условий для развлечения и эмоционального отдыха, не должна способствовать затрачиванию интеллектуальных усилий. Массовая культура имеет компенсаторную и терапевтическую функцию, помогая людям адаптироваться к изменяющейся социально-политической среде. Потребление определенных продуктов массовой культуры способствует социальному сплочению и самоорганизации людей в группы по интересам [31]. Стимулом к подписке на периодические издания нередко выступало следование моде, потребность быть в едином информационном поле с окружающими и нежелание отставать от других.

Производство публицистической продукции сосредотачивалось в городах и, соответственно, там она была больше распространена. В городах у людей было больше возможностей для организации досуга, именно городское население являлось стимулятором развития массовой культуры и её основным потребителем. Большинство людей, приехавших в города в поисках лучшей доли и сознательно отказавшихся от традиционного уклада жизни, желали овладеть городской культурой, элитарной культурой социальных верхов [3].

Свободные ниши в активно развивающемся типографском и издательском деле занимали «выходцы из народа», которые знали истинные потребности своих читателей – малообразованных людей, глухих к истинной художественности произведений. Среди них был Н. И. Пастухов – писатель и основатель газеты «Московский листок». В «Московском листке» отражалась жизнь города и его окрестностей. По воспоминаниям В. А. Гиляровского, Н. И. Пастухов – мещанин из города Гжатска (Смоленской губернии), перебравшись в Москву, открыл небольшое «питейное заведение» и с того момента начал активно общаться с его посетителями, узнавал, что они читали, и перечитывал это же сам [9]. Посвятив себя издательскому делу, «людей малограмотных, никогда не державших в ру-

ках книгу и газету, он приучил читать свой «Листок» [9, с. 102]. Эта газета имела значение в большей степени для жителей одного города – Москвы, как и ранее появившийся «Петербургский листок» – для Петербурга, но появление газет локального характера, отчасти помогло увидеть необходимость и развлекательной прессы в стране.

Помимо прочего в газетах и журналах отражалась актуальная информация обо всех сферах массовой культуры – об открытии выставок, музеев, освещался театральный репертуар, предстоящие концерты, кинопоказы, гастроли артистов. Весь этот материал представляет интерес для исследования, потому как художественная жизнь в целом позволяет обозначить вкусы и основные черты культуры наиболее массовой части общества. Здесь отражаются взаимоотношения со зрителем, виды и формы выставочной деятельности, общественные предпочтения различных художественных организаций и сообществ, роль художественной критики в воздействии на создание произведений, равно как и обратное влияние, которое испытывает пресса, когда отражает тенденции развития искусства [29]. Внимание прессы нередко привлекали выставки салонной живописи и скульптуры. Такие салонные выставки численно преобладали и были очень популярны, несмотря на то, что отражение социальной проблематики в творчестве художников-передвижников поддерживалось авторитетными критиками, в том числе В. Стасовым. Они привлекали колоссальное внимание и получили официальное признание. Ряд ведущих передвижников даже стали профессорами Академии Художеств [2]. Для сравнения: на выставках художников-передвижников в 1884–1894 годов было представлено более двух тысяч двухсот картин, а на выставках Академии художеств за это же время – больше четырех тысяч произведений. К ним следует добавить работы членов Петербургского общества художников, где объединились типичные представители академической салонной живописи. Только с 1893-го по 1896 год они выставили больше

восьмисот работ. Эти цифры свидетельствуют о росте активности художников позднеакадемического салонного искусства в общественной деятельности, которая поощрялась возрастанием спроса на их произведения [29].

Получив широкое распространение вместе с развитием новых технологий производства и систем коммуникации, массовая культура отразила вкусы меняющихся в период демократизации широких слоев общества. По словам философа и публициста Н. А. Бердяева, «от демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве» [4, с. 270]. Расчетливые издатели, нацеленные на извлечение прибыли от сбыта своего товара репродуцировали в изданиях то, что хотел получить читатель. Разумеется, это было не «высокое» искусство со сложными задачами, а яркий и понятный любому простолыдину материал. Позднее такой подход в иронической форме в своих воспоминаниях отобразил Ф. И. Шаляпин, осмотрев Нижегородскую выставку. Описывая «Принцессу Грёзу» М. Врубеля, он рассуждал: «Чего тут хорошего? ...Наляпано, намазано, неприятно

смотреть. То ли дело пейзажик, который мне утром понравился в главном зале выставки. Яблоки – как живые, – укусить хочется, яблоны такая красивая – вся в цвету. На скамейке барышня сидит с кавалером, и кавалер так чудесно одет (какие брюки, непременно куплю себе такие)» [29, с. 23]. Потребителю массовой культуры чужд глубокий психологизм, проявления выраженной социальной проблематики. Он хочет получить отвлечение от проблем собственной нележкой или просто тусклой жизни, отдохнуть глазами и мыслью. Из этого выделяются родовые особенности массовой культуры – бездуховность, беспроблемность и красивость.

Спектр оценок массовой культуры очень широк. Пройден путь от резко негативного отношения на первых этапах изучения к признанию существования как неизбежной реальности и реабилитации её как значимой составляющей современного мира [33; 34]. Массовая культура, как и ранее, так и сегодня, носит повседневный характер, заполняет свободное (внерабочее) время человека, способствуя организации его досуга. В настоящее время всё чаще акцентируется внимание на поиске возможностей увеличения свободного времени для самореализации и реализации своих культурных потребностей.

Список литературы

1. Альбом-премия журнала «Художник». Санкт-Петербург. Типография В. Г. Авсеенко, 1891. 9 с.
2. Беловинский Л. В. Жизнь русского обывателя: В 3 частях. Ч 2. На шумных улицах градских. Москва: Альма Матер, 2022. 438 с.
3. Беловинский Л. В. Культура русской повседневности: учебное пособие. Москва: Академический проект, 2020. 716 с.
4. Бердяев Н. А. О культуре // Философия неравенства. Москва: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
5. Бетехтин А. В. Художественная культура: предпочтения и запросы аудитории и деятельность системы учреждений искусства: автореферат дис... канд. культурологии. Челябинск, 2012. 24 с.
6. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. Москва: Статистика, 1964. 195 с.
7. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 1077 с.
8. Всемирная иллюстрация, 1879 г. № 18(564) Т. 22. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_013187805/

9. *Гиляровский В. А.* Москва газетная. Санкт-Петербург: Азбука, 2024. 476 с.
10. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (Госкаталог): URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/>
11. *Джанджугазова Е. А.* Культурные и товарные бренды Москвы: интегрированный подход, или что общего у фабрики «Красный Октябрь» (Эйнемъ) и Третьяковской галереи // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-i-tovarnye-brendy-moskvy-integrirouvannyy-podhod-ili-chto-obshchego-u-fabriki-krasnyy-oktyabr-eynem-i-tretyakovskoy-galerei>
12. *Добужинский М. В.* Воспоминания. Москва: Наука, 1987. 479 с.
13. Живописное обозрение, 1879 г. № 36 Т. 2. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010664231/
14. Журнал для всех, 1902 г. № 7. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000027385/
15. *Мионов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Ленинград: Наука, 1985. 301 с.
16. Нива, 1870–1918 гг. Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru/search/?q=%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB+%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B0&access%5B%5D=open>
17. Нива, 1879 г. № 27. Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru/search/?q=%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB+%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B0&access%5B%5D=open>
18. Нива, 1879 г. № 42. Национальная электронная библиотека. URL: <https://rusneb.ru/search/?q=%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB+%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B0&access%5B%5D=open>
19. Огонёк, 1879 г. № 1. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008276152/?year=1879
20. *Пархоменко Т. А.* Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол. XIX – нач. XX в.) // Музей и власть. Из жизни музеев: сборник научных трудов НИИ культуры. Ч. 2. Москва. 1991. 191 с.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. Паровая Типо-Литография Н. Л. Ныркина, 1905. 44 с.
22. *Петров И. Ф.* О массовой культуре и ее сущности // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-massovoy-kulture-i-ee-suschnosti>
23. Пробуждение, 1906 г. № 12. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM18_1000118408/
24. Пробуждение, 1913 г. № 23. Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_Per_1230801/
25. *Пронькина А. В.* Массовая культура как культурологическая категория // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 34: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kultura-kak-kulturologicheskaya-kategoriya>
26. *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
27. Серия «Русские художники и их картины». Товарищество Паровой фабрики «Эйнем» в Москве. (№ 1–12). Санкт-Петербург: Э. И. Маркус. 1896.
28. *Стернин Г. Ю.* Русская художественная культура второй половины XIX века. Москва: Наука, 1988. 365 с.

29. *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. Москва. 1970.
30. *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. Москва: Государственное издательство политической литературы. 1964. 280 с.
31. *Флиер А. Я.* Маргинальные поля знания: поп-наука // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5 (49). С. 12–22.
32. *Чуковский К. И.* Русская литература в 1910 году // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Литературная критика 1908–1915. Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 736 с.
33. *Шагинская Е. Н.* «Классические» теории массовой культуры в современном контексте // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: материалы международной конференции. Москва: Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 76–81.
34. *Шагинская Е. Н.* Массовая культура // Прикладная культурология. Энциклопедия. Москва: Согласие, 2019. С. 444–449.

*

Поступила в редакцию 23.01.2026

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. В. ПУХНАЧЕВА ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ РУССКОГО КОЛОКОЛЬНОГО ИСКУССТВА

УДК 930.85

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-111-120>

Е. Ю. Пухначева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: puhnacheva@rambler.ru

Аннотация. Ю. В. Пухначев – ученый, журналист, популяризатор науки, заслуженный деятель культуры РФ – один из авторитетных отечественных исследователей колоколов и колокольного дела. Так сложилось, что он занимал важное место в том движении энтузиастов, которое возникло в последней трети XX века и было направлено на возрождение колокольного искусства в нашей стране. Среди этих энтузиастов были музейные работники, краеведы, коллекционеры, ученые. В статье анализируется деятельность Ю. В. Пухначева в качестве организатора и первого председателя Ассоциации колокольного искусства СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов XX века, его отношения с коллегами и единомышленниками. В тексте статьи приведены отзывы о нем друзей и коллег, единомышленников, а также дано описание сохранившихся документов из семейного архива Пухначевых, относящихся к периоду становления отечественной campanологии – науки о колоколах.

Ключевые слова: Ю. В. Пухначев, campanология, Ассоциация колокольного искусства России, колокольное дело, музеи-заповедники, колокольный звон, фестивали колокольного искусства.

Для цитирования: Пухначева Е. Ю. Деятельность Ю. В. Пухначева по возрождению русского колокольного искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 111–120. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-111-120>

THE ACTIVITIES OF YU. V. PUKHNACHEV IN THE REVIVAL OF RUSSIAN BELL ART

Ekaterina Yu. Pukhnacheva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: puhnacheva@rambler.ru

Abstract. Yu. V. Pukhnachev – a scientist, journalist, popularizer of science, and Honored Cultural Figure of the Russian Federation – is one of the most authoritative Russian researchers of bells and bell-making. He played a key role in the enthusiastic movement that emerged in the last third of the 20th century and aimed at reviving bell-making in our country. These enthusiasts included museum

ПУХНАЧЕВА ЕКАТЕРИНА ЮРЬЕВНА – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой музейного дела, Московский государственный институт культуры

PUKHNACHEVA EKATERINA YURYEVNA – CSc in Art History, Associate Professor, Head of the Department of Museum Studies, Moscow State Institute of Culture

© Пухначева Е. Ю., 2026

workers, local historians, collectors, and scientists. This article analyzes Yuri Pukhnachev's activities as the organizer and first chairman of the USSR Bell Art Association in the late 1980s and early 1990s, as well as his relationships with colleagues and associates. The article includes testimonials from friends, colleagues, and associates, as well as a description of preserved documents from the Pukhnachev family archive dating back to the formative years of Russian campanology – the study of bells.

Keywords: Yuri Pukhnachev, campanology, Russian Bell Art Association, bell-ringing, museum-reserves, bell ringing, bell art festivals.

For citation: Pukhnacheva E. Yu. The Activities of Yu. V. Pukhnachev in the Revival of Russian Bell Art. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 111–120. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-111-120>

«Юрий Васильевич Пухначев принадлежит к той плеяде просветителей, для которых распространение и укоренение знаний о мире является необходимым условием нормального существования общества, государства и человека. Вместе с тем, это яркий, разносторонне образованный и индивидуально мыслящий ученый, работающий на стыке разных наук и искусств».

Наум Клейман, заслуженный деятель искусств Российской Федерации

Личность Ю. В. Пухначева (1941–2005) хорошо знакома всем, кто имеет отношение к отечественной campanологии, ведь он был одним из лидеров ее становления в последней трети XX века. Математик по образованию, выпускник Московского физико-технического института периода расцвета этого учебного заведения, доцент кафедры высшей математики МФТИ, кандидат физико-математических наук, он был человеком энциклопедических знаний с широким кругом интересов. Вспоминая годы своей учебы и преподавательской работы, он подчеркивал, что при поступлении в МФТИ обращали особое внимание на широту кругозора абитуриентов, на их осведомленность не только в точных науках, но и в искусстве, литературе. Курс на всестороннее гармоничное развитие личности студента был политикой руководства института в то время. И пример подавали сами профессора – ректор, академик АН СССР (РАН) О. М. Белоцерковский, академик АН СССР (РАН) Н. Н. Моисеев (научный руководитель диссертации Ю. В. Пухначева) и другие. Например, академик Б. В. Раушенбах, с которым Ю. В. Пухначев общался на протяжении всей его жизни,

не только крупнейший специалист в области ракетной техники и космонавтики, но и искусствовед, исследовавший системы пространственных построений в изобразительном искусстве. Сам Юрий Васильевич прекрасно рисовал, в совершенстве знал немецкий язык и немецкую литературу, профессионально занимался журналистикой (заведовал отделом в журнале «Наука и жизнь», был членом Союза журналистов, автором и ведущим нескольких телевизионных программ на телевидении в 80–90-е годы). Он стал одним из создателей и первым президентом Ассоциации колокольного искусства России (1989). Интерес к изучению колоколов и колокольного звона зародился у него еще в конце 1960-х годов. Причем изучал он их комплексно: с точки зрения акустики и материаловедения, с точки зрения истории культуры, национальных и религиозных традиций, с точки зрения музыки. Плодом этого изучения стала небольшая, но чрезвычайно емкая и информативная научно-популярная книга «Загадки звучащего металла» [20]. Заслуживает внимания язык книги – простой, доступный, временами не лишенный поэтичности, но строго следующий

научным фактам. Этот стиль изложения особенно отличал автора как талантливого популяризатора науки. Сегодняшнему молодому поколению покажется странным, что в советское время книгу, посвященную колокольному звону, не брали в издательства, так как тему эту автоматически относили к религиозной пропаганде. Несколько лет автор потратил на безуспешные попытки опубликовать книгу. По словам самого Юрия Васильевича, только помощь будущего митрополита Волоколамского и Юрьевского (а тогда архиепископа) Питирима (Нечаева), возглавлявшего издательский отдел Московской патриархии и обладавшего широкими связями в кругах московской интеллигенции, помогла выходу книги. Этот факт можно было бы расценивать как помощь свыше. Юрий Васильевич вспоминал, что еще на стадии замысла книги он, на тот момент человек сугубо рациональный, столкнулся с откровением в чистом виде. В одну из поездок в Сибирь, на родину своего отца, ходил летом в лес, собирал грибы. Выйдя на опушку леса, залитую солнцем, он вдруг четко увидел детально всю структуру будущей книги. Он всегда воспринимал это как чудо, впервые пошатнувшее его рационализм.

Антирелигиозная политика советской власти, активизировавшаяся в конце 20-х – начале 30-х годов XX века, сопровождалась массовым разрушением культурных ценностей – церковных зданий, икон, колоколов, церковной утвари. Множество колоколов были переплавлены, а из оставшихся на колокольных многие замолчали, так как колокольный звон был ограничен и даже запрещен. Набатный звон был запрещен еще в 1918 году. В 1923 году был принят Декрет СНК РСФСР от 19 сентября 1923 года «О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера», разрешающий продажу колоколов из ликвидированных монастырей и церквей. 6 декабря 1929 года по представлению антирелигиозной комиссии и НКВД СССР секретариат ВЦИК принял Постановление ВЦИК «Об урегулировании колокольного звона в церквях» [13], запрещающее трезвон во все

колокола, ограничивающее колокольный звон во всех городах, крупных селах и поселках городского типа [4].

К 1917 году в России было более 80 тысяч колоколов и звонниц, полностью укомплектованных колоколами. На сегодняшний день осталось лишь несколько полностью сохранившихся с дореволюционных времен комплектов колоколов. Таким образом, колокола как объекты культурного наследия в годы советской власти планомерно уничтожались, колокольный звон как область музыкального искусства (как церковного, так и светского) не развивался и постепенно исчезал с уходом старых звонарей, развитие отечественной campanологии как области науки, начавшей формироваться в XIX – начале XX века, прервалось, так как тема была под запретом.

Первые единичные отечественные работы о колоколах появляются еще в XVIII – первой половине XIX века. Со второй половины XIX века стали появляться специальные труды о колоколах и колокольном звоне (помимо церковных уставных книг). Можно назвать работы А. А. Израилева [12], С. Г. Рыбакова [25], Н. Пряхина [20], А. Субботина [27], М. И. Пыляева [22], А. Алексеева [1], С. Смоленского [26], В. С. Кнаббе [14]. О колоколах писали и в контексте церковной службы, и в контексте музыкального искусства, в контексте производства и работы колоколотейных заводов, в контексте истории русской культуры. Событием огромной важности стала вышедшая в 1906 году и переизданная в 1912 году книга талантливого представителя фамилии ярославских предпринимателей, около полутора столетий державших колоколотейное предприятие в Ярославле, Н. И. Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство» [18].

Единичные работы о колоколах еще выходили в конце 1910-х – начале 1920-х годов, но далее тема затрагивалась лишь в нескольких контекстах. До 1970-х годов выходили в свет труды, посвященные металлведению, литейному делу и его истории, в которых, в числе прочих литейных производств, рассматри-

валось и литье колоколов. Например, книга Н. Н. Рубцова [24]. Российский campanолог А. Ф. Бондаренко пишет, что в советский период по колокольной тематике выходили небольшие заметки и статьи именно в контексте литейного производства. Также она упоминает три брошюры, выпущенные в 50–60-х годах, о колоколах Московского Кремля [5, с. 19]. Также колокольный звон был предметом изучения акустиков. Колокольная тема в специфическом ключе получила освещение в пропагандистской антирелигиозной литературе. Например, знаменитая работа П. В. Гидулянова [9]. Смелым поступком можно назвать труд К. Сараджева «Колокол», написанный в 1940-е годы. Но в стране не нашлось издательства, которое рискнуло бы выпустить его в свет, он так и остался в рукописи [3]. Не попадала под негласный запрет тема поддужных колокольников, они экспонировались в музеях, о них выходили отдельные статьи. Таким образом, небольшая книжечка «Загадки звучащего металла», выпущенная в 1974 году, стала поистине прорывом в этой сфере, основанием и импульсом для возрождения отечественной campanологии.

В 60–70-е годы XX века постепенно возрастал интерес общества к колокольной тематике как к малоизученной, забытой области русской культуры. В авангарде этого общественного движения оказались музеи, и прежде всего музеи-заповедники, в состав объектов которых входили колокольни. Музеи, часто при активной поддержке краеведов, начинали формировать и изучать коллекции колоколов, пытались восстановить звоны. Советские музеи-заповедники в то время старались интерпретировать колокола и колокольный звон как часть культурного наследия народа, а не как часть церковной традиции. Возрождение русской православной церкви, появление потребности в церковных звонах и новых колоколах произошло гораздо позже.

Событием, значительно повлиявшим на возрастание в обществе интереса к колоколам, стала история записи звонов для фонотеки СССР в Государственном музее-

заповеднике «Ростовский кремль» в 1963 году. В 1966 году на Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия» была выпущена грампластинка «Ростовские звоны». История того, как была осуществлена запись, широко известна; о ней также упоминает Ю. В. Пухначев в предисловии к первому сборнику материалов конференции «Колокола. История и современность» [16]. Дело в том, что именно в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» смогли сохранить целостный аутентичный ансамбль колоколов. Примечательно, что после осуществления записи колокола опять замолчали, и многочисленных туристов в Ростовском кремле приветствовал не настоящий колокольный звон, а магнитофонная запись, которую в музее использовали полуофициально. И так продолжалось до середины 80-х годов. Этот факт показывает отношение областного партийного руководства к колокольному звону как к инструменту пропаганды религии [23].

Позже попытки восстановления колокольных звонов стали предприниматься и в других музеях-заповедниках. Движение это было основано прежде всего на личном энтузиазме сотрудников, краеведов и некоторых руководителей музеев. Основные трудности, с которыми они сталкивались, сводились к следующему:

- обучение: живущих на тот период звонарей было мало, и они были преклонного возраста, а обучение звонарному мастерству всегда происходит из рук в руки, от мастера к ученику;
- развеска и подбор колоколов: не знали, как развешивать и подбирать колокола, литературы по этому вопросу практически не было, специалистов тоже;
- потеря технологий литья колоколов: невозможно было изготовить новые колокола, а старых, дореволюционных, было не так много.

В этих условиях музейные работники жадно искали и ловили любые крупницы информации по интересующей теме. И выход книги «Загадки звучащего металла» стал для них событием. К Ю. В. Пухначеву как специа-

листу стали приезжать для консультаций сотрудники музеев, музыковеды, начинающие звонари, исследователи. Так получилось, что он стал центром притяжения и пересечения очень разных людей, интересующихся колокольной темой, неформальным лидером. Здесь раскрылся его организаторский талант – связывать людей между собой, помогать искать информацию, литературу.

После истории с записью колокольных звонов в Ростове Великом прошло довольно много времени. Следующим этапом в возрождении колокольных звонов стала деятельность музея деревянного зодчества «Малые Корелы» под Архангельском. Здесь в 1974 году началось формирование коллекции колоколов. Причем большое количество колоколов сотрудники музея привезли зимой 1975 года со склада Вторцветмета, где они были обнаружены совершенно случайно и должны были быть уничтожены. Обретя коллекцию колоколов, музей озадачился созданием музыкальной экспозиции «Звоны Северные», в которой колокола могли бы зазвучать. Весной 1975 года первые колокола были подвешены на деревянной колокольне из села Кулига-Дракованово, а 1 июня того же года колокола музея впервые зазвонили. Колокольные звоны стали частью экспозиционной работы, важным компонентом этнокультурной среды северной деревни, которая воссоздавалась в музее. В этой работе принимали активное участие краевед Д. А. Буторин, старший научный сотрудник музея А. Н. Давыдов, преподаватель Архангельского музыкального училища В. В. Лоханский, главный хранитель музея И. В. Данилов, позже В. М. Петровский, С. Петухова. Ю. В. Пухначев неоднократно приезжал в музей «Малые Корелы», участвовал в научных «Ломоносовских чтениях» в Архангельске, в которых колокольная тематика присутствовала постоянно, общался с музейщиками, они приезжали к нему в Москву. Позже А. Н. Давыдов, В. В. Лоханский, и особенно И. В. Данилов стали востребованы в разных регионах страны, оказывали методическую и практическую помощь музеям в деле возрождения колокольных зво-

нов, обучали звонарей. В частности, именно И. В. Данилов в 1990 году – при огромном скоплении народа на Красной площади – впервые звонил на колокольне Покровского собора на Рву (колокола, кстати, были привезены на этот случай, из «Малых Корел», так как на колокольне Покровского собора своих колоколов на тот момент давно не было).

Хорошие профессиональные и личные отношения сложились у Ю. В. Пухначева с сотрудниками Ярославского музея-заповедника Е. А. Анкудиновой и Н. С. Коровской. Они загорелись идеей восстановить звоны на Большой звоннице Ярославского кремля. На фестивале в Саратове, организованном Ассоциацией колокольного искусства, они обсуждали это с коллегами, договаривались о помощи в развеске и подборе колоколов. В 1991 году на звонницу в Ярославле были подняты колокола и возобновлены звоны. В Ярославль из Архангельска переехал В. М. Петровский, руководивший развеской и подбором колоколов, много сделавший для обучения местных энтузиастов звонарному искусству. Стараниями Е. А. Анкудиновой и Н. С. Коровской и при активном содействии Ю. В. Пухначева в 1992 году был организован фестиваль колокольного искусства «Преображение», который с тех пор проводится регулярно. Юрий Васильевич был частым гостем этого фестиваля до последних лет своей жизни [10].

Много общался Ю. В. Пухначев со своим ленинградским коллегой С. А. Старостенковым. Благодаря научной деятельности Сергея Александровича в колокольную тематику включился еще один музей – Кунсткамера (Музей антропологии и этнографии), в котором он тогда работал. Он организовывал работу секций «Колокола и звоны» на проводившихся с 90-х годов XX века Конгрессах антропологов и этнографов России и многочисленных конференций по колокольной тематике. Позднее С. А. Старостенков стал вице-президентом Ассоциации колокольного искусства.

Во многом благодаря нарастающей в обществе волне интереса к колоколам в 1995 году был

открыт первый в России «Музей колоколов» в г. Валдай. Инициатором его создания была искусствовед Н. П. Яковлева. Она также много общалась с Ю. В. Пухначевым. В 2005 году, после его смерти, в музее была создана небольшая экспозиция, посвященная его памяти.

Важной составляющей деятельности Ю. В. Пухначева были контакты с зарубежными коллегами, в 70-е годы – прежде всего с кампанологами из Германской демократической республики, а после перестройки – также со специалистами из Бельгии, Нидерландов, Австрии, Швейцарии. В этих контактах помогало великолепное владение немецким языком, знание немецкой культуры, которые Юрий Васильевич совершенствовал еще со школьной скамьи. В Германии действовали колоколотейные производства, сохранялась традиция светской колокольной музыки, прежде всего карильонной. Это позволяло получать те практические знания, советы, которые через Юрия Васильевича передавались потом отечественным предпринимателям, налаживающим производство колоколов, и исследователям. Ценный опыт передавал колокольный мастер, владелец производства Франц Петер Шиллинг и его супруга Маргарита Шиллинг из г. Апольда (Германская Демократическая Республика). В вопросах особенностей и истории развития карильонной музыки очень полезны и интересны были контакты с Джеффри Босиним – карильонером, американцем, живущим в Германии. Зарубежные поездки давали не только возможность общения с коллегами, изучения секретов производства колоколов, но и работы с широким кругом источников и литературы, которой у нас в стране не было. Ю. В. Пухначева приглашало Научное общество по изучению колоколов «Glockenkunde» при музее города Графенштайн (Германия), располагавшее крупнейшей и лучшей в Европе библиотекой по кампанологии. Всеми знаниями, которые можно было получить из этих книг, Юрий Васильевич щедро делился со всеми интересующимися колокольной темой на родине. Ф.-П. Шиллинг, М. Шиллинг, Д. Босин и другие зарубежные коллеги были,

в свою очередь, участниками конференций и фестивалей, проводимых у нас в конце XX – начале XXI века. Ю. В. Пухначев также переводил многие научные статьи по кампанологии, написанные на немецком языке.

Впоследствии, когда пришла перестройка, движение энтузиастов колокольного искусства получило свое официальное оформление: в 1989 году в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» была создана Ассоциация колокольного искусства СССР. Учредителями Ассоциации стали Министерство культуры России, Всесоюзное музыкальное общество, Научный совет по истории мировой культуры Академии наук СССР. Возникла Ассоциация при Советском фонде культуры. Ю. В. Пухначев был инициатором создания Ассоциации и первым ее президентом. А. Ф. Бондаренко отмечает роль Ю. В. Пухначева в разработке Устава Ассоциации и в процессе регистрации организации. Устав опирался прежде всего на опыт подобных организаций в Западной Европе и на их уставные документы, но в Уставе отечественной организации предусматривалось большее число видов деятельности и некоторые другие моменты, учитывающие специфику страны [5, с. 22–24]. Под руководством Юрия Васильевича стали проводиться фестивали колокольного искусства. Первый фестиваль состоялся в Ростове Великом, и на нем как раз было объявлено о создании Ассоциации.

Судьба прекрасного начинания оказалась сложной. На начальном этапе Ассоциация объединила людей, вдохновленных общей идеей возрождения колокольного искусства: музыкантов, музыковедов, звонарей, деятелей церкви, коллекционеров, историков, культурологов, музейных работников, предпринимателей и производителей, пытавшихся наладить изготовление колоколов в различных регионах России. Все они с энтузиазмом принимались за новые проекты, учились друг у друга, общались. Но позже единение уже не было таким согласованным, появились споры, разногласия, стали проявляться центробежные силы, у части деятелей было

стремление извлекать прибыль из деятельности Ассоциации. Почувствовав это, Ю. В. Пухначев отошел от руководства Ассоциацией. С 1994 году ее президентом стал музыковед А. С. Ярешко. В 2003 году организация была внесена в Единый реестр юридических лиц как «Ассоциация колокольного искусства России», но позже распалась и была официально ликвидирована в 2008 году [2].

В первые годы возрождения колокольных звонов и колокольного дела важнейшей задачей было общение единомышленников друг с другом. Форматом такого общения стали научные конференции и фестивали колокольного искусства, конкурсы звонарей. Помимо фестивалей со второй половины 1980-х годов XX века в различных регионах проводились праздники и концерты колокольного звона. Конференции стали проводиться еще до возникновения Ассоциации и потом оставались одной из главных составляющих ее деятельности. Первая научная конференция «Колокола. История и современность» прошла в Москве в 1982 году. Вторая – в форме межреспубликанской школы-семинара для работников музеев «Актуальные проблемы развития историко-архитектурных и природных музеев-заповедников» прошла в 1983 году в Архангельске. В рамках школы работала секция «Колокола. Вопросы изучения и музеефикации». Третья научная конференция «Колокола. История и современность» прошла в Москве в 1987 году [5, с. 21].

В 1990-е – начале 2000-х годов Ю. В. Пухначев продолжал свою деятельность популяризатора колокольного искусства, редактировал сборники, публиковал статьи, выступал на телевидении. В Интернете, например, есть запись его участия в авторской программе С. П. Капицы «Очевидное – невероятное», где он рассказывает о колоколах [19].

Незадолго до своей смерти Ю. В. Пухначев, по свидетельству его вдовы Н. М. Пухначевой, передал архив с материалами о деятельности Ассоциации колокольного искусства в Ярославский музей-заповедник. За двадцать с лишним лет менялось руководство и сотру-

ники музея, в результате архив был утерян. Остались лишь немногие документы. Сейчас они переданы из музея автору данной статьи и находятся в семье. Прежде всего это рукопись (машинописный текст) второго сборника «Колокола: история и современность», изданного в 1990 году [15]. Также около сотни фотографий, часть из которых – фото колоколов и колокольчиков. Другая часть – фотографии с колокольных конференций, фестивалей, на которых запечатлены члены Ассоциации. К сожалению, многие фотографии без подписей и нуждаются в атрибуции. Это насущная задача, поскольку в живых участников тех событий осталось мало.

Среди документов также несколько программ выступлений звонарей.

1. Программа концертных звонов Владимиро-Суздальского музея-заповедника «Возрожденные звоны». 1989 год. В программе указано, что звоны исполняют сотрудники музея Ю. Ю. Юрьев и В. М. Гаранин. Это выдающиеся звонари, развивавшие именно музейно-экспозиционные звоны.
2. Программа «Свадебный звон» Валдайского краеведческого музея совместно с отделом ЗАГСа Валдайского райисполкома. 1989 год. Имена звонарей в программе не указаны.
3. Программа выступления лауреата Всероссийского конкурса, ансамбля «Волжские колокольные звоны» под руководством дипломанта Всероссийского конкурса звонарей России Н. А. Ваничева в г. Самара. Исполнитель – лауреат Всероссийского конкурса звонарей России А. Носов. В программе не указана дата концерта, но в тексте сказано, что ансамбль существует три года, следовательно, данное выступление состоялось в 1993 году (ансамбль был создан в 1990 году). В программе содержится краткий рассказ о колоколах и об ансамбле.
4. Программа праздника, посвященного 300-летию ростовского ко-

локола «Сыся», организованного Ростов-Ярославским архитектурно-художественным музеем-заповедником. 1988 год. Программа содержит пояснительные текст о ростовских колоколах и об истории знаменитого колокола «Сысой».

Еще три документа – Отчет, Резолюция и Список участников Международного научно-методологического семинара «Инструментоведческие аспекты изучения колоколов и колокольных звонов», проходившего с 1 по 3 ноября 1993 года в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге. Отчет подписан председателем организационного комитета семинара А. Б. Никаноровым. В отчете сказано, что на семинаре были заслушаны и обсуждены сообщения о колоколах и колокольных звонах русской и европейской традиции, методиках их исследования. В рамках семинара участники ознакомились с колокольной и колоколами Петропавловского собора. В списке участников 33 фамилии. Участники из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Ярославля, Саратова, Алма-Аты, Новгорода Великого, Петрозаводска, Берлина, Мехелена (Бельгия), Вильнюса. Среди участников и Ю. В. Пухначев.

Есть в сохранившихся бумагах и материалы, свидетельствующие о контактах Ю. В. Пухначева с коллекционерами колоколов. В частности, афиши, буклет выставок колоколов коллекционера и исследователя М. Н. Шершнева (г. Киров), письмо коллекционера, адресованное Юрию Васильевичу. В письме обсуждаются планы сотрудничества М. Н. Шершнева с Ассоциацией колокольного искусства. На буклете выставки «Русские колокола», проходившей в Кировском государственном объединенном историко-архитектурном и литературном музее в 1983 году, есть дарственная надпись: «Уважаемому Юрию Васильевичу, председателю ассоциации колокольного искусства при СФК¹ от автора выставки колоколов. г. Киров 19.11.1989 г.».

¹ Советский фонд культуры

Можно привести некоторые отзывы коллег Юрия Васильевича по Ассоциации колокольного искусства о значении его деятельности и о его личных качествах. Церковный звонарь и член Ассоциации С. А. Мальцев в своих очерках «Колокольные звоны в лицах» передает свои впечатления от многолетнего личного общения с Ю. В. Пухначевым и называет его главной фигурой в деле возрождения колокольных звонов, организатором, вдохновителем, главнокомандующим. Он также подмечает такие человеческие качества Юрия Васильевича, как доброжелательность, умение убеждать, умение просто говорить о сложном, общаться на равных с самыми разными людьми. Автор сравнивает его с «родником, с которого всё началось, и который притянул и вобрал в себя многочисленные речки, речушки, ручейки колокольного движения, превратившегося теперь в стабильную водную артерию» [17, с. 5–12].

С теплом вспоминает Ю. В. Пухначева звонарь Сретенского монастыря, преподаватель campanологии Сретенской духовной семинарии, доцент кафедры звукорежиссуры МГИК Н. И. Завьялов. В одном из своих интервью он говорит: «Юрий Васильевич мне сразу понравился: интеллигентный, внимательно слушающий, высокообразованный; он рассказал мне о состоянии дел в колокольном возрождении, снабдил «живыми» телефонами и адресами. Мне по-прежнему не хватает его трезвости рассуждений, школы настоящего научного деятеля и той тонкой иронии, с какой он относился к грубостям в области исследований и публикаций о колоколах» [10].

А. Ф. Бондаренко в своей статье, предвещающей публикацию Устава Ассоциации колокольного искусства, подробно анализирует роль Ю. В. Пухначева в создании Ассоциации и отмечает его организаторский талант, упорство, верность цели, организованность, сосредоточенность. Все эти качества помогли ему объединить вокруг себя единомышленников и вместе с ними возродить русское колокольное искусство [5].

Список литературы

1. *Алексеев А.* Исторические сведения о происхождении колоколов и значении их в жизни христиан // Вестник военного духовенства. № 5. Санкт-Петербург, 1899. С. 139–145.
2. Ассоциация Колокольного Искусства России (АКИР). URL: <https://www.rusprofile.ru/id/10842674>
3. *Благовещенская Л. Д.* Проект светской концертной звонницы К. К. Сараджева // Колокола. История и современность. Москва: Наука, 1985. С. 187–194.
4. *Бондаренко А. Ф.* Репрессированные колокола России: 1920–1930-е годы // Из истории колоколов России. Избранные труды по отечественной кампанологии. Москва: Творческая мастерская «Бабур-СТМ», Русская панорама, 2014. С. 124–133.
5. *Бондаренко А. Ф. Ю. В.* Пухначев и образование Ассоциации колокольного искусства // Исторический архив. 2016. № 5. С. 19–31.
6. *Васильева О. Ю., Кнышевский П. Н.* Красные конкистадоры. Москва, 1994. 270 с.
7. *Виденева А. Е., Грудцына Н. В.* 25-летие основания Ассоциации колокольного искусства России в Ростове Великом // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 268–273.
8. *Виденева А. Е., Грудцына Н. В.* Колокола, звоны и звонари соборной звонницы Ростова Великого: список книг и публикаций // Книжная культура Ярославского края. Сборник статей и материалов XVII научной конференции 5–6 апреля 2022 года. Ярославль, 2023. С. 192–200.
9. *Гидулянов П. В.* Церковные колокола на службе магии и царизма. Москва: Атеист, 1929. 78 с.
10. Его судьба: звонить во все колокола. Интервью с В. М. Петровским. URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_3_61537/
11. Звоны в России – это огромный пласт духовной культуры. Беседа с преподавателем кампанологии и звонарем Николаем Завьяловым. URL: <https://pravoslavie.ru/32050.html>
12. *Израилов А. А., прот.* Ростовские колокола и звоны. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1884. 30 с.
13. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Москва: Институт российской истории РАН, 1999. Ч. II. С. 66–67.
14. *Кнаббе В. С.* Литейное дело. Отливка изделий из чугуна, стали, железа, бронзы, латуни, цинка, свинца и олова. Т. 6, Ч. 6. Санкт-Петербург, 1900. С. 209–226.
15. Колокола. История и современность. Москва: Наука, 1990. 286 с.
16. Колокола. История и современность. Москва: Наука, 1985. 234 с.
17. *Мальцев С. А.* Колокольные звоны в лицах – Ростов Великий, Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2015. 264 с.
18. *Оловянишников Н. И.* История колоколов и колоколотейное искусство. Издание 2-е. Москва: 1912. 435 с.
19. Очевидное-невероятное. «Колокола». URL: <https://yandex.ru/video/touch/preview/3163240770815791751>
20. *Пряхин Н.* Колокольный звон. Достопримечательные колокола в России // Русский Паломник. № 19–21. Москва: 1886. С. 170–172, 181–184, 195–198.
21. *Пухначев Ю. В.* Загадки звучащего металла. Москва: Наука, 1974. 127 с.
22. *Пыляев М. И.* Исторические колокола // Старое житье. Москва, 1897. С. 288–320.
23. Реферативный обзор архивных документов. URL: <https://www.rostmuseum.ru/upload/iblock/86e/86e4d27a2ffc44e24e954a231e321aa2.pdf>.

24. *Рубцов Н. Н.* История литейного производства в СССР. Ч. 1. Москва: Машгиз, 1947. 287 с.
25. *Рыбаков С. Г.* Церковный звон в России. Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова, 1896. 69 с.
26. *Смоленский С.* Красный звон // Татеевский сборник С. А. Рачинского. Санкт-Петербург, 1899. С. 257–259.
27. *Субботин А.* Колокольное производство // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. Санкт-Петербург, 1886. С. 30–34.

*

Поступила в редакцию 04.03.2026

МИФ КАК ИСТОЧНИК ФЕСТИВАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ИНДИИ

УДК 7.091.4

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-121-132>

О. М. Киселева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 888-oksana@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется значение мифологического нарратива в формировании и сохранении фестивальных традиций Индии. Обосновывается важность мифа как повествовательного сопровождения праздничных ритуалов и церемоний. Отмечается полифункциональность древних обрядов как прообразов более поздних форм торжественных мероприятий, словесным эквивалентом которых являются мифы. Определяется роль мифа как смыслового ядра фестивальной культуры. Исследуются мифологические источники двух значимых индийских фестивалей – Махашиваратри и Наваратри. Показывается трансляция индийского религиозного сознания в различно интерпретируемые мифологические сюжеты, становящиеся основой многочисленных фестивалей Индии.

Ключевые слова: фестиваль, миф, мифология, Индия, праздничная культура, ведическая традиция, Махашиваратри, Наваратри.

Для цитирования: Киселева О. М. Миф как источник фестивальных традиций Индии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 121–132. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-121-132>

MYTH AS A SOURCE OF INDIAN FESTIVAL TRADITIONS

Oksana M. Kiseleva

Moscow State Institute of Culture
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 888-oksana@mail.ru

Abstract. This article explores the significance of mythological narrative in the formation and preservation of Indian festival traditions. It substantiates the importance of myth as a narrative accompaniment to festive rituals and ceremonies. It notes the multifunctionality of ancient rituals as prototypes of later forms of festive events, the verbal equivalent of which are myths. The role of myth as the semantic core of festival culture is determined. The mythological sources of two significant Indian festivals, Mahashivratri and Navratri, are examined. It demonstrates the translation of Indian religious consciousness into variously interpreted mythological narratives that form the basis of numerous Indian festivals.

КИСЕЛЕВА ОКСАНА МИХАЙЛОВНА – прикреплённое лицо кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

KISELEVA OKSANA MIKHAILOVNA – attached person at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Киселева О. М., 2026

Keywords: festival, myth, mythology, India, festive culture, Vedic tradition, Mahashivratri, Navratri.

For citation: Kiseleva O. M. Myth as a Source of Indian Festival Traditions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 121–132. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-121-132>

Миф представляет собой культурологический феномен, имеющий истоки в далеком прошлом и продолжающий активно существовать в настоящем. Некоторые мифы являются основанием религиозных течений, но по мере роста и набора мощи последних были вытеснены ими же, а позднее и вовсе преданы анафеме. В результате миф стал восприниматься как нечто выдуманное, неправдивое, сказочное, недостоверное. Так, в большом толковом словаре русского языка приведены следующие интерпретации слова «миф»: 1) «Миф – древнее народное сказание о богах и обожествленных героях, о происхождении мироздания и жизни на Земле». 2) «Миф – вымысел, измышление; ложь». 3) «Миф – оторванное от действительности изложение каких-либо событий, фактов, основанное на их некритическом, ошибочном истолковании» [5, с. 552]. Современный словарь иностранных слов трактует миф как древнее народное сказание о легендарных героях и богах, а также как нечто недостоверное, выдумку [17, с. 359]. Аналогичную интерпретацию мифа дает и один из самых известных нормативных словарей русского языка, составленный советским лингвистом С. И. Ожеговым (1900–1964) [18, с. 358]. Как видим, миф преимущественно служит синонимом выдумки, небылицы, сказки, то есть является прямой противоположностью научному мышлению. При этом миф зачастую «воспринимается в качестве вполне реально существующей формы социального бытия <...>, миф не имеет прямого отношения к действительности – событиям и фактам, а люди руководствуются в своем поведении не фактами, но мифами» [3, с. 40, 41]. И, действительно, не опираясь на логические доводы и объективную реальность, миф, тем не менее, служит отображением ценностей определенной культуры.

К началу XX века этнографами были собраны обширные данные о культурных традициях различных народов, обработка и осмысление которых послужили основой для разработки антропологической теории позитивистского крыла мифологии. Одним из основоположников сравнительного религиоведения и мифологии стал британский социальный антрополог, историк религии Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941), систематизировавший многочисленные материалы по древним культам, фольклору, магии, тотемизму и религиозным верованиям. Результатом его многолетних исследований стала одна из самых авторитетных книг в сфере сравнительной мифологии «Золотая ветвь», двенадцать томов которой издавались и дополнялись в течение 1890–1915 годов. Фрэзер выдвинул эволюционную теорию развития человеческого мышления от магии к религии, а затем и к науке, и обосновал тесную взаимосвязь мифов с ритуалами, в частности, то, что миф служит повествовательным сопровождением древних обрядов. «Миф скрывает в своем построении сочетание реальных и выдуманных событий прошлого <...>, покрытых фантастическими элементами, основное назначение которого – это объяснение ритуалов, совершаемых в настоящем» [2, с. 82].

Приводя доводы в пользу эволюционирующего мышления, Фрэзер разделяет историю на три этапа: магический, подразумевающий веру в личное изменение мира, религиозный – подчинение воле богов и естественнонаучный – природный детерминизм. В его концепции мифологического архетипа божества с помощью понятий умирающих и воскресающих божеств обосновываются мифы о циклах жизни, смерти и возрождения. Образы умирающих и воскресающих богов олицетворяют собой силы природы, увя-

дающей осенью и вновь оживающей весной. «Фактически Фрезер свел все разнообразие «примитивных», библейских и новозаветных культов к сюжету об умирающем и воскресающем боге и представил этот сюжет ядром магии и религии» [7, с. 214]. Несмотря на то, что эволюционная теория Фрезера была отвергнута многими современными исследователями, «Золотая ветвь» послужила ядром формирования ритуально-мифологического направления в литературоведении.

Профессор М. А. Гонсалес представляет пространство мифа в виде некоей сферы символа и его разнообразных обликов (метафор, аллегорий, эвфемизмов, аллюзий, образов, намеков и так далее), транслирующего то, что не под силу другим формам передачи информации ввиду их неспособности выразить трансцендентные глубины бытия. Он называет миф «конденсированной человеческой драмой», поскольку его исток восходит к потаенным глубинам человеческой природы и дает о себе знать повсюду, где проявляется деятельность человека [11, с. 27]. Французский философ Ролан Барт (1915–1980), считающий миф и механизмы его конструирования главными составляющими современных культурных и социальных институций, отмечает, что миф – это «не вещь, не понятие или идея; это форма и способ обозначения. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается» [4, с. 26].

Известный российский культуролог А. Я. Флиер (1950–2025) представляет миф «распространенной формой массового сознания любого времени, интерпретирующей актуальные сюжеты без достаточных на то фактологических и системно-научных оснований» [21, с. 36]. Именно массовая распространенность мифологии является основной причиной ее универсальности в различных культурных версиях. В своих представлениях о мире люди разных эпох и культур опирались не столько на объективные знания об окружающей действительности, сколько на разного рода мифологемы касательно нее,

стихийно родившиеся в народной среде. В народной культуре традиционного типа, которую А. Я. Флиер называет «культура-обычай», преобладала этнографическая мифология – сакральные представления, верования и повествования о происхождении мира и устройстве вселенной в контексте народных традиций, включая не только мифы о богах, духах или героях, но и их обрядово-праздничную составляющую. Древнейшие обряды были полифункциональными, то есть выполняли множественные заложенные в них задачи посредством ритуальных действий, в которых принимали участие все члены общины. По своей сути, это были прообразы более поздних форм праздничных мероприятий, словесно выраженным эквивалентом которых служили и служат по сей день мифы.

Повсеместное обесценивание мифа произошло в эпоху модерна: именно в этот период миф стал отождествляться с примитивным, нелогичным, неразвитым, а мифология получила статус изжившей себя формы культуры. Однако последовавшее в дальнейшем постмодернистское мировоззрение, признающее влияние ценностного потенциала архаичных верований на современные культурные практики, вернуло мифу утраченную ценность и важное культурологическое значение. Мифу присущи свойства, благодаря которым его актуальность никогда не теряется; он имманентен самому мирозданию, «служит поддержкой культурных традиций и выполняет многообразные функции в культуре, среди которых можно назвать воспитательную, компенсаторную, социализирующую, нравственно-нормативную и важнейшую – регулятивную» [9, с. 100].

Впрочем, обесценивание мифа как фундамента веры случилось не везде, и здесь уместно привести пример Индии. Уникальная особенность индийской мифологии заключается в том, что она сумела зафиксировать, сохранить и донести до наших дней древние предания и легенды. Традиционная индийская культура, в отличие от европейской, с мифом никогда не разлучалась, пронесла его сквозь века и закрепила в современном

календаре праздников и фестивалей. Поэтому исследование индийской мифологии – как основы праздничной культуры и источника фестивальных традиций – представляет определенный научный интерес.

Индийские мифы описывают возникновение миров, людей, животных и растений, а все антецедентные явления осознаются в нем как круговорот событий, имеющих причинно-следственные связи. Это не вера в сверхъестественное, а целостное видение мира, где границы между подлинным и чудесным отсутствуют. Река в мифе – не просто поток воды, а воплощение божества; гром – не физическое явление, а голос небесного владыки; сон – не игра подсознания, а путешествие души. Произошедшая с течением времени институализация индийской мифологии, когда ткань сказаний постепенно трансформировалась в религиозную структуру индуизма, не привела к полному исчезновению мифа. Кристаллизовавшись в религии, миф не застыл в прошлом, а продолжил свое существование в многовариантных сюжетах и легендах индийской национальной культуры. Как справедливо отмечает М. Ф. Альбедиль, «проблема нерасторжимой связи религии с культурой того или иного народа и их взаимной обусловленности – одна из самых актуальных в гуманитарных науках» [1, с. 264].

Главной доктриной индуизма является вера в перевоплощение, посредством которого вечная душа постепенно достигает совершенства. У перевоплощений есть конечная цель, которая называется мокша – освобождение из колеса сансары, означающее прекращение цикла перерождений. Это становится возможным только в том случае, если в течение множества жизней у человека накопилось достаточное количество добродетели за счет умножения на земле добра, ненасилия и совершения благих деяний для других существ. Такая концепция способствовала соблюдению морально-нравственных принципов и духовному совершенствованию индусов, а «установка на освобождение от сансары, от власти материи <...> формировала такие ценности, как самосовершенствование, лю-

бовь, пацифизм, непричинение вреда живому, аскетизм» [16, с. 24].

Подчиняясь стремлению достичь мокши, индийское религиозное сознание породило бесконечное число божеств и связанных с ними мифов, трансформирующихся в священные истории. Священные истории, будучи мифами, или же мифы, будучи священными историями, повествуют о событиях, произошедших в стародавние времена и служащих основой для многочисленных индийских праздников. В качестве иллюстрации можно привести два самых значимых индийских фестиваля – Махашиваратри и Наваратри, возникновению которых предшествовали не один, а сразу несколько мифов. В индийской традиции не существует противоречия между разными интерпретациями одного мифа – концепция множества истин является основополагающей в индуизме. Связано это, в первую очередь, с отсутствием централизованного религиозного института, который бы утверждал каноническую версию не только мифов, но и имен их героев. «Важной особенностью <...> является чрезвычайно развитая полисемия <...>, одно и то же слово может называть совершенно разные объекты <...>, иногда одно имя, один эпитет принадлежит различным божествам, становится общим для них, и при употреблении его в тексте не всегда бывает ясно, о каком именно мифологическом персонаже идет речь» [10, с. 148].

Фестиваль Махашиваратри

Махашиваратри – один из самых значимых индуистских фестивалей, приходящийся на четырнадцатую ночь убывающей Луны месяца Пхалгун (февраль – март) – двенадцатого по счету в ведическом лунно-солнечном календаре панчанга. По панчанге определяются большинство праздников индуизма, в связи с чем они не имеют фиксированной даты. Месяцы в панчанге основаны на лунных циклах, состоящих из пятнадцати светлых (растущих) и пятнадцати темных (убывающих) суток, которые также имеют свое название – титхи.

Британский индолог Артур Ллевеллин Бэшем (1914–1986) в своей ставшей бестселлером монографии «Чудо, которым была Индия» приводит следующую характеристику индуистского календаря панчага: «Основной единицей датировок были не солнечные сутки, а титхи, лунные сутки; приблизительно 30 таких суток составляли лунный месяц (то есть, четыре фазы луны), или около 29,5 солнечных суток. Месяц разделялся на две половины (пакша) по 15 титхи, начинающиеся, соответственно, с полнолуния (пурнамасья) и новолуния (амавасья, или бахулавалья). Половина месяца, начинающаяся с новолуния, называется светлой половиной (шукла-пакша), другая – темной половиной (кришна-пакша)» [6, с. 517].

Один из основных принципов ночного празднования Махашиваратри – бодрствование с вертикальным положением позвоночника в течение всей ночи в знак поклонения Шиве, обладающего ипостасью целителя и избавителя от смерти – Махамритьюнджайи. У Шивы более тысячи имен, наиболее известные из которых – Махадев, Рудра, Шанкара,

Шамбху, Махешвар, Натараджа и другие. Шива – «Благосклонный», «Милостивый», «Всеблагод». Он тот, кто создает, поддерживает и разрушает творение, защитник праведности, победитель демонов, податель всех благ и управитель всего сущего, которому подчиняются все остальные боги; создатель сакрального звука «Ом» и санскрита – языка культа. Свита Шивы – духи и демоны; бескорыстно служа ему, они получают возможность отработать свою карму и обрести лучшее воплощение. У Шивы много лиц и рук, но чаще всего его изображают с одной головой, тремя глазами и одной парой рук, со скрученными в пучок волосами, умиротворенно сидящим в позе лотоса на тигровой шкуре. На плечах у него покоится змей Васуки, являющийся царем нагов (рис. 1). Часто можно встретить изображение Шивы Натараджи, танцующего тандаву – священный энергичный танец, символизирующий космические циклы сотворения, сохранения и разрушения вселенной, и через который Шива управляет миром (рис. 2).

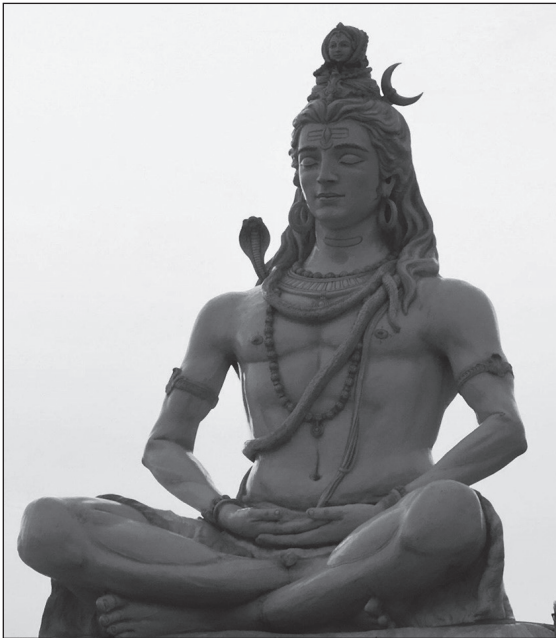

Рисунок 1. Скульптура Шивы в Ришикеше, штат Уттаракханд, Индия

Рисунок 2. Храм Шивы Натараджи в Чидамбараме, штат Тамилнад, Индия

Мифологема ночи в индийских мифах традиционно связана с таинственными религиозными практиками, обрядами, культурами, магией, колдовством и чудотворностью, недоступными рациональному логическому мышлению. По мнению М. И. Козьяковой, ночь «занимает важное место среди универсальных ценностей человеческого бытия» [15, с. 68]. Феномен «Великой ночи Шивы» исключительно богат по своей семантической вариативности, в связи с чем его можно рассматривать в различных контекстах: философская концепция, метафора, время суток, циклический ритм, метафизическая категория и так далее. Так, В. М. Русаков, рассматривая ночь как культурно-историческую категорию, наделяет ее различными смысловыми аспектами: мифологема; временной промежуток; период, во время которого происходят загадочные и таинственные события; время нарочитого, специального бодрствования; ночи с собственными именами [20, с. 191]. В отдельную категорию автор выделяет ночные речевые практики и вещно-предметные атрибуты ночи, облакаемые дополнительными смыслами. Праздник Махашиваратри соответствует всем перечисленным критериям как никакой другой: это одновременно и мифологема, и промежуток времени, имеющий собственное название, вещественно-предметную атрибутику и ритуально-обрядовую составляющую.

Каждый значимый индуистский праздник предполагает ранний подъем, ритуальное омовение, надевание чистой одежды и посещение храма, где читаются специальные молитвы, а богествам подносятся цветы, зажженные лампы и благовония. В Махашиваратри обязательным ритуалом является Рудра-абхишека – священный обряд омовения Шивалингама пятью элементами, называемыми панчамритой – медом, молоком, йогуртом, тростниковым сахаром и топленным маслом гхи, а также – умащение цветочными лепестками, листьями тулси (базилика священного), сандаловой пастой, кунжутным маслом и розовой водой. Полу-

ченная после абхишеки жидкость называется чаранамритой. Она является священной и распределяется среди участников абхишеки в качестве прасада – знака божественного дара и милости. Рудра-абхишека проводится для пробуждения полноты жизни, устранения препятствий и опасностей, облегчения заболеваний, обретения гармонии в отношениях, душевного спокойствия, уменьшения уровня тревожности, очищения сознания. В храмах обряд Рудра-абхишеки сопровождается киртаном – хоровым пением ведических мантр. Абхишека также является обязательной частью сложного многодневного ритуала установки в индуистских храмах новых мурти – статуй божеств. В домашних условиях аналогом абхишеки может служить умащение мурти, Шивалингама и иных артефактов молоком, топленным маслом и медом.

Существует множество мифов о происхождении фестиваля Махашиваратри, но сходство их в одном: все события связаны с четырнадцатой ночью убывающей Луны месяца Пхалгун и с прославлением величия бога Шивы. Самыми распространенными мифами о Махашиваратри являются следующие.

1. Миф о Ганге. Живший в древние времена царь Солнечной династии Бхагиратха выполнял длившуюся тысячу лет аскезу, чтобы освободить своих предков от проклятия. В случае удачного завершения духовной практики Бхагиратхи, на Землю должны были пролиться воды небесной богини Ганги и смыть грехи предыдущих поколений царя. Сложность заключалась в том, что падение Ганги с небес могло разрушить своей мощью всю Землю. Во избежание гибели всего живого Бхагиратха стал возносить молитвы господину Шиве о помощи. Шива внял мольбам Бхагиратхи и удержал неистовую реку в своих спутанных волосах, разделивших ее на множество более мелких потоков и смягчивших тем самым удар от падения реки. Святые воды Ганги смыли грехи предков Бхагиратхи, а сама Ганга стала спутницей Шивы, получившим в ознаменование этого события еще одно святое имя – Гангадхар.

Рисунок 3. Храм 10 миллионов шивалингамов Котилингешвара в округе Колар, штат Карнатака, Индия

2. Миф о лингаме. Одним из самых известных изображений Шивы является лингам, символизирующий бесформенный Абсолют (рис. 3). Миф повествует о том, что в начале сотворения вселенной Шива предстал перед Брахмой и Вишну в виде лингама – столпа света. Брахма и Вишну – ключевые божества индуистской триады, отвечающие, соответственно, за созидание и поддержание вселенной, однажды поспорили, кто из них главнее. Придя в ужас от вероятных последствий этого спора, другие боги и полубоги стали умолять Шиву о вмешательстве. Шива принял форму огромного светового столпа и встал между Брахмой и Вишну. Охваченные благоговением от масштаба этого явления, а также чтобы установить господство одного над другим, оба бога бросились искать начало и конец столпа. Брахма принял форму лебеда и полетел вверх, а Вишну в облике кабана направился вниз. Но поскольку огненный столп не имел границ, ни одному из них не удалось пройти до предела. На пути Брахмы оказался цветок кетаки, медленно парящий вниз. На вопрос Брахмы о происхождении цветка, тот ответил, что был послан как божественный дар. Так и не сумев отыскать верхнюю границу, Брахма вознамерился завершить по-

иск и забрал цветок с собой. Вишну сознался Шиве, что не нашел окончания огненного столпа, а Брахма солгал, и предъявил цветок кетаки в качестве свидетеля своей победы. Ложь разозлила Шиву, и он наложил на Брахму проклятье, заключающееся в отсутствии почитания от людей. Цветку же кетаки за лжесвидетельство Шива запретил быть подношением в молитвах и обрядах. После этого происшествия, на четырнадцатый день темной половины месяца Пхалгуни, отмечается Махашиваратри в честь появления Шивы в форме лингама.

3. Миф о пахтании Молочного океана. В пуранах – священных текстах индуизма послеведийского периода, приводится еще один миф о происхождении Махашиваратри. «Легенда гласит, что на заре творения боги и демоны пахтали бескрайний Молочный океан с целью добычи нектара бессмертия – амриты» [14, с. 77]. В результате пахтания, до появления амриты, которая явилась в последнюю очередь, возникли другие великие сущности: богиня Варуни, небесные нимфы апсары, магический рубин Каустубха, крылатый белый конь Уччайхшравас, исполняющее желание дерево Кальпаврикша, волшебная корова Камадхену, белый слон Айравата и бо-

гиня процветания Лакшми. Помимо божественных существ, также образовался смертоносный яд Халахала, грозящий уничтожить все мироздание. В ужасе от произошедшего, боги бросились к стопам Шивы, моля его о помощи. Во спасение всех живых существ, Шива выпил яд и задержал его в своем горле, от чего оно навсегда окрасилось в синий цвет. С тех пор Шива стал известен как Нилакантха («нила» – «синий», «кантха» – «горло»). Чтобы избежать негативных последствий от выпитого яда, Шива бодрствовал всю ночь, во время которой боги исполняли для него танцы, играли на музыкальных инструментах и воспевали гимны в его честь. Махашиваратри – это время, когда боги и демоны пахтали океан, и одновременно – ночь благодарения Шиве за спасение мира.

4. Миф о свадьбе Шивы и Парвати. Парвати – божественная супруга Шивы, которая для благополучия своего мужа совершила самую суровую аскезу в безлунную ночь, получившую название Махашиваратри. По другой версии, в какой-то момент времени все три мира были полностью поглощены Шивой, в результате чего вселенная погрузилось во мрак. Только Парвати сумела сохранить свое полное преданности поклонение, несмотря на хаос и кромешную тьму. Тронутый до глубины души Шива пообещал выполнить любую просьбу жены, и Парвати попросила милости для всех живых существ. Тогда Шива дал благословение, что в ночь Махашиваратри преданное ему поклонение будет самым легким путем к освобождению от цикла перерождений. Наиболее популярная версия гласит о свадьбе Шивы и Парвати в день Махашиваратри.

5. Другие мифы. Считается, что Махашиваратри – это время, когда Шива победил всех своих врагов. В йогической традиции Шиве не поклоняются как божеству: здесь его считают Ади Гуру – основателем и первым учителем йоги. После многих тысячелетий медитации Шива стал единым целым со своей обителью – горой Кайлас, оставаясь долгое время абсолютно неподвижным. Произошло

это в Махашиваратри, поэтому для аскетов и йогов праздник является ночью неподвижности. И, наконец, согласно преданию, именно в ночь Махашиваратри Шива совершил свой мистический танец тандаву.

Фестиваль Наваратри

В ведических текстах есть упоминание о том, что каждый сезон, то есть четыре раза в год, наступает время обновления и созидания. Называется этот период «Наваратри», что в буквальном переводе означает «девять ночей» («нава» – «девять», «ратри» – «ночь»). Наваратри – один из самых почитаемых и любимых индуистских фестивалей в мире, наиболее сильное время для наполнения божественными энергиями и начала жизни с чистого листа. Наиболее известными являются весенний (Чайтра, в других источниках – Васант) и осенний (Шарад) Наваратри. Фестиваль Чайтра Наваратри проходит в марте-апреле, Шарад Наваратри – в октябре-ноябре. Осенний Наваратри считается самым главным из всех. Происхождению фестиваля предшествовало несколько мифов, наиболее распространенные из которых следующие.

1. Миф о победе Рамы над Раваной. В древнеиндийском эпосе «Рамаяна» рассказывается о великой битве между Рамой – седьмым аватаром (санскр. «нисхождение», «воплощение») божества Вишну, воплощением добра, справедливости и храбрости, и Раваной – всемогущим демоном и царем Ланки (совр. Шри-Ланка), известным своей мудростью, силой и непомерной гордыней. Миф начинается с похищения Раваной Ситы – жены Рамы, что послужило катализатором борьбы, которая должна была решить судьбу не только Ситы, но и всего мироздания. На стороне Рамы сражались люди и мифологические существа, включая могучего и бесстрашного обезьяноподобного бога Ханумана (в шивизме – аватар Шивы) и его армию ванаров (обезьян) (рис. 4). В подчинении Раваны были легионы ракшасов – демонов с ужасающим обликом. Решающая битва произошла

на Ланке, в ходе которой Рама одержал победу над Раваной, невзирая на магические трюки и коварство последнего. «Поединок между Рамой и Раваной не сравним ни с какой другой схваткой по величайшему напряжению и ярости. Народная мудрость гласит, что океан похож на океан, а небо похоже только на небо. Эти стихии невозможно описать, используя иные сравнения. Так и битва между Рамой и Раваной не знает себе равных» [12, с. 521].

2. Миф о победе Пандавов над армией Кауравов. Крупнейшее литературное произведение в истории человечества, дошедшее до наших дней, – древнеиндийский эпос «Махабхарата» повествует о «Великой битве», произошедшей, по разным оценкам, в поздневедийский период в IV тысячелетии до н. э. (по другим источникам – между 1400 и 1000 годами до н. э.). Основными действующими лицами эпоса являются потомки династии Куру – двоюродные братья Пандавы и Кауравы, ведущие между собой династическую борьбу за трон. В легендарной битве на Курукшетре, продолжавшейся 18 дней, победу одержали благочестивые Пандавы, но это была Пиррова победа: все воины и родственники с обеих сторон пали, а в живых, согласно мифу, из нескольких миллионов оста-

лось 8 (по другим источникам – 11) человек. Победа Пандавов над Кауравами фигурально означает победу в борьбе за справедливость, но данное утверждение является дискуссионным. В мирное время Пандавы представлены героями нравственными и праведными, а Кауравы – злобными и коварными. Однако в битве именно Кауравы сражаются относительно честно и благородно, в то время как Пандавы проявляют вероломство и хитрость.

В научных кругах повествование о «Махабхарате» в целом не является исторически обоснованным, а относится к мифологическим образам и сюжетам. Российский индолог и исследователь индийских эпосов доктор Я. В. Васильков считает «Махабхарату» символом конфессиональной идентичности индуистов и национальной идентичности всех индийцев. «Похоже на чудо уже то, что в Индии мы видим на протяжении примерно трех с половиной тысяч лет непрерывное развитие одной религиозной и культурной традиции, восходящей к единому источнику – «Ригведе». Это собрание культовых гимнов сформировалось во второй половине 2-го тыс. до н. э. и было устно зафиксировано с величайшей точностью <...>. От этого чуда непрерывной преемственности традиции производным

Рисунок 4. Одна из самых высоких в мире статуй Ханумана в Паритале, штат Андхра-Прадеш, Индия

Рисунок 5. Статуя Дурги в одноименном храме во Вриндаване, штат Уттар-Прадеш, Индия

является другое индийское чудо – исключительная роль древнего эпоса, «Махабхараты» и «Рамаяны», на протяжении всей истории и даже в современности. В культуре ни одной другой страны мира эпос не играет такой огромной роли» [8, с. 222].

Миф о сражении на Курукшетре послужил еще одной концептуальной основой фестиваля Наваратри, знаменующего победу добра над злом.

3. Миф о победе Дурги над Махисасурой. Дурга – одна из главных и наиболее почитаемых богинь в индуистском пантеоне. Дурга противостоит темным силам, но одновременно и сама проявляется как сила, разрушающая миры перед началом нового сотворения. Она была создана богами как воительница, противоборствующая демоническому владычеству; восседающая на тигре, с разными видами оружия в многочисленных руках – трезубцем Шивы, Сударшана-чакрой (диском, колесом времени) Вишну, стрелой Индры, боевым топором Вишвакармы, жезлом Ямараджа и другими (рис. 5). «Произведя трезубец из [своего] трезубца, его [этой женщине] даровал Владетель Пинаки, и также произведя диск из своего диска, его преподнес в дар Кришна. Раковину подарил ей Варуна, копье – Хуташа-

на, Марута – лук и два колчана, полных стрел. Индра, повелитель бессмертных, произведя ваджру из [своей ваджры], даровал ей, Тысячеюкий, а также колокольчик от слона Айраваты. Яма подарил жезл» [возникший] из своего жезла смерти, Владыка вод – петлю, а Владыка созданий Брахма – четки и сосуд с водой. Бог Солнца [вложил] свои лучи во все поры ее кожи, а Кала пожаловал ей меч и блестящий щит» [13, с. 85].

Махисасура – демоническая сущность, рожденная буйволицей. Махисасуре удалось покорить все миры за счет бессмертия, обретенного в качестве дара от верховного божества Брахмы. Никто в мире не мог справиться с Махисасурой – таково было благословение Брахмы. Но в этом благословении не была упомянута женщина, считавшаяся слабой и неспособной на борьбу. Этой прорехой и воспользовались боги, создав Дургу, вступившую в схватку с Махисасурой и его бесчисленным войском и бесстрашно сражавшуюся в течение девяти дней и ночей. «Мириадами колесниц, слонов и коней сопровождаем был в той битве асура Махиша. Дротиками, палицами, железными булавами, мечами, топорами и пиками бились [асуры] в битве с Богиней. Некоторые

метали в нее копыя, а другие арканы. Иные подступали, чтобы сразить Богиню ударами мечей. Но та Богиня Чандика все виды оружия словно играючи разносила на куски дождем собственного» [13, с. 88].

Каждый из девяти дней Наваратри олицетворяет собой один из аспектов богини Дурги. В первый день почитается Шайлапутри – самая благостная форма, наделяющая непоколебимой решительностью в достижении цели и стойкостью на пути. Во второй – Брахмачарини, отвечающая за духовное развитие и самообладание. В третий – Чандрагханта, сжигающая грехи и устраняющая все препятствия на пути. В четвертый – Кушманда, помогающая обрести силу, здоровье и энергию. В пятый – Скандамата, защищающая семью от врагов и любых невзгод. В шестой – Катьяяни, дарующая мир и гармонию в семье. В седьмой – Каларатри – самая грозная и устрашающая форма Дурги, дарующая бесстрашие, защиту от огня, воды, диких зверей, врагов, ужасов ночи и страхов. В восьмой – Махагаури, избавляющая от боли, страданий и грехов прошлых жизней. В девятый – Сиддхидатри, наделяющая сиддхами (сверхспособностями), устраняющая невежество и заблуждения. Десятый день фестиваля – Виджая Дашами – является символом победы добра над злом, разума над невежеством, милосердия над жестокостью.

Упоминания о богине Дурге и ее борьбе с Махисасурой встречаются во многих древних космогонических текстах и эпосах – Ригведе, Дэви-махатмье, Атхарваведе, Махабхарате, Рамаяне и в некоторых Махапуранах, где сокровенный смысл ведических

писаний разъясняется на примерах из жизни различных персонажей. Сложившаяся позже религиозно-философская концепция индуизма вобрала в себя не только более поздние тексты, идеи и практики, но и множество элементов ведизма, в частности, культ женской богини и основной миф о борьбе дэвов с асурами. «Индийские древние тексты <...> повествуют нам о грандиозной борьбе различных менталитетов, столкнувшихся на полуострове Индостан в борьбе за главенство в пантеоне идей, символов и образов, <...> итогом этой борьбы стало появление образно-символической системы Тримурти: Шива, Вишну, Брахма, а идейным выражением – хитросплетение религиозной философии индуизма, впитавшей в себя, как и подобает архетипу, множество форм и воссоздающей бесконечное количество их интерпретаций» [19, с. 89].

Многочисленные индийские фестивали, такие как Махашиваратри и Наваратри – не просто красочные массовые мероприятия, но живое свидетельство культурной памяти, где миф выступает не как архаичное повествование, а как особый способ передачи сквозь время ценностей, норм и мировоззренческих установок прошлого. Во время фестивалей через ритуалы, символику и коллективные действия мифы обретают визуально-чувственное воплощение. Исследование мифологических основ фестивальных традиций Индии способствует более глубокому пониманию механизмов передачи и адаптации исторического наследия в современном глобализирующемся мире, сохранению преемственности поколений и укреплению социокультурных связей.

Список литературы

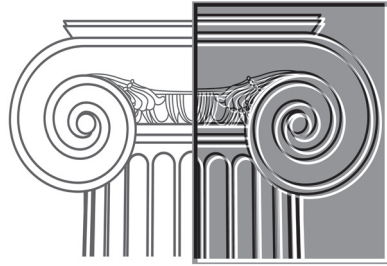
1. Альбедиль М. Ф. Репрезентация мифа в традиционной индийской культуре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 262–275.
2. Андреева Н. С. Магия – ритуал – миф в теориях культуры (Дж. Фрэнгер и Б. Малиновский) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 3. С. 76–83.
3. Антипов Г. А., Донских О. А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 54. С. 39–50.

4. *Барт Р.* Мифологии. Москва: Академический проект, 2008. 384 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.
6. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. Москва: Наука, 1977. 616 с.
7. *Бучкина Е. А.* Роль мифологемы в организации культурного пространства начала XX века (на примере мифологемы рождения и смерти) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 211–214.
8. *Васильков Я. В.* «Махабхарата» как символ индусской и индийской идентичности // Кунсткамера. 2022. № 1 (15). С. 220–236.
9. *Воеводина Л. Н.* Мифология и культура: учебное пособие. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 384 с.
10. *Волошина О. А.* Об именах ведийских богов // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2012. Т. XVI. С. 143–151.
11. *Гонсалес М. А.* Что такое миф? // Дискурс-Пи. 2006. № 1. Т. 6. С. 26–29.
12. Древнее ведическое сказание Рамаяна. Арийский цикл / [перевод с английского: О. Кирпичникова]. 3-е изд. Москва: Свет, 2019. 592 с.
13. *Игнатъев А. А.* Деви Махатмья / [перевод с санскрита: А. Игнатъев]. Москва: Ганга, 2020. 316 с.
14. *Киселева О. М.* Трансформация индийского фестиваля Кумбха Мела в историко-культурном контексте // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 5 (127). С. 75–82.
15. *Козьякова М. И.* Мифологема дня и ночи: эстетика метаморфоз // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). С. 68–79.
16. *Котлярова В. В., Шубина М. М.* Ценностный потенциал мифа в современной культуре // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 22–29.
17. *Крысин Л. П.* Современный словарь иностранных слов. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.
18. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под общ. ред. Л. И. Скворцова. Москва: Оникс, 2007. 639 с.
19. *Ожогина С. М.* Мифологический базис архетипа индийской культуры // Ориенталист. 2021. Вып. 1. С. 79–90.
20. *Русаков В. М.* Ночь как культурно-исторический феномен // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. Т. 9. С. 191–194.
21. *Флиер А. Я.* Интерпретации культуры в контексте мифа // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 2. С. 35–44.

*

Поступила в редакцию 26.02.2026

ЭСТЕТИКА

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ИГРОВОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ
В. БЫЧКОВА И М. БАХТИНА

УДК 18.7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-134-143>

Е. А. Капичина

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганск, ЛНР, Российская Федерация,
e-mail: eakarichina@bk.ru

М. В. Маринченко

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганск, ЛНР, Российская Федерация,
e-mail: misha.marinchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию эстетических аспектов виртуальной реальности компьютерных игр. Созданная техническими средствами реальность воспринимается человеком через органы чувств, на основе комплекса ощущений, которые формируют эстетические переживания. Сегодня возникает необходимость разработки теоретико-методологической системы понимания механизмов существования виртуальной реальности. Опираясь на концептуальные находки в области эстетики В. Бычкова (концепция эстетических паракатегорий) и М. Бахтина (концепция хронотопа), авторы статьи предприняли попытку осмысления реальных теоретико-методологических инструментов постижения новой эстетики синестезии игровой виртуальной реальности. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что система таких паракатегорий, как лабиринт, гипертекст, симулякр, интертекст, ризома, деконструкция, а также концепт хронотопа художественной реальности выступают реальными теоретико-методологическими инструментами новой эстетики синестезии игровой виртуальной реальности. Проведенный анализ позволяет утверждать, что виртуальная реальность в компьютерных играх представляет собой сложное и многогранное явление, требующее комплексного научного подхода, позволяющего найти базовые средства и способы анализа виртуальной реальности, которые необходимы для полноценного понимания механизмов существования новой среды эстетического опыта современного человека. В перспективе эти инструменты могут быть расширены – как в теоретическом, так и в прикладном аспекте – для исследования эстетики виртуальной среды.

КАПИЧИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Луганский государственный университет имени Владимира Даля

МАРИНЧЕНКО МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ – аспирант кафедры психологии и конфликтологии, Луганский государственный университет имени Владимира Даля

KAPICHINA ELENA ALEKSEEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Psychology and Conflict Science, Luhansk State University named after Vladimir Dahl

MARINCHENKO MIKHAIL VIKTOROVICH – Postgraduate Student at the Department of Psychology and Conflict Science, Luhansk State University named after Vladimir Dahl

© Капичина Е. А., Маринченко М. В., 2026

Ключевые слова: игровая виртуальная реальность, паракатегории, лабиринт, гипертекст, интертекст, гиперреальность, симулякр, деконструкция, ризома, виртуальный хронотоп.

Для цитирования: Капичина Е. А., Маринченко М. В. Философско-эстетический анализ игровой виртуальной реальности в контексте концепций В. Бычкова и М. Бахтина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 134–143. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-134-143>

PHILOSOPHICAL-AESTHETIC ANALYSIS OF THE GAME VIRTUAL REALITY IN THE CONTEXT OF CONCEPTS OF V. BYCHKOV AND M. BAKHTIN

Elena A. Kapichina

Luhansk State University named after Vladimir Dahl,
Luhansk, LPR, Russian Federation,
e-mail: eakapichina@bk.ru

Mikhail V. Marinchenko

Luhansk State University named after Vladimir Dahl,
Luhansk, LPR, Russian Federation,
e-mail: misha.marinchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the aesthetic aspects of virtual reality of computer games. Created by technical means, reality is perceived by man through the senses, based on a complex of sensations that form aesthetic experiences. Today, there is a need to develop a theoretical and methodological system for understanding the mechanics of virtual reality. Based on the conceptual findings in the field of aesthetics V. Bychkov (concept of aesthetic paracategories) and M. Bakhtin (concept of chronotop), the article attempts to comprehend real theoretical-methodological tools for understanding the new synesthetic aesthetics of virtual reality games. As a result of the study carried out, the authors conclude that the system of such parabolic categories as labyrinth, hypertext, simulacra, intertext, rizoma, deconstruction, and also the concept of artistic reality chronotop are real theoretical and methodological tools of the new aesthetics of synesthesia of virtual reality. The analysis carried out makes it possible to affirm that virtual reality in computer games represents a complex and multifaceted phenomenon, requiring an integrated scientific approach allowing to find basic means and ways of analyzing virtual reality, which are necessary for a full understanding of the mechanisms of existence of the new environment of modern man's aesthetic experience. In the long term, these tools can be extended both in theoretical and applied meaning to study the aesthetics of the virtual environment.

Keywords: game virtual reality, paracategory, labirint, hypertext, intertext, hyperreality, simulator, deconstruction, rizoma, virtual chronograph.

For citation: Kapichina E. A., Marinchenko M. V. Philosophical-Aesthetic Analysis of the Game Virtual Reality in the Context of Concepts of V. Bychkov and M. Bakhtin. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 134–143. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-134-143>

Исследование игровой виртуальной реальности как технологии, позволяющей погрузиться в виртуальный мир, созданный компьютером, и взаимодействовать с ним как с реальным, обусловлено ее возрастающим влиянием на современного человека. Технологии,

предоставляя пользователям возможность погружения в интерактивные трехмерные миры, создают новые формы эстетического опыта и вызывают интерес у современных исследователей. При этом эстетические аспекты данной проблематики остаются ещё недостаточно из-

ученными и требуют сегодня более глубокого теоретико-методологического осмысления. Проблема заключается в недостаточной философской теоретико-методологической обоснованности игровой виртуальной реальности как эстетической сферы интересов. Существующие исследования часто фокусируются на технических аспектах или на ее влиянии на психологию пользователей, упуская из виду философские вопросы о природе эстетического опыта и синестезии в виртуальных мирах. Проанализируем в данной статье особенности конструирования игровой виртуальной реальности как эстетической на основе теоретико-методологических концепций В. В. Бычкова и М. М. Бахтина.

Проблема виртуальной реальности является многоаспектным и сложным феноменом, требующим не только технического знания, но и философского понимания. Исследования в этой сфере можно считать относительно новыми, начавшимися в конце XX века с появлением информационной и игровой виртуальной среды. Многие исследователи философии культуры и антропологии, эстетики и семиотики отмечали стремление человека к созданию искусственной реальности, игровой среды, художественного пространства, «иных» фантастических миров, как антропологическую потребность человека конструировать или умножать реальность. Сегодня у человека появились новые технологии создания иных реальностей, в том числе и эстетической среды компьютерных игр.

Виртуальная реальность как технический феномен – это интегрированная компьютерная система, позволяющая пользователям взаимодействовать с симулированным трехмерным пространством. В контексте компьютерных игр виртуальная реальность представляет собой погружение игрока в параллельный мир, где он может взаимодействовать с окружением. Это создает уникальный опыт, в котором игрок ощущает себя частью игры, а не просто наблюдателем. Виртуальная реальность в контексте компьютерных игр стала значимым направлением технологического прогресса, способствующего созданию нового типа взаимодействия и усовершенствованию управляемости игро-

ком. *Понимание философско-эстетических закономерностей конструирования виртуальной реальности позволяет формировать эстетический вкус и потребности, неразрывно связанные с нравственными и духовными качествами личности.*

Концепция эстетических паракатегорий В. В. Бычкова и концепция хронотопа М. М. Бахтина в качестве теоретико-методологических инструментов эстетического анализа позволяют выйти за рамки формального рассмотрения и углубиться в понимание сущностных структур и механизмов, лежащих в основе эстетического опыта в виртуальных мирах. Данные концепции открывают возможности исследовать не только визуальный и звуковой дизайн игр, но и их нарративные структуры, пространственные организации и способы взаимодействия с пользователем во всех спектрах синестезии ощущений. Такой подход раскрывает философско-эстетические механизмы конструирования игровой виртуальной реальности, выявляет уникальные формы синестетического восприятия. Философско-эстетическая теория, таким образом, служит основой для комплексного и многомерного исследования эстетической реальности в виртуальных играх, открывая новые перспективы для понимания их роли в современной культуре. Таким образом, предлагается рассматривать виртуальную реальность как сложную систему, обладающую собственными эстетическими свойствами и оказывающую значительное влияние на восприятие, мышление и формирование эстетического опыта и вкуса, не заменяющую традиционные художественные практики, но создающую принципиально новые условия для реализации творческого потенциала человека.

Анализ эстетических паракатегорий виртуальной реальности, предложенных российским философом и культурологом В. Бычковым, представляет собой важный шаг в понимании структур и функциональности виртуальных пространств. В свете концепции современной пост-культуры паракатегории фиксируют принципиальные отличия эстетического опыта человека, характерного для арт-практик конца XX –

начала XXI веков. В. Бычков подчеркивает, что в современном художественном пространстве традиционные эстетические категории, такие как *прекрасное, возвышенное, трагическое* и другие, уже теряют свою актуальность, уступая место новым, более сложным и противоречивым эстетическим ценностям. Паракатегориями он называет «некие временные рабочие симулякры категорий» [6, с. 469], которые служат для фиксации или обозначения ключевых смысловых образований современной пост-культуры, которые невозможно описать при помощи существующих категорий эстетики. Он указывает, что *неклассическая эстетика не отрицает классическую, а скорее дополняет ее, расширяя горизонты эстетического опыта и предлагая новые инструменты для его осмысления*. Отсюда, можно утверждать, что теоретико-методологическая концепция неклассической эстетики В. Быčkoва позволяет понять и оценить те художественные явления, которые выходят за рамки традиционных эстетических критериев. К этим явлениям и относится игровая виртуальная реальность.

Одной из первых эстетических паракатегорий, позволяющих анализировать игровую виртуальную реальность в философско-эстетическом контексте, является *лабиринт*. Лабиринт – эстетическая паракатегория, характеризующаяся повышенной степенью сложности и запутанности, символизирующая «хитроумную систему запутанных ходов с тупиковыми ответвлениями» [6, с. 470]. Происхождение лабиринта как художественно-концептуальной формы можно отнести к древним культурам, уходящим своими корнями в архетипическую символику. Изображения с петляющими дорожками встречаются в различных культурах по всему миру, свидетельствуя о древности этого образа. Первые простейшие лабиринты, обнаруженные археологами, датируются верхним палеолитом, и их возраст превышает 38 тысяч лет. Это доказывает, что концепция лабиринта является древним архетипическим символом, обозначающим сложности путей достижения цели, отражающим глубокие философско-эстетические

и мистические представления об устройстве мироздания и места в нем человека.

В традиционном искусстве метафора лабиринта находит воплощение в символике приключений, путешествий, роста и развития главного героя, а также – в визуальных образах, отражающих процесс преодоления трудностей и достижения цели. В современной пост-культуре паракатегория *лабиринт* показывает многовекторность разнообразных аспектов человеческой деятельности и эстетического опыта. Вместо логически-линейного пути понимания художественных ценностей зритель или участник эстетического опыта погружается в многослойный и нелинейный, порой метафорический, процесс поиска истины (ценности, ответа и так далее), который сам по себе становится метафорой и источником неоднозначных интерпретаций.

Художественные лабиринты в постмодернистской литературе (У. Эко, Х. Борхес, Дж. Джойс и другие) задают сложные вопросы, не предоставляя готовых ответов, что подталкивает читателя к исследованию, размышлению и самостоятельному поиску смыслов, где каждый найденный поворот и ответ открывает новые перспективы, но не гарантирует единственно верной трактовки. В художественном пространстве лабиринт символизирует многослойность сюжетной композиции, намеренное усложнение структуры произведения, использование приёмов «открытого» текста, что провоцирует читателя (зрителя) к активному участию в процессе смыслопорождения.

Особую актуальность приобретает данная паракатегория для осмысления виртуальной реальности. «Войдя в сеть и нажимая те или иные клавиши, открывающиеся на экране монитора, уже сегодня можно путешествовать, не выходя из дома, по всему миру – библиотекам, музеям, консерваториям, супермаркетам, сайтам самых разных людей и организаций всего мира, смотреть фильмы и видеопрограммы, читать новейшие газеты и романы, слушать радио и музыкальные концерты, участвовать в дискуссиях (конференциях) по самым разным темам, играть в бесчисленные компьютерные игры и даже

вступать в интимные контакты с партнерами из любого уголка земного шара» [6, с. 471].

Лабиринт предполагает возможность выбора различных направлений, альтернативных маршрутов и, соответственно, множественности перспектив восприятия. Зритель (участник) имеет возможность исследовать различные «дорожки», устанавливать новые связи между элементами контента, рассматривать ситуацию с разных углов, что обеспечивает активное вовлечение в процесс интерпретации. В современном искусстве данная характеристика находит выражение в интерактивных выставках, позволяющих физически перемещаться по художественному пространству и влиять на его структуру, в гипертекстовых произведениях, предлагающих нелинейную навигацию и множество вариантов развития сюжета, а также – в нелинейных нарративах компьютерных игр, предоставляющих игроку свободу выбора и различные исходы.

Таким образом, паракатегория лабиринт, с одной стороны, означает открытость для множественных интерпретаций, отсутствие единственно верной трактовки; с другой – сложный процесс поиска и преодоления препятствий, формирование личного понимания и смысла. Лабиринт как пространство эстетического опыта в игровой виртуальной реальности стимулирует активное участие человека (игрока) в процессе субъективного смыслообразования, способствуя развитию критического мышления и творческого воображения. Путь через лабиринт символизирует духовное странствие, процесс обретения опыта и трансформации личности.

Второй важной эстетической паракатегорией, непосредственно связанной (а порой даже отождествляемой) с паракатегорией *лабиринт*, является *гипертекст*. Согласно концепции В. Бычкова, понятие гипертекста как некоего сверхтекста, возникает на почве структуралистски ориентированной культурологии и эстетики, которая трактует всю культуру как единое текстуальное пространство. «Суть его в гуманитарных науках состоит в том, что культура в целом, как и все ее фрагменты, включая

и обычные вербальные тексты, рассматривается в качестве некой единой структуры, складывающейся из совокупности текстов, определенным образом внутренне и (или) внешне коррелирующих между собой» [6, с. 504].

Гипертекст определяется как нелинейная, разветвленная структура, предоставляющая реципиенту возможность самостоятельного выбора траектории навигации между ее фрагментами, определяя тем самым индивидуальный путь чтения. Этот принцип организации информации, отличный от традиционных линейных нарративов, был концептуализирован структуралистами и постструктуралистами (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, У. Эко, Ж. Лакан, Ж. Жанетт и другие), а впоследствии развит теоретиками сетевой литературы, которые формализовали понимание гипертекста как многоуровневой системы информационных блоков (или «узлов»), соединенных между собой посредством нелинейных связей. Реципиент, взаимодействуя с гипертекстом, обладает автономией в формировании собственной последовательности считывания информации, что радикально отличает его от пассивной роли читателя линейного текста. Гипертекст в пространстве Интернета становится многоуровневой разветвленной системой, структурирующей коммуникативное пространство виртуальной реальности, в которой, с одной стороны, размывается авторское начало или происходит «смерть автора» (термин Р. Барта), а, с другой – активизируется роль реципиента как соавтора, совершающего свою навигацию и определяющего эстетические смысло-ценности поглощаемой информации. В. Бычков подчеркивает: «Самым грандиозным (практически бесконечным в информационном и пространственно-временном смыслах) гипертекстом является система электронной коммуникации и гигантская база данных Интернета. Она состоит из несметного числа постоянно возникающих и так или иначе трансформирующихся страниц (сайтов), которые имеют целые иерархии подстраниц (см., в частности, любой электронный журнал, сайты какого-либо художественного музея или библиотеки). Более того, электронный гипертекст Интернета является

активным текстом, позволяющим каждому реципиенту активно участвовать в его конкретном развитии, трансформации, входить в киберпространство и гиперреальность (виртуальную реальность) этого своеобразного «текста», активно изживать, или переживать, ее» [6, с. 505].

Следует отметить определяющую роль в разработке категории «текст» и паракатегории «гипертекст» теоретика сначала структуралистской, а позже и постструктуралистской эстетики Ролана Барта. «Барт рассматривает «текст» и как универсальную категорию, охватывающую не только литературу, но и другие явления. Текстом оказывается город, культура, страна» [1, с. 128]. По сути, он рассматривает текст как некую означающую практику, открытую систему, как процесс структурирования некоего игрового пространства, наполненного смыслами. «Текст – это методологическое поле» [1, с. 126]. Иными словами, по Барту, весь окружающий человека мир – природа, культура, страны и города – можно рассматривать как единое структурное образование и называется оно текстом. Отсюда и вытекает понимание сверхтекста или гипертекста как множественной разветвленной структуры. Важно отметить, что Р. Барт непосредственно не создавал «гипертекстовые» произведения в современном, технологическом понимании этого термина. Однако его теоретические построения, такие как концепция «смерти автора», интертекстуальность и акцент на активной роли читателя, предвосхищают гипертекстовый подход. Барт, по сути, деконструирует линейность, причинно-следственные связи и иерархичность, свойственные традиционному тексту, открывая перед читателем множественные пути интерпретации и интерактивного взаимодействия с произведением. Одной из образцовых книг Брата, строящихся на гипертекстовой структуре, является его работа «Фрагменты речи влюбленного» (1977). Структура этой книги, состоящей из фрагментов, связанных ассоциативными, а не логическими связями, имитирует принципы гипертекста. Эти фрагменты лишены четкого начала и конца, предоставляя читателю свободу конструирования индивидуальной

последовательности чтения и, следовательно, собственной версии текста. Читатель, таким образом, становится активным участником смыслопорождения, а не пассивным потребителем готового нарратива [2]. Гипертекстовая структура – в этом контексте – выступает как практическое воплощение теоретических установок Р. Барта, позволяя читателю осуществлять нелинейное путешествие по тексту, выстраивать собственные связи между фрагментами и создавать индивидуальную версию нарратива. «Фрагменты речи влюбленного» можно рассматривать как прото-гипертекст, демонстрирующий принципы нелинейности и интерактивности еще до появления соответствующих технологий.

Позже Жан Бодрийяр, продолжая идеи Р. Барта, вводит понятие «гиперреальности» в своей работе «Симулякры и симуляции» (об этом более детально изложим ниже), сопоставляя реальность с текстом, а гиперреальность с гипертекстом. Смысл гиперреальности – в симуляции жизни, а единицами гиперреальности являются симулякры.

Итак, паракатегория гипертекст имеет исключительное значение для структурного понимания игровой виртуальной реальности; она определяет конструкцию и организацию существования и работы виртуального пространства как суперсистемы электронной коммуникации.

Третьей важной эстетической паракатегорией для анализа виртуальной реальности в философско-эстетическом контексте, рассматриваемой В. Бычковым, является *симулякр*. «Симулякр – это муляж, видимость, имитация образа, символа, знака, за которой не стоит никакой обозначаемой действительности, пустая скорлупа, манифестирующая принципиальное присутствие отсутствия реальности» [6, с. 491]. Философ говорит, что «симулякр не отсылает ни к чему иному, кроме себя самого, но при этом имитирует (играет, передразнивает) ситуацию трансляции смысла» [6, с. 491]. Иными словами, симулякр создаёт некую иллюзию смысла, за которой стоит пустота.

Данный термин был введен Ж. Бодрийяром в контексте его психоаналитико-структуралистского подхода к миру вещизма.

В своей книге «Симулякры и симуляции» он говорит, об имплозии смыслов – социальных, экономических, политических, медиакоммуникационных, исторических, эстетических и других. Симулякр является «тотальным процессом деструкции смысла» [5, с. 209]. Симулякры констатируют поглощение или исчезновение социокультурных смыслов. Поэтому современный мир утрачивает связи с реальностью и погружается в «мир симуляций», мир копий и пустоты. И важную роль в этих процессах играет техника, средства массовой коммуникации, в том числе и электронные. «Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [5, с. 109]. По сути, современное информационное пространство поглощает собственное содержание. Все в современном мире приобретает симуляционный характер, и люди сталкиваются уже не с реальностью, а с гиперреальностью как тотальным пространством существования симулякров. Согласно идеям Бодрийяра, в современных условиях грань между реальным миром и симуляцией размывается настолько, что последняя превращается в реальность. Постепенно стирается граница между реальным и симулированным, а симулякры начинают восприниматься как более «реальные», чем сама реальность. Симуляция, по Бодрийяру, – это процесс, в котором симулякры заменяют реальность. «Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете» [5, с. 7–8].

Таким образом, эстетическая паракатегория симулякра фиксирует состояние современного мира, в котором реальность заменяется на гиперреальность, а языки культуры на языки программирования, электронный континуум уже становится способным замещать реальный. Собственно, виртуальная реальность по своей сути и представляет собой симуляционную гиперреальность и все бодрийяровские характеристики последней мы с полным правом можем отнести и к игровой виртуальной реальности. Если обобщить бодрийяровские констатации данной паракатегории, то можно сформулировать так, ссылаясь на исследователя

Холодарёву В. И.: «Симулякр – это знак, схема или модель, за которым ничего не стоит, это искусственное образование, заменяющее собой реально существующие предметы и отношения. Он не требует отсылки ни к чему реальному, он самодостаточен. Человеку вполне достаточно обладать симулякром, а не тем, что он симулирует. Симулякры обмениваются на симулякры, и ни один из них не отсылает ни к какому референту» [11, с. 122–123]. Итак, Бодрийяр трактует симулякры как знаки, которые не отсылают к конкретным реальным явлениям, а лишь симулируют их, моделируя некую гиперреальность, условную по своей сути.

Помимо рассмотренных паракатегорий пост-культуры, обоснованных В. Бычковым и являющимися теоретико-методологическими инструментами анализа игровой виртуальной реальности, существуют и другие, которые нет возможности в полной мере проанализировать в рамках данной статьи. Это паракатегория *ризома*, символизирующая децентрированную структуру, эстетику корневища, основанную на принципах множественности и горизонтальных связей; *интертекст* как игра смыслами, цитатами и контекстами в рамках большого (виртуального) гипертекста; *деконструкция* как поиск или создание новых, неизвестных ранее структур и смыслов в “складках” сложного смыслового ландшафта» [6, с. 508].

В целом, следует подчеркнуть, что концепция паракатегорий В. В. Бычкова раскрывает теоретико-методологические возможности философско-эстетического анализа игровой виртуальной реальности, понимание ее сущностных структур и механизмов существования. Паракатегории как инструменты такого анализа позволяют исследовать сущностные закономерности конструирования игровой виртуальной реальности, помогают выявить, как именно виртуальные миры формируют новые формы взаимодействия и эстетического восприятия, что наглядно демонстрирует значимость исследований в этой области.

Хронотоп – понятие, введенное российским физиологом Алексеем Ухтомским в рамках его исследований пространственно-временных

координат и гетерохронии. Согласно его взглядам, единство пространства и времени приводит к цельности окружающего мира, в котором все происходящие события являются близко связанными и образуют единую причинно-следственную цепь (мировую линию) [10, с. 267–268]. Ухтомский в своих исследованиях показал, что любое событие представляет собой результат сложного взаимодействия пространственно-временных факторов, актуализирующих настоящее событие или его характерные свойства. Таким образом, ученый рассматривал данное понятие как универсальное, применимое ко всей реальности.

В социокультурную сферу гуманитарных наук, в частности в литературоведение, это понятие вводит философ культуры, филолог Михаил Бахтин. В свете его теории литературы и концепции диалога культур, хронотоп рассматривается как взаимодействие пространства и времени в литературном произведении. То есть *хронотоп – это единство времени и пространства, отраженное в событиях литературного произведения. Когда время становится художественно «зримым», втягивая в свой поток пространственные объекты или процессы, происходит осмысление и понимание читателем авторского замысла.*

В своих работах «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [3; 4] Бахтин анализирует хронотоп как единство пространства и времени конкретной сюжетной линии конкретного типа романа. В его работах хронотоп является отражением художественного пространства романа как литературного произведения. Выделяя различные типы хронотопов, Бахтин характеризует их уникальные черты. Философ пишет: «Они являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетнообразующее значение. Вместе с этим бросается в глаза изобразительное значение хронотопов. Время приобретает в них чувственно-

наглядный характер; сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью» [4, с. 281].

Хронотоп не просто объединяет время и пространство, он создает определенную структуру литературного произведения (определенного жанра) и наполняет его смыслом и конкретными художественными образами-героями. «Таким образом, хронотоп как преимущественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации, воплощения для всего романа. Все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идеи, анализы причин и следствий и т. п. – тяготеют к хронотопу и через него наполняются плотью и кровью, приобщаются художественной образности. Таково изобразительное значение хронотопа» [4, с. 282].

М. Бахтин выделяет различные типы хронотопов, существующих в эстетическом мире литературных произведений (хронотоп автора и читателя, хронотопы дороги, замка, встречи, разлуки, городка, чужого мира и так далее), каждый из которых показывает события пересечения пространственных и временных координат и обладает своими специфическими особенностями и символическим значением. Бахтинский хронотоп наполнен эстетическим смыслом, он есть переживание человеком (активным читателем) пространственно-временных событий жизни героя литературного произведения и одновременно переживаний собственного (читательского) восприятия и понимания произведения в целом. Переживаемый мир диалогичен по своей сути, ведь процесс чтения-восприятия любого произведения культуры есть диалог с автором, его произведением, с определённой исторической эпохой, с культурой в целом. Любое произведение занимает своё место в культуре, а поэтому диалогично по своей сущности, согласно концепции Бахтина.

Таким образом, в философско-эстетическом контексте концепт хронотопа выступает как способ организации и осмысления реальности, как некая *модель мира, воплощенная в художественной форме*. Он определяет не только

внешние характеристики произведения (место действия, время действия), но и его внутреннюю логику, ценностные ориентиры и мировоззрение автора. Анализ хронотопа позволяет выявить глубинные смыслы и ценности, заложенные в художественном произведении, а также понять его связь с историческим и культурным контекстом. В эстетическом плане, хронотоп определяет характер эмоционального воздействия произведения на читателя, формирует его чувство сопричастности и сопереживания. Через хронотоп происходит погружение в художественный мир произведения, переживание его событий и осознание и понимание его смысла-ценностей.

В контексте философско-эстетического анализа игровой виртуальной реальности хронотоп становится важным инструментом для понимания закономерностей существования цифровой реальности как эстетической. Компьютерная игра конструирует виртуальной хронотоп или «дигитальный хронотоп» (термин введен Б. Мановым, болгарским кинокритиком) [7] и открывает принципиально новые перспективы для виртуального творчества, соединяющего реальный и виртуальный миры с творческими методами реализации эстетических ценностей человека.

Виртуальный хронотоп выполняет функцию интенсификации художественного опыта, привнося в визуальные миры дополнительную глубину и сложность. Он позволяет художнику манипулировать временем и пространством, объединять и переплетать различные пространственно-временные измерения, создавая многослойные и многомерные художественные конструкции. Это приводит к возникновению неожиданных и нелинейных эффектов, способных значительно усилить эффект погружения (иммерсии) и эмоционально-эстетического воздействие на зрителя (или пользователя, в данном контексте). По сути виртуальный хронотоп есть синестезийный компонент постижения виртуальной реальности, поскольку соединяет в себе все оттенки и способы эстетического восприятия и переживания в условиях иного измерения реальности.

В результате, дигитальный хронотоп приобретает сложную множественную и разветвленную структуру, подобную визуально-семантическому гипертексту (о свойствах которого уже было сказано ранее). Эта самовоспроизводящаяся текучая структура соединяет в себе разные уровни реальности, что обогащает эстетическое восприятие виртуальной игры, делая ее более захватывающей и, возможно, более релевантной для непосредственного человеческого опыта.

Создаваемые таким образом хронотопы некоторые современные исследователи предлагают называть кластерными, для которых свойственно не время, а «вневременное сейчас», и не пространство, а кластер [9, с. 126–127.] В свете взглядов Б. Г. Соколова, современная медиальная реальность компьютерного интернет-пространства, порождает новую систему координат, теперь это уже не пространство-время, а некое универсальное и практически отсутствующее время или «вневременное сейчас» и кластерное, шизонидное пространство. Эти глубинные изменения меняют нашу систему координат, и *любые конструкты, символические образования в современном мире собираются по иным сценариям, по иным параметрам, чем прежде.*

Виртуальные игры являются той новой реальностью, которая все больше привлекает исследователей. В игровой реальности создаются сложные хронотопические структуры, в которых время и пространство могут быть переосмыслены, изменены или даже не определены. Игроки могут перемещаться между различными временными линиями и пространствами, погружаясь в многослойные уникальные миры, которые обогащают их игровой опыт. Например, в играх с открытым миром игроки взаимодействуют с пространством, которое является подверженным изменению в зависимости от их действия, что подчеркивает хрупкость границ между временем и пространством [8]. При этом разные игроки могут сформировать разные хронотопы даже в одном и том же игровом процессе, что открывает перед исследователями

новые горизонты для анализа эстетических и когнитивных аспектов восприятия. Таким образом, концепт хронотопа в контексте анализа игровой виртуальной реальности может приобретать достаточно относительный характер, в отличие от изначального бахтинского смысла. И тем не менее, на наш взгляд, может служить инструментом философско-эстетического анализа многослойного эстетического опыта в игровой виртуальной реальности.

В целом, философско-эстетический анализ игровой виртуальной реальности в контексте концепций В. Бычкова и М. Бахтина позволяет разработать теоретико-методологическую систему понимания механизмов существования виртуальной реальности. Система паракатегорий (лабиринт, гипертекст, симулякр, интертекст, ризома,

деконструкция и другие) и концепт хронотопа художественной реальности (виртуального хронотопа) выступают реальными теоретико-методологическими инструментами новой эстетики синестезии игровой виртуальной реальности. Проведенный анализ позволяет утверждать, что виртуальная реальность в компьютерных играх представляет собой сложное и многогранное явление, требующее комплексного научного подхода, позволяющего найти базовые средства и способы анализа, которые необходимы для полноценного понимания механизмов существования новой среды эстетического опыта современного человека. В перспективе эти инструменты могут быть расширены – как в теоретическом, так и в прикладном отношении – для исследования эстетики виртуальной среды.

Список литературы

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 125–132.
2. *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного. Москва: Ad Marginem. 2023. 416 с.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Издание 2-е. Москва: Художественная литература. 1990. 543 с.
4. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература. 1975. С. 234–407.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
6. *Бычков В. В.* Эстетика: Учебник. Москва: Гардарика, 2004. 556 с.
7. *Манов Б.* Техническая характеристика и эстетическая природа дигитального образа // Киноведческие записки. 2005. № 71. С. 285–304.
8. *Самойлова Е. О.* Виртуальный нарратив в контексте современного хронотопа // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 1. С. 37–41.
9. *Соколов Б. Г.* Трансформация хронотопа // Художественный хронотоп: новые подходы. VII Кагановские Чтения. Тезисы Всероссийской научной конференции 18 мая 2013 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2013. С. 126–127.
10. *Ухтомский А. А.* Заслуженный собеседник: Письма к Е. И. Бронштейн-Шур // Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. Санкт-Петербург: Петербург. писатель. 1996. С. 248–309.
11. *Холодарева В. И.* Жан Бодрийяр: Свобода как симулякр // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 7. 2008. С. 122–130.

*

Поступила в редакцию 14.03.2026

Фольклорные и мифические мотивы балета «Лебединое озеро»

УДК 792.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-144-155>

В. Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет,
Самара, Российская Федерация,
e-mail: vfar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу фольклорных и мифических мотивов балета Петра Ильича Чайковского «Лебединое озеро». Основное внимание в исследовании уделяется проблеме соотношения музыкального, хореографического, драматического, сказочного и мифического пластов в балете Чайковского. Обосновывается тезис, что в «Лебедином озере» центр тяжести смещается в сторону мифического пласта. Осуществляется сравнительный анализ «Лебединого озера» с оперой Рихарда Вагнера «Лоэнгрин». Философский и филологический анализ балета П. И. Чайковского осуществляется в контексте концептуальных разработок В. Я. Проппа, К. Г. Юнга, М.-Л. фон Франц, Ф. Ницше. Делается вывод, что хореографическая драма Чайковского «Лебединое озеро» репрезентирует мифический мотив разрушения магического брака. Раскрывается мифический, мистериальный характер феноменов танца и музыки. Обосновывается тезис, что в основе конфликта балета Чайковского лежит коллизия профанного и сакрального.

Ключевые слова: Чайковский, Вагнер, «Лебединое озеро», магический брак, магическое имя, миф, волшебная сказка, танец.

Для цитирования: Фаритов В. Т. Фольклорные и мифические мотивы балета «Лебединое озеро» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 144–155. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-144-155>

FOLKLORIC AND MYTHICAL MOTIFS IN THE BALLET «SWAN LAKE»

Vyacheslav T. Faritov

Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation,
e-mail: vfar@mail.ru

Abstract. This article provides a philosophical analysis of the folkloric and mythical motifs in Pyotr Ilyich Tchaikovsky's ballet «Swan Lake». The study focuses on the relationship between the musical, choreographic, dramatic, fairytale, and mythical layers in Tchaikovsky's ballet. It is argued that in «Swan Lake», the center of gravity shifts toward the mythical layer. A comparative analysis of «Swan Lake» and Richard Wagner's opera «Lohengrin» is provided. The philosophical and philological analysis of Pyotr Tchaikovsky's ballet is carried out within the context of the conceptual developments of V. Ya.

ФАРИТОВ ВЯЧЕСЛАВ ТАВИСОВИЧ – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет
FARITOV VYACHESLAV TAVISOVICH – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University

© Фаритов В. Т., 2026

Propp, C. G. Jung, M.-L. von Franz, and F. Nietzsche. It is concluded that Tchaikovsky's choreographic drama «Swan Lake» represents the mythical motif of the destruction of a magical marriage. The mythical, mystical nature of dance and music phenomena is revealed. The thesis is substantiated that the conflict in Tchaikovsky's ballet is rooted in the collision of the profane and the sacred.

Keywords: Tchaikovsky, Wagner, Swan Lake, magical marriage, magical name, myth, fairy tale, dance.

For citation: Faritov V. T. Folkloric and Mythical Motifs in the Ballet "Swan Lake". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 144–155. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-144-155>

Задача филологического и философского анализа произведений хореографического искусства является одной из наиболее трудно выполнимых. Сравнительно проще обстоит дело с оперой. Здесь всегда есть текст, который нередко представляет собой самостоятельное произведение художественной литературы – достаточно указать хотя бы на «Пиковую даму» и «Евгений Онегин» Чайковского. Такое научное направление, как филология оперного сюжета, уже получило свою разработку: «Новая задача исследования Оперы не в распространении музыковедческого анализа на драму-слово, а в том, чтобы наконец-то увидеть всю Оперу вообще не со стороны музыки, а со стороны слова» [8, с. 13]. С хореографическим искусством сложнее. За основу балета, как в опере, часто берется самостоятельное литературное произведение. Однако словесный текст в данном случае остается за пределами сценического воплощения сюжета. Вместо синтеза музыки и слова в балете представлен синтез музыки и танца. Вместе с тем в балете сохраняется драматическая основа, построенный по принципам драматического жанра сюжет – так что с этой стороны балет может быть представлен и рассмотрен как *хореографическая музыкальная драма*. Драматическая коллизия составляет каркас балетного сценического действия. И хотя музыка и хореография в балете по своей значимости безусловно преобладают над драмой, драматический аспект не может быть полностью исключен как из области эстетического восприятия, так и из сферы научного исследования.

Драматическая основа оперы ближе к литературному источнику, поскольку художе-

ственный текст здесь сохраняется в более или менее переработанной форме. В балете связь с текстом ослаблена – по причине отсутствия словесного материала в сценическом действии. Если, например, в «Евгении Онегине» Чайковского мы слышим не только пение, но и сам пушкинский текст, то в «Ромео и Джульетте» Прокофьева стихи Шекспира вынесены за пределы хореографической драмы. Как следствие, в балетном действии в большей степени, чем в оперном, раскрывается связь с мифом и ритуалом [13]. Из-за отсутствия словесного текста литературная основа редуцируется и нейтрализуется, уступая место иным, более архаичным пластам культуры.

Разумеется, балет не является мистерией в исконном смысле этого слова. Балетный театр в первую очередь относится к сфере эстетического, а не сакрального. Тем не менее, связь балета с мифическим мировоззрением отмечается в научной литературе: «Классический балет демонстрирует устойчивую связь с мифом. В то же время в контексте осмысления общего процесса десакрализации древнего мифа и перехода от мифа к вербальному тексту, от мистерии к театру, становится возможным говорить об особой, но неизбежной повествовательности балетного действия. Можно констатировать, что обнаруживаются нарративные компоненты, хотя степень нарративизации балета следует признать достаточно слабой» [2, с. 71].

В балете обнаруживается не миф в чистом виде, но его следы и рудименты. Найти эти следы можно, конечно, не только в балете, но и в опере и в собственно литературной драме, особенно в трагедии. Однако в балете

мифические, мистериальные компоненты проступают более отчетливо. Анализ можно вести в двух направлениях. Можно проследить процесс десакрализации и нарративизации танца, как это сделано в процитированной выше статье. Или можно двигаться в обратном направлении, раскрывая в основе балета как художественно-эстетического феномена мифический пласт.

**Теоретико-методологическая
основа исследования:
В. Я. Пропп и К. Г. Юнг**

В первом балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро» можно выделить как минимум три пласта. Во-первых, собственно музыкально-хореографический: прежде всего, мы имеем здесь дело с произведением музыкального театра. Говоря о «Лебедином озере», не следует забывать, что «это не дивертисмент, едва скрепленный убогой фабулой, а «хореографическая драма»» [11, с. 121]. На этом уровне можно провести параллели с известными романтическими балетами, такими как «Жизель» и «Баядерка». Во-вторых, в «Лебедином озере» значительную роль играет фольклорный пласт. Сказочные мотивы составляют основу не только первого, но и двух последующих балетов Чайковского («Спящая красавица» и «Щелкунчик»). «Лебединое озеро» может быть прочитано как самостоятельная сказка, представленная на сцене балетного театра. Наконец, в-третьих, через сказку можно прийти к собственно мифическому, сакрально-ритуальному пласту. Данное направление исследования было разработано В. Я. Проппом в его «Морфологии волшебной сказки».

Методологический подход Проппа к анализу сказки можно охарактеризовать в том числе как археологический: «Сказка показала бы слоистое строение, наподобие слоям геологических отложений. В ней сочетаются древнейшие пласты, наряду с более поздними современными» [10, с. 161]. Для целей нашего исследования данный методологический принцип значим в наибольшей степени: «В на-

шей науке принят обратный путь сверху вниз, т. е. реконструкция ранних «мифологических» основ путем анализа поздних материалов» [10, с. 42]. Двигаясь в этом направлении «сверху вниз», от более современных напластований к более древним, мы придем к отжившим, архаичным формам религиозного культа: «Основные формы сказки восходят к умершим религиозным представлениям. В сказке содержится религия мертвая, реликтовая» [10, с. 179, 214]. Согласно Проппу, разложение и отмирание религиозного культа является необходимым условием рождения сказки: миф, умирая, становится сказкой. В действительность мифа верят, как верят и в действительность связанных с ним обрядов и ритуалов. В содержание сказки уже не верят: «Сказками эти сюжеты становятся тогда, когда утрачивается вера в их заклинательное значение» [10, с. 114].

Вместе с тем именно сказка является источником, через который, двигаясь сверху вниз, можно прийти к архаичным и уже утраченным формам мифического мировосприятия. Более того: в сказках эти древнейшие формы религиозных верований продолжают определенным образом жить. Точнее, жизненную энергию сохраняют не сами эти уже отжившие и забытые формы религиозного культа, но проявляющиеся через них архетипы коллективного бессознательного. Например, если в Вотана как бога в современном мире уже давно никто не верит, то архетип, некогда проявившийся в этой форме, все еще может актуализироваться в сознании современного цивилизованного человека. Здесь мы обращаемся к предложенному доктором К. Г. Юнгом методу амплификации. Сам Юнг разработал данный методологический принцип в первую очередь для анализа сновидений, но применял его также и к сказкам, например, в работе «Феноменология духа в сказке» [20, с. 227–283]. Для целей нашего исследования данный метод также является значимым.

Следует учитывать, что в сказке представлены не только реликты древних форм верований, но и имплицирована особая онтологическая картина мира, отличная от той,

которая утвердилась в эпоху Нового времени и стала привычной для сознания современного человека [15]. Если выражаться в терминологии немецкой классической философии, можно сказать, что в сказках и мифах явлена совершенно иная трансцендентальная субъектность по сравнению с той, которую Кант стремился представить в качестве универсальной формы человеческого бытия и мышления. Указание на этот момент мы снова находим в работах В. Я. Проппа, который отмечает, что в фольклоре «действительность представляется не прямо, а сквозь призму определенного мышления» [10, с. 40]. Данное утверждение вполне соответствует духу кантовского трансцендентализма. Однако Кант жестко фиксировал и гипостазировал формы мышления и чувственного восприятия, получившие распространение лишь в европейской культуре Нового времени. Согласно Проппу, в сказках мы можем найти указания на принципиально иную форму мышления и восприятия: «Это мышление настолько отличается от нашего, что многие явления фольклора бывает очень трудно сопоставить с чем бы то ни было – в системе этого мышления еще не существует причинно-следственных связей, здесь господствуют иные связи, а какие именно – мы часто не знаем. Пространство и время воспринимаются иначе, чем воспринимаем их мы. Категории единства и множества, качества, субъекта и объекта играют совсем иную роль, чем они играют у нас, в нашем мышлении. За реальное принимается то, что мы никогда не признаем за реальное, и наоборот» [10, с. 40]. Как видно из приведенной цитаты, кантовская таблица категорий оказывается нейтрализованной, если мы обращаемся к материалам сказок. Здесь мы уже выходим на философский, онтологический уровень анализа, к которому также будем обращаться в настоящем исследовании.

Магический брак

Основным сказочным мотивом в «Лебедином озере» являются образы девушек-лебедей во главе с Одеттой. В тексте либретто,

изданного к премьере балета в Большом театре в 1877 году, сообщается краткая история Одетты: «Меня зовут Одетта, моя мать – добрая фея; она, вопреки воле отца своего, страстно, безумно полюбила одного благородного рыцаря и вышла за него замуж, но он погубил ее – и ее не стало. Отец мой женился на другой, забыл обо мне, а злая мачеха, которая была колдуньей, возненавидела меня и едва не извела. Но дедушка взял меня к себе. Старик ужасно любил мою мать и так плакал о ней, что из слез его накопилось вот это озеро, туда-то, в самую глубину, он ушел сам и спрятал меня от людей. Теперь недавно он стал баловать меня и давать мне полную свободу веселиться. Вот днем с моими подругами мы и превращаемся в лебедей и, весело рассекая грудью воздух, летаем высоко, высоко, почти у самого неба, а ночью играем и пляшем здесь, около нашего старика. Но мачеха до сих пор не оставляет в покое ни меня, ни даже подружек моих...» [11, с. 304].

Здесь дан целый набор сказочных мотивов: злая мачеха-колдунья, которая хочет извести падчерицу, заколдованная девушка и юный принц, который должен ее спасти. Эти мотивы встречаются во многих сказках как по-отдельности, так и в разных комбинациях. Однако наша задача состоит не в выявлении параллелей, а в переходе к более архаичным пластам культуры, реликты которых содержатся в сказке. Мотив человека, превращенного в животное, более поздний, связанный с той ступенью развития сознания, когда животное и человеческое начало уже было дифференцировано. Для более древнего, мифического уровня характерно отсутствие четких границ между животным и человеческим, на что указывает Пропп: «Существует поверье, что давным-давно все живые существа вели двойственное существование и могли принимать облик человека или животного. Людей тогда было мало; если животное хотело принять человеческий облик, то рыло или клюв прикрывались предплечьем, крылом или иной конечностью, словно маской, и тогда существо становилось похожим на человека» [10, с. 66].

Если ориентироваться в первую очередь на сценическое действие, а не на текст либретто, то можно констатировать, что в «Лебедином озере» получил свое воплощение именно этот архаический, мифический мотив. На балетной сцене танцуют не девушки, которые поутру превращаются в лебедей, а именно девушки-лебеди. Граница между человеком и животным здесь еще не проведена: «Одетта и ее подруги – не птицы и не девушки, а девушки-птицы – люди, обладающие способностью к полету» [11, с. 145]. В. Я. Пропп характеризовал подобные образы как гибридные [10, с. 270]. Для задачи сценического, невербального воплощения такого гибридного образа хореографический язык оказывается наиболее адекватным. Опера и драма не обладают соответствующими средствами выразительности, необходимыми для создания сложного гибридного образа. В «Сказке о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова царевна-лебедь, как правило, представляется в виде девушки с лебедиными крыльями за спиной. Но в таком виде артистка больше похожа на ангела, чем на птицу. Ангел – также гибридный образ, но существенно иного порядка. Здесь человеческое соединено со сверхчеловеческим, по сути своей трансцендентным, сверхчувственным, так что крылья в данном случае выступают в качестве символа, а не действительного атрибута. Другой вариант предлагают некоторые постановки «Лоэнгрин» Вагнера, где на сцене появляется бутафорский лебедь, запряженный в ладью с рыцарем Грааля. Здесь представлен вполне однозначный образ птицы, хотя из текста либретто мы знаем, что лебедь в данном случае не кто иной, как заколдованный брат Эльзы. Балет дает возможность создавать подлинно гибридные мифические образы. Уже Лев Иванов в 1895 году отказался от мишурных крыльев у девушек-лебедей: «Впервые в истории балета Лев Иванов создал образ птицы, не пользуясь для этого навязчивыми орнитологическими приметам. Не в имитации движений птицы, не в крыльях за спиной заключена характеристика Лебедя-Одетты, а в танце – в арабесках,

в взмахах рук-крыльев, нарушивших каноны port de bras, в поворотах головы» [11, с. 146]. В результате таких хореографических нововведений становится невозможным провести четкую границу между птицами и девушками, животным и человеком. Создается именно синкретический образ, в наибольшей степени соответствующий мифическому сознанию.

Последовательница и ученица К. Г. Юнга Мария-Луиза фон Франц отмечает: «Антропологи до сих пор ведут споры о том, маскируется ли под видом зверя человек или, наоборот, животное, изменяя свой внешний вид, превращается в человека. По моему мнению, такая дискуссия бессмысленна. Они такие, какие есть! Персонажи волшебных сказок – животные и люди одновременно!» [17, с. 46]. Здесь мы позволим себе не согласиться с исследователем. В волшебных сказках, как правило (хотя и не всегда), проведена четкая граница между человеком и животным. Человек может быть превращен в животное (в лягушку, волка, медведя, утку и тому подобное) силою колдовства, но при этом он остается именно человеком, который лишь временно носит животное обличье. Ситуации, когда в образе невозможно провести различие между животным и человеком, относятся к более ранним периодам истории культуры, которые предшествуют возникновению сказок. Синкретические гибридные образы в большей степени характерны для мифологии: здесь мир населен кентаврами, минотаврами, сфинксами и другими существами, которые суть животные и люди одновременно. В балете П. И. Чайковского представлен именно мифический синкретический пласт. Сказочная версия о превращении девушек в лебедей остается в тексте либретто, в то время как на сцене мы видим только девушек-лебедей, девушек, которые одновременно являются птицами. Либретто можно читать как сказку, сам балет следует смотреть скорее как мистерию. Конечно, мистериальные мотивы представлены здесь не в столь откровенной форме, как в вагнеровском «Парсифале», где на театральной сцене изображается божественная литургия [14]. У Чайковского мистериальный

пласт дан имплицитно, до него еще необходимо добраться сквозь напластования внешне сказочного сюжета и хореографической драмы.

Не только образы, но и сюжет «Лебединого озера» носит вполне сказочный характер. Все начинается с характерного для волшебной сказки мотива недостачи. У принца Зигфрида нет отца, есть только мать, Владетельная принцесса. В день своего совершеннолетия принц должен выбрать себе невесту. Однако, как это часто бывает в сказках, его избранницей становится не земная девушка, а королева лебедей. То есть невесту принц выбирает не из профанного, а из сакрального, магического, потустороннего мира. Последователи К. Г. Юнга раскрывают здесь восходящий к алхимической традиции мотив магического брака.

Сам Юнг полагал, что в центре алхимического символизма стоит представление о мистической конъюнкции, таинстве воссоединения противоположностей [19]. Символизм магического или мистического брака можно обнаружить как в дохристианской, так и в христианской традиции. В сказках этот мотив получает выражение в распространенном сюжете о браке героя с невестой из потустороннего мира. Герой – принц, царский сын или крестьянский сын – обычно воплощает принцип рационального, ориентированного на внешний, земной, посясторонний мир. Невеста, напротив, относится к потустороннему, сакральному миру. Речь, таким образом, идет не о заключении брака в обычном, повседневно-бытовом смысле. Если бы все дело состояло просто в том, чтобы жениться, задача легко бы разрешалась выбором невесты из профанного мира. Обычно так и поступают старшие братья героя, например, в Сказке о царевне-лягушке. Требуется, однако, нечто большее, чем просто создать семью. Необходимо подняться на более высокую ступень сознания через синтез фундаментальных противоположностей бытия. Духовное и телесное, земное и сакральное должны сочетаться в новом единстве. Иногда герою недостает духовного начала, в его жизни отсутствует некое трансцендентное измерение. Первый

акт «Лебединого озера» как раз показывает принца, погруженного в суету светской придворной жизни.

То обстоятельство, что потустороннее, с которым герой должен вступить в союз, имеет в сказках зооантропоморфный характер, свидетельствует о его нечеловеческой и сверхчеловеческой природе одновременно. Лебедь – амбивалентный символ. С одной стороны, в качестве животного птица относится к разряду существ, стоящих на более низкой ступени по сравнению с человеком. Зооантропоморфизм в данном случае есть свидетельство еще не состоявшегося вочеловечения, неспособности войти в жизненный мир человека. С другой стороны, лебедь, в отличие, например, от утки или ворона, есть указание на высшую природу, превосходящую уровень человеческого естества. Величественная белая птица символизирует высшее, духовное, приближающееся к божественному состоянию. Не следует также забывать, что одной из наиболее древних форм религиозного культа является тотемизм. Волшебная сказка получает распространение в те времена, когда поклонение тотемному животному уже было вытеснено новыми формами религиозного сознания. Но в культуре ничто не исчезает бесследно. Архетипическая память сохраняется в сказках.

Магический брак нацелен на трансформацию как мужского, так и женского характера. Через брак героиня должна выйти из своего полуживотного состояния и принять окончательно человеческий облик, войти в человеческий мир. В свою очередь, герой посредством магического брака должен преодолеть сутугобо профанный характер своего существования и приобщиться к царству сакральных смыслов. Связь с древним обрядом инициации здесь очевидна. Неслучайно действие «Лебединого озера» начинается в момент совершеннолетия принца.

Но трансформация может и не произойти. Герою грозит двойная опасность: либо погрузиться в царство потустороннего и навсегда там остаться, утратив связь с реальным миром, либо, наоборот, предпочесть сакрально-

му миру мир профанный. И в том и в другом случае неизбежным следствием будет регресс женского образа к более ранним формам воплощения: «Опасность, которая угрожает и мужчине, и женщине в магическом браке, всегда одна: образ души (анима или анимус) ускользает обратно в царство бессознательного с его бесконечным количеством переплетенных образов» [16, с. 21]. Если мужчина не справляется с задачей, женщина из сакрального мира либо исчезает в тридесятом царстве, либо переживает негативную трансформацию, приобретает зловещий характер. В «Лебедином озере» ситуация может быть описана примерно следующим образом: Зигфрид оказывается слишком зачарован открывшимся ему миром сакральных (архетипических) образов. Вместо того чтобы силою своего разума поднять Одетту из призрачного царства теней к светлому, дневному миру сознания, он сам погружается в бессознательное и теряется в «потустороннем мире архетипических образов» [16, с. 171]. Вместо конъюнкции сакрального и профанного происходит разрыв. В Третьем действии Зигфрид не нарушает клятвы – он сохраняет верность своей невесте из сакрального мира, одну за другой отвергая всех обыкновенных девушек, которых ему предлагает его мать в мире профанном. Однако принц ведет себя слишком пассивно по отношению к сакральному миру, позволяя ему полностью завладеть собой. Именно поэтому Одетта является ему в образе черной невесты Одиллии, ведомой Ротбартом. Раз Зигфрид не способен стать полноценным супругом Одетты и спасти ее, он уступает ее темной фигуре ее отца, позволяя тем самым проявиться ее негативному аспекту. Одновременно он позволяет Одиллии и Ротбарту обрести власть над собой.

Здесь следует поставить вопрос о мифическом аспекте фигуры Ротбарта. Как известно, Григорович в своей постановке 1969 года переосмыслил характер данного персонажа, представив его в качестве Злого гения, темного двойника самого Зигфрида. Результатом такого преобразования стало затемнение сказочного и мифического содержания балета.

На первый план выступил романтический пласт, сблизивший «Лебединое озеро» с миром мрачной фантастики Гофмана. Однако Ротбарт несет в себе явные черты даже не столько сказочного злодея (Кощея Бессмертного), сколько персонажа древних германских мифов. Образ темного магического отца представлен во многих волшебных сказках, выступая в качестве распространенного мотива: «Во многих европейских сказках, в которых ощущается сильное влияние христианства, отцом анимы выступает дьявол. Но в европейских странах, где влияние христианства не так велико, он предстает перед нами в образе Бога. Например, в германских странах отец анимы появляется в образе старика с характером Вотана» [17, с. 141]. Здесь следует еще раз подчеркнуть, что в сказке мифические образы представлены в реликтовой форме. Древний германский бог Вотан мог получить свое воплощение в образе злого магического отца героини сказок только в те времена, когда вера в него как в божество уже была основательно утрачена. С распространением христианства древние языческие боги трансформировались в демонов, падших ангелов. Однако между старым и новым культом нередко возникает конфликт, который получает свое отражение в сказочных сюжетах: «Иными словами, отец Царевны-лягушки представляет собой более старый образ Бога, который контрастирует с новым господствующим образом Бога и подавляется им. Новая господствующая доминанта сознания обычно накладывается на старый образ того же порядка и между ними образуется новое напряжение» [17, с. 142].

То, что Ротбарт не только сказочный злой волшебник, но и старый бог германской мифологии, подтверждается, в том числе, его сценическим воплощением. Он повелевает природными стихиями, способен вызывать бурю и грозу. В тексте либретто В. Бегичева и В. Гельцера: «Злой гений в ярости вызывает силы природы. Начинается буря, сверкают молнии, гремит гром, ветер рвет ветви деревьев, озеро выходит из своих берегов...». В хореографическом портрете Ротбарта и Одиллии

преобладают вихреобразные движения, которые захватывают и Зигфрида: «Принц словно захвачен вихрем дьявольского ликования; этот вихрь, поднятый Ротбартом, закружил юношу, потерявшего голову» [11, с. 108]. Ротбарт-Вотан вовлекает Зигфрида в неистовую дионисийскую пляску, заставляя повторять вихреподобные вращающиеся движения, совершающиеся в головокружительно быстром темпе. Ошибка принца в том, что он принимает этот исступленный дионисизм за божественное откровение, в то время как на самом деле совершает регресс к уже преодолённым формам религиозного сознания. Одетта содержит в себе нереализованную потенцию нового религиозного сознания. Однако Зигфрид оказывается неспособным провести различие между новой и старой формой, вследствие чего в качестве невесты ему является дьявольская спутница древнего бога Вотана-Ротбарта, а Одетта остаётся в царстве ночи, то есть не поднимается к дневному свету сознания.

Магическое имя: Чайковский и Вагнер

Мифический персонаж становится героем сказки тогда, когда соответствующая форма религиозного культа уже основательно забыта. Повествование утрачивает свой сакральный характер и переходит в разряд созданного фантазией вымысла. Данный процесс предполагает утрату и забвение магического имени. Герой сказки, как правило, либо не имеет имени (он назван просто царевичем, королевичем, принцем, младшим сыном), либо назван типовым для сказочного повествования именем, которое не несёт никакой сакральной смысловой нагрузки (Иван, Ганс). В свою очередь, миф самым тесным образом связан с именем, предполагает имя – настолько, что А. Ф. Лосев определяет миф как развернутое магическое имя: «Миф, поэтому, есть просто магическое имя. А присоединение, наконец, второго момента, истории, даёт последнее преобразование, которое получит такую форму: *миф есть развернутое магическое имя*» [5, с. 241].

В этой связи обращает на себя внимание, что герой «Лебединого озера» наделён весьма специфическим именем, не вписывающимся в общую сказочную канву текста либретто. Зигфрид – не сказочное, но мифическое имя, имя персонажа германской мифологии. Одновременно это имя героя одной из части вагнеровской тетралогии «Кольцо Нибелунгов». Отсылка к более ранней опере Вагнера «Лоэнгрин» присутствует в «Лебедином озере» как на уровне сюжета (образ лебедя), так и на уровне музыки (центральная «лебединая» тема, как уже неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, представляет собой реминисценцию на «мотив запрета» из «Лоэнгрин» [12]).

В основе вагнеровского «Лоэнгрин» также лежит мотив магического брака и его разрушения. Здесь только иное распределение ролей в паре по сравнению с «Лебединым озером». У Чайковского принц принадлежит к профанному миру, а Одетта – к сакральному. У Вагнера наоборот: посланником братства Святого Грааля, героем из горного, трансцендентного мира является Лоэнгрин, Эльза относится к земному миру. Брак Эльзы и Лоэнгрин также мешают колдовские злые силы, побуждающие героиню нарушить запрет. Запрет касается имени героя – оно не должно быть узвано, о нём нельзя спрашивать: «*Nie sollst du mich befragen, noch Wissens Sorge tragen, woher ich kam der Fahrt, noch wie mein Nam und Art*» («Никогда не спрашивай меня, не пытайся узнать, откуда я прибыл, как мое имя и сущность»).

Нарушение запрета является одним из значимых компонентов структуры волшебной сказки, на что указывал Пропп в своей «Морфологии»: «запреты всегда нарушаются» [9, с. 37]. Из всех опер Вагнера «Лоэнгрин» в наибольшей степени соответствует канонам поэтики сказки: «В средоточии типической сказки стоят герой и характерное чудо; есть и прочие фантастические элементы – такие, как колдовство или разумные звери; наконец, наличествует строгая грань между добром и злом. С этой точки зрения,

действие «Лоэнгрин» ближе к сказке, чем все прочие сценические произведения Вагнера, если отвлечься от его юношеских опер. Благодаря музыке Вагнера народная сказка становится сказкой художественной» [3, с. 135]. Нарушение запрета, следствием которого становится разрушение магического брака, также является типичным мотивом волшебной сказки: «нарушение запрета разрушает магический брак, который должен быть защищен от вторжения мирского, коллективного сознания» [16, с. 18].

Коллизия «Лоэнгрин», таким образом, обнаруживает черты как сходства, так и расхождения с «Лебединым озером». В обоих случаях центральным является мотив разрушения магического брака. Однако у Вагнера союз героев рушится из-за непозволительной попытки вторжения мира профанного в тайну мира сакрального. У Чайковского герой оказывается слишком зачарован и поглощен сакральным миром, вследствие чего он утрачивает способность к различению между добром и злом. Архетипы коллективного бессознательного имеют амбивалентную природу, позитивный и негативный аспект, светлая и темная сторона в них сосуществуют в некоем первичном недифференцированном праединстве. Дифференциация и разграничение – прерогатива сознания, опирающегося на разум. И если Зигфрид вагнеровского «Кольца» побеждает мифических чудовищ и одерживает верх над самим Вотаном, то Зигфрид Чайковского катастрофически неспособен к героическим подвигам. В «Лебедином озере» он скорее жертва магического и сакрального. Фактически единственный его поступок состоял в том, что в последнем действии он в порыве отчаяния сорвал с Одетты венец, чем погубил и ее и себя.

Важно не забывать, что и в первоначальной версии балета 1877 года, и в петербургской постановке М. Петипа и Л. Иванова 1895 года, а также в первой версии постановки Ю. Григоровича 1969 года финал был трагическим. Оптимистический финал, который в настоящее время является наиболее

распространенным, не соответствует замыслу композитора и производит впечатление такой же натянутости, как и счастливый финал гетевского «Фауста». Однако счастливый финал делает балет еще в большей степени приближенным к сказочным канонам, где конец в большинстве случаев тоже позитивный. И в балетной сказке И. Стравинского «Жар-птица» Иван-царевич побеждает Кощея Бессмертного и спасает Царевну Красу Ненаглядную. Сказка должна заканчиваться хорошо. Трагедия должна завершаться гибелью героя или героев. Именно последний вариант в большей степени соответствует характеру «Лебединого озера», где сквозь сказочную форму отчетливо проступают более архаичные мифические мотивы. В своем первом балете Чайковскому удалось приблизиться к воплощению на сцене трагического мифа – того самого, который Ф. Ницше искал в операх Р. Вагнера. В «Спящей красавице» уже достаточно однозначно преобладают сугубо сказочные мотивы. «Щелкунчик» относится к наиболее сложным и наиболее совершенным произведениям балетного театра, где мифические и мистериальные мотивы гармонично вплетены в форму литературной сказки. Трагический финал «Лебединого озера» выявляет перевес мифического над сказочным. Как будто все маски оказываются сорваны и на сцену бурным потоком врывается дионисийская стихия: «Он быстро срывает с ее головы венец и бросает в бурное озеро, которое уже выступило из своих берегов. «Я умираю», – говорит Одетта, падая на руки принца и, сквозь грохот раскатов грома и шум волн, раздаётся грустная последняя песня лебедя. Волны одна за другой набегают на принца и Одетту, и скоро они скрываются под водою» [11, с. 307].

Финал, в котором герои гибнут и исчезают в волнах вышедшей из своих границ стихии, позволяет провести параллель с еще одним произведением Вагнера – «Тристаном и Изольдой». Молодой Ницше именно эту оперу считал максимально полным воплощением трагического мифа: «Трагический

миф может быть понят лишь как воплощение в образах дионисической мудрости аполлоническими средствами искусства; он приводит мир явления к тем границам, где последний отрицает самого себя и снова ищет убежища в лоне истинной и единой реальности; а там он вместе с Изольдой как бы запекает ее метафизическую лебединую песню: «В нарастании волн, В этой песне стихий, В беспредельном дыханье миров Растаять, Исчезнуть, Всё забыть...» [7, с. 129]. Метафизика финала «Лебединого озера» может быть представлена в этих же формулировках. Более популярный счастливый конец превращает балет Чайковского из трагического мифа в сказку. Ориентированная на реализм эстетика советского театра предполагала установку на нейтрализацию мифа, в то время как к сказке относилась более толерантно. В отличие от мифа сказка не предполагает веры в сверхъестественное, не требует серьезного отношения. Сказка воспринимается как художественный вымысел. Она безобидна. Собственно говоря, примерно таким образом миф и превращается в сказку. Балет «Лебединое озеро» прошел сложный путь трансформаций от сказки к мифу и затем от мифа снова к сказке. В качестве балетной сказки «Лебединое озеро» приобрело феноменальную популярность, соперничать с которой может разве что «Щелкунчик». Однако мифические мотивы, редуцированные на уровне либретто, во всей полноте проявляются в музыке и танце.

Магический танец и музыка

Хотя наш анализ хореографической драмы Чайковского носит преимущественно филологический и философский характер, нельзя оставить без внимания танец и музыку. В принципе феномен танца ничуть не в меньшей степени, чем сказка, заряжен мифически и ритуальными аспектами. Первоначально танец относится не к эстетической, но к ритуальной сфере, на что указывает Пропп: «Если перед охотой, войной, посевом пляшут, то делают это не ради эстетического удовольствия,

а с целью воздействия на природу. Пляска есть судорожное усилие» [10, с. 204]. Ритуальный характер пляски в качестве реликта получил свое отражение и в волшебной сказке: «Царевна лучше сохранила связь с первоначальной животной природой, чем Деметра. Примером этому может служить царевна-лягушка. Она животное, но вот на свадьбе она пляшет. В этой пляске мы легко узнаем ритуальные пляски времен тотемизма. Итак, она – создательница, устроительница леса и воды. Это – древнейшая, еще тотемическая охотничья стадия царевны. Именно на этой стадии мир создается через пляску. В дальнейшем лес отпадает, отпадает и пляска» [10, с. 213]. Таким образом, танец связан с древнейшими космогоническими представлениями. Первоначальный танец – бог, в пляске которого создается мир, на что указывает доктор К. Г. Юнг: «Танец всегда связан с творением. Шива танцует творение и разрушение мира. Бог танцует мир. То, что бог – танец, конечно, очень языческая идея, и индусы полагают, что он танцует творение и разрушение мира» [18, с. 60, 66].

В космогоническом аспекте можно и следует прочитывать балет «Лебединое озеро». Танцы Зигфрида и Одетты, танцы лебедей представляют собой не историю любви, но невербальное повествование о созидании и разрушении мира: «Все указывает на то, что в балетном либретто мы имеем дело не с грустной историей любви, но с тайной лекцией об акте творения и бессмысленности бытия. Таким образом, именно в терминах космогонии преимущественно и следует объяснять «Лебединое озеро», как ни заманчиво было бы трактовать его в романтическом ключе» [6, с. 71]. Конечно, такой предельный уровень мифологизации составляет глубинный пласт балета Чайковского. На поверхности как раз лежит история любви юноши и девушки. Но в «Лебедином озере» данный пласт разработан весьма схематично, уступая место сказочному аспекту. А через сказку мы можем проникнуть в мифическое содержание балета, сближающее хореографическую драму с мистерией о сотворении и гибели мироздания.

Остается еще сказать пару слов о музыке, которая и составляет самое содержание «Лебединого озера». Уже после первой постановки, которая была признана неудачной, отмечалось преобладание музыкальной стороны: «При всей моей любви к зрелищам такого рода, я на представлении балета П. Чайковского более слушал, чем смотрел. Музыкальная сторона решительно преобладает над хореографической. По музыке “Лебединое озеро” – лучший балет, который я когда-либо слышал...», – отмечал Герман Ларош [цит. по: 1, с. 180].

Г. Крауклис указывает, что Рихард Вагнер осуществил симфонизацию оперы: «Постепенное усиление роли оркестра, который, помимо аккомпанемента певца, должен был теперь выполнять важные самостоятельные функции музыкальной выразительности, привело к известному сближению оперы с симфонией. Начался процесс симфонизации оперы. Но если музыкальное единство каждой части симфонии обуславливалось частым повторением и развитием нескольких ведущих тем-образов, то и в симфонически насыщенной музыке оперы также ощущалась потребность в музыкально-тематическом единстве. Так возникли сквозные темы-характеристики, звучащие на протяжении всей оперы в соответствующих ситуациях» [4, с. 27]. Как отмечалось выше, Чайковский сделал главным мотивом «Лебединого озера» мотив запрета из «Лоэнгрин», преобразовав его в знаменитую лебединую тему, которая в различных вариациях проходит через весь балет от самого начала до конца. У Вагнера тема запрета носит ярко выраженный мужской характер, поскольку принадлежит самому Лоэнгрину, рыцарю Грааля. У Чайковского данная тема трансформировалась в лебединую песню Одетты и приобрела женскую окраску – стала звучать более мягко и то скливо, протяжно и лирично. Если Вагнер симфонизировал оперу, то Чайковский был первым, кто симфонизировал балет. Музыка перестала быть лишь фоном для танцев, приобрела самостоятельную эстетическую значимость.

Но в «Лебедином озере» музыка еще и действующее лицо. Это сама Одетта, способная предстать в образе коварной Одиллии. Утрата женского элемента является одним из распространенных мотивов волшебных сказок. Данный мотив также может быть связан со спецификой пути европейской культуры Нового времени: «Так что же могло произойти, что в нашей сказке женский элемент, который когда-то был осознанным, снова погрузился в бессознательное? В Средние века, с культом Девы Марии, признание анимы было гораздо более живым и полным, чем в период, начавшийся с XVI века и продолжающийся по сей день, – этот период характеризуется усиливающейся тенденцией к подавлению женского начала» [17, с. 92]. Каковы причины подавления женского начала в современной европейской культуре? Основным фактором выступает рационализм, становящийся все более односторонним: «Если отдельный человек или общество в целом (цивилизация) теряют контакт с женским началом, то это обычно предполагает наличие слишком рациональной, слишком упорядоченной и в большей степени, чем следует, организованной установки. А с женским началом сопряжены чувства, иррациональность и фантазия» [17, с. 90].

Если логос выражает мужское начало, то музыка – женское. У Вагнера четко прослеживается тенденция к подчинению музыки-женщины мужскому началу, воплощенному в слове. Характерно, что в последней опере Парсифаль (отец Лоэнгрин) одерживает верх над Кундри, так что в заключительном акте она перестает петь, замолкает. У Чайковского роли меняются: герой с именем, недвусмысленно отсылающим к вагнеровскому «Кольцу», соблазнен и обманут Одиллией и безвозвратно теряет Одетту. Но гибнет не сама музыка, а лишь ее сценическая, драматическая проекция. Музыка в качестве метафизического, трансцендентного по отношению к сценическому пространству и разворачивающемуся на нем действию начала не исчезает.

Список литературы

1. *Айнбиндер А. Г.* Петр Чайковский: Неугомонный фатум. Москва: Молодая гвардия, 2024. 415 с.
2. *Воротынцева К. А., Маликов Е. В.* Миф и повествование в балете // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 63–73.
3. *Гек М.* Рихард Вагнер: Жизнь. Творчество. Интерпретация. Москва: Культурная революция, 2017. 424 с.
4. *Крауклис Г. В.* «Лоэнгрин» Р. Вагнера. Москва: Государственное музыкальное издательство, 1963. 80 с.
5. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». Москва: Гнозис, 2022. 696 с.
6. *Маликов Е. В.* Герменевтический подход к балету «Лебединое озеро», или почему Зигфрид должен умереть в мифопоэтическом ландшафте указанного произведения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3. С. 64–72.
7. *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 годов. Москва: Культурная революция, 2012. 416 с.
8. *Пащенко М. В.* Сюжет для мистерии: Парсифаль – Китеж – Золотой петушок (историческая поэтика оперы в канун модерна). Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.
9. *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. Москва: Коллибри, 2022. 640 с.
10. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. Москва: Академический проект, 2025. 343 с.
11. *Слонимский Ю. И. П. И.* Чайковский и балетный театр его времени. Санкт-Петербург: Лань, Планета музыки. 2022. 336 с.
12. *Соллертинский И. И.* Критические статьи. Ленинград: МУЗГИЗ, 1963. С. 43–46.
13. *Фаритов В. Т.* Мифологема танцующего бога: репрезентация человеческого тела в музыкальном искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1. С. 62–69.
14. *Фаритов В. Т.* Образы времени и вечности в театральной мистерии Р. Вагнера «Парсифаль» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 2. С. 100–109.
15. *Фаритов В. Т.* Онтология волшебной сказки: трансгрессия в исследованиях В. Я. Проппа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 286–299.
16. *Франц М.-Л. фон* Архетипические символы в волшебных сказках. Испытание девицы. Москва: Академический проект. 2024. 527 с.
17. *Франц М.-Л. фон* Толкование волшебных сказок. Москва: Академический проект. 2024. 271 с.
18. *Юнг К. Г.* «Заратустра» Ницше. Записи семинаров, проведенных в 1934–1939 гг. Том I. Москва: Кастилия, 2024. 432 с.
19. *Юнг К. Г.* *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск: Харвест, 2003. 576 с.
20. *Юнг К. Г.* Бог и бессознательное. Москва: Олимп, АСТ, 1998. 480 с.

*

Поступила в редакцию 15.12.2025

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ МУЗЫКИ: ОТ ОБЩИХ ОСНОВАНИЙ – К АВТОРСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ В. Б. ДОВГАНЯ)

УДК 7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-156-166>

М. А. Двинина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: matrona2204@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию эстетических приоритетов и позиций современных композиторов в контексте русской религиозной философии и эстетики. Современная музыкальная культура неразрывно связана с философско-эстетической рефлексией, которая представляет ее как явление, созвучное глубинным мировоззренческим установкам русского человека, вечно открытого к красоте древней и рожденной в наши дни. В статье автор выявляет ключевые интенции современной русской духовной музыки, направленные на постижение сакральной сферы и создание иконического звукового пространства. Отдельное внимание уделено творчеству современного композитора и профессора Российской академии музыки имени Гнесиных и ПСТГУ В. Б. Довганя, освящаются его взгляды на диалектику традиции и новаторства в духовном музыкальном искусстве, также анализируются сочинения В. Б. Довганя в ключе его эстетической позиции.

Ключевые слова: русская духовная музыка, эстетика, религиозная философия, композиторское творчество, иконичность, традиция, музыкально-эстетическое воздействие, Владимир Довгань.

Для цитирования: Двинина М. А. Эстетическое измерение современной духовной музыки: от общих оснований – к авторскому творчеству (на примере сочинений В. Б. Довганя) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 156–166. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-156-166>

THE AESTHETIC DIMENSION OF CONTEMPORARY SACRED MUSIC: FROM GENERAL FOUNDATIONS TO THE AUTHOR'S CREATIVITY (BASED ON THE WORKS OF V. B. DOVGAN)

Matrona A. Dvinina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: matrona2204@gmail.com

ДВИНИНА МАТРОНА АНДРЕЕВНА – аспирант, кафедра культурологии, Московский государственный институт культуры

DVININA MATRONA ANDREEVNA – Postgraduate student, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

© Двинина М. А., 2026

Abstract. This article explores the aesthetic priorities and positions of contemporary composers within the context of Russian religious philosophy and aesthetics. Contemporary musical culture is inextricably linked with philosophical and aesthetic reflection, which presents it as a phenomenon consonant with the deepest ideological principles of the Russian people, eternally open to beauty, both ancient and modern. In this article, the author identifies key intentions in contemporary Russian sacred music aimed at comprehending the sacred and creating an iconic sonic space. Particular attention is given to the work of contemporary composer and professor at the Gnessin Russian Academy of Music and St. Tikhon's Orthodox University, Vladimir Dovgan. His views on the dialectic of tradition and innovation in sacred music are explored, and his works are analyzed in light of his aesthetic position.

Keywords: Russian sacred music, aesthetics, religious philosophy, composer's work, iconicity, tradition, musical and aesthetic impact, Vladimir Dovgan.

For citation: Dvinina M. A. The Aesthetic Dimension of Contemporary Sacred Music: from General Foundations to the Author's Creativity (Based on the Works of V. B. Dovgan). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 156–166. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-156-166>

Русская православная духовная музыка, зародившаяся вместе с принятием христианства на Руси, имеет динамичную и многогранную традицию. На протяжении своей истории она непрерывно развивается, трансформируется и обретает новые формы, сохраняя актуальность и в современную эпоху. Феномен современной русской духовной музыки разворачивается в напряженном поле между двумя полюсами: с одной стороны – это сакральная традиция, укорененная в византийском и древнерусском литургическом наследии, с другой стороны – авторское сознание композитора, сформированное в русле светского музыкального мышления Нового и Новейшего времени. Это напряжение составляет онтологическую основу эстетической проблематики, требующей не столько описания жанровых форм, сколько философской рефлексии о природе музыкального канона и границах творческой свободы в пространстве сакрального искусства.

События конца XX века, связанные с изменением общественно-религиозной ситуации в России, обусловили новый этап в эволюции данного пласта культуры. Этот этап характеризуется не только процессом восстановления прерванных традиций богослужебного пения, но и интеграцией духовной тематики и соответствующего ей культурного опыта в широкое поле концертного музици-

рования. Реализация духовного начала в музыкальном искусстве нашла свое выражение в учреждении масштабных фестивальных и конкурсных проектов, в создании крупных светских сочинений, опирающихся на христианскую образность, а также – в зарождении новых жанров (среди которых – «музыкальное житие») [5, с. 184], формирующихся на стыке церковной и светской художественных традиций.

Современная композиторская практика предлагает несколько различных модусов отношения к эстетическому канону. Первый – тяготение к аутентичности традиции: авторское начало здесь добровольно уступает литургической функции и стилистическому канону, утвердившемуся в церковной практике минувших столетий. Данный путь характерен для музыкантов, укорененных в церковной жизни; среди них архимандрит Матфей (Мормыль), диакон Сергей Трубачев, священник Николай Ведерников. Второй модус предполагает творческое обновление при сохранении некоторого ориентирования на канон. В этом случае композиторское «я» обнаруживает себя с большей очевидностью, однако не вступает в противоречие с традицией, направлено на ее субъективную реинтерпретацию. К числу представителей этого направления относятся, в частности, Н. Лебедев, К. Волков, С. Сегаль, В. Поно-

марев. Третий модус являет собой полностью авторское прочтение, подчас идущее вразрез с традиционными представлениями о каноне православного музыкального искусства. В таком ключе проявили себя А. Шнитке, А. Микита, В. Мартынов. Современные подходы к духовному творчеству, будучи различными, образуют спектр возможных отношений с традицией – от ее строгой интерпретации до свободного синтеза. Данный процесс является актуальным для философско-эстетического анализа современных композиторских практик, ориентированных на духовную тематику.

Архаизация музыкального языка как сознательный эстетический выбор композитора

Мировоззренческие и художественные взгляды современных духовных композиторов находятся в русле переосмысления эстетического восприятия русской духовной певческой практики и особенностей национальной музыкальной традиции. Одной из наиболее рельефных тенденций современного этапа развития православной духовной музыки становится архаизация музыкального языка как сознательный выбор эстетической позиции композитора. Обращение к знаменному распеву, киевскому, греческому, болгарскому и другим распевам православной традиции выступает не как стилистическое цитирование, но как попытка реконструкции целостного мироощущения, запечатленного в звуках. В этом движении к истокам православного пения современные композиторы продолжают линию, намеченную в конце XX столетия, когда особое внимание профессиональных музыкантов привлекал именно знаменный распев – как древнейший, обладающий своеобразной и оригинальной звуковысотной и акустической системой. Другие распевы, хотя и испытавшие западное влияние в конце XVII века, также вошли в круг творческой рефлексии, что свидетельствует о стремле-

нии музыкантов к расширению интонационного горизонта национальной традиции. «Интонация открывает возможности чисто музыкального становления как нового метода осознания и постижения Универсума. Через сложные этапы творческих исканий композиторы приходят к своеобразию музыкальной способности выражения идей и чувств, к становлению музыки как развития. В этом процессе духовного творчества проявляются все стадии глубинного познавательного процесса», – пишет об интонации как об инструменте познания вселенной исследователь В. А. Апрелева [1, с. 9]. Музыка обретает способность развиваться как самостоятельный метод осмысления реальности через интонацию.

Аскетика современной православной духовной музыки не связана напрямую с цитацией, но представляет собой новое мировоззренческое поле творчества – не сужающее возможности композиции, а, напротив, расширяющее ее до понимания благовествования об Универсуме и законах мироздания. Новые изложения знаменного распева, современные аранжировки псалмов и тропарей оказываются органично вплетенными в традиционную модальную основу, не нарушая той внутренней гармонии, которая составляет суть обращения к древнему распеву.

Среди композиторов, сотрудничавших с ведущими хоровыми коллективами, исполняющими реконструкции древних распевов, особое место занимает Владимир Мартынов. Сочинения, созданные на основе знаменного распева («Ныне Силы Небесные», «Вкусите и видите»), являют собой попытку возвращения к тому состоянию, где звук и молитва пребывают в неразрывном единстве. Многоголосие, напоминающее древнерусское строчное пение, диатонический лад, асимметричный ритм, исоновые «педали», терцовые дублировки – все это создает эффект не стилизации, но актуализации архаического звукосозерцания [4, с. 240]. В. Мартынов не столько обрабатывает древнюю мелодику, сколько предлагает «современное слышание»

ее, восстанавливая ту связь между звуком и молитвой, которая была утрачена в процессе европеизации церковного пения.

Одно из замечательных имен в современной российской музыкальной культуре – это композитор, профессор РАМ им. Гнесиных В. Б. Довгань. Творчество и теоретические воззрения композитора укоренены в русской религиозно-философской традиции, понимаемой им как безусловное качество подлинности искусства. В рамках его эстетических воззрений традиция предстает не как факультативный декоративный слой или стилистический жест, но как смыслообразующая основа, вне которой художественное высказывание утрачивает свою значимость. Сам В. Б. Довгань лаконично и категорично формулирует этот принцип: «Без традиции вообще музыкальное искусство не бывает» [6, с. 158]. Тем самым утверждает, что музыкальный язык, формальные структуры и сама возможность художественной коммуникации коренятся в глубине исторически сложившегося культурного кода, в памяти традиции как живом субстрате творчества. Внешний взгляд, который усматривает в музыке нечто отличное от культуры, заслоняет их бытийственное единство. Именно музыка является той частью культуры, которая даже в мимолетном звучании (образно говоря, точно пейзаж при вспышке молнии) открывает целостный облик культуры.

Показательным образцом бережного, сакрального отношения к традиции становится сочинение В. Б. Довганя «Предначинательный псалом», представляющее собой обработку киевского распева. В этой партитуре автор воскрешает модель пения, характерную для раннего барокко, опираясь на приемы русской гетерофонной практики. «Предначинательный псалом» предстает не просто как обработка или стилизация, но как стилистическая реконструкция – акт интуитивного и интеллектуального проникновения в истоки национальной хоровой традиции, где архаика перестает быть музейным экспонатом, а обретает живой голос.

Интенция современного духовного музыкального творчества: иконичность, моделирование сакрального пространства

Рассмотрим и еще одну грань современного русской духовной музыки. Творчество современного композитора, в сочинениях и аранжировках которого обращение к архаике обретает онтологическое обоснование, представляет особый интерес для исследователя. В свете идей философа А. Ф. Лосева, полагающего основой онтологии художественной предметности корреляцию субъекта и объекта, предметность можно трактовать как интенциональную, а не психологическую: «... созерцающая художественное произведение, мы своими ушами воспринимаем внутреннюю жизнь, которая пульсирует в созерцаемом нами художественном произведении и которая, взятая сама по себе, никак не видима и никак не слышима. Говорить об этой внутренней жизни <...> это еще не значит сводить эстетику на психологию и это еще не значит понимать существо стиля психологически, <...> этот «способ бытия», хотя и воспринимается «душой», вовсе не психологичен, а обязательно только бытийственен» [Цит. по: 1, с. 12].

Русская духовная музыка в ее современном преломлении тяготеет к тому типу художественного мышления, который может быть определен как иконический. В древних песнопениях, как и в иконописи, внешняя неподвижность и внутренняя действенность символизируют власть духа, а не плоти. Поэтому музыкальное состояние точнее всего характеризуется понятием «становление», которое выделяет Н. С. Гуляницкая в философии А. Ф. Лосева [3, с. 136]. «Подлинное музыкальное становление, – писал философ, – всегда стремится и рвется вперед, и притом, именно в бесконечность, а вместе с тем из этой бесконечности некуда вырваться, и потому всякий отдельный момент этого стремления безвыходен, поскольку он предопределен. Но тогда получается, что подлинный музыкальный феномен всегда есть только томление» [10, с. 331].

Подобно тому как икона не изображает, но являет первообраз, так и музыка, устремленная к сакральному, стремится не столько к эмоциональному воздействию, сколько к созданию условий для молитвенного предстояния. Этот принцип находит последовательное воплощение в творчестве композитора Сергея Трубачева (диакона Сергия), чья эстетическая позиция формировалась под непосредственным влиянием философии Павла Флоренского и в результате личного с ним общения.

В духовной музыке С. Трубачева эстетический символизм проявляется не только на уровне интонационного строя, но и в самом выборе материала.

Русский религиозный философ Павел Флоренский говорил об унисонном пении как о проводнике в мир горний: оно «удивительно как пробуждает касание Вечности. А когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. и т. д. – наступает земное, и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и к бедным земными богатствами» [Цит. по: 16, с. 343]. Композитор обращается к таким напевам, которые ранее почти не привлекались для профессиональной обработки: валаамский, соловецкий, троицкий и другие распевы. Каждый из этих пластов несет в себе память о конкретной духовной традиции, о том святом месте, которое запечатлено в мелодии. Произведения С. Трубачева имеют подобие иконического пространства, где звук становится знаком невидимого и вечного. О возможности вечного в искусстве также пишет Л. Н. Коган: «<...> образ вечности возможен в искусстве только потому, что оно имеет собственное («художественное») время, послушное замыслу художника. Его можно сжать или растянуть, здесь останавливается мгновение, а события могут идти «вспять», от настоящего к прошлому, от будущего к настоящему» [9, с. 180].

Пространственный аспект иконичности раскрывается и в работах архимандрита Матфея (Мормыля), который, придавал особое значение пространственности, отражающейся

в практике антифонного пения. Средствами сочетания унисона и многоголосия, распределения попевочного материала между партиями, приемами сгущения и разряжения фактуры он создает эффект звукового «купола» – пространства, в котором исчезает граница между молящимися и молитвой. Этот принцип, восходящий к древней антифонной традиции, в интерпретации архимандрита Матфея обретает новую эстетическую актуальность.

Музыка в ее духовном измерении, согласно философской интуиции М. С. Уварова, обретает статус исповедального акта, сопоставимого с церковным таинством: «Музыка, как поэзия души, дает возможность высказать самую затаенную, искреннюю мысль в ауре внутреннего конфликта и – одновременно – духовной гармонии» [17, с. 99]. В этой перспективе эстетическое не является автономной сферой прекрасного и оказывается неразрывно связано с этическим и сотериологическим – с тем, что философская традиция именует христианским путем «врачевания души», о чем еще в XVIII столетии писал философ Г. С. Сковорода: «Музыка – великое врачевство в скорби, утешение же в печали и забава в счастье» [15, с. 113].

Важнейшим аспектом эстетики современного композитора В. Б. Довганя является этико-функциональный подход к духовной музыке, который также может быть осмыслен в категориях символизма. В основе эстетической позиции композитора лежит различение традиции подлинной и ложной. Первая – онтологически заложена в древнерусской певческой культуре. Вторая – исторически возникла как результат секулярного влияния западной культуры в XVIII–XIX веках. Ключевой критерий здесь – функциональная адекватность: способна ли музыка служить литургическому действию, не подменяя священнодействие концертом? В отличие от подлинной, «ложная традиция» [12] акцентирует внешнее мастерство, сценическую драматургию и эффективность исполнения, что рассеивает молитвенное состояние. «Проникает эта пустота в искусство – и оно тут же забывает о своем

высоком и глубоком призвании; его провидческое созерцание тускнеет, его мудрость угасает» [7, с. 11], – так писал об этих тенденциях русский философ И. А. Ильин. Таким образом, эстетический выбор здесь напрямую подчинен сотериологической и литургической цели, а музыкальная форма обретает статус символа, отсылающего к трансцендентному.

Объективно оценивая процессы, происходящие в современной православной музыкальной культуре, можно с уверенностью говорить о том, что современная русская духовная музыка развивается в ситуации эстетического плюрализма, где особое место занимает соединение сакрального содержания с авангардными техниками. Особый интерес представляет эстетическая позиция современных композиторов, тяготеющих к символическому музыкальному мышлению и архаизации музыкального языка.

Эстетическое восприятие музыки В. Б. Довганя как образца современного православного музыкального искусства

Владимир Борисович Довгань – российский композитор, один из ярких представителей современной московской школы, пианист, педагог, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заслуженный деятель искусств РФ. Творчество и теоретические воззрения В. Довганя основываются на русской религиозной философской традиции, понимаемой как необходимое условие существования подлинного искусства. Обширный список сочинений В. Довганя демонстрирует редкую широту творческого диапазона. Симфоническая музыка, опера, концерты для солирующих инструментов с оркестром, фортепианные сонаты, камерные ансамбли, хоровые и вокальные циклы, музыка для театра и анимации – это не просто перечень жанров, но свидетельство универсальности художника, способного мыслить в разных звуковых пространствах.

В. Довгань продолжает традицию, уходящую корнями в древнейшие пласты музыкальной культуры, где духовная музыка существовала прежде всего в пространстве богослужения, будучи призвана возводить душу к сфере возвышенного и прекрасного – той области, где искусство соприкасается с трансцендентным и обретает свою подлинную цель. О красоте как о полноте бытия также говорит русский религиозный философ Н. Лосский в своем трактате «Мир как осуществление красоты. Основы эстетики»: «Идеал красоты осуществлен там, где действительно осуществлена всеобъемлющая абсолютная ценность совершенной полноты бытия, именно этот идеал реализован в Боге и в Царстве Божиим. Совершенная красота есть полнота бытия, содержащая в себе совокупность всех абсолютных ценностей, воплощенная чувственно» [11, с. 34].

В творчестве В. Довганя профессиональное совершенство выступает не самоцелью, а средством, через которое композитор стремится передать смыслы, укорененные в духовной реальности.

Культуролог и философ М. С. Каган в своем труде «Музыка в системе искусств» [8] определяет художественное произведение как триединство духовного содержания, двусторонней материальной формы и внутренней формы. Философ считает, что духовное содержание включает знание о том, что именно произведение отражает в реальной жизни, а также оценку жизненного предмета, в которой выражается отношение художника к этому предмету. Двусторонняя материальная форма, в свою очередь, выступает, с одной стороны, как материальная конструкция (цветовая, пластическая, звуковая), возникающая в результате преобразования реальных природных форм бытия материи. С другой стороны, она предстает как знаковая система, как текст, в котором эта материальная конструкция обретает значимость, становится смыслонесущей, одухотворенной и способной передать свое содержание тем, кто владеет ее языком. Духовное содержа-

ние музыки определяет тот смысл, который призвана воплощать материальная форма. Обращение В. Довганя к православной тематике нельзя сводить к простому жанровому выбору. В данном случае, это – обретение смысловой системы, соприкосновение с трансцендентным.

Взгляды В. Довганя на роль традиции в музыкальном искусстве образуют стройную философскую систему, проясняющую его собственное творческое credo: «<...> необходимо опираться на традицию. Большое искусство должно опираться на почву, музыкальное искусство на пустом месте не возникает», – утверждает композитор, и это утверждение имеет не декларативный, а сущностный характер [6, с. 157–158]. Традиция для него – не набор внешних приемов, не стилистический арсенал, но живая почва, питающая корни искусства.

Важно, что В. Довгань не противопоставляет традицию новаторству, но видит их в диалектическом единстве. Даже композиторы-новаторы, ниспровергающие закосневшие формы, по его мнению, не отказываются от всего лучшего, что было в музыкальном искусстве. Они в той или иной степени продолжают традицию, просто обновляя ее язык. В качестве примера он приводит С. С. Прокофьева – композитора, которого современники воспринимали как «ниспровергателя», но который, как свидетельствуют его дневники, глубоко чтит Чайковского, Рахманинова, Метнера. Этот пример чрезвычайно показателен. Он демонстрирует, что для В. Довганя традиция – это не застывший канон, но живая линия преемственности, в рамках которой возможны самые смелые поиски.

Особую роль традиции В. Довгань подчеркивает в хоровой музыке. Исторически русское музыкальное искусство сложилось прежде всего как певческое, хоровое. Профессиональное искусство первоначально существовало только в церковной сфере, и даже светская музыка, появившаяся в России в XVIII веке, развивалась на базе хоровой духовной традиции. Эта историческая пре-

емственность налагает на современного композитора особую ответственность: работая в области хоровой музыки, он должен знать и понимать традиционное искусство, иначе его творчество окажется лишенным питающих его корней.

За основу традиции в русской хоровой музыке В. Довгань принимает древнерусские распевы, и в особенности знаменный распев. «Из этого вырастают все материалы русской музыки» – утверждает он [6, с. 160]. Знаменный распев для него – не просто исторический артефакт, но живой источник, из которого может черпать современный композитор. При этом речь не идет о цитировании или стилизации: В. Довгань подчеркивает, что в своем духовном творчестве избегает прямого цитирования, считая неправильным «паразитировать на традиции» [6, с. 160].

Рассказ В. Довганя о том, как он работает с традицией, раскрывает важнейшие черты его творческого метода. «Обычно я просто слушал, старался настроиться как на камертон и после этого работать» – говорит композитор [6, с. 161]. Этот метод имеет глубокие корни в традиции русской духовной музыки. Многие церковные композиторы прошлого начинали работу не с написания нот, но с молитвы, с «настройки» души на нужный лад. В. Довгань, получивший академическое композиторское образование, остается верен этой традиции: техника, мастерство – все это важно, но оно должно быть подчинено внутреннему слуху, той интуиции, которая возникает в результате погружения в традицию. Философия интуитивизма Н. Бердяева раскрывает это понимание искусства следующим образом: «Нужно не механически предписывать искусству быть религиозным, а открывать религиозность в великом искусстве» [2, с. 258].

Отказ от прямого цитирования, от «грубого заимствования» – это не только этическая позиция, но и эстетический принцип. В. Довгань стремится перенести в свои сочинения не конкретные интонации, но дух старинных песнопений.

Также В. Довгань подчеркивает важность народного искусства, взаимовлияние церковного пения и народной музыки. Приводя пример венгерской музыки, где григорианский хорал оказал влияние на народную традицию, он указывает на универсальность этого процесса, не сводя его к специфически русским особенностям. Такой широкий взгляд позволяет ему использовать разнообразные средства музыкального языка – от чистой диатоники до техник, возникших в XX веке.

Применение новейших техник композиции возможно и в храмовой, и в концертной духовной музыке. Оба направления представлены в его творчестве, но он отдает себе отчет в их разной природе и задачах. Храмовая музыка предназначена для богослужения, она подчинена литургическому действию, требует строгого соответствия канонам и особой простоты, позволяющей прихожанам участвовать в молитве. Концертная духовная музыка дает композитору большую свободу, позволяет говорить свободным музыкальным языком о религиозных и философских вопросах: здесь возможно применить весь спектр современных возможностей – от микрополифонии и полифонии пластов до минимализма.

При этом В. Довгань предостерегает от опасности, таящейся в чрезмерной свободе. «И в этой музыке опора на традицию является основополагающей, и очень многое зависит от вкуса, культуры и религиозного сознания автора», – подчеркнул композитор в личной беседе. Даже в концертной духовной музыке, не предназначенной для богослужения, композитор не может позволить себе произвола – он остается ответственным перед традицией, перед тем духовным содержанием, которое призван выразить.

Пасхальный тропарь из цикла «Часы Пасхи» как иной тип сочинения написан для смешанного хора и ансамбля солистов и предназначен для концертного исполнения, хоть и сохраняет связь с богослужебной традицией через троекратное пропевание текста и антифонное строение. Композитор использует здесь более богатый гармонический язык,

расширяет диапазон хора, вводит модуляции и отклонения. Троекратное антифонное воспроизведение текста пасхального тропаря, элементы модальной гармонии, явное сходство музыкальной ритмики сочинения В. Б. Довганя и канонического напева, активное использование типичных для церковного обихода ладогармонических средств – все эти черты говорят о стремлении композитора претворить в данном произведении важнейшие черты церковно-певческой традиции Русской Церкви. В то же время композитор достаточно свободно трансформирует и мелодический рисунок, и гармонические формулы, творчески переосмысливая разные элементы традиционного музыкального языка.

«Предначинательный псалом» – единственное в своем роде сочинение (написанное по заказу Б. Плиша, руководителя хора «Кредо»), которое является гармонизацией древнего (киевского) распева, а не авторской композицией. Перед автором стояла непростая задача – создать сочинение, которое сохранило бы дух и стиль первоисточника, избегая при этом простой стилизации, которая неизбежно обедняет живую ткань традиции. В качестве стилевого ориентира композитор выбирает раннее киевское барокко. Этот стиль, сформировавшийся на пересечении древнерусской монодии и западноевропейского многоголосия, сам представляет собой синтез, диалог различных традиций. Сделать изложение, подобно тому, как писали известные и неизвестные композиторы конца XVII века, – смелая задача, которую поставил перед собой автор и блистательно с ней справился. Такой подход обнаруживает внутреннюю интенцию искусства: стремление к отображению фундаментальных основ русского музыкального мышления.

Строго выдержан диатонический звукоряд – натуральный и дорийский минор. Форма сочинения, индивидуальная и не типизированная, вырастает из структуры гимнографического текста и из вариантности, присущей самому распеву. Вариантнострофический тип формы оказывается здесь

наиболее адекватным: он позволяет сохранить единство, не нарушая свободы мелодического развертывания.

Композитора интересует не техника как таковая, но «атмосфера декоративности», «цветистость», свойственные барочному стилю. Мелодия распева проводится преимущественно в теноре – как это было в раннепартезных гармонизациях. Сольные эпизоды сопрано играют «декоративную роль», создавая эффект пространственности, «как будто бы издали». Фактура сочинения – смешанного типа, с доминированием подголосочно-полифонического склада. Ведущую роль играет горизонталь, что обусловлено природой древнерусской монодии. Композитор активно и смело использует гетерофонию и подголосочную полифонию: ведущий голос, содержащий распев, дополнен подголосками, основанными на том же мелодическом материале. При этом некоторые подголоски обретают относительную самостоятельность, что позволяет говорить об элементах контрастной полифонии и тонкой работе автора с мотивной аддитивностью мелодического материала (заложенной в самой природе распева) в ключе самых новаторских принципов работы с древнерусскими распевами. Таким образом, единственная прямая обработка автора киевского распева – является в его творчестве исключением, подтверждающим правило. Даже в этом случае он не стремится к чистой стилизации, но создает оригинальное сочинение, вдохновленное стилистикой раннего киевского барокко.

Развивая музыкально-философские идеи П. Флоренского, исследователь С. М. Сигитов говорит о неразрывной связи гетерофонии и синергии на мета-философском уровне: «Следует особенно подчеркнуть внутреннюю связь гетерофонии и синергии в музыкально-философском учении Павла Флоренского, в котором моменты множественности и всеединства неразрывны. Но если гетерофония выражает полную свободу проявленной множественности, то синергия придает этой свободе момент целостности. Отсюда можно сде-

лать вывод о том, что гетерофония – синергийна, а синергия – гетерофонична. Именно посредством музыки Павел Флоренский обрел ту свободу творческого мышления, которой ему так недоставало во многих областях общеевропейской и мировой созидательной культурной деятельности» [14, с. 159]. Для философа звуковое поле является откровением о потаенных пластах жизни и сущности вещей, что составляет основу музыкального восприятия мира [13, с. 59].

«Предначинательный псалом» демонстрирует не только мастерское владение композиторской техникой, но и редкое умение вслушиваться в распев, понять его стилистические особенности, найти адекватные средства многоголосного воплощения. Это сочинение может служить образцом того, как современный композитор может вступить в творческий диалог с древней традицией, не разрушая ее и не впадая в эпигонство.

Рассмотренные сочинения – «Предначинательный псалом», «Трисвятое», Пасхальный тропарь – позволяют увидеть некоторые существенные черты духовного творчества В. Довганя. Взятые вместе, они обнаруживают удивительную внутреннюю цельность: за внешним разнообразием жанров, исполнительских составов и стилистических решений проступает единая эстетическая позиция, единое понимание природы церковного искусства и той роли, которую призван играть в нем композитор.

Творчество Владимира Борисовича Довганя уникально, но в то же время по-своему вписывается в панораму современного православного искусства. В нем находят место как глубокая опора на традицию, так и живое обращение к выразительным средствам, сложившимся в музыкальной культуре XX века, – и этот синтез определяет своеобразие его творческого пути. Эстетическое восприятие музыки Довганя требует от слушателя особой внутренней настроенности – той способности к сосредоточенному вслушиванию, которая позволяет различить за звуковой тканью ее сокровенный смысл.

Подводя итоги нашему исследованию, мы оцениваем эстетическое пространство современной духовной музыки как сложное и многомерное, в котором различные эстетические позиции вступают в диалог.

Одной из явных тенденций сегодняшнего времени становится архаизация музыкального языка, осознаваемая как сознательный эстетический выбор. Современные композиторы продолжают в своем творчестве тот культурный и духовный ренессанс, который связан с философско-эстетическими воззрениями русских религиозных философов. Музыкальное пространство формируется в широком поле сакральной древней традиции и личной волей композитора, что составляет онтологическую основу эстетической проблематики, требующей философского осмысления природы канона и пределов творческой свободы в сфере сакрального искусства. Интенция современного музыкального творчества предполагает поиски композитором авторской формы и музыкального языка в моделировании иконолического пространства.

Особое место в этой панораме различных эстетических установок, связанных с лич-

ностным пониманием сакрального искусства, занимает творчество В. Б. Довганя. Композиторская практика В. Довганя являет различные способы взаимодействия с эстетическим канонам – от стремления к аутентичности, следованию традиции – до свободного синтеза, где авторский стиль выступает главным носителем духовного содержания. Данные подходы образуют целый спектр возможных взаимоотношений с традицией, свидетельствуя о способности к развитию и внутренней сложности феномена русской духовной музыки на современном этапе. Рассмотрение философско-эстетической рефлексии – как уникальной составляющей нынешнего состояния православной музыкальной духовной культуры – позволяет говорить об этом явлении в духе глубоких мировоззренческих установок русского человека, всегда открытого эстетической красоте в ее древнем или современном бытовании, что открывает широкие перспективы исследования современного русского духовного музыкального творчества и с точки зрения гуманистических ценностей, и с точки зрения личного духовного опыта автора.

Список литературы

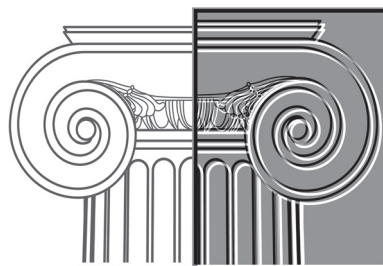
1. *Апрелева В. А.* Музыка как фундаментальное выражение культуры и предвосхищение особенностей ее развития: дис. ... докт. филос. наук, Москва: 1999. 379 с.
2. *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. Москва: Канон, 1999. 464 с.
3. *Гуляницкая Н. С.* Заметки о стилистике современных духовно-музыкальных сочинений // Традиционные жанры русской духовной музыки и современность: сборник статей, исследования, интервью. Москва, 1999. С. 117–149.
4. *Гуляницкая Н. С.* Поэтика музыкальной композиции: Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 432 с.
5. *Гуляницкая Н. С.* Современное музыкально-сакральное пространство: события, факты, деятели // Вестник ПСТГУ Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. Москва: 2014. С. 182–194.
6. *Двинина-Мирошниченко Н. Е.* Вокальный дуэт в современной отечественной духовной музыке и специфика его интонирования. Москва: Альпен-Принт, 2024. 177 с.
7. *Ильин И. А.* Книга надежд и утешений. Москва: Апостол веры, 2006. 384 с.
8. *Каган М. С.* Музыка в системе искусств. Санкт-Петербург: Ut. 1996. 231 с.
9. *Коган Л. Н.* В четвертом измерении. Нижневартовск: 1994. 190 с.

10. Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. Москва: Политиздат, 1991. 528 с.
11. Лосский Н. О. *Мир как осуществление красоты. Основы эстетики*. Москва: Прогресс-Традиция, 1998, 416 с.
12. Попова Е. В. *Духовная музыка отечественных композиторов: поэтика «жанровых форм»: конец XX – начало XXI вв.: дис. ... канд. искусствоведения*. Москва: 2011. 205 с.
13. Самсонова Т. П. *Творчество о. Павла Флоренского в аспекте музыкософии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015. Т. 2, № 3. С. 53–61.
14. Сигитов С. М. *Павел Флоренский – пути к музыке (синергия и гетерофония) // Памяти Павла Флоренского. Философия. Музыка: сборник статей к 120-летию со дня рождения о. Павла (1882–2002)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. С. 149–160.
15. Сковорода Г. С. *Сочинения: в 2 т. Т. 1*. Москва: Мысль, 1973. 149 с.
16. Трубачев С. З. *Музыка богослужения в восприятии свящ. П. Флоренского // Избранное: статьи и исследования*. Москва: Прогресс – Плеяда, 2005. С. 343–344.
17. Уваров М. С. *Музыка и исповедь // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.): Институт Человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 98–104.*

*

Поступила в редакцию 13.04.2026

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ В ТВОРЧЕСКОМ ВУЗЕ: НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИННОВАТИКА»

УДК 378.147:005.8

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-168-177>

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 7948493@mail.ru

Аннотация. Целевое предназначение статьи состоит в теоретическом обосновании специфики структурно-функциональной модели формирования профессионального мировоззрения будущих менеджеров и экспериментальной проверке совокупности организационно-педагогических условий ее реализации в процессе изучения дисциплины «Социально-культурная инноватика». Научная новизна результатов проведенного исследования заключается в уточнении сущности понятия «профессиональное мировоззрение будущего менеджера», содержательном анализе его структурных компонентов (мотивационно-смыслового, когнитивного, операционального и рефлексивно-оценочного), во внедрении авторской педагогической технологии, разработке критериально-оценочного аппарата, позволяющего оценивать и выявлять динамику формирования данного вида мировоззрения будущих менеджеров как в учебной деятельности, так и в процессе самостоятельной научно-исследовательской работы. В статье показано, что достоверность результатов исследования обеспечивалась теоретико-методологическими положениями педагогики по проблеме формирования профессионального мировоззрения и применением методов математической статистики для доказательства фактичности полученных данных опытно-экспериментальной работы, осуществленной на кафедре педагогической теории и практики социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры.

Ключевые слова: будущие менеджеры, профессиональное мировоззрение, творческий вуз, структурно-функциональная модель, социально-педагогический опыт, авторская педагогическая технология, учебно-профессиональные задачи.

Для цитирования: Шарковская Н. В. Формирование мировоззрения будущих менеджеров в творческом вузе: на примере дисциплины «Социально-культурная инноватика» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 168–177. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-168-177>

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

SHARKOVSKAYA NATALIA VLADIMIROVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

© Шарковская Н. В., 2026

FORMATION OF THE PROFESSIONAL WORLDVIEW OF THE FUTURE MANAGERS IN A CREATIVE UNIVERSITY: ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE «SOCIO-CULTURAL INNOVATION»

Natalia V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 7948493@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to provide a theoretical justification for the specific features of the structural and functional model of forming the professional worldview of future managers and to experimentally test the set of organizational and pedagogical conditions for its implementation in the course of studying the discipline “Social and Cultural Innovation.” The scientific novelty of the research results lies in clarifying the essence of the concept of “professional worldview of a future manager,” conducting a substantive analysis of its structural components (motivational-semantic, cognitive, operational, and reflexive-evaluative), implementing the author’s pedagogical technology, and developing a criterion-based assessment system that allows evaluating and identifying the dynamics of the formation of this type of worldview in future managers both in educational activities and during independent research work. The article shows that the reliability of the research results was ensured by the theoretical and methodological principles of pedagogy on the formation of a professional worldview, as well as by the use of mathematical statistics to prove the validity of the experimental data obtained at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities at the Moscow State Institute of Culture.

Keywords: future managers, professional worldview, creative university, structural and functional model, socio-pedagogical experience, author’s pedagogical technology, and educational and professional tasks.

For citation: Sharkovskaya N. V. Formation of the Professional Worldview of the Future Managers in a Creative University: on the Example of the Discipline “Socio-Cultural Innovation”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 168–177. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-168-177>

В современных условиях поступательного развития российского общества одним из ключевых педагогических индикаторов качества трансформации образовательного процесса в творческом вузе выступает достижение оптимального уровня сформированности профессионального мировоззрения будущих менеджеров. Проведенный нами теоретический анализ научных изысканий по исследуемой проблеме (В. А. Кавера, Г. Н. Новикова, Т. Н. Сумина, А. А. Сукало, П. П. Терехов, Г. Л. Тульчинский, Е. Л. Шекова и другие) актуализировал возможность определения понятия «профессиональное мировоззрение будущих менеджеров» как системы профессиональных знаний, педагогических ценностей, взглядов на отношение будущих менеджеров к социокультурной действительности и к самим себе, а также –

детерминированных этими взглядами гуманистически целесообразных убеждений, обращенных на реализацию задач государственной культурной политики.

В соответствии с необходимостью уточнения сущностных основ данного понятия выделены компоненты его структуры: мотивационно-смысловой, когнитивный, операциональный и рефлексивно-оценочный.

Мотивационно-смысловой компонент отражает комплекс мотивов будущих менеджеров: интереса как формы выражения познавательной потребности, гарантирующей целевую направленность на учебную деятельность, а значит – на овладение знаниями о сущности понятия «профессиональное мировоззрение»; профессионального намерения – осознанного стремления к достижению образовательных целей.

Когнитивный компонент определяет желание будущих менеджеров к усвоению знаний о технологиях формирования профессионального мировоззрения, их сопряженности с алгоритмом конвертирования разноаспектной отраслевой информации об инновациях в социокультурной сфере, ее оценку при поиске стандартных / нестандартных решений разных типов задач в процессе обучения.

Операциональный компонент предполагает наличие умений применять средства выражения профессионального самосознания, превосходящих учебную деятельность через дифференциацию понятий, составляющих «Я-концепцию»; позволяет осуществлять научно-исследовательскую работу в период прохождения учебных / производственных практик, овладеть навыками проектирования индивидуальных образовательных траекторий.

Рефлексивно-оценочный компонент указывает на способность будущих менеджеров к саморефлексии профессиональных знаний, умений при выполнении учебных заданий, в том числе исследовательских проектных заданий и заданий проектного типа с профессиональным контекстом в ходе самостоятельной работы; способствует выражению субъективного оценочного отношения к принятию педагогических ценностей самодостаточного и инструментального типов (В. А. Сластенин).

На примере учебной дисциплины «Социально-культурная инноватика» рассмотрим процесс формирования профессионального мировоззрения будущих менеджеров творческого вуза, представленный в виде структурно-функциональной модели, состоящей из общесистемных блоков – целевого, содержательного, процессуального и оценочно-результативного.

Целевой блок модели включает развивающие, методические цели, сформулированные на основе государственного социального заказа, детерминированного процессами гуманизации и демократизации в управлении высшим профессиональным образованием в сфере культуры, а также – требований ФГОС ВО (3++) по направлению подготовки 51.04.03.

Социально-культурная деятельность. Менеджмент в сфере государственной культурной политики.

Содержательный блок модели сформирован из вышеуказанных структурных компонентов понятия «профессиональное мировоззрение будущих менеджеров», в состав которых интегрирован социально-педагогический опыт, осваиваемый будущими менеджерами по следующим направлениям: а) аккумуляция профессиональных знаний по дисциплине «Социально-культурная инноватика»; б) дидактическое структурирование процесса преподавания данной дисциплины; в) ценностное отношение будущих менеджеров к социокультурной действительности и к самим себе.

Процесс приращения социально-педагогического опыта будущих менеджеров в указанных направлениях данного блока исследован нами с опорой на конкретно-методологические подходы (лично-деятельностный, аксиологический, институционально-средовый, полисубъектный) и педагогические принципы (гуманистической направленности процесса обучения, преемственности и систематичности, научности, индивидуализации, сознательности и активности).

1. Многоступенчатая архитектура социально-педагогического опыта аккумуляции профессиональных знаний будущих менеджеров по дисциплине «Социально-культурная инноватика» *предполагает наличие:*

- а) концептуальной основы формирования профессиональных представлений о культурно-образовательной миссии творческого вуза [5; 7], выявления специфики профиля подготовки «Менеджмент в сфере государственной политики» через раскрытие смыслообразующих педагогических аспектов теории социально-культурной деятельности (Н. Н. Ярошенко), социально-культурной инноватики (Е. А. Малянов), социокультурного менеджмента (В. М. Чижиков, Т. Н. Сумина), вос-

- питательных систем (Л. И. Новикова, Н. Л. Селиванова,); тезауруса данной дисциплины – открытой системы методологических, профессиональных знаний, а также педагогических ценностей будущих менеджеров [3]; готовности к формированию компетенций (УК-2, ПК-6, ПК-10) для разработки и управления проектами, в том числе инновационными, в таких социокультурных сферах, как неформальное и неформальное образование, досуг, межкультурное гуманитарное сотрудничество, добровольческая деятельность, инклюзивное художественное творчество и так далее;
- б) практико-ориентированной основы совершенствования процесса преподавания дисциплины с учетом применения интерактивных методов обучения (тематического погружения в информационно-предметную среду); цепочки локальных открытий на индивидуальном уровне; прямой, символической аналогии; кейс-стади: кейс-заданий, кейс-исследования, кейс-сторителлинга [4]; создания веб-проектов, в том числе онлайн-экскурсионных, учебно-творческих, просветительских, а также арт-проектов в новых типах учреждений культуры: многофункциональных культурных центрах, модельных библиотеках, домах ремёсел [13];
- в) личностной позиции будущих менеджеров в усовершенствовании индивидуального стиля самостоятельной работы на основе комплекса средств изучения учебной информации о теории социально-культурной инноватики (категориальном аппарате дисциплины, закономерностях развития инновационных процессов) и практике (факторах формирования инновационного мышления, требованиях к проектированию); поиска решений профессиональных задач в виде типичных / проблемных ситуаций.
2. Многоступенчатая архитектура социально-педагогического опыта познания будущими менеджерами основ дидактического структурирования процесса преподавания дисциплины «Социально-культурная инноватика» *должна содержать:*
- а) концептуальные положения формирования профессиональных представлений об инкорпорировании теоретико-методологических оснований знаний о целях, задачах дисциплины в систему приемов по выделению личных приоритетов будущих менеджеров, их проактивному осуществлению в период обучения и прохождения учебных / производственных практик, по принятию адекватных решений для координации созидательных действий, «технически» детерминированных учебными диалогами, в том числе – владение психолого-педагогическими приемами синтеза теоретического и художественного мышления [12], процедурами подготовки научного обоснования авторского проекта; осмысление специфики интеграции эвристических и интерактивных проектных заданий в рамках аудиторной работы, в частности, в малых учебных группах;
- б) практико-ориентированную основу совершенствования дидактического процесса преподавания дисциплины – инновационных технологий обучения в разных типах учебных занятий (в соответствии с занятиями по смежным дисциплинам), входящих в блок дисциплин, формируемых участниками образовательных отношений («Организация опытно-экспериментальной работы в сфере культуры», «Научные школы менеджмента социально-культурной деятельности»); стимулы к освоению умений проектирования развития инновационной просветительской среды учреждений культуры клубного типа [14; 16];

в) личностную позицию будущих менеджеров при выборе вариантов учебных заданий, сопряженных с локальной переработкой научно-теоретической информации в учебную, введением ее в состав цифровых методических материалов (электронных интерактивных таблиц как средств моделирования взаимосвязей изучаемой дисциплины с дисциплинами, представленными в обязательной части рабочего учебного плана – «Работа с научным текстом», «Педагогика высшей школы»); словарь-минимум базовых терминов, электронных версий научных публикаций; электронные логические схемы-конспекты, сфокусированные на актуализации потребности участия в групповых дискуссиях о значимости получения учебной информации из дополнительных источников, содержащихся в различных электронно-библиотечных системах для сферы образования.

3. Многоступенчатая архитектура социально-педагогического опыта ценностного отношения будущих менеджеров к социокультурной действительности и к самим себе в процессе преподавания дисциплины «Социально-культурная инноватика» *предполагает формирование:*

а) концептуальной основы развития профессиональных представлений о ценностном отношении к социокультурной действительности – проекции объективной реальности, насыщенной ценностями разной степени релевантности, одной из которых выступает уникальная педагогическая ценность – гуманизация образования, позволяющая обучаемым освоить культурно-гуманистические функции аналитических умений освоения знаний о социокультурных новшествах, обеспечивающая гарантирование равных стартовых возможностей для формирования базовой культуры, овладение личностными качествами,

обуславливающими готовность к реализации инноваций в развивающей среде учреждений культуры;

б) практико-ориентированной основы совершенствования дидактического процесса преподавания дисциплины: факторов формирования стиля педагогического взаимодействия, реализации образовательно-коммуникативного ресурса будущих менеджеров; комплексного использования исследовательских методов обучения (презентации эталонов в виде продуктивного педагогического способа восхождения к профессии, иммерсивности, осознанного выбора личностно-значимых решений); оценивания перспективности формирования инновационной компетенции будущих менеджеров в сочетании двух видов деятельности – учебной и проектной – на основе заинтересованности в самокоррекции интерактивных действий;

в) педагогической поддержки – перспективного направления в процессе формирования ценностного отношения будущих менеджеров к социокультурной действительности и самим к себе, в том числе осознанной мобильности в становлении образа «Я» будущего профессионала; ключевых стратегий педагогической поддержки, основанных на принципах добровольности и паритета социально-творческих инициатив (создания разных типов ситуации успеха, ведения художественного дневника и так далее).

Процессуальный блок отражает организационно-педагогические условия формирования профессионального мировоззрения будущих менеджеров творческого вуза: стимулирование качества учебной деятельности и самостоятельной работы, ориентированных на приобретение социально-педагогического опыта освоения профессиональных знаний, выражения ценностного отношения к социокультурной сфере;

использование в процессе преподавания интерактивных форм и методов обучения с учетом индивидуальных образовательных траекторий будущих менеджеров; формирование позитивной мотивации [8] к научно-исследовательской работе в лаборатории «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» в период прохождения учебных / производственных практик.

Оценочно-результативный блок модели содержит критерии, уровни и результаты опытно-экспериментальной работы по формированию профессионального мировоззрения будущих менеджеров творческого вуза.

Социальное предназначение представленной модели состоит в актуализации взаимно коррелирующих прямых функций: *прогностической* (предвидение результатов предметных педагогических действий, сфокусированных на достижении заданной цели – формирование профессионального мировоззрения будущих менеджеров); *ориентационной* (стимулирование развития профессиональных умений и навыков будущих менеджеров к оказанию консультационной помощи по разработке инновационных проектов в период прохождения производственных практик); *управленческой* (оценочно-диагностическое предназначение учебной деятельности в формировании профессионального мировоззрения будущих менеджеров).

Авторская педагогическая технология реализации модели формирования профессионального мировоззрения будущих менеджеров базируется на следующих алгоритмических действиях.

1. Определение содержания уровней (стартового, базового, оптимального) сформированности профессионального мировоззрения будущих менеджеров; методов педагогического исследования (анкетного опроса, педагогических тестов: заданий-тестов, текущих тестов, коллоквиумов), методов целостной интерпретации полученных результатов.

2. Осуществление процесса обучения на основе ФГОС ВО (3++) по направлению

подготовки 51.04.03. Социально-культурная деятельность. Менеджмент в сфере государственной культурной политики, рабочего учебного плана, учебно-методического комплекса дисциплины «Социально-культурная инноватика» с использованием

- а) современных образовательных технологий: *гуманитарных технологий* – педагогики сотрудничества, экспертизы нового профессионального знания о социально-культурной инноватике, коллективного способа обучения (КСО), научной организации учебного труда; *технологий интерактивного обучения* – рефлексивно-тренинговых, игровых, технологий проблемного обучения и обучения действием-Service Learning» и других [6]; *цифровых технологий* – облачных технологий (клауд-сервисов, платформ для разработки учебных материалов), *мобильных технологий* с элементами дополненной / виртуальной реальности для проектирования форм модификации информационной среды в виде создания разграниченных зон буккроссинга (читального зала), арт-галереи (настенное пространство), адаптивной рекреации / коворкинга (фойе); *мультимедиа-технологий*, чат-ботов в формате чата –онлайн-обсуждения; *смешанных технологий*, основанных на принципах авторской, коллективной разработки их моделей с учетом соотнесенности составных элементов гуманитарных технологий с цифровыми [2] – технологий работы с видео контентом из онлайн-пространства, создания электронного глоссария и работы с сетевым справочным материалом с целью поиска способов решения задач с помощью сети Internet;
- б) организационных форм обучения: учебных лекций (бинарных, с фиктивными ошибками, озвученных слайд-лекций, междисциплинарных лекций, обзорных лекций), семина-

ров (семинаров-диалогов / полилогов, семинаров-деловых игр), круглых столов, в том числе по темам «Мое профессиональное призвание в сфере культуры», «Диалог культур в формировании педагогических ценностей будущих менеджеров»;

- в) индикаторов выбора методов обучения (проблемно-эвристического, продуктивно-практического, информационно-рецептивного): системы целеполагания соразмерно с темами рабочей программы; общей трудоемкости освоения дисциплины в зачетных единицах (ЗЕ); наличных педагогических средств управления учебной деятельностью.

3. Предметно-рефлексивный анализ формирования профессионального мировоззрения будущих менеджеров по дисциплине «Социально-культурная инноватика».

Опытно-экспериментальная работа по формированию профессионального мировоззрения будущих менеджеров осуществлялась в период с 2021-го по 2025-й год. Участники ОЭР: студенты (127 человек), преподаватели (4 человека) факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры. В ходе проведения констатирующего этапа опытно-экспериментальной работы оценивался уровень сформированности профессионального мировоззрения будущих менеджеров по следующим критериям и показателям: *мотивационно-смысловому критерию* (показатели: комплексность, целостность знаний, стремление к достижению профессиональных целей и прочее – методики «Мотивы выбора профессии» (Р. В. Овчарова), «незавершенное предложение» для диагностики межличностных отношений; анкетный опрос «Ключевые факторы проектирования карьеры в сфере культуры»); *когнитивному критерию* (показатели: сопряженность знаний с социально-педагогическим опытом, формами и методами преподавания и про-

чее – методика В. П. Беспалько, Ю. Г. Татур [1; 11], бланк-карта индивидуального стиля профессиональной деятельности (В. П. Симонов), педагогическое видео-эссе «Мои действенные ресурсы профессионального саморазвития»); *операциональному критерию* (показатели: вовлеченность в учебную деятельность; участие в опытно-экспериментальной работе и прочее – методика самооценки «Я и стандарт специалиста с высшим профессиональным образованием в области культуры»; тест «Как ты поступаешь в конфликтной ситуации» (К. Н. Томас); *рефлексивно-оценочному критерию* (показатели: умение анализировать образовательный уровень на соответствие профессиональным целям и задачам обучения, навыки осуществлять оценочное отношение к присвоению педагогических ценностей и прочее – методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), методики изучения личности (Т. А. Ратанова, Н. Ф. Шляхта) [9], тест «Двадцать утверждений» (М. Куна, Т. Макпартленда).

Интерпретация результатов констатирующего этапа ОЭР позволила выявить низкие значения уровней сформированности профессионального мировоззрения будущих менеджеров. Было принято решение об имплементации структурно-функциональной модели и авторской технологии формирования профессионального мировоззрения в процесс преподавания дисциплины «Социально-культурная инноватика».

Для осуществления формирующего этапа ОЭР были созданы контрольная (38 человек) и экспериментальная (38 человек) группы из студентов кафедры педагогической теории и практики Московского государственного института культуры. Обучение студентов экспериментальной группы проводилось на основании модели и технологии согласно учебно-методическому комплексу данной дисциплины с учетом выбора ими индивидуально-образовательных траекторий. При этом выполнялись организационно-педагогические условия, использовались

различные формы аудиторных занятий, самостоятельной работы; методы, стимулирующие познавательные проблемные вопросы, коллективные и самостоятельные инициативы по организации совместной деятельности [10, с. 235–236]; средства обучения в виде интерактивной сенсорной панели, визуальных слайдов и так далее. В ходе занятий со студентами контрольной группы применялись типовые формы и методы обучения.

Студентам экспериментальной группы предлагались следующие учебно-профессиональные задачи: исследовательские, проектные, организационно-управленческие. Личностный смысл решения *исследовательских задач*, адаптированных аналогов научного изыскания инновационных процессов в социокультурной сфере, состоял в аргументации значимости выбора темы и логики научного аппарата исследования, в разработке методических рекомендаций, опубликовании научных статей, создании тематического веб-портфолио.

Методический инструментарий обучения решению *проектных задач* базировался на следующей типологии сюжетной основы данных задач: а) предметной (социокультурной, культурно-просветительской, экологической, волонтерской, социально-реабилитационной); б) межпредметной (общепедагогической, культурологической). Задачи на разработку персональных проектов организации социально-культурной деятельности с разными возрастными категориями посетителей в учреждениях культуры решались с позиций системного подхода, предполагающего выявление значимости отдельных компонентов структуры данной деятельности в культурном развитии личности посетителей [15].

К *организационно-управленческим задачам* относились задачи на определение тактических приоритетных целей, форм педагогического прогнозирования как инструментария управления инновационной средой учреждений культуры, методов самоконтроля ежедневной учебной деятельностью, приемов регулирования педагогического процесса

в учреждениях культуры, способов активизации познавательного интереса и потребности в организации разных видов просветительской работы в учреждениях культуры.

Будущие менеджеры участвовали в дидактических играх-марафонах, в частности, в терминологическом марафоне системообразующих понятий социально-культурной инноватики; составляли текстовые ассоциативные ряды на ключевые слова-стимулы как основание ответов на задания по конкретным учебным темам, в том числе на тему «Психолого-педагогические барьеры применения социально-культурных новшеств»; осуществляли систематизацию категорий «свобода», «просвещение», «досуг», «игра» в ведущих концепциях теории социально-культурной деятельности.

Также студенты экспериментальной группы принимали мотивированное участие в работе студенческого научного объединения МГИК – всероссийской олимпиаде студентов «Я – профессионал», в научно-популярном квесте «Арт-форсаж»: студенты в мире идей и открытий, научном марафоне «Знание. Наука: вдохновение и новые горизонты»; вебинарах «Инновационное лидерство менеджера», «Профессиональная культура менеджера в сфере инноваций»; конкурсе-эссе «Личность – модератор позитивного социально-культурного взаимодействия»; международных и всероссийских (национальных) научно-практических конференциях и так далее.

По результатам формирующего этапа опытно-экспериментальной работы представим уровни сформированности компонентов профессионального мировоззрения будущих менеджеров в процентном соотношении. *Мотивационно-смысловой компонент*: низкий уровень КГ-39,48; ЭГ-28,94; средний уровень КГ- 52,63; ЭГ-55,27; высокий уровень КГ-7,89; ЭГ-15,79. *Когнитивный компонент*: низкий уровень КГ- 42,11; ЭГ- 13,15; средний уровень КГ-50; ЭГ-55,26; высокий уровень КГ-7,89; ЭГ-31,59. *Операциональный компонент*: низкий уровень КГ- 50; ЭГ- 18,42; средний уровень КГ- 39,47; ЭГ-57,89; высо-

кий уровень КГ- 10,53; ЭГ- 23,69. *Рефлексивно-оценочный*: низкий уровень КГ- 44,73; ЭГ-21,05; средний уровень КГ- 42,11; ЭГ- 42,11; высокий уровень КГ- 13,16; ЭГ- 36,84.

Достоверность и обоснованность полученных экспериментальных данных проверялась статистическими методами: среднее значение оценки, стандартное отклонение, t-критерий Стьюдента (табл. 1).

с уровнями мотивационно-смыслового и рефлексивно-оценочного компонентов. Обусловлено это тем, что в процессе обучения приоритетным было формирование профессиональных знаний, умений и навыков будущих менеджеров, так как в целом они определяют готовность к учебной деятельности, а также – к самостоятельной и научно-исследовательской работе.

Компонент структуры профессионального мировоззрения	t эмп	t эмп > t крит?	Статистическая значимость
Мотивационно-смысловой	1,05	t эмп > t крит?	значимо
Когнитивный	3,78	t эмп > t крит?	значимо
Операционный	3,01	t эмп > t крит?	значимо
Рефлексивно-оценочный	2,72	t эмп > t крит?	значимо
t крит = 2, 026 при уровне значимости $\alpha = 0,05$; число степеней свободы $f = 37$			

Таблица 1. t-критерий Стьюдента по компонентам по завершении формирующего этапа опытно-экспериментальной работы

Итоговые данные опытно-экспериментальной работы позволяют резюмировать, что значительное повышение уровней показателей компонентов структуры профессионального мировоззрения у будущих менеджеров экспериментальной группы прослеживается при сопоставлении с результатами, полученными в контрольной группе. Тем не менее важно подчеркнуть, что уровень не всех показателей компонентов структуры профессионального мировоззрения трансформировался идентично. Уровни сформированности когнитивного и операционного компонентов повышались интенсивнее по сравнению

Последующие исследования процесса формирования профессионального мировоззрения будущего менеджера могут выполняться в контексте ключевых направлений научной школы теории и методологии социально-культурной деятельности, в том числе организации интегративно-проектного обучения на основе аксиологического подхода, сопряженности внедрения педагогических технологий социокультурной направленности с технологиями искусственного интеллекта в педагогический процесс творческого вуза, актуализации сетевого проектирования как технологии формирования инновационной активности личности.

Список литературы

1. Беспалько В. П. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов / В. П. Беспалько, Ю. Г. Татур. Москва: Высшая школа, 1989. 141 с.
2. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А. Эффективность смешанных образовательных технологий: методология изучения и методика оценки // Педагогика. 2023. Т. 87. № 12. С. 16–23.
3. Вейдт В. П. Формирование профессионального тезауруса педагога в системе непрерывного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2017. 24 с.
4. Гаджикурбанова Г. М. Кейс-технологии в формировании научно-исследовательских компетенций будущего педагога профессионального обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала. 2015. 22 с.

5. *Единак А. Ю.* Проектирование государственной культурной политики // Актуальные проблемы педагогики и психологии: сборник статей и тезисов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. 13 апреля 2023 г. Москва. МГИК, 2023. С. 9–15.
6. *Кармаев А. А.* Метод «Обучение действием – Service Learning» в практике высшей школы: учебно-методическое пособие. Москва: Николаев, 2010. 49 с.
7. *Малянов Е. А.* Социально-культурная инноватика: методология, теория и практика: монография. 3-е изд., перераб. и скоррект. Пермь. Пермское книжное издательство, 2017. 572 с.
8. *Менищикова И. А.* Мотивационно-смысловое содержание профессиональной направленности личности студентов в процессе социализации в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015. 26 с.
9. *Ратанова Т. А.* Психодиагностические методы изучения личности: учебное пособие / Т. А. Ратанова, Н. Ф. Шляхта. 6-е изд., доп. Москва: Флинта, 2013. 351 с.
10. *Ситаров В. А.* Дидактика: учебное пособие. Москва: Академия, 2002. 368 с.
11. *Татур Ю. Г.* Высшее образование: методология и опыт проектирования: учебное пособие. Москва: Университетская книга, 2006. 252 с.
12. *Цомартова Т. А.* Формирование мировоззрения студентов на основе синтеза научного и художественного мышления: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Грозный. 2019. 27 с.
13. *Шарковская Н. В.* Технологии культурно-просветительской деятельности: уровни и критерии выбора // Культура: теория и практика. 2023. № 2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kulturno-prosvetitel'skoy-deyatelnosti-urovni-i-kriterii-vybora>
14. *Шарковская Н. В.* Действующий клуб как культурно-просветительское учреждение и общественная самоорганизация // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 3 (83). С. 161–167.
15. *Шарковская Н. В.* Содержание художественного образования как средство культурного развития личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (78). С. 144–155.
16. *Ярошенко Н. Н.* Развивающая среда и социально-культурная деятельность: контекст сущностного единения педагогики и культуры // Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2013. Т. 195. С. 41–46.

*

Поступила в редакцию 15.03.2026

ЦИФРОВАЯ ПЕДАГОГИКА: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 37.013.77

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-178-186>

Т. В. Христидис

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tahrism@mail.ru

Аннотация. Цифровая педагогика заняла свое место как самостоятельная отрасль педагогических наук. Ученые ведут дискуссии о формировании категориального аппарата цифровой педагогики, преимуществах и рисках использования цифровых технологий и методов. Цифровая педагогика – это область теории и практики обучения, которая изучает и применяет цифровые технологии для повышения эффективности, доступности и индивидуализации образовательного процесса. Цифровые технологии не только активно внедрились в образовательную сферу, но они трансформировали дидактические методы и формы. Активное использование цифровых технологий в современном образовании в настоящее время является необходимостью, имеет достаточный потенциал для использования в образовательном процессе. Однако следует внимательно относиться к его развитию и внедрению, совершенствуя алгоритмы применения в соответствии с этическими нормами. В статье показаны педагогические возможности применения современных методов и технологий в высших учебных заведениях. Приведены эмпирические данные, демонстрирующие отношение студентов к цифровой педагогике.

Ключевые слова: цифровая педагогика, обучение, методы, технологии, студенты, вуз.

Для цитирования: Христидис Т. В. Цифровая педагогика: современные методы и технологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 178–186. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-178-186>

DIGITAL PEDAGOGY: MODERN METHODS AND TECHNOLOGIES

Tatiana V. Khristidis

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: tahrism@mail.ru

Abstract. Digital pedagogy has taken its place as an independent branch of pedagogical sciences. Scientists are discussing the formation of the categorical apparatus of digital pedagogy, the advantages and risks of using digital technologies and methods. Digital pedagogy is a field of theory and practice of education that studies and applies digital technologies to improve the efficiency, accessibility, and individualization of the educational process. Digital technologies have not only been actively integrated into the educational

ХРИСТИДИС ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии, Московский государственный институт культуры

KHRISTIDIS TATIANA VITALIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Institute of Culture

© Христидис Т. В., 2026

sphere, but they have also transformed didactic methods and forms. The active use of digital technologies in modern education is currently a necessity, and it has sufficient potential for use in the educational process. However, it is important to carefully consider its development and implementation, improving the algorithms for its use in accordance with ethical standards. The article demonstrates the pedagogical possibilities of using. The article presents empirical data demonstrating the attitude of students towards digital pedagogy.

Keywords: digital pedagogy, education, methods, technologies, students, university.

For citation: Khristidis T. V. Digital Pedagogy: Modern Methods and Technologies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 178–186. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-178-186>

Современная педагогическая наука становится на новый путь своего развития: наряду с традиционными методами и технологиями обучения внедряются в учебный процесс цифровые инновационные технологии, что повлекло за собой и появление нового термина – «цифровая педагогика». Е. В. Грязнова и Н. Н. Куимова в своей статье «К вопросу о категориальном аппарате цифровой педагогики в психолого-педагогических науках» отметили, что несмотря на большое количество исследований в данной области, «цифровая педагогика» как отдельное научное направление требует серьезных разработок, с четким определением объекта и предмета, обоснования ее научного статуса [3].

Цифровая педагогика – это область теории и практики обучения, которая изучает и применяет цифровые технологии для повышения эффективности, доступности и индивидуализации образовательного процесса.

Специалисты в области цифровой педагогики (Г. И. Гендина, Е. В. Грязнова, А. Ю. Единак, И. А. Ланская, Ю. Н. Храмова) среди основных направлений исследований выделяют цифровую социализацию как основу непрерывного образования, а нейросети (искусственный интеллект) – как основную инновационную дидактическую технологию.

Т. А. Ивашкина считает, что цифровая педагогика – это уже сложившаяся отдельная отрасль педагогической науки, развитие которой определено ФГОС ВО, в котором содержатся требования к организации образовательного процесса с применением цифровых технологий, отмечает «необходимость

перехода на новые концепции преподавания, предназначенные для организации инновационного учебного процесса [4].

И. О. Петрищев в ходе изучения этой проблемы пришел к выводу, что современная цифровая педагогика подтверждает положительные изменения форм, методов и сущности преподавания и учения [7].

Мы видим, что все исследователи проблемы цифровой педагогики приходят к мнению, что цифровая педагогика заняла свое место среди традиционных отраслей педагогической науки.

Также важно, что те, кто изучают эту проблему, считают неверным ставить знак равенства между цифровой педагогикой и онлайн-обучением. Онлайн-курс или интерактивный учебник являются инструментами реализации процесса обучения. Цифровая педагогика же отвечает на ряд методологических вопросов: какие методы и технологии будут наиболее эффективными для решения конкретных педагогических задач в условиях цифрового образования?; какие результаты мы ожидаем получить?; какие риски существуют?; какие современные подходы актуальны к развитию цифровой педагогики?; какие методы будут эффективными для формирования ценностных установок молодежи в цифровой среде? и другие [2].

Можно сказать, что «цифровая педагогика» – это искусство обучения и воспитания в условиях цифрового образования с применением цифровых технологий.

В настоящее время термины «цифровая компетентность» и «цифровое образование»

часто используются в обсуждении, чтобы подчеркнуть, что знания, необходимые обучающимся, не ограничиваются практическими навыками использования информационно-коммуникационных технологий [8].

Цифровые технологии все больше определяют развитие современного образования и выбор форм и методов обучения. Перед образовательными учреждениями стоит непростая задача: «идти в ногу» со стремительным технологическим прогрессом, используя современные технологии, обеспечивать эффективное обучение в соответствии с вызовами времени [8].

Цифровые технологии не только активно внедрились в образовательную сферу, но они трансформировали дидактические методы и формы. Так, например, цифровые технологии находят свое применение в системе высшего образования с целью повышения эффективности процесса обучения. На практическом опыте доказано, что цифровые технологии имеют ряд дидактических возможностей [8].

Цифровые технологии являются основой гибридного (смешанного) обучения, представляющего собой сочетание онлайн и офлайн-обучения. Эта модель предлагает сбалансированный подход, сочетающий в себе эффективные формы и методы традиционного и инновационного обучения [8].

Доктор педагогических наук, профессор Я. Л. Шрайберг утверждает, что научные работники, «должны использовать свои возможности для обучения компьютерной грамотности и обеспечения прозрачности, ответственности и критического отношения к продуктам ИИ» [10].

Н. Н. Ярошенко и Е. Л. Кудрина отмечают неизбежность цифровой трансформации образования, которая «открывает новые формы культурного обмена», а внедрение в практику обучения технологии ИИ является революционным этапом в образовании и требует разработки этических и правовых положений [6].

Активное использование цифровых технологий в современном образовании в на-

стоящее время является необходимостью и имеет достаточный потенциал для использования в образовательном процессе. Однако следует внимательно относиться к его развитию и внедрению, совершенствуя алгоритмы применения в соответствии с этическими нормами.

Как выбрать подходящий цифровой инструмент под конкретную педагогическую задачу? Среди инструментов цифровой педагогики наиболее востребованы сегодня следующие:

- LMS (Learning Management Systems): Moodle, Google Classroom, удобные для любого учебного курса;
- инструменты для совместной работы: Miro, Padlet, Google Jamboard для мозговых штурмов; Trello, Notion;
- интерактивный и геймифицированный контент: образовательные платформы с тренажерами (Учи.ру), сервисы для создания викторин (Kahoot!, Quizizz), интерактивные видео (PlayPosit);
- технологии VR/AR: виртуальные экскурсии, дополненная реальность для визуализации сложных моделей;
- GPT – нейронный трансформер, генерирующий и преобразующий любой текст.

Какие дидактические модели и формы наиболее часто используются в образовательной практике вузов? Большинство теоретиков и практиков педагогики отмечают в качестве оптимальных следующие виды работ.

1. *Смешанное обучение* (Blended Learning). Это интеграция онлайн-обучения с традиционным очным форматом. Обучающиеся могут самостоятельно изучать теорию через онлайн-курсы и видеоуроки дома, а в классе время уделяется обсуждению, практике, групповой работе и индивидуальной помощи от учителя.

- Модель «Перевернутый класс» (Flipped Classroom) – классический пример смешанного обучения. Ученики знакомятся с новым материалом дома (смотрят видео, читают лекцию), а в классе вы-

- полняют интерактивные задания, проекты и дискуссии под руководством учителя.
- Ротация станций (Station Rotation): класс делится на небольшие группы, которые поочередно проходят разные «станции». Одна из станций обязательно является онлайн-станцией (работа с тренажерами, просмотр видео), другие могут быть посвящены групповой работе, мини-лекции учителя или творческому заданию.
2. *Геймификация (Gamification)*. Внедрение игровых механик в неигровой контекст для повышения мотивации и вовлеченности.
- Система баллов, бейджей и рейтинговых таблиц: ученики получают очки за выполнение заданий, а бейджи – за достижения (например, «Первый шаг», «Эрудит», «Стремительный прогресс»). Рейтинговая таблица создает здоровый соревновательный элемент.
 - Образовательные квесты и симуляции: создание сценариев, где для продвижения к цели нужно решить учебные задачи. Например, симулятор управления бизнесом или исторический квест, требующий анализа источников.
3. *Микрообучение (Microlearning)*: подача учебного материала небольшими, емкими порциями, ориентированными на одну конкретную цель. Идеально подходит для мобильных устройств и позволяет учиться «здесь и сейчас». Короткие видеоролики (5–7 минут), например, скринкасты, объясняющие одну формулу или правило.
- Инфографика и карточки для запоминания: визуализация сложной информации с помощью сервисов типа Canva или Quizlet.
 - Мини-тесты и интерактивные опросы: позволяют быстро проверить усвоение микро-темы.
4. *Проектное обучение на цифровых платформах (Digital Project-Based Learning)*. Технология нацелена на приобретение знаний и навыков в процессе работы над сложным вопросом, проблемой или вызовом, цифровые инструменты используются для исследования, сотрудничества и презентации результатов. Создание блогов, подкастов или видеоблогов, создание цифрового продукта на заданную тему.
- Виртуальные коллаборации: использование Google Docs, Miro или Padlet для совместной работы над проектом в реальном времени, даже если обучающиеся находятся в разных местах.
 - Картография мышления (Mind Mapping): построение интеллект-карт с помощью таких инструментов, как XMind или Coggle, для структурирования идеи проекта.
5. *Адаптивное и персонализированное обучение*. Использование алгоритмов и данных для автоматической подстройки сложности и последовательности учебного материала для индивидуальных потребностей обучающихся.
- Онлайн-тренажеры. Платформы, которые анализируют ответы обучающихся и в зависимости от них предлагают следующее задание, которое может быть более сложным или направленным на исправление ошибки.
 - Аналитика обучения (Learning Analytics). Метод, позволяющий педагогу на основе данных (время выполнения заданий, процент правильных ответов) выявить трудности обучающихся.
6. *Сетевые проекты и коллаборации*. Организация учебных проектов, в которых участвуют студенты из разных городов и стран, общаясь и работая вместе через интернет.
- Международные исследовательские проекты. Совместная работа над проектом по актуальной тематике в рамках изучаемой дисциплины.
 - Виртуальные книжные клубы или дискуссионные форумы. Обсуждение литературных произведений или важных тем.
- Выбор конкретной формы и технологии зависит от аудитории, подготовленности об-

учающихся, доступных информационных ресурсов, уровня цифровой компетентности педагога и обучающихся.

Безусловно быстрое развитие цифровых технологий неизбежно влечет за собой множество рисков и проблем, которые пока опережают дебаты и нормативные рамки.

Ученые Московского государственного института культуры, глубоко изучающие цифровые технологии и их использование в образовании студентов, выделяют самые распространенные и востребованные среди обучающейся молодежи нейронную сеть GPT, отмечают достоинства и риски ее использования [2].

Среди достоинств и возможностей исследователи отмечают помощь в обработке текста, в формулировании темы исследования, удобство группировки и классификации, легкое преобразование информации, редактирование текста любой сложности и другие [2].

Ученые также отмечают основные области применения цифровых технологий, в частности нейросети, в современной образовательной среде [2]. Среди них на первом месте находится учебная и учебно-методическая работа. Достаточно легко определить здесь безусловные возможности цифровых технологий:

- доступное изложение учебной информации, применение обработки его нейросетями с учетом индивидуальных особенностей и подготовленности обучающихся;
- безопасная информационная среда, позволяющая получать информацию и ответы на конкретные вопросы без риска оценивания;
- создание дискуссионных площадок с целью активизации мыслительной деятельности (список вопросов для обсуждения может быть сгенерирован нейросетью с учетом интересов студентов);
- применение нейросети для разработки контрольных вопросов (тестов) для оценивания остаточных знаний обучающихся и так далее.

В научно-исследовательской работе важным достоинством нейросетей является возможность поиска информации и ее формального анализа.

Среди рисков отмечают, прежде всего, те, которые ведут к «атрофии способности к критическому мышлению», являются угрозой получения «вредоносной информации» и вовлечения молодежи в деструктивную деятельность [2].

Большинство ученых отмечают схожие проблемы, возникающие в цифровом образовании, среди которых следующие:

- цифровое неравенство: не у всех обучающихся есть равный доступ к скоростному интернету и современным информационным устройствам;
- перегрузка информацией: не у всех есть умение фильтровать информацию, важно развивать данный навык;
- риск десоциализации: важно найти баланс между онлайн- и офлайн-взаимодействием, чтобы цифровая среда не заменяла живого общения;
- когнитивные риски (снижение критического мышления, креативных способностей);
- профессиональное выгорание педагогов: освоение новых технологий требует от педагогов постоянного обучения и гибкости, что может быть сопряжено со стрессом [1].

В научной работе, чаще всего отмечают недостатки в применении нейросети, касающиеся работы с информацией, требующей критического анализа, создания новых оригинальных концепций. Исследователи отмечают, что нейросети не могут «мыслить», ориентируются лишь на внешние признаки научного текста, не способны различать научные и псевдонаучные источники, могут ссылаться и на несуществующие публикации [2].

Это далеко не все существующие проблемы, требующие внимательного отношения.

Эмпирическое исследование (анкетирование, беседы, анализ отзывов), касающееся вопроса использования цифровых методов

и технологий в образовательный процесс вуза культуры, позволило сделать вывод о том, что студенты, также как и педагоги, видят будущее за цифровой педагогикой, но отмечают некоторые существующие проблемы и недостатки.

Мнения студентов были структурированы в несколько ключевых вопросов, которые часто носят двойственный, противоречивый характер. Приведем несколько примеров.

1. Доступность цифровых технологий.

Позитивные мнения (доступность): «Цифровые материалы и записи лекций – это спасение. Можно в любое время посмотреть лекционную информацию, повторить сложную тему, не требуется делать конспекты». (Студентка 1 курса магистратуры)

«Онлайн-лекции и материалы, размещенные на портале вуза или в открытом пространстве интернета, позволяют расширять знания, выбирать курсы по интересу». (Студент 2 курса бакалавриата)

Негативные мнения: «Существует сложность с перегрузкой информации! Разные преподаватели предлагают пользоваться теми платформами, которые удобны им, там дают задания и порой проверяют их выполнение и следят за посещаемостью. Так получается, что на четырех-пяти разных платформах приходится работать, это не всегда бывает удобно». (Студент 1 курса бакалавриата)

«Ощущение, что ты должен быть всегда на связи. Уведомления приходят вечером, в выходные. Стирается грань между учебой и личной жизнью». (Студентка 4 курса бакалавриата)

Можно сделать вывод, что студенты высоко ценят удобство и постоянный доступ к знаниям, но испытывают дезорганизацию и информационный перегруз.

2. Гибкость и персонализация (отсутствие дисциплины и живого контакта).

Позитивные мнения (гибкость): «Могу учиться в своем темпе. Если что-то непонятно, ставлю видео на паузу, ищу дополнения. Не нужно торопиться за лектором». (Студент 2 курса бакалавриата)

«Интерактивные тренажеры и тесты с мгновенной проверкой помогают сразу понять, где у меня пробелы». (Студентка 1 курса магистратуры)

Негативные мнения (отсутствие контакта): «Не хватает энергии аудитории, взгляда преподавателя, случайных разговоров с одногруппниками после пары. Учусь один у экрана, и это демотивирует». (Студент 3 курса бакалавриата)

«Онлайн-формат требует огромной самодисциплины. Легко отложить лекцию «на потом», а потом накапливается снежный ком из несделанного». (Студент 4 курса бакалавриата)

Вывод по ответам следующий: цифровая педагогика дает желанную свободу, но одновременно требует высокой степени самоорганизации, которой многие еще не обладают. Ключевым недостатком признается потеря неформального социального взаимодействия.

3. Интерактивность.

Позитивные мнения: «Обожаю, когда пары проходят в формате викторин в Kahoot! или мозговых штурмов на Miro. Это оживляет материал и включает всех». (Студентка 2 курса бакалавриата)

«Совместная работа над проектом в Google Docs – это хороший опыт. Видишь вклад каждого, учишься работать в команде удаленно». (Студент 3 курса бакалавриата)

Критические мнения: «Иногда чувствуется, что преподаватель просто «отбывает пару». Слайды из 90-х, монотонное чтение перед камерой. Просто перенесли скучную лекцию в Zoom, это не цифровая педагогика». (Студент 4 курса бакалавриата).

«Некоторые «инновационные» задания кажутся искусственными. Мы выполняем задание не потому, что это интересно, а потому что «так надо по новым стандартам»». (Студентка 1 курса магистратуры).

4. Нейросети.

Позитивные мнения: «Удобны для оперативного поиска информации, выделения главного, являются незаменимым современным инструментом в составлении плана, структу-

ры различного вида работ (курсовых, рефератов, дипломных работ, научных статей...». (Студентка 4 курса бакалавриата).

Негативные мнения: «Информация может быть недостоверной, педагоги не одобряют использование нейросетей в написании научных работ, объясняя свою позицию тем, что студенты не анализируют сгенерированный текст и выдают его за свой...». (Студент 1 курса магистратуры)

Систематизируя ответы студентов, аспирантов и преподавателей Московского государственного института культуры на вопросы анкеты, мы получили следующие результаты:

Как мы выяснили, сегодня существует запрос на гибридную (смешанную) модель, которая сочетает в себе лучшие черты цифрового (гибкость, доступность, интерактивность) и традиционного (живое общение, дисциплина, личный контакт с преподавателем) образования.

Самый главный критерий для студентов это не «оцифрованность» процесса образования, а профессионализм преподавателя и качественно выстроенная образовательная коммуникация. Анализ мнений студентов показывает, что будущее образования лежит не в тотальной цифровизации, а в создании сба-

Вопросы анкеты	Студенты	Аспиранты	Преподаватели
Интернет является основным источником информации (научной, учебной)	87%	74%	49%
Имею достаточные цифровые умения (владение современными информационными технологиями с целью обучения)	73%	82%	75%
У цифровых технологий больше преимуществ, чем недостатков	92%	87%	72%
Цифровизация расширяет дидактические возможности	86%	73%	48%
Цифровизация помогает повысить мотивацию к обучению	65%	52%	39%
Современный педагогический процесс требует развития новых компетенций у субъектов образовательного процесса	90%	84%	85%
Смешанная форма обучения является наиболее эффективной и перспективной в современном образовании	97%	89%	65%
Испытываю трудности в работе на цифровых платформах (с компьютерными программами)	20%	22%	58%
Цифровизация обучения негативно сказывается на развитии мышления обучающегося	31%	47%	58%

Итак, мы видим, что обучающиеся и преподаватели положительно реагируют на по-настоящему интерактивные и современные форматы, но остро чувствуют фальшь и формальный подход, когда технологии используются без переосмысления педагогического сценария. Студенты оценивают инструменты цифровой педагогики с точки зрения пользы, удобства и влияния на качество образования. Все респонденты оценили уровень своих цифровых компетенций как достаточно высокий.

лансированной, человеко-ориентированной экосистемы, где технологии служат для усиления, а не для замены фундаментальных образовательных ценностей – взаимодействия, мотивации и глубокого понимания.

Учитывая вышеизложенное, можно определить основные пути для совершенствования процесса развития цифровой педагогики в вузе:

1. систематизировать цифровую среду, уменьшить количество используемых платформ, создать единый «цифровой вход» для студентов;

2. развивать цифровую этику, четко обозначать время для учебных коммуникаций, уважая личное пространство и время студентов;
3. инвестировать в развитие педагогов, проводить учебные тренинги по методике создания интерактивных образовательных траекторий в цифровой среде;
4. создавать эффективные гибридные модели образования, использовать онлайн-формы для лекционного материала и самоподготовки, а офлайн-время – для дискуссий, практики и групповой работы.

В заключение стоит отметить ключевые факторы развития цифровой педагогики. Цифровая педагогика не заменяет педагога. Напротив, она возводит его роль на новую высоту. Из транслятора готовых знаний он превращается в навигатора в океане информации, тьютора, мотиватора и режиссера образовательного процесса, как о том писал известный футуролог и философ Элвин Тоффлер (Alvin Toffler), пред-

сказавший трансформацию образования от индустриальной модели к персонализированной.

Будущее педагогики не состоит в тотальном переходе в онлайн, а в создании гибридной, гибкой и человеко-ориентированной среды, где технологии служат главной цели – раскрыть потенциал каждого обучающегося. И цифровая педагогика может являться мостом, который ведет нас к этому будущему уже сегодня.

Можно сказать, что цифровая педагогика – это инновационный арсенал конкретных методов и технологий, которые преобразуют современный учебный процесс. Эти методы активно используют уникальные возможности цифровой среды для достижения педагогических целей.

Методы цифровой педагогики делают обучение более гибким, интерактивным и личностно-ориентированным. Они смещают фокус с пассивного усвоения информации на активное создание знаний, развитие критического мышления и навыков, достойных XXI века.

Список литературы

1. Бугаева Н. Н. Мы – цивилизация «цифровой педагогики»? // Вопросы педагогики. 2023. № 10–1. С. 19–22.
2. Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Единак А. Ю. Искусственный интеллект и гуманитарное знание: нейросети в образовательной практике вузов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 4. 2025. С. 167–183.
3. Грязнова Е. В. К вопросу о категориальном аппарате цифровой педагогики в психолого-педагогических науках // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 3 (36). С. 333–335.
4. Ивашкина Т. А. Исследование проблемных аспектов развития современной цифровой педагогики // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 145–147.
5. Калинина С. Д. Цифровая педагогика: революционный сдвиг педагогической парадигмы или новое видение современной образовательной среды? // Образование и общество. 2018. № 5 (112). С. 32–36.
6. Кудрина Е. Л. Формирование гражданской идентичности обучающихся средствами культуры в контексте цифровой трансформации образования // Воспитание и наставничество в условиях цифровой трансформации образования: теория и практика: монография. Москва: МАКС Пресс, 2024. С. 59–64.
7. Петрищев И. О. Значение цифровой педагогики в условиях информатизации образования // Педагогический вестник. 2020. № 12. С. 39–40.
8. Христидис Т. В. Технология «смешанного обучения» (blended learning) в профессиональной подготовке студентов в вузе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 6 (110). С. 50–56.

9. Христидис Т. В., Новашина М. С. Цифровые технологии и искусственный интеллект в решении современных образовательных задач // Новое в психолого-педагогических исследованиях Москва, 2025. № 2 (77). С. 164–176.
10. Шрайберг Я. Л. Нейросети и искусственный интеллект в науке, образовании и библиотеках: действительно ли это нам нужно? // Буква и цифра: библиотеки на пути к цифровизации: сборник докладов Пятой научно-практической конференции «БиблиоПитер-2024». Санкт-Петербург: Издательство: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 2024. С. 222–232.

*

Поступила в редакцию 11.02.2026

СТАНОВЛЕНИЕ ДОМАШНЕЙ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

УДК 373.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-187-196>

И. В. Ускова

АО «Издательство «Просвещение»,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: Irina.uskova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена историко-педагогическому анализу становления домашней учебной работы как самостоятельной дидактической категории. На основе анализа научно-педагогической литературы, нормативных документов и диссертационных исследований предложена периодизация развития представлений о домашней учебной работе. Выделены три ключевых периода: дореволюционный (до 1917 года), советский (20–80-е годы XX века) и постсоветский (90-е годы XX века – настоящее время). В статье раскрывается эволюция целей, содержания и организации домашней учебной работы, анализируется трансформация взглядов научного сообщества на проблему учебной перегрузки и роль родителей в образовательном процессе. Особое внимание уделено процессу концептуализации домашней учебной работы в трудах классиков педагогики, переходу от эмпирических представлений к теоретическому осмыслению данного феномена в контексте цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: домашняя учебная работа, домашнее задание, дидактика, история педагогики, самостоятельная работа, информационно-образовательная среда.

Для цитирования: Ускова И. В. Становление домашней учебной работы как дидактической категории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 187–196. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-187-196>

THE FORMATION OF HOMEWORK AS A DIDACTIC CATEGORY

Irina V. Uskova

JSC «Prosveshchenie» Publishing House,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: Irina.uskova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the historical and pedagogical analysis of the formation of homework as an independent didactic category. Based on the analysis of scientific and pedagogical literature, normative documents and dissertation research, a periodization of the development of ideas about homework is proposed.

УСКОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, начальник отдела научных исследований и опытно-конструкторских работ, АО «Издательство «Просвещение», доцент кафедры педагогической теории и практики социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

USKOVA IRINA VLADIMIROVNA – CSc in Pedagogy, Head of the Research and Development Department at JSC “Prosveshchenie” Publishing House, Associate Professor at the Department of Pedagogical Theory and Practice of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

© Ускова И. В., 2026

Three key periods have been identified: pre-revolutionary (before 1917), Soviet (20-80-ies of XX century) and post-Soviet (90-ies of XX century - present). The article reveals the evolution of the goals, content and organization of homework, analyzes the transformation of the views of the scientific community on the problem of educational overload and the role of parents in the educational process. Special attention is paid to the process of conceptualizing homework in the works of the classics of pedagogy, the transition from empirical concepts to a theoretical understanding of this phenomenon in the context of the digital transformation of education.

Keywords: homework, didactics, history of pedagogy, independent work, information and educational environment.

For citation: Uskova I. V. The Formation of Homework as a Didactic Category. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 187–196. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-187-196>

В настоящее время все чаще в обществе обсуждается отмена домашней учебной работы в общеобразовательной школе. С домашней работой связывают перегрузку детей и подростков, отсутствие у них свободного времени, времени на дополнительные занятия и общение с друзьями и родителями. Также поднимается вопрос о результативности домашней учебной работы в эпоху искусственного интеллекта и размещения в сети Интернет ответов на все учебные задания действующих учебников. Однако домашняя учебная работа является исторически сложившимся и ставшим традиционным компонентом обучения, становление которого проходило ряд этапов и было тесно связано с эволюцией образовательного процесса.

Представим на основе историко-педагогического анализа становление домашней учебной работы как дидактической категории. С этой целью был выполнен анализ научно-педагогической литературы, диссертационных исследований и нормативно-правовых документов (с середины XIX по настоящее время), позволяющий сделать выводы о специфике ее описания в научной литературе и организации в массовой школе в разные исторические периоды и выделить основные этапы ее становления как дидактической категории. Представим их кратко: дореволюционный (до 1917 года); советский (20–80-е годы XX века) и постсоветский (90-е годы XX века – по настоящее время).

Опишем подробнее каждый этап.

Дореволюционный период (до 1917 года). Система образования дореволюционной России носила преимущественно прикладной характер, направленный на обучение навыкам, которые пригодятся школьникам в повседневной жизни: «детей обучали церковному чтению, письму, пению, занимались нравственным воспитанием («учили чести»)» [7, с. 23]. Специфика учебного процесса того времени, когда «выучиться читать, не выучив буквально назубок азбуки, было невозможно, псалтирь также выучивали наизусть» [10, с. 67], предопределяла основную функцию домашней учебной работы – завершение классной работы путем механического заучивания материала. Дословное воспроизведение выученного без осмысленного понимания являлось нормой, а не отклонением от нее. Однако это породило проблему: педагоги, понимая, что необязательно все доделывать в классе с детьми, стали меньше уделять времени подготовке и проведению урока, перенося часть материала на самостоятельное изучение школьниками. В этой связи домашняя учебная работа становилась все объемнее, а ученики стали затрачивать все больше времени на ее выполнение, что вызывало недовольство как родителей, так и самих обучающихся.

В XIX веке к проблеме организации домашней учебной работы обратились выдающиеся ученые, общественные деятели и педагоги-практики: Н. А. Добролюбов, Н. И. Пирогов, Д. И. Писарев, Л. Н. Тол-

стой и, безусловно, К. Д. Ушинский. Именно К. Д. Ушинский заложил методологические основы организации домашней учебной работы, сформулировав требования, актуальность которых сохраняется до сих пор. В фундаментальном труде «Родное слово» он определил задачу домашней учебной работы: «Должно постоянно помнить, что следует передавать ученику не только те или иные познания, но и развивать в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые знания <...>, дать ученику средство извлекать полезные знания не только из книг, но и из предметов его окружающих, из жизненных событий, из истории собственной души. Обладая такой умственной силой, извлекающей отовсюду полезную пищу, человек будет *учиться всю жизнь*, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач школьного обучения» [19, с. 500]. К. Д. Ушинский настаивал на том, что в начальной школе домашних заданий быть не должно, их можно организовывать для детей с десятилетнего возраста при соблюдении требований посильности и доступного объема.

Важно отметить, что уже в конце XIX века проблема учебной перегрузки вышла на уровень широкого общественного обсуждения, став темой прений на 25-м учительском съезде в Бремене в 1883 году. Важно, что уже тогда педагогическое сообщество продемонстрировало глубокое понимание сложности проблемы: причиной перегрузки называлась не столько сама домашняя учебная работа, сколько перегруженность учебных планов и несовершенство методики проведения урока. Педагоги-практики того времени (Н. Н. Запольский, В. Куницкий, М. Штарк) выступали не за полную отмену домашних заданий, а за их рационализацию, требуя, чтобы задания «были строго обдуманы», а ученики «знали, что от них требуется» [3].

В этот же период закладываются основы здоровьесберегающего подхода к организации самостоятельного учебного труда. Ф. Ф. Эрисман, разработавший эргономичную школьную парту, настаивал на том, что

«никак нельзя допустить, чтобы 14-летний ребенок сидел весь день над книгами (в школе или дома) и чтобы он не имел времени для движения на открытом воздухе» [5]. Его идеи о необходимости чередования учебного труда и отдыха, правильной организации режима дня стали фундаментом школьной гигиены.

Интересен социальный аспект домашней учебной работы. Родительское сообщество того времени, признавая ценность образования, во многом видело в домашних заданиях угрозу семейному укладу, считая, что «семья имеет также право требовать, чтобы часть времени молодежи принадлежала ей» [3]. Таким образом, уже в дореволюционный период сформировался запрос на выполнение основной учебной нагрузки в стенах школы, а домашняя учебная работа закрепились в качестве обязательного компонента обучения, хотя преимущественно в узком значении «домашних заданий» – комплекса упражнений по предметам.

Советский период (20–80-е годы XX века). После 1917 года процесс обучения в общеобразовательных школах претерпел радикальные изменения, обусловленные сменой государственной системы и целей образования. Массовая школа должна была готовить человека труда с коммунистическим мировоззрением, что определило череду реформ. Наиболее показательным в контексте исследования домашней учебной работы стал Декрет ВЦИК «О Единой Трудовой Школе» 1918 года, статья 17 которого провозглашала: «Задавание обязательных уроков и работ на дом не допускается» [6]. Это решение, продиктованное стремлением освободить ребенка для общественно-полезного труда, привело к резкому падению уровня знаний. Уже в 1923 году домашние задания были возвращены в школьную практику в связи «с недостаточностью знаний учащихся и понижением грамотности» [2], после чего экспериментов по их массовой отмене в масштабах страны более не проводилось.

Период 20–40-х годов характеризовался ростом числа учебных предметов, расшире-

нием программ и, как следствие, увеличением учебной нагрузки. Однако параллельно начался процесс изучения и государственного регулирования домашней учебной работы для того, чтобы она отвечала запросам системы образования, но не перегружала школьников. Так, в 1927 году выходит методическое письмо Цутранпроса, определявшее домашнюю учебную работу как деятельность «вне групповой обстановки и без непосредственного руководства со стороны преподавателя» [12, с. 3], а ее целями провозглашались развитие навыков наблюдения, привитие интереса к книге и подготовка к групповой работе. В 1936 году Приказ Наркомпроса № 843 «О домашних учебных заданиях учащимся в начальной и средней школе» впервые дает рекомендации школьникам по организации самостоятельной деятельности дома. Эти документы положили начало выпуску целой серии изданий, посвященных домашней учебной работе [1].

Выделение воспитательного аспекта домашней учебной работы тесно связано с активно развивающейся с начала XX века в России и за рубежом теорией научной организации труда (А. А. Богданов, Г. Гантт, Ф. Гильбрет, О. А. Ерманский, А. В. Панкин, Ф. Паркгорст, Е. Ф. Розмирович-Трояновская, Ф. Тейлор, Г. Эмерсон). Научная организация труда – процесс совершенствования организации труда на основе достижений науки и техники, физиологии и гигиены труда. Стало понятно, что социально-экономическое, научно-технологическое, культурное развитие страны зависит от людей, от того, как организован их труд, соблюдается ли режим работы и отдыха, способствует ли он самореализации. Эти вопросы решались, прежде всего, с точки зрения науки. Уже в начале 20-х годов XX века в стране насчитывалось более пятидесяти научно-исследовательских организаций по изучению трудовой деятельности. Специальные отделы и лаборатории были созданы при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), ряде наркоматов и так

далее. При Наркомате рабоче-крестьянской инспекции был образован Совет по научной организации труда (СОВНОТ) во главе с В. В. Куйбышевым (1923). Ведущее место занимал Центральный институт труда, возглавлявшийся А. К. Гастевым, теоретиком НОТ, разработчиком основных его идей.

Домашняя учебная работа стала рассматриваться как учебный труд школьника, требующий правильной организации. Поэтому в 40–50 годах XX века была разработана серия нормативно-методических документов, которые свидетельствуют о попытке государства выстроить целостную систему организации домашнего учебного труда школьников. Памятка для учащихся 1949 года «Приготовление домашних уроков» детально регламентирует обустройство рабочего места, последовательность выполнения заданий, приемы приготовления устных и письменных уроков. Дополняет ее памятка для родителей того же года, которая предписывает «разумную помощь школьникам» [9, с. 3] и требует от родителей добиваться самостоятельности детей, «читать литературу по вопросам воспитания школьников» [9, с. 4] и следить за соблюдением режима дня. Таким образом, ответственность за выполнение и качество домашней работы возлагалась как на школу, так и на семью, которая рассматривалась как полноправный субъект образовательного процесса.

В это время усилилось государственное регулирование домашней учебной работы. Вышел Приказ Минпроса РСФСР 1951 года «Об устранении перегрузки учащихся домашними заданиями», который требовал «повысить качество каждого урока» и «строго следить за дозировкой каждого задания» [14]. В последующие годы выходят методические письма по организации домашней работы в начальном общем образовании (ежегодно с 1950 по 1957 год), а также по всем основным учебным предметам, что свидетельствует о стремлении к дифференциации подходов в зависимости от предметной специфики.

В советский период домашняя учебная работа становится предметом активного

и многоаспектного научного изучения. Ключевую роль в ее теоретическом осмыслении сыграла Н. К. Крупская, чья статья «Методика задавания уроков на дом» (1931) заложила основы системного подхода к ее организации. Ею был впервые поставлен вопрос о необходимости «детально разработать методику этого дела» [11, с. 512], о тщательном инструктаже учащихся и, что особенно важно, о недопустимости «уровнировки» в заданиях. Н. К. Крупская сформулировала принцип индивидуализации, требующий «учитывать пробелы, имеющиеся у ученика, сумму его знаний и навыков» [11, с. 515].

Особое место в это время занимают идеи Л. С. Выготского, который, по сути, заложил основы развивающего обучения. Он утверждал, что «обучение только тогда хорошо, когда оно идет впереди развития. Тогда оно пробуждается и вызывает к жизни целый ряд функций, находящихся в стадии созревания, лежащих в зоне ближайшего развития. В этом и заключается главнейшая роль обучения в развитии. Этим и отличается обучение ребенка от дрессуры животных. Этим отличается обучение ребенка, целью которого является его всестороннее развитие, от обучения специализированным, техническим умениям, как писание на пишущей машинке, езда на велосипеде, которые не обнаруживают никакого существенного влияния на развитие» [4, с. 252]. Домашняя учебная работа как компонент обучения должна также быть направлена на всестороннее развитие личности, а учебные задания для самостоятельного выполнения не стать «дрессурой».

С середины XX века к процессу изучения домашней учебной работы подключились ученые-дидакты. Их исследования стали классическими в разработке данного вопроса. Так, в трудах Ю. К. Бабанского, М. А. Данилова, Б. П. Есипова, Н. Н. Поспелова, Л. Н. Скаткина, М. Н. Скаткина, И. Ф. Харламова и других ученых домашняя учебная работа осмысливается как неотъемлемая часть процесса обучения, результативность которого напрямую зависит от качества урока.

В то время был сформулирован ряд фундаментальных положений организации домашней учебной работы:

- приоритет качества урочных занятий: «проблема повышения эффективности обучения может быть успешно решена только при условии, если высокое качество урочных занятий будет подкрепляться хорошо организованной домашней учебной работой» [20, с. 277];
- необходимость обучения школьников «методам и технике учения» с тем, чтобы на дом задавались задания, при выполнении которых учащиеся сознательно применяют освоенные методы;
- развивающий потенциал самостоятельной работы: «самостоятельная работа при правильной ее организации дает возможность развернуться индивидуальности каждого ученика» [8, с. 49];
- требование системности и разнообразия домашних заданий как признак педагогического мастерства.

В этот период была значительно расширена и типология домашних заданий. Наряду с традиционными, направленными на повторение и закрепление, в обучение вводятся задания практического характера, лабораторные работы, задания с элементами исследования, творческие работы и сочинения, работы по приобретению новых знаний. Это стало необходимо в условиях военной и послевоенной жизни людей, занимающихся сельским хозяйством и производством, которые требовали знаний и умений.

Стоит отметить, что в годы Великой Отечественной войны, благодаря наркому В. П. Потемкину, процесс обучения в школах не прерывался. В то же время не отменялись и домашние задания.

В советский период были описаны типичные недостатки выполнения домашней работы: полумеханическое чтение без расчленения на смысловые части, отсутствие самоконтроля, неумение организовать рабочее

время, выполнение письменных заданий без предварительного усвоения теоретического материала.

Параллельно с общедидактическими исследованиями проблема домашней работы активно разрабатывалась в частных методиках. В методике преподавания русского языка (В. В. Львов, А. Д. Дейкина) определялись типичные задания и способы работы с ними; в математике (Л. Кузнецова, П. Ю. Германович) исследовались методы проверки и организации заданий на различных этапах обучения; в биологии (Н. М. Верзилин, П. А. Завитаев) особое внимание уделялось длительным наблюдениям, формирующим навыки исследовательской деятельности; в физике (С. Ф. Покровский) и химии (П. А. Дрямов) разрабатывались экспериментальные домашние задания. Это внимание в методике к проблеме организации домашней учебной работы свидетельствует о том, что домашняя учебная работа перестала быть просто «продолжением урока» и начала осмысливаться как пространство для специфической предметной деятельности. Однако это внимание имело и обратную сторону: проблема домашней учебной работы стала предметной, а ее организация стала подчиняться предметным целям обучения. К концу 80-х годов XX века общедидактические исследования домашней учебной работы практически прекратились, уступив место исследованиям ее организации в рамках учебного предмета, что привело к отдалению исследований от общей идеи развивающего обучения.

Несмотря на активные научные разработки и нормативное регулирование, проблема перегрузки в советский период решена не была, о чем свидетельствуют регулярные публикации с требованиями нормализации учебной нагрузки в школе. Государство, осознавая невозможность решения проблемы исключительно административными мерами, активно вовлекало родителей в образовательный процесс: проводились классные часы, индивидуальные беседы, разрабатывались памятки.

Таким образом, советский период стал этапом институционализации и теоретического обоснования домашней учебной работы. Она была осмыслена как сложный дидактический феномен, требующий системного подхода к ее организации, индивидуализации, методического инструктирования и тесного взаимодействия школы и семьи.

Постсоветский период (90-е годы XX века – по настоящее время). С конца XX века наблюдается ситуация, когда при стремительной трансформации всех сфер жизни общества и образования научно-педагогическое осмысление домашней учебной работы практически не ведется. Этот дефицит теоретического внимания вступает в противоречие с масштабом изменений, которые претерпевает образовательный процесс. Происходит переход от вариативности учебных планов к формированию единого образовательного пространства; развивается информационно-образовательная среда школы; внедряются цифровые технологии; появляется необходимость в дифференцированных и индивидуализированных заданиях; изучается влияние обучения на когнитивное развитие и учебную мотивацию. Все эти процессы объективно меняют условия организации домашней учебной работы, однако их влияние на данную дидактическую категорию остается описанным явно недостаточно, а сама домашняя учебная работа задается преимущественно в русле традиционного обучения [18; 16; 17].

В частных методиках появляются публикации, отражающие новые реалии: в методике преподавания информатики обсуждается специфика домашних заданий с использованием домашнего компьютера; по биологии предлагаются летние задания, направленные на формирование экологической культуры; по физической культуре домашние задания рассматриваются как средство привлечения к здоровому образу жизни; по основам безопасности и защиты Родины предлагаются нестандартные практико-ориентированные задания.

Однако эти публикации отражают только один из аспектов домашней учебной работы, связанный с преподаванием предмета, но не целостный подход к ее организации.

Необходимо отметить, что в постсоветский период была проведена первая Международная научно-практическая конференция «Домашняя учебная работа школьников: пути совершенствования» (2020) с изданием сборника трудов [13]. В рамках этой конференции был представлен накопленный опыт. Особенно стал важным опыт организации учебного процесса в период пандемии COVID-19, когда вся учебная работа школьников стала домашней. Это высветило ряд проблем: неравномерность организации рабочих мест школьников в домашних условиях, недостаточные умения организовывать свою учебную деятельность, том числе в русле здоровьесберегающего подхода, недостаточное владение умениями использования электронных средств обучения, чему необходимо обучать в школе целенаправленно.

Параллельно академическому дискурсу в XXI веке формируется пласт публицистического и общественного обсуждения проблемы домашней учебной работы. В средствах

массовой информации и в социальных сетях представлены мнения родителей, школьников, общественных деятелей; периодически возобновляются призывы к полной отмене домашних заданий, что создает риск принятия решений без должного дидактического обоснования.

Проведенный историко-педагогический анализ становления домашней учебной работы как дидактической категории позволяет сформулировать ряд развернутых выводов, значимых как для дидактики, так и для практической организации образовательного процесса.

Во-первых, анализ демонстрирует, что домашняя учебная работа прошла сложный эволюционный путь от времени, отведенного на завершение классной работы, до многомерной дидактической категории, обладающей собственными целями, содержанием, методами организации и субъектами. Попытки административной отмены домашних заданий без предложения адекватной дидактической альтернативы привели к снижению качества образования и последующему возврату к обязательной домашней работе, что доказано опытом 1918–1923 годов.

Рис. 1. Современная домашняя учебная работа

Во-вторых, в ходе исследования выявлен фундаментальный вклад дореволюционной и советской педагогической науки в теоретическое осмысление домашней учебной работы. Базовые дидактические положения, сформулированные К. Д. Ушинским, Н. К. Крупской, Б. П. Есиповым и их последователями, – принципы посильности и ограниченного объема, необходимость предварительного инструктажа, связь качества домашней учебной работы с качеством урока, приоритет самостоятельности и индивидуализации, требование разнообразия видов заданий, – сохраняют свою актуальность и сегодня, формируя теоретический фундамент для любых современных дидактических исследований в данной области.

В-третьих, исторический анализ показывает, что проблема учебной перегрузки, вопреки распространенному сегодня мнению, не является современной проблемой. Она была осознана профессиональным сообществом еще в XIX веке, и уже тогда ее причины справедливо связывались не только с объемом домашних заданий, но и с перегруженностью учебных планов и несовершенством методики урока. Этот вывод имеет принципиальное значение для современного образовательного процесса, указывая на необходимость комплексного, а не изолированного решения проблемы нагрузки.

В-четвертых, выявлен циклический характер общественного и научного интереса к проблеме: за периодами активной разработки нормативной базы и теоретических оснований следовали периоды практически полного отсутствия ее изучения.

В-пятых, в ходе исторического развития произошла смена целевых ориентиров домашней учебной работы: от установки на механическое заучивание и завершение классной работы – к развитию способности самостоятельно приобретать знания, формированию метапредметных компетенций и навыков самоорганизации. Домашняя учебная работа эволюционировала от инструмента контроля и тренажа к средству развития

индивидуальности учащегося и коррекции процесса обучения учителями.

В-шестых, историко-педагогический анализ показал устойчивую тенденцию к расширению субъектного состава домашней учебной работы. Если первоначально она осмыслялась как задача ученика и учителя, то, начиная с дореволюционного периода, родители включились в помощь своим детям при выполнении домашних заданий, а в советский период контроль за выполнением стал практически их обязанностью. Однако в постсоветский период произошло смещение помощи родителей с поддерживающего наблюдателя на включение их в выполнение домашней учебной работы вместе с ребенком, а порой и за ребенка, что приводит к несформированности у школьников не только базовых предметных знаний, но и умений, необходимых для самостоятельного продолжения обучения в течение всей жизни.

В-седьмых, современный этап характеризуется глубоким противоречием между изменившейся дидактической реальностью и недостаточностью ее теоретического осмысления. Стихийно складывающаяся практика организации домашней работы с использованием цифровых инструментов требует системного научного анализа и выработки новых теоретических решений, адекватных вызовам информационного общества.

В-восьмых, исторический анализ приводит к выводу о некорректности постановки вопроса: «за домашнюю работу – против домашней работы». Направлением педагогической мысли на протяжении рассмотренных периодов было не упразднение домашней учебной работы как таковой, а ее рационализация, дидактически обоснованная организация и встраивание в целостную систему обучения в соответствии с целями и задачами образовательного процесса определенного исторического периода. Задача современной дидактики заключается не в отказе от накопленного опыта, а в его критическом

переосмыслении и развитии применительно к условиям современного образовательного пространства и информационно-образовательной среды.

Таким образом, домашняя учебная работа, пройдя длительный путь развития от вы-

деления дополнительного времени на заучивание материала до сложной дидактической категории, сегодня нуждается в глубоком научном осмыслении, которое было характерно для классической педагогики в переломные моменты истории образования.

Список литературы

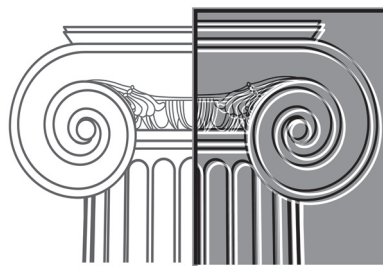
1. *Адамович Е. А. Пчелко А. С., Закожурникова М. Л. и др.* Домашние задания в начальной школе: метод. письмо. РСФСР: Управление школ Министерства просвещения. Москва: Учпедгиз, 1957. 68 с.
2. *Ахметов М. Г.* Система домашней самостоятельной работы учащихся по курсу физики в выпускном классе: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1991. 200 с.
3. Вопрос об обременении учащихся учебными работами: Прения на 25 учительском съезде в Бремене // Педагогический сборник, издаваемый при главном управлении военных заведений. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича. Февраль. 1884. URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pm0004072/view/>
4. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. *Гарштейн Р. С.* Деятельность Ф. Ф. Эрисмана в области школьной гигиены // Гигиена и санитария. 1966. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-f-f-erismana-v-oblasti-shkolnoy-gigieny>
6. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Статья № 812. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. Москва, 1942. URL: <https://istmat.org/node/31601>
7. *Джурицкий А. Н.* История педагогики: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям. Москва: ВЛАДОС, 1999. 430 с.
8. *Древелов Х.* Домашние задания: книга для учителя. Москва: Просвещение, 1989. 77 с.
9. *Зарецкий М. И.* О выполнении учащимися V–VII классов домашних заданий: памятка для родителей. Москва, 1949. 4 с.
10. *Кантерев П. Ф.* История русской педагогики. Санкт-Петербург: Алетея, 2004. 560 с.
11. *Крупская Н. К.* Методика задавания уроков на дом. Обучение и воспитание в школе // Педагогические сочинения: в 10 томах. Москва: Изд-во АПН, 1959. Т. 3. С. 511–516.
12. Организация заданий на дом для учащихся 7-летки: методическое письмо Цутранпроса. Центральное управление по просвещению на транспорте. Москва: Транспечать НКПС, 1927. 13 с.
13. *Осмоловская И. М., Ускова И. В.* Домашняя учебная работа школьников: пути совершенствования. Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 ноября 2020 года. Москва: Институт стратегии развития образования Российской академии образования, 2020. 473 с.
14. Приказ Минпроса РСФСР от 12.12.1951 г. № 1093 «Об устранении перегрузки учащихся домашними заданиями». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23582#mpvUX-zUk11AJesuG>
15. *Скаткин Л. Н.* Учение детей и обязанности родителей. 2-е изд., перераб. Москва: Учпедгиз, 1954. 88 с.
16. *Ускова И. В.* Результаты исследования домашней учебной работы в общеобразовательных организациях Российской Федерации. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», 2020. 81 с.

17. Ускова И. В. Результаты исследования практики организации самостоятельной деятельности обучающихся основной школы: научный отчет. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 63 с.
18. Ускова И. В., Сериков В. В., Дзятковская Е. Н. и др. Самостоятельная учебная деятельность школьника: методическое пособие. Москва: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. 180 с.
19. Ушинский К. Д. Воскресные школы (письмо в провинцию) // Собрание сочинений в 11 томах. Москва; Ленинград: Академия педагогических наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2: Педагогические статьи 1857–1861 гг., 1948. С. 491–514.
20. Харламов И. Ф. Педагогика: учебное пособие. Москва: Гардарики, 2003. 519 с.

*

Поступила в редакцию 25.03.2026

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФИЯ
И КНИГОВЕДЕНИЕ

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЖУРНАЛОВ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ НА ОСНОВЕ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РИНЦ

УДК 02.001.6

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-198-209>

В. А. Цветкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: vats08@mail.ru

А. А. Муромцева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: alin.mur.02@mail.ru

Г. В. Калашникова

Библиотека по естественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: galay-kalashnikova@yandex.ru

Аннотация. Авторами проведен анализ научных журналов для публикации статей специалистами библиотечно-информационной сферы. Осуществлена селекция рецензируемых изданий, индексируемых в РИНЦ и охватывающих тематические направления библиотечно-информационной сферы. Составлен репрезентативный перечень профильных журналов. Установлено, что спектр доступных журналов для публикаций у специалистов данной сферы ограничен. Сконцентрировано внимание на оценке трех журналов Московского государственного института культуры: «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств», «Культура и образование», «Культура: теория и практика». Подтверждена приоритетность упомянутых изданий библиометрическими данными РИНЦ. Указанный авторами перечень периодических изданий позволяет вузу эффективно функционировать в русле научного дискурса.

ЦВЕТКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор технических наук, профессор, Московский государственный институт культуры

МУРОМЦЕВА АЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – магистрант, библиотечно-информационный факультет, Московский государственный институт культуры

КАЛАШНИКОВА ГАЛИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, научный сотрудник, Библиотека по естественным наукам Российской академии наук

TSVETKOVA VALENTINA ALEKSEEVNA – DSc in Technical Sciences, Professor, Moscow State Institute of Culture

MUROMTSEVA ALINA ALEKSEEVNA – Master's Student, Faculty of Library and Information Science, Moscow State Institute of Culture

KALASHNIKOVA GALINA VALERYEVNA – CSc in Pedagogy, Researcher, Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences

© Цветкова В. А., Муромцева А. А., Калашникова Г. В., 2026

Ключевые слова: научные журналы, библиотечно-информационная сфера, РИНЦ, Перечень ВАК, Белый список, Московский государственный институт культуры (МГИК).

Для цитирования: Цветкова В. А., Муромцева А. А., Калашникова Г. В. Positioning журналов библиотечно-информационной сферы на основе библиометрических показателей РИНЦ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 198–209. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-198-209>

POSITIONING OF JOURNALS IN THE LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE BASED ON RSCI BIBLIOMETRIC INDICATORS

Valentina A. Tsvetkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: vats08@mail.ru

Alina A. Muromtseva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: alin.mur.02@mail.ru

Galina V. Kalashnikova

Natural Sciences Library of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: galay-kalashnikova@yandex.ru

Abstract. The analysis of scientific journals for publishing articles by specialists in the library and information field has been conducted. A selection of peer-reviewed publications indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) and covering thematic areas of the library and information sphere has been carried out. A representative list of specialized journals has been compiled. It has been established that the range of available journals for publications by specialists in this field is limited. Particular attention has been focused on the assessment of three journals issued by the Moscow State Institute of Culture: «Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts», «Culture and Education», «Culture: Theory and Practice». The priority status of these publications has been confirmed by bibliometric data from the RSCI. The list of periodicals indicated by the authors allows the university to function effectively in the mainstream of scientific discourse.

Keywords: scientific journals, library and information field, RSCI (Russian Science Citation Index), VAK List, White List, Moscow State Institute of Culture (MSIC).

For citation: Tsvetkova V. A., Muromtseva A. A., Kalashnikova G. V. Positioning of Journals in the Library and Information Science Based on RSCI Bibliometric Indicators. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 198–209. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-198-209>

Введение

Возникновение научных журналов заложило основу современной системы научной коммуникации: на протяжении столетий данные издания обеспечивают устойчивое взаимодействие в академическом сообществе

и служат механизмом сохранения научного знания. Публикации в журналах выступают не только средством обмена результатами исследований, но и источником данных для библиометрических систем, где количественные показатели публикационной активности стали ключевым критерием оценки научной

деятельности отдельных авторов и организаций. На современном этапе сложилась комплексная система определения статуса научных журналов, базирующаяся на нескольких ключевых критериях: принадлежности к авторитетным издательствам, присутствию в зарубежных базах данных (Web of Science, Scopus) и включении в рейтинговые классификации. Данные параметры приобрели нормативный характер и активно задействуются в процедурах научной аттестации, включая защиту диссертаций и оценку результативности научно-исследовательской деятельности. Такой подход выглядит скорее маркетинговым в деле позиционирования научных журналов на информационном рынке и привлечения ведущих ученых к опубликованию статей в определенных журналах. «Способствует ли такой подход развитию науки?» – вопрос, требующий отдельного исследования. Еще в 2008 году было отмечено, что «журнальная система фактически сдерживает научный прогресс» [15].

Наше исследование направлено на изучение подходов к определению престижности научных журналов на основе библиометрических показателей, предоставляемых Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), применительно к изданиям библиотечно-информационной сферы [9]. В условиях возрастающей роли наукометрических индикаторов в оценке научной деятельности особую актуальность приобретает задача объективной и обоснованной классификации журналов по уровню их авторитетности, что напрямую влияет на выбор площадок для публикации результатов исследований и формирование перечней изданий, учитываемых при оценке результативности научной работы.

Методология исследования

Изучение научных журналов представляет собой одно из актуальных направлений современных научных исследований как в России, так и за рубежом. При этом анализ охватывает как отдельные издания, так и целые тематические направления, позволяя выявить

закономерности развития научного дискурса в различных областях знания [7]. Особую значимость приобретает исследование репрезентативности тематических сегментов, в том числе в библиотечно-информационной сфере. Подобные работы способствуют структурированию научного контента, оценке широты охвата тем исследования, выявлению дисбалансов в тематической представленности и анализу динамики развития научных направлений через призму периодических изданий [3; 8; 10; 13]. Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляют результаты предшествующих научных работ, посвящённых наукометрическому анализу журналов библиотечно-информационного профиля. В частности, О. Л. Лаврик, М. А. Плешакова в своей работе провели наукометрический анализ отечественных журналов по проблемам библиотековедения и библиотечного дела по рубрикам «Культура» и «Информатика» на основе данных РИНЦ, а также составили рейтинг журналов на основании данных Science Index [6]. Авторы настоящей статьи в своих предыдущих работах обращали внимание на эту проблему: затрагивали вопросы оценки авторитетности научных журналов библиотечно-информационной сферы [12; 14].

Журналы библиотечно-информационной сферы

Изменения в информационном поле актуализируют проблему позиционирования журналов анализируемой сферы в формируемых списках и перечнях. В связи с этим объектом исследования является корпус научных журналов библиотечно-информационной направленности, индексируемых в РИНЦ, представленных в Перечне ВАК и Белом списке. Специфика объекта исследования – относительно небольшой корпус научных журналов библиотечно-информационной сферы. Предметом настоящего исследования выступают наукометрические характеристики научных журналов в области библиотечно-информационной деятельности (на приме-

Таблица 1 (начало). Список журналов, отраженных в РИНЦ, представляющих интерес для специалистов библиотечно-информационной сферы

Журналы	ISSN	РИНЦ	Белый список	Уровень в Белом списке	ВАК	Категория в перечне ВАК	RSCI
INFOLIB: информационно-библиотечный вестник	2181-8207	+	-	-	-	-	-
Библиография и книговедение	2411-2305	+	+	2	с 01.02.2022	K2	-
Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению	0869-6020	+	-	-	-	-	-
Библиосфера	1815-3186, 2712-7931	+	+	1	с 01.02.2022	K1	+
Библиотековедение	0869-608X, 2587-7372	+	+	2	с 01.02.2022	K2	-
Библиотечно-информационный дискурс	2791-2841	+	-	-	-	-	-
Библиотечное дело	1727-4893	+	-	-	-	-	-
Вестник культуры и искусств	2542-0917	+	+	4	с 29.03.2023	-	-
Труды ГПНТБ СО РАН	2618-7515, 2712-7915	+	+	2	с 27.06.2023	K2	-
Вестник Дальневосточной Государственной научной библиотеки	2782-2079	+	-	-	-	-	-
Наука и научная информация	2658-3143	Учитываются отдельные статьи	-	-	-	-	-
Национальная библиотека	2713-0541	+	-	-	-	-	-
Сфера культуры	2713-301X	+	+	2	с 21.02.2023	K3	-
Бизнес-информатика	1998-0663	+	+	2	с 21.02.2023	K1	+
Вестник ВНИИДАД	2619-1601	+	+	4	с 01.02.2022	K2	-

Журналы	ISSN	РИНЦ	Белый список	Уровень в Белом списке	ВАК	Категория в перечне ВАК	RSCI
ВЕСТНИК РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика	2686- 679X	+	+	4	с 11.07.2023	K3	-
Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии	1818- 7900	+	+	3	с 01.02.2022	K2	-
Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления	2686- 9543	+	+	1	-	-	+
Информатизация образования и науки	2073- 7572	+	+	4	с 01.02.2022	K2	-
Информационное общество	1606- 1330	+	+	2	с 01.02.2022	K2	+
Информационные процессы	1819- 5822	+	+	2	-	-	+
Информационные ресурсы России	0204- 3653	+	+	4	-	K2 (!) Временно приоста- новил выпуск статей с 19.01. 2026	-
Информационные технологии и вычислительные системы	2071- 8632	+	+	3	с 20.03.2023	K1	+
Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы	0548- 0019	+	-	-	-	-	-
Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы	0548- 0027	+	+	4	-	-	+
Научные и технические библиотеки	0130- 9765	+	+	1	с 01.02.2022, с 14.12.2022	K1	+
Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика	2073- 0004	+	+	3	с 01.02.2022	K1	+
Проблемы управления	1819- 3161	+	+	2	с 01.02.2022	K1	+

Журналы	ISSN	РИНЦ	Белый список	Уровень в Белом списке	БАК	Категория в перечне БАК	RSCI
Системы управления и информационные технологии	1729-5068	+	+	4	с 01.02.2022	K2	-
Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика	2308-8877	+	+	3	с 03.06.2022	K2	-
Управление наукой и наукометрия	2686-6706, 2686-6714	+	+	2	с 01.02.2022, с 31.05.2023	K1	-
Управление наукой: теория и практика	2686-827X	+	+	2	с 30.06.2022	K2	-
Научноисследовательские исследования	2658-5405	+	-	-	-	-	-
Научная периодика: проблемы и решения	2409-4714	Учитываются отдельные статьи	-	-	-	-	-
Информация и инновации	1994-2443	+	+	2	-	-	-
Экономика науки	2410-132X	+	+	2	с 21.02.2023	K1	+
Обсерватория культуры	2072-3156	+	+	2	с 21.02.2023, с 21.02.2023	K1	-
Искусственный интеллект и принятие решений	2071-8594	+	+	1	с 29.03.2023, с 01.02.2022	K1	+
Электронные библиотеки	1562-5419	+	+	2	с 13.10.2022, с 12.02.2024	K3	-
Вестник Московского государственного университета культуры и искусств	1997-0803	+	+	4	с 01.02.2022, с 21.02.2023	K2	-
Культура и образование	2310-1679	+	-	-	с 01.02.2022, с 20.03.2023	K3	-
Культура: теория и практика	2619-032X	+	-	-	-	-	-

Таблица 1 (конец). Список журналов, отраженных в РИНЦ, представляющих интерес для специалистов библиотечно-информационной сферы

ре периодических изданий, выпускаемых Московским государственным институтом культуры («Вестник Московского государственного университета культуры и искусств», «Культура и образование», «Культура: теория и практика») и Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук («Управление наукой: теория и практика»).

В целях обеспечения достоверности результатов исследования в таблице 1 представлен репрезентативный перечень журналов библиотечно-информационной направленности (с указанием их позиционирования в Перечне ВАК и Белом списке (БС)).

Следует отметить, что отдельные журналы, отраженные в таблице 1, пересекаются со списками журналов в других исследованиях, тогда как отдельные издания упомянуты впервые. По результатам анализа представленных российских научных журналов в Перечне ВАК включены 23 журнала, которым присвоены категории: К1–10 журналам, К2–12 журналам, К3–4 журналам; в БС вошли 30 журналов, которые распределены по уровням: уровень 1–4 журнала, уровень 2–14 журналов, уровень 3–4 журнала, уровень 4–8 журналов. Количественное расхождение перечней: 23 журнала в Перечне ВАК и 30 журналов в «Белом списке»; дисбаланс в высших категориях: 10 в категории К1 в Перечне ВАК и 4 журнала на уровне 1 в БС отражают принципиальные различия методологических подходов по включению журналов в указанные Перечни. Так, если ВАК опирается на экспертную оценку содержательных характеристик издания (качество рецензирования, экспертность редакционной коллегии), то БС базируется преимущественно на библиометрических показателях (цитируемость, импакт-фактор). Кроме того, следует обратить внимание на электронный журнал «Культура: теория и практика», который по показателям вполне соответствует включению в Перечень ВАК, возможно, и в БС, но пока это лишь указывает на объективность оценки журналов для включения в статусные перечни.

В рамках авторской исследовательской стратегии выбор изданий для библиометрического анализа сделан целенаправленно: три журнала МГИК демонстрируют публикационную практику вузов культуры, журнал РАН представляет сегмент мультидисциплинарных изданий. Такой подход позволяет оценить особенности библиометрических показателей и выявить сильные и слабые стороны профильных журналов в библиотечно-информационной сфере.

Рейтинг научных журналов определяется на основе цитируемости публикуемых статей. В РИНЦ основными показателями выступают импакт-фактор и рейтинг Science Index, а дополнительными – число статей, индекс Херфиндаля, индекс Хирша и индекс Джини, позволяющие всесторонне оценить научный статус издания и его востребованность в академическом сообществе.

На основании данных платформы eLIBRARY.RU в таблице 2 представлены библиометрические показатели анализируемых изданий – «Вестника МГУКИ», «Культуры и образования», «Культуры: теории и практики», а также «Управления наукой: теории и практики», что дает возможность провести сравнительную оценку их позиций в научном пространстве.

Данные таблицы 2 демонстрируют, что библиометрические показатели не позволяют однозначно определить, какой из этих журналов наиболее значимый. Три журнала включены в Перечень ВАК (Вестник МГУКИ; Культура и образование; Управление наукой: теория и практика), два из которых в БС (Вестник МГУКИ; Управление наукой: теория и практика), журнал «Культура: теория и практика» отсутствует в этих престижных списках. Это обусловлено тем, что третий журнал, издаваемый МГИК, выпускается в электронной форме и ориентирован на привлечение преимущественно студенческой среды (уровень бакалавриата, магистратуры). Поэтому вряд ли он может конкурировать с академическим журналом «Управление наукой: теория и практика», ориентированным на специалистов подготовленной академической среды.

Таблица 2 (начало). Показатели журналов: 1 – Вестник МГУКИ [1]; 2 – Культура и образование [4]; 3 – Культура: теория и практика [5]; 4 – Управление наукой: теория и практика [11]; по данным eLIBRARY.RU

Название показателя	№ жур-нала	Год					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Место журнала в рейтинге SCIENCE INDEX	1	2604	2316	2381	2457	2546	2617
	2	3358	3482	3617	3690	3662	3704
	3	3666	3637	3625	3529	3292	3172
	4	–	–	875	1194	1017	1046
Число статей в РИНЦ	1	108	105	106	105	113	133
	2	61	59	55	57	58	60
	3	113	96	76	76	35	50
	4	20	42	58	47	54	53
Двухлетний импакт-фактор РИНЦ	1	0,247	0,404	0,441	0,431	0,393	0,688
	2	0,143	0,184	0,167	0,193	0,277	0,191
	3	0,127	0,128	0,158	0,227	0,250	0,261
	4	–	1,250	1,355	1,000	1,419	1,515
Двухлетний импакт-фактор по ядру РИНЦ	1	0,012	0,044	0,023	0,047	0,024	0,032
	2	0,019	0,018	0,008	0,018	0,018	–
	3	0,015	0,021	0,043	0,029	0,033	0,045
	4	–	0,700	0,839	0,590	0,667	0,802
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ	1	0,231	0,302	0,359	0,371	0,416	0,561
	2	0,112	0,173	0,129	0,214	0,281	0,210
	3	0,098	0,083	0,120	0,181	0,165	0,189
	4	–	–	1,355	0,958	1,569	1,240
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцит.	1	0,214	0,285	0,323	0,359	0,377	0,492
	2	0,112	0,169	0,125	0,207	0,274	0,207
	3	0,080	0,059	0,110	0,160	0,149	0,174
	4	–	–	0,968	0,767	1,263	0,928
Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ	1	0,016	0,035	0,035	0,042	0,043	0,034
	2	0,025	0,018	0,014	0,014	0,018	0,007
	3	0,017	0,011	0,027	0,029	0,041	0,035
	4	–	–	0,839	0,558	0,749	0,584
Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ без самоцит.	1	0,016	0,035	0,035	0,042	0,043	0,034
	2	0,025	0,018	0,014	0,014	0,018	0,007
	3	0,017	0,011	0,027	0,029	0,041	0,035
	4	–	–	0,452	0,367	0,443	0,271

Название показателя	№ жур-нала	Год					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Пятилетний индекс Херфиндаля ¹ по цитирующим журналам	1	134	108	199	95	149	212
	2	427	260	463	272	197	250
	3	816	1301	479	398	394	357
	4	–	1552	1093	550	458	710
Индекс Херфиндаля по организациям авторов	1	1820	1444	1906	984	1775	2068
	2	2193	1454	928	1407	2912	2106
	3	588	724	1044	1437	2212	1826
	4	590	647	967	373	456	539
Десятилетний индекс Хирша ²	1	17	19	20	21	23	23
	2	9	10	10	11	11	12
	3	4	5	6	8	10	12
	4	–	3	7	9	13	16
Индекс Джини ³	1	0,63	0,61	0,62	0,65	0,70	0,80
	2	0,76	0,73	0,77	0,77	0,79	0,97
	3	0,70	0,68	0,76	0,74	0,77	0,85
	4	0,52	0,48	0,59	0,51	0,49	0,72
Число статей, опубликованных за предыдущие пять лет	1	1017	821	665	574	541	537
	2	277	278	279	280	285	290
	3	287	375	409	419	436	396
	4	–	20	62	120	167	221
Число цитирований статей предыдущих 5 лет, вкл. самоцитирования и цит. из ядра РИНЦ	1	235	248	239	213	225	301
	2	31	48	36	60	80	61
	3	28	31	49	76	72	75
	4	–	25	84	115	262	274

¹ Индекс Херфиндаля-Хиршмана рассчитывается как сумма квадратов процентных долей журналов, цитирующих данный, по отношению к общему количеству цитирований. При расчете учитываются ссылки из текущего года на предыдущие 5 лет, в том числе самоцитирования. Чем больше количество цитирующих журналов и чем равномернее распределены по ним ссылки на данный журнал, тем меньше величина этого показателя. Максимальное значение равно 10000 и достигается, когда все ссылки сделаны из одного журнала [9].

² Индекс Хирша вычисляется на основе распределения цитирований статей и имеет значение N, если в журнале опубликовано N статей, на каждую из которых сослались как минимум N раз, а остальные статьи имеют число цитирований не более N. Учитываются все статьи, опубликованные в журнале за 10 лет, и цитирования за этот же период [9].

³ Индекс Джини отражает степень неравномерности распределения статей в журнале по числу их цитирований. Может принимать значения от нуля до единицы. Нулевое значение индекса соответствует ситуации, когда все статьи в журнале за год получили одинаковое количество цитирований [9].

Название показателя	№ жур-нала	Год					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Число авторов	1	101	95	91	104	114	117
	2	59	58	56	65	55	48
	3	116	84	73	65	34	43
	4	37	39	46	70	73	62
Средний возраст авторов	1	53,9	50,7	50,4	47,8	51,8	56,6
	2	50,7	47,1	49,3	49,5	50,6	50,4
	3	54,6	57,9	59,5	54,8	54,6	57,8
	4	54,1	60,1	55,5	59,9	60,2	57,0

Таблица 2 (конец). Показатели журналов: 1 – *Вестник МГУКИ* [1]; 2 – *Культура и образование* [4]; 3 – *Культура: теория и практика* [5]; 4 – *Управление наукой: теория и практика* [11]; по данным eLIBRARY.RU

Оценка журнала требует комплексного подхода, который сочетает библиометрические показатели, а также экспертную оценку.

В рамках настоящего исследования основное внимание было сосредоточено на позиционировании трёх журналов, издаваемых МГИК, – «Вестника МГУКИ», «Культуры и образования» и «Культуры: теории и практики».

Результаты исследования

Анализ библиометрических показателей и экспертных оценок журналов Московского государственного института культуры («Вестник МГУКИ», «Культура и образование», «Культура: теория и практика»).

Временной охват данного исследования составляет 6 лет (с 2019-го по 2024-й год), что позволяет выявить устойчивые закономерности публикационной активности. Важным фактором, который необходим для корректной интерпретации полученных показателей, приобретающих особую аналитическую ценность, является год издания журналов, что задает условия наращивания научных позиций.

«Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» – рецензируемое научное издание, публикуемое с 2003 года с периодичностью шесть раз в год [1]. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки Рос-

сии. Издание высоко обеспечивает передачу академического знания.

«Культура и образование» – научно-информационный журнал, издаваемый с 2008 года с периодичностью четыре раза в год. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России. Издание включает материалы по актуальным проблемам социально-культурной деятельности, библиотечно-информационной деятельности, литературоведения, образования в российских вузах культуры и искусств [4].

«Культура: теория и практика» – научный электронный журнал, выпускаемый с 2014 года с периодичностью шесть раз в год. Издание является «специализирующимся на представлении результатов изучения и теоретического анализа проблем культуры и искусств, культурологии, библиотечно-информационной деятельности, информатизации и экономики культуры» [5].

При анализе основное внимание уделено публикационной активности, импакт-факторам, индексу Хирша, индексу Джини, цитируемости, характеристикам авторского коллектива.

«Вестник МГУКИ» показывает наиболее устойчивые показатели: число статей, публикуемых в РИНЦ, за шесть лет выросло с 108 до 133, двухлетний импакт-фактор – с 0,247 до 0,688 (данное значение – максимальное

среди представленных к анализу научных изданий). Увеличились следующие показатели: пятилетний импакт-фактор (с 0,231 до 0,561), индекс Хирша (с 17 до 23), индекс Джини (0,63 до 0,80), число цитирований статей предыдущих пяти лет (с 235 до 301), число авторов (с 101 до 117) – при условии, что средний возраст авторов колеблется от 47,8 до 56,6 лет. При этом значительно сократилось общее число статей за предыдущие пять лет – с 1017 до 537.

«Культура и образование» определяется стабильной публикационной активностью: число опубликованных статей в год варьируется от 55 до 61 при сохранении общего числа публикаций за предыдущие пять лет в диапазоне от 277 до 290. Умеренно выросли следующие показатели: индекс Хирша – с 9 до 12, индекс Джини – 0,76 до 0,97, число цитирований – с 31 до 61. Менее устойчивы показатели двухлетнего импакт-фактора, колеблющегося в диапазоне от 0,143 до 0,277 и пятилетнего импакт-фактора, находящегося в интервале 0,112–0,281, при этом на 2024 год данные показатели равны 0,191–0,210 соответственно. Число авторов снизилось (2019 год – 59, 2024 год – 48).

«Культура: теория и практика» в течение последних лет укрепил свои научные позиции. Показатель количества статей на протяжении рассматриваемого периода изменялся, однако в 2024 году достигло отметки в 50 публикаций. Увеличились следующие показатели: двухлетний импакт-фактор – с 0,127 до 0,261, пятилетний импакт-фактор – с 0,098 до 0,189, индекс Хирша – с 4 до 12, число цитирований с 28 до 75, индекс Джини – с 0,70 до 0,85. Что касается показателя «число авторов», то он снизился с 116 до 43, при том, что средний возраст вырос с 54,6 до 57,8 лет.

Так, «Вестник МГУКИ» продолжает поддерживать лидирующие позиции по большинству показателей, издание «Культура и образование» сталкивается с неравномерностью цитирований, а «Культура: теория и практика» демонстрирует положительную динамику.

Выводы

Таким образом, текущее состояние научных периодических изданий в сфере библиотечно-информационной деятельности характеризуется значительным ограничением числа профильных журналов. Вследствие этого проблема выбора площадки для публикации научных изысканий остро стоит перед исследователями, не только перед студентами и/или аспирантами, но и перед известными учеными. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в данных условиях катализатором развития становится междисциплинарность исследования. Иными словами, наблюдается интеграция дисциплин и стирание границ между науками, которые расширяют библиотечно-информационную сферу новыми подходами, а также усиливают разнообразие изданий для публикаций.

Как указано в статье Р. С. Гиляревского, «статьи в научных журналах являются в настоящее время основным источником научной информации, они прочно занимают первое место среди всех других документов. Обследование библиографических запросов нескольких тысяч ученых и инженеров неоднократно показывало, что до 70% всех используемых ими источников составляют журнальные статьи» [2, с. 3].

Особую значимость приобретает роль журналов в позиционировании образовательных организаций. В частности, три журнала Московского государственного института культуры создают единую систему репрезентации вуза в академическом и научном сообществе, где «Вестник МГУКИ» и «Культура и образование», включенные в Перечень ВАК, охватывают широкий спектр гуманитарных дисциплин, при этом издание «Культура: теория и практика», не входящее в Перечень ВАК, демонстрирует гибкость формата.

Указанный авторами перечень периодических изданий позволяет вузу эффективно функционировать в русле научного дискурса, обеспечивая распространение результатов исследований и, впоследствии, повышение академического авторитета вуза в профессиональном сообществе.

Список литературы

1. Вестник МГУКИ: анализ публикационной активности журнала // eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=8368
2. *Гиляревский Р. С.* Публикационная активность как оценка научных достижений // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2014. № 8. С. 1–9.
3. *Демидов Д. Д., Чавыкин Ю. И.* Оценка отечественных журналов по библиотечно-информационной деятельности на основе цитирования // Научные и технические библиотеки. 2018. № 11. С. 20–33.
4. Культура и образование: анализ публикационной активности журнала. eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=52055
5. Культура: теория и практика: анализ публикационной активности журнала. eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=55316
6. *Лаврик О. Л., Плешакова М. А.* Журналы по проблемам библиотековедения и библиографоведения: многоаспектный наукометрический анализ // Научные и технические библиотеки. 2016. № 12. С. 44–58.
7. *Мазов Н. А., Гуреев В. Н.* Состояние российского библиотековедения и информатики через исследование отраслевых журналов // Библиосфера. 2019. № 3. С. 56–70.
8. *Михайленко И. В.* База данных Web of Science: журналы библиотечно-информационного направления: аналитический обзор // Научные и технические библиотеки. 2015. № 4. С. 84–96.
9. Российский индекс научного цитирования. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/project_risc.asp
10. *Савкина С. В.* Зарубежные журналы информационно-библиотечной проблематики: анализ возможностей публикации для научно-педагогических работников // Библиотековедение. 2020. № 69 (6). С. 629–641.
11. Управление наукой: теория и практика: анализ публикационной активности журнала. eLIBRARY.RU. URL: https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=74217
12. *Цветкова В. А.* Подходы к оценке публикационной активности и возможности опубликования научных работ в библиотечно-информационной сфере // Культура: теория и практика: электронный научный журнал. 2021. № 1 (40). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/118/1427/>
13. *Цветкова В. А., Калашиникова Г. В.* Библиотечно-информационная сфера и её отражение через призму научных журналов // Научные и технические библиотеки. 2023. № 9. С. 32–50.
14. *Цветкова В. А., Калашиникова Г. В., Мохначева Ю. В.* Научные журналы библиотечно-информационной сферы в индексах цитирования // Научные и технические библиотеки. 2019. № 5. С. 37–48.
15. Что если необычайно прибыльная сфера научных публикаций вредит самой науке? The Guardian. 2017. URL: <https://inosmi.ru/20170724/239882547.html>

*

Поступила в редакцию 25.03.2026

МИГРАНТЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ

УДК 023

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-210-218>

Н. В. Боронина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: boronina_nina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема библиотечно-информационного обслуживания мигрантов в современной России. Анализ действующего законодательства и нормативных документов обнаруживает противоречие: формальное право мигранта на библиотечное обслуживание закреплено, однако он не выделен в отдельную категорию пользователей, а механизмы реализации его права отсутствуют. При этом в ряде нормативных документов задается вектор на социокультурную адаптацию и интеграцию мигрантов, что напрямую касается деятельности библиотек. Автор акцентирует внимание на существующем этнопсихологическом разрыве, коренящемся в различии традиций воспитания, норм поведения и ценностных ориентиров, и которые порождают непонимание между библиотекарем и мигрантом, превращая библиотеку из потенциального центра интеграции в зону скрытого напряжения. Обосновывается необходимость формирования у библиотекарей этнопсихологической компетенции как ключевого условия преодоления этого разрыва. Автор приходит к выводу, что реальная интеграция мигрантов возможна не через изменение законодательства, а через развитие у библиотечных специалистов способности понимать иную культурную логику и выстраивать уважительный диалог.

Ключевые слова: мигранты, библиотека, пользователь библиотеки, библиотечно-информационное обслуживание, этнопсихологическая компетенция, этнопсихология, этнопсихологический разрыв.

Для цитирования: Боронина Н. В. Мигранты как особая категория пользователей библиотеки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 210–218. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-210-218>

MIGRANTS AS A SPECIAL CATEGORY OF LIBRARY USERS

Nina V. Boronina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: boronina_nina@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of library and information services for migrants in contemporary Russia. An analysis of current legislation and regulatory documents reveals a contradiction: the formal right of migrants to library services is established, yet they are not identified as a separate

БОРОНИНА НИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, декан библиотечно-информационного факультета, Московский государственный институт культуры

BORONINA NINA VALERIEVNA – CSc in Pedagogy, Dean of the Library and Information Sciences Faculty, Moscow State Institute of Culture

© Боронина Н. В., 2026

category of users, and mechanisms for implementing this right are absent. At the same time, a number of regulatory documents set a course toward the sociocultural adaptation and integration of migrants, which directly concerns the activities of libraries. The author focuses on the existing ethnopsychological gap rooted in differences in upbringing traditions, behavioral norms, and value orientations, which generates misunderstanding between librarians and migrants, turning the library from a potential center of integration into a zone of latent tension. The article substantiates the necessity of developing ethnopsychological competence in librarians as a key condition for overcoming this gap. The author concludes that genuine integration of migrants is possible not through changing legislation, but through developing library specialists' ability to understand a different cultural logic and to build respectful dialogue.

Keywords: migrants, library, library user, library and information services, ethnopsychological competence, ethnopsychology, ethnopsychological gap.

For citation: Boronina N. V. Migrants as a Special Category of Library Users. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 210–218. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-210-218>

В условиях интенсификации миграционных процессов в Российской Федерации библиотеки как социальные институты все чаще сталкиваются с необходимостью пересмотра традиционных форм обслуживания поликультурного контингента читателей. Однако анализ действующего законодательства обнаруживает глубокое противоречие. С одной стороны, статья 5 Федерального закона «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ закрепляет право каждого гражданина «независимо от пола, возраста, национальности, образования, социального положения, политических убеждений, отношения к религии» [6] на библиотечное обслуживание на территории нашей страны, не допуская дискриминации по национальному признаку, и эта отсылочная норма формально открывает мигрантам доступ в библиотеки. С другой стороны, сам закон ни разу не упоминает мигрантов как отдельную категорию пользователей, не фиксирует их специфических потребностей (языковых, адаптационных, культурных) и не предписывает библиотекам никаких специальных механизмов работы с ними. В результате мигрант юридически равен, но реально не видим: его право на обслуживание существует, а система его реализации – нет.

Между тем игнорировать мигрантов как реальную читательскую аудиторию невозможно: их численность в России стабильно

высока, а демографический портрет имеет устойчивые черты. Согласно данным Росстата [10], более 90% всех международных мигрантов прибывают в Российскую Федерацию из государств – участников СНГ, причем абсолютным лидером является Таджикистан (186,6 тыс. человек); далее следуют Казахстан, Кыргызстан, Армения и Узбекистан. Три четверти прибывших из-за рубежа (75,5%) находятся в трудоспособном возрасте, а наиболее многочисленные возрастные группы – от 20 до 39 лет. Среди мигрантов преобладают мужчины (54,7% против 45,3% женщин), при этом 59,9% прибывших – иностранные граждане, а 40,1% – граждане России, возвращающиеся на родину. Характер миграции преимущественно временный (циркулярный): в 2022 году Россию покинули 668,4 тыс. человек, а миграционный прирост составил лишь 61,9 тыс. Таким образом, потенциальных пользователей библиотеки из числа мигрантов можно описать следующим образом: молодые мужчины и женщины из стран ближнего зарубежья, преимущественно из Центральной Азии и Закавказья, находящиеся в активном трудовом возрасте и, как правило, пребывающие в стране ограниченный срок.

Безусловно, важно отметить, что помимо временных трудовых мигрантов, в Россию едут и те, кто связывает с ней свое долгосрочное будущее. Согласно официальной стати-

стике, около 40% международных мигрантов уже получили гражданство Российской Федерации, а число выданных видов на жительство в 2023 году достигло 273 тысяч. Кроме того, почти 13% от всех прибывших – это дети и подростки в возрасте до 16 лет, что говорит о переездах целыми семьями. Высокая доля состоящих в браке (51% среди мигрантов) также подтверждает, что многие приезжают с супругами [3]. Интересно, что главной причиной переезда для большинства являются личные и семейные обстоятельства – вступление в брак, воссоединение с родственниками – а уже на втором месте находятся трудовые цели. Таким образом, значительная часть мигрантов приезжает в Россию с намерением остаться и создать здесь новую жизнь.

Именно эта реальная аудитория требует пересмотра библиотечных сервисов, однако ни федеральный закон, ни подзаконные акты не дают библиотечарю ориентиров для такой работы.

В «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2030 года», утвержденной указом Президента Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р [7] сказано, что одной из приоритетных государственных задач является «содействие адаптации и интеграции мигрантов» в российское общество. При этом подчеркивается, что адаптация должна происходить на основе уважения к русскому языку, культуре и историческому наследию народов России. Мигранты не рассматриваются как временное явление: государство признает необходимость их включения в полноценную социальную, культурную и экономическую жизнь страны. Следовательно, включение библиотек в систему мер по адаптации мигрантов – это не благое пожелание, а логическое следствие из стратегических приоритетов, зафиксированных в документе.

Обратимся к Модельному библиотечному кодексу для государств – участников СНГ [5]. Кодекс рассматривает мигрантов как одну из целевых групп в рамках этнокультурного библиотечного взаимодействия, ко-

торое является отдельным, законодательно закреплённым направлением деятельности библиотек. Согласно документу, библиотеки должны осуществлять информационно-библиотечную поддержку мигрантов, беженцев и переселенцев, а также оказывать им культурную поддержку. Кроме того, Кодекс предполагает оказание помощи библиотекам в работе с мигрантами на уровне межгосударственной и государственной поддержки, особенно на приграничных территориях. Однако все эти положения носят рамочный, декларативный характер и не содержат конкретных методов или технологий работы: они лишь обозначают, что нужно делать, но не объясняют, как это можно реализовать, а сам Кодекс носит исключительно рекомендательный характер. Тем не менее, сам факт включения мигрантов в перечень приоритетных групп для этнокультурного взаимодействия является важным шагом в признании их особых потребностей в пользовании библиотекой как социальным институтом.

Современная российская действительность характеризуется не только этническим разнообразием крупных городов, но и наличием у мигрантов из стран ближнего зарубежья специфических поведенческих паттернов, коммуникативных барьеров и ожиданий, сформированных иной этнокультурной средой. Игнорирование этнопсихологических особенностей способно провоцировать конфликтные ситуации и снижать эффективность информационного обслуживания. Этнопсихологический разрыв в библиотечно-информационном обслуживании мигрантов коренится в различии традиций воспитания, норм поведения и ценностных ориентиров, которые формируются у разных народов на протяжении столетий. Эти различия, известные в педагогике как «народная педагогика», были глубоко осмыслены великим русским педагогом Константином Дмитриевичем Ушинским. Он утверждал: «Воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным, должно быть пронизано народностью» [9, с. 33]. Ушинский под-

черкивал, что у каждого народа своя система воспитания, свои представления о должном поведении, отношении к старшим, о гендерных ролях и допустимой дистанции власти. Игнорирование этих различий в реальной практике библиотечного обслуживания приводит к тому, что библиотекарь и мигрант говорят на разных языках не в лингвистическом, а в поведенческом и ценностном смысле.

Этнопсихологический разрыв в библиотечно-информационном обслуживании мигрантов из стран СНГ возникает из-за глубинных различий в восприятии времени, пространства, иерархии и в коммуникативных нормах [4]. В культурах стран исхода, особенно с кочевым прошлым, время воспринимается как циклическое и гибкое, тогда как российская библиотечная система построена на строго линейном времени с жесткими сроками и регламентами. Это приводит к тому, что мигранты могут неосознанно нарушать сроки возврата литературы или опаздывать на мероприятия, что библиотекари интерпретируют как безответственность. В то же время сам мигрант может искренне не понимать, почему небольшая просрочка вызывает такую острую реакцию, ведь в его родной культуре временные рамки не задаются в столь строгой форме [11].

Следующий разрыв касается коммуникативных стилей. В культурах Центральной Азии и Закавказья большое значение имеет статус собеседника, его возраст и социальное положение, а прямое обращение может считаться неуважительным. Библиотекарь же, ориентированный на русскую коммуникативную традицию с ее открытостью и прямотой, формулирует четкий вопрос: «Что Вам нужно?». Мигрант, напротив, может избегать прямых формулировок, говорить намеками или обращаться исключительно к старшему по возрасту сотруднику. Это взаимное непонимание ведёт к тому, что библиотекарь может воспринимать мигранта как скрытного или причудливого человека, а мигрант, в свою очередь, испытывать

неприязнь к библиотекарю, которая может привести к тому, что библиотека начинает ассоциироваться у него не с местом помощи и знаний, а с пространством, где его не понимают, оценивают предвзято и относятся с холодным формализмом. Мигрант, столкнувшись несколько раз с подобными эпизодами, скорее всего, перестанет обращаться в библиотеку вовсе, предпочитая решать свои информационные и языковые проблемы в замкнутом кругу земляков или через случайные источники в интернете, что только усилит его изоляцию от принимающего общества. Библиотекарь же, закрепив в своём сознании негативный образ «трудного» или «неблагодарного» мигранта, начинает подсознательно избегать контактов с этой категорией посетителей, обслуживает их формально и испытывает видимое облегчение, когда они уходят. В результате библиотечная среда становится некомфортной для обеих сторон: мигрант чувствует себя чужим, непонятым и нежеланным гостем, а библиотекарь – раздраженным и профессионально бессильным, не понимающим, как наладить контакт. Такая атмосфера постепенно превращает библиотеку из потенциального центра интеграции в зону скрытого напряжения, где этнопсихологический разрыв не сокращается, а, наоборот, углубляется с каждым неудачным взаимодействием.

Особое значение имеет отношение к иерархии и старшинству [2, с. 12]. В культурах происхождения мигрантов возраст и родственные связи определяют порядок общения: младший не может вступать в диалог со старшим без разрешения. В то время как в российской библиотеке должностная иерархия строится на функциональности: молодой библиотекарь имеет право обслуживать любого пользователя независимо от возраста. Мигрант может игнорировать молодого специалиста и настойчиво требовать встречи с заведующей или сотрудницей старшего возраста, что расценивается как неуважение к персоналу и нарушение внутреннего распорядка.

Наконец, существует разрыв в способах восприятия и передачи информации. Для культур с устной традицией характерно предпочтение живого рассказа, метафоры, личного примера, тогда как библиотечная информация организована линейно: каталоги, карточки, полочные разделители, инструкции. Мигрант может теряться в этой системе и испытывать трудности с самостоятельным поиском, но при этом не обращаться за помощью, чтобы «не потерять лицо». Библиотекарь, в свою очередь, не понимая этих глубинных культурных кодов, может сделать ошибочный вывод о низком интеллектуальном уровне пользователя, хотя на самом деле речь идет о несовместимости двух разных способов структурирования мира.

Оказавшийся в чужой стране мигрант часто воспринимает новую культуру как набор разрозненных, непонятных и зачастую пугающих фрагментов, что порождает тревогу, защитную агрессию или замыкание в кругу своей общины, если таковая имеется. Согласно теории социальной идентичности Г. Тэджфела, человек черпает часть своей самооценки из принадлежности к группе [8]. При переезде мигрант сталкивается с тем, что его прежняя группа (соотечественники) в новой стране может иметь более низкий статус, быть объектом дискриминации или стереотипов. Чтобы защитить свою самооценку, он может усиливать свою идентификацию с родной культурой и, наоборот, дистанцироваться от доминирующей группы. Мигрант бессознательно отказывается от контактов с новой средой, поскольку это требует значительных когнитивных и эмоциональных затрат, а возврат к родным паттернам поведения (языку, пище, ритуалам, общению с земляками) снижает уровень тревоги. Погружение в чужую культуру воспринимается как дополнительный стресс-фактор, а не как ресурс. Подобная реакция – закономерный защитный механизм, запускаемый совокупностью когнитивных, аффективных и социальных факторов. Кроме того, освоение новой культуры требует огромных когнитив-

ных затрат: выучить язык, запомнить новые нормы, жесты, дистанции, иерархии, ритуалы. Если мигрант находится в тяжёлом экономическом положении, работает на неквалифицированной работе по 12 часов, борется за выживание, у него просто не остаётся внутренних ресурсов на рефлексию и освоение новых культурных кодов.

С психологической точки зрения, непогружение мигранта в культуру принимающей страны – это не проявление лени или упрямства, а закономерный защитный механизм. Чтобы этот механизм сменился на активное освоение новой культуры, необходимо создание безопасной, поддерживающей и ресурсной среды, где попытки погружения регулярно подкрепляются позитивной обратной связью, а угроза самооценке и идентичности минимизируется. Именно библиотека и должна стать такой средой.

Важно учитывать, что гуманизирующий потенциал библиотеки по отношению к мигранту раскрывается прежде всего через такие базовые характеристики библиотечного обслуживания, как открытость, бесплатность и добровольность. Это его право – посещать библиотеку, а не обязанность. В отличие от многих государственных институтов, с которыми мигрант сталкивается вынужденно (паспортный стол, поликлиника, суд), библиотека не оценивает, не контролирует и не наказывает. Это пространство, где человек воспринимается не как «носитель определенной этнической группы» или «трудовой ресурс», а как читатель, личность, собеседник. Именно в этом и заключается гуманизирующий эффект: библиотека возвращает мигранту ощущение собственного достоинства и субъектности, которые часто утрачиваются в процессе миграции, когда мнение о человеке сводится к набору формальных признаков.

Библиотека может предложить мигранту системное, осмысленное и бережное знакомство с принимающей культурой – через книги, живое общение, через объяснение не только «как делать», но и «почему так принято», помочь соединить разрозненные

элементы новой реальности в целостную картину, снижая тем самым страх перед неизвестным и делая процесс адаптации осознанным, а значит, более гуманным.

Особого внимания заслуживают дети мигрантов, которые нередко оказываются в двойной ситуации отчуждения: в школе они чувствуют себя чужими из-за языкового барьера и внешней инаковости, дома – оторванными от привычной культурной среды. Библиотека может стать для таких детей безопасным «третьим местом» в отличие от школы, где их могут дразнить из-за плохого знания языка или низких оценок, и в отличие от дома, где условия проживания зачастую оставляют желать лучшего. В библиотеке ребёнка не оценивают отметками, не заставляют подстраиваться под «норму» и не сравнивают с другими. Именно здесь, в нейтральной и доброжелательной атмосфере, ребёнок сможет эффективнее освоить русский язык через игру, чтение и общение со сверстниками без страха ошибиться. Библиотекарь, владеющий основами этнопсихологии, не станет заострять внимание на акценте ребёнка или незнании слов, а мягко поможет подобрать книги с визуальным подкреплением – комиксы, сказки с картинками, двуязычные издания. Посредством включения детей-мигрантов в совместные мероприятия с детьми – коренными жителями региона (кукольные спектакли, мастер-классы, громкие чтения) может быть снят языковой барьер, ведь он перестаёт быть препятствием благодаря наглядности и совместному действию. Постепенно, через положительный опыт общения в библиотечной среде, ребёнок переносит это чувство успеха и принятия в школу, снижая уровень тревожности и защитного поведения. Таким образом, библиотека не просто помогает выучить язык, а возвращает ребёнку утраченное ощущение собственной умелости и нужности, что является основой для полноценной интеграции. В этом ключе можно продолжать работать и с матерями-мигрантками, которые нередко проводят дни в кругу семьи, занимаясь

детьми и бытом, но при этом оказываются отрезанными от внешнего мира, утрачивают старые социальные связи и не имеют возможности выстроить новые. Формат семейного времяпрепровождения, где мама не просто наблюдает за играми ребёнка, а участвует в детских активностях или литературных клубах на русском языке, создадут мягкую, ненавязчивую среду для социализации. Вовлечённость не потребует специального образования или идеального владения языком, достаточно желания провести время с детьми и быть среди людей. Для женщины, погружённой в заботы о доме, библиотека может стать окном в местное сообщество, местом, где её принимают не как «маму мигранта», а просто как маму. А через неё, через её постепенное освоение норм и языка, легче адаптируются и дети, и семья в целом.

Преобразование библиотеки в инструмент реальной интеграции мигрантов в отечественную культуру возможно только при условии, что сама библиотека перестанет быть просто формальным учреждением, а станет пространством живого, адаптивного общения. Не стоит ждать, пока мигрант сам придет за помощью. Активная информационная работа – через социальные сети и мессенджеры, объявления в местах компактного проживания мигрантов, через работодателей – необходима. Мигрант должен знать, что библиотека – это место, где ему помогут без осуждения и бюрократических проволочек. Это требует не дополнительного финансирования или новых законов, а прежде всего изменения профессионального сознания библиотекарей, их готовности видеть за внешними отличиями – чело века, за непониманием – запрос на помощь, за раздражением – страх. Преодоление этого этнопсихологического разрыва требует развития у библиотекарей этнопсихологической компетенции и готовности видеть за «странным» поведением иную, но равноправную логику.

Этнопсихологическая компетенция – это интегративное профессионально-личностное

качество специалиста, позволяющее ему эффективно взаимодействовать с представителями иных этнических групп, учитывая их культурно-обусловленные психологические особенности, нормы поведения, ценности, коммуникативные стили и способы восприятия времени и пространства [1]. В контексте библиотечно-информационной деятельности этнопсихологическая компетенция библиотекаря должна включать три основных компонента: *когнитивный* (знаниевый) – библиотекарь должен иметь представление о том, что существуют устойчивые этнокультурные различия, знать конкретные особенности тех этнических групп, представителями которых являются пользователи библиотеки (например, народов Центральной Азии и Закавказья); *аффективный* (эмоционально-коммуникативный) – это, по сути, человеческое измерение профессии, он включает эмпатию, толерантность, тактичность, дипломатичность, отсутствие этноцентризма и предрассудков, широту взглядов, а главное – готовность признать, что иная культурная логика имеет равное право на существование, именно в этом компоненте библиотекарь предстает не как безличный исполнитель инструкций, а как человек, для которого уважение к другому – не профессиональная обязанность, а внутренняя потребность; *поведенческий* – требует от библиотекаря психологической гибкости, умения чувствовать собеседника, выбирать подходящую дистанцию, тон, темп речи и форму обращения, адаптировать стандартные при библиотечно-информационном обслуживании процедуры под особенности восприятия мигранта и, что немаловажно, уметь вовремя распознавать зарождающийся конфликт на этнопсихологической почве и мягко его нейтрализовать, не переходя к формальным санкциям.

Формирование этнопсихологической компетенции не может происходить стихийно. Это требует целенаправленной и системно выстроенной работы. При этом нужно выделить студентов, которые только учатся

профессии библиотекаря, и уже действующих сотрудников библиотек; причем во втором случае формирование компетенции вызывает особые сложности.

Для студентов, проходящих обучение в рамках направления подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность, данная компетенция может быть сформирована посредством интеграции соответствующих модулей в учебные дисциплины гуманитарного блока (например, Психология и Педагогика, История мировых цивилизация и др.), либо включения их в профессиональные дисциплины, такие как Библиотечно-информационное обслуживание или Пользователь современной библиотеки, как это сделано на библиотечно-информационном факультете Московского государственного института культуры. В отдельных случаях, если это позволяет учебный план, можно ввести отдельную дисциплину, допустим «Этнопсихология и межкультурная коммуникация в библиотечной сфере», в которой следует предусмотреть изучение основ этнопсихологии (восприятие времени, дистанция власти, гендерные роли, коммуникативные стили разных народов), специфику работы с мигрантами (языковые барьеры, правовой вакуум, психологические защитные механизмы), разбор конфликтных ситуаций, отработка невербального общения. И поскольку у студентов еще нет устоявшихся профессиональных стереотипов, негативного опыта общения с мигрантами и эмоционального выгорания, это делает их более открытыми к новым знаниям и эмоционально пластичными.

У действующих библиотекарей процесс формирования этнопсихологической компетенции сталкивается с рядом специфических сложностей. Прежде всего, это уже сформированные и нередко ригидные профессиональные привычки: многолетняя работа по отлаженным алгоритмам (привычка, «я всегда делал так») порождает сопротивление любым изменениям, особенно тем, которые требуют пересмотра базовых представ-

лений о «нормальном» поведении читателя. Во-вторых, многие библиотекари имеют негативный опыт общения с мигрантами (конфликты, просрочки, невербальные нестыковки), который закрепился в виде негативных стереотипов и включил механизм защитного избегания. Преодоление этого опыта требует не только новых знаний, но и эмоциональной проработки вопроса, что значительно сложнее, чем обучение «с нуля». В-третьих, практикующие специалисты часто испытывают дефицит времени и мотивации: они завалены выполнением плановых показателей и «работа с мигрантами» воспринимается как дополнительная, неоплачиваемая и не оцениваемая администрацией обязанность. И если рассматривать крайние ситуации, в коллективах могут действовать неформальные нормы, закрепляющие равнодушное или даже нетерпимое отношение к приезжим, что создает среду, в которой проявление эмпатии к мигранту рискует подвергнуться осуждению со стороны коллег. Поэтому при работе с уже действующими библиотекарями необходимо отдавать предпочтение не лекционным форматам, а интерактивным методам, основанным на супервизорстве и фасилитативных методах. Такой подход позволит специалистам не просто получить новую информацию, но и безопасно проговорить собственные профессиональные страхи, разочарования и негативный опыт.

Важно создать атмосферу, в которой библиотекарь постепенно, без принуждения и давления, придет к пересмотру своих установок, поскольку принятие их «под давлением инструкции» не даст какого-либо положительного результата. И даже если визуально специалист будет соблюдать все предписанные нормы общения с пользователем-мигрантом, внутреннее несогласие непременно проявится в невербальных сигналах – напряжённой позе, избегании зрительного контакта, формально-холодных интонациях. Мигрант, выросший в культуре с высокой чувствительностью к невербальной коммуникации, безошибочно считает

это напряжение и делает вывод, что его здесь не ждут, даже если слова библиотекаря будут безупречно вежливыми. Таким образом, подлинное изменение профессионального поведения возможно только через внутреннее принятие, а не через внешнее принуждение. Только через снятие эмоционального напряжения и уважение к профессиональному опыту самого сотрудника, можно сформировать устойчивую и искреннюю готовность к работе с поликультурной аудиторией.

Таким образом, этнопсихологическая компетенция не сводится только лишь к набору знаний об особенностях «национальных характеров» (это может привести к пустой стереотипизации, заслонив собой человека как личность), а предполагает умение видеть за поведением конкретного человека его культурную логику, обусловленную не столько юридическими нормами страны его происхождения, сколько народной педагогикой. Ключевое противоречие сегодня заключается не в отсутствии законодательных оснований для обслуживания мигрантов, а в неготовности библиотечной системы и библиотекарей учитывать их реальные этнопсихологические особенности. Преодоление этого разрыва требует формирования у библиотекаря этнопсихологической компетенции.

Именно уровень зрелости этой компетенции определяет, сможет ли библиотека полноценно выполнять свою гуманитарную миссию, которая превращает ее из пространства формального обслуживания в пространство реальной интеграции мигрантов, где взаимное непонимание уступает место диалогу, а культурные различия перестают быть барьером и становятся ресурсом для развития. И от того, насколько быстро библиотечное сообщество осознает необходимость формирования этой компетенции у библиотекарей, зависит, сможет ли библиотека стать тем местом, где мигрант не теряет себя, а постепенно, в своём темпе, открывает для себя российскую культуру и находит в ней то, что делает её для него близкой.

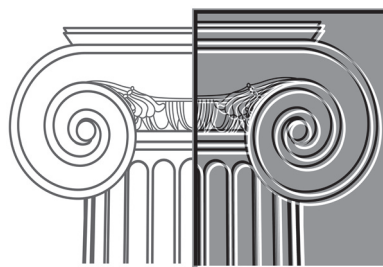

Список литературы

1. Аракелян О. В. Этнологическая компетенция учащегося и этнопсихологическая компетенция учителя // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 124–131.
2. Байбурун А. К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет народов Средней Азии. Сборник статей. Москва, 1988. С. 12–38.
3. Демографический ежегодник России. 2023: сборник статей // Росстат. Москва, 2023. 256 с.
4. Ламажаа Ч. К. К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 99–108.
5. Модельный Библиотечный кодекс для государств – участников СНГ: (новая редакция). Москва: Пашков дом, 2017. 67 с.
6. О библиотечном деле: Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 5. URL: <https://base.garant.ru/103585/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/>
7. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410284259/?ysclid=m8ta369pey360564490>
8. Ставропольский Ю. В. “Минимальная групповая парадигма” в теории социальной идентичности Генри Тэджфела // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3–4. С. 69–73.
9. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Избранные педагогические сочинения в двух томах. Том 2. Москва: Учпедгиз, 1953–1954. С. С. 69–166.
10. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Миграция (витрины) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>
11. Шацкая В. И. Межкультурная психология на пространстве Евразии: национально-психологические особенности киргизов, казахов, таджиков и узбеков // Труды XVI Евразийского научного форума, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2024 года. Часть 1. Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2024. С. 232–242.

*

Поступила в редакцию 30.04.2026

РЕЦЕНЗИИ

КОНКРЕТНЫЙ ИСТОРИЗМ
И «ОБОБЩЕНИЕ ФАКТОМ»
(К ПЕРЕИЗДАНИЮ КНИГИ
С. Н. МАРЕЕВА «ДИАЛЕКТИКА ЛОГИЧЕСКОГО
И ИСТОРИЧЕСКОГО И КОНКРЕТНЫЙ
ИСТОРИЗМ К. МАРКСА» (М., ЛЕНАНД, 2026))

УДК 167.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-220-228>

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуется ситуация создания и теоретическое значение книги С. Н. Мареева «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса» в связи с ее переизданием в 2026 году. Автор показывает, каким образом у С. Н. Мареева как последователя выдающегося советского философа Э. В. Ильенкова уточняется их общее понимание конкретного историзма в качестве высшей формы в диалектике логического и исторического. Раскрывая суть конкретного историзма, Мареев делает акцент на роли исторической случайности и особого факта в становлении исторической необходимости. Он показывает принципиальное различие между абстрактным обобщением фактов и конкретным «обобщением фактом», прежде всего, в самой реальной истории. В качестве конкретного тождества случайного и необходимого, особенного и всеобщего исторический факт, порой уникальным образом, замыкает систему объективных связей, которая затем начинает развиваться на своем собственном основании. Так история сама производит «обобщение фактом», прежде чем его на почве конкретного историзма воссоздаст теоретик. В статье рассматриваются методологические достоинства конкретного историзма на фоне догматизма советского «истмата», что позволяет осмыслить трансформацию логики истории в постсоветской России.

Ключевые слова: К. Маркс, Э. Ильенков, С. Мареев, позднесоветская философия, диалектика логического и исторического, абстрактный историзм, конкретный историзм, эмпирическое обобщение фактов, «обобщение фактом» в истории и теории, единичное, всеобщее, диалектика особенного.

Для цитирования: Мареева Е. В. Конкретный историзм и «обобщение фактом» (к переизданию книги С. Н. Мареева «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса» (М., ЛЕНАНД, 2026)) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2026. №3 (131). С. 220–228. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-220-228>

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture

© Мареева Е. В., 2026

CONCRETE HISTORICISM AND “GENERALIZATION BY FACT”
(FOR THE REPUBLICATION OF S. N. MAREEV’S BOOK “THE
DIALECTICS OF THE LOGICAL AND THE HISTORICAL AND THE
CONCRETE HISTORICISM OF K. MARX” (MOSCOW, LENAND, 2026))

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Abstract. This article describes the context of the creation and theoretical significance of S. N. Mareev’s book “The Dialectics of the Logical and the Historical and the Concrete Historicism of K. Marx” in connection with its republication in 2026. The author demonstrates how S. N. Mareev, as a follower of the outstanding Soviet philosopher E. V. Ilyenkov, refined their shared understanding of concrete historicism as the highest form in the dialectic of the logical and the historical. Revealing the essence of concrete historicism, Mareev emphasizes the role of historical chance and the particular fact in the emergence of historical necessity. He demonstrates the fundamental difference between the abstract generalization of facts and the concrete “generalization of fact,” primarily in real history itself. As a concrete identity of the random and the necessary, the particular and the universal, a historical fact, sometimes in a unique way, closes a system of objective connections, which then begins to develop on its own foundation. Thus, history itself produces a “generalization by fact” before the theorist recreates it on the basis of concrete historicism. This article examines the methodological merits of concrete historicism against the backdrop of the dogmatism of Soviet “historical materialism,” allowing us to understand the transformation of the logic of history in post-Soviet Russia.

Keywords: K. Marx, E. Ilyenkov, S. Mareev, late Soviet philosophy, dialectic of the logical and the historical, abstract historicism, concrete historicism, empirical generalization of facts, “generalization by fact” in history and theory, the singular, the universal, dialectic of the particular.

For citation: Mareeva E. V. Concrete Historicism and “Generalization by Fact” (for the Republication of S. N. Mareev’s Book “The Dialectics of the Logical and the Historical and the Concrete Historicism of K. Marx” (Moscow, LENAND, 2026). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2026, no. 3 (131), pp. 220–228. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-3131-220-228>

Монография С. Н. Мареева о методе конкретного историзма у К. Маркса вышла в далеком 1984 году, и ее теперешнее воспроизведение в издательстве URSS говорит о том, что мы уже созрели для осознания достижений Советской власти не только в освоении космоса или балета, но даже в философии в ее методологическом аспекте. И это связано в том числе со школой Э. В. Ильенкова, к которой принадлежал С. Н. Мареев.

Надо сказать, что и сам поздний период в советской истории, когда была написана и издана эта книга, переоценивается в современной России. Если в перестроечной идеологии за «оттепелью» 50–60 годов следовал упадок 70–80 годов под названием «застой»,

то сегодня время «застоя» предстает как нечто более сложное. Ведь цензурные ограничения – это не только границы дозволенного, но они же могут провоцировать движение не вширь, а вглубь, к самой сути. Как еще объяснить безусловные достижения в искусстве и философии советского «застоя»?

Яростная полемика по фундаментальным и методологическим вопросам в марксизме, как свидетельствует в своих воспоминаниях об «оттепели» и «застое» академик В. А. Лекторский, сегодня выглядит даже странной [5]. Странной по накалу страстей и серьезности отношения к делу, что не принято в наши дни, когда «работу» обычно отделяют от «жизни». Неожиданным выглядит уровень

исследований «круга Ильенкова», где Маркса и Ленина не понять без Гегеля, а иногда и всего того пути, каким шла философия к Гегелю от Платона и Аристотеля. К «кругу Ильенкова» можно было бы отнести таких философов «застоя», как Г. Батищев, П. Гайденко, В. Библер, М. Мамардашвили и других, кто затем распрощался с марксизмом. Отдельная тема – расхождение между ильенковской школой и школой последователей другого выдающегося советского философа-марксиста Мих. Лифшица.

Все сказанное вызовет удивление у тех, кто знакомился с марксистской философией в советских вузах и системе политпросвещения, где в «диамате» и «истмате» содержалась вполне ясная, местами примитивная, картина мира, доступная для простого заучивания. Все было именно так, и за указанным парадоксом стоит диатрибический вариант философии, сложившийся в советской культуре. В качестве диатрибики версию марксизма, которая транслировалась советской системой образования и пропаганды, впервые определил в начале 70-х ростовский философ А. В. Потемкин [12]. Диатриба в античности означала, в том числе, нравоучительную проповедь, а в трудах Потемкина с ней связан такой способ культурного воспроизводства философского знания, когда оно с необходимостью обретает догматическую форму для обучения и распространения в массах. Ирония истории заключалась в том, что докторская диссертация Потемкина, посвященная этой теме, которая дважды в разных вариантах утверждалась диссертационным советом в Ростовском государственном университете, так и не была утверждена ВАКом в Москве. Официальный федеральный центр, а в его лице сама диатриба, в 70–80 годах указала место региональному «творческому» марксизму.

* * *

Существование двух «марксизмов» в советской философии дополнялось существованием двух «материализмов». История становления «диамата» и «истмата» как двух

частей в философии марксизма анализируется в книге С. Мареева «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков» [7]. Подобно иным достижениям духовной культуры, марксизм и марксистская философия впоследствии предстают как в революционной, так и в догматизированной форме. И это несмотря на лозунг «конца философии», провозглашенный Марксом и Энгельсом еще в 40-х гг. XIX века. Сложность ситуации, как пишет в этой книге Мареев, состояла в том, что уже у Гегеля философия исчерпала себя в доктринальном смысле – как абсолютная мировая схематика и «царица наук». Но исчерпать себя не значит не воспроизводиться далее, подчас в вырожденных формах¹.

Если советские «диамат» и «истмат» характеризуются в работах Мареева как парадоксальный «метафизический» вариант диалектической философии [7, с. 16], то противоположную революционную ее трактовку он связывает с именами Г. Лукача, Л. Выготского и Э. Ильенкова². Особое внимание к фигуре Гегеля у Ильенкова и его учеников определяется тем, что у того диалектика – это и содержание доктрины, и универсальный метод, который, однако, в своей адекватной форме предстает не в гегелевском панлогизме, а в «Капитале» Маркса.

У Карла Маркса нет и не может быть философской системы, читаем мы в книге Мареева [7, с. 174]. Но она есть там, где в советском «диамате» идет речь об общей теории развития, в которой трем законам диалектики подчиняется все мироздание, а в итоге, как иронизировал в свое время Ильенков: «И кипящий чайник, и Великая французская революция тоже превращаются <...> лишь

¹ Трактовкам гегелевской диалектики в работах В. И. Ленина, связанным с формированием двух частей в советской философии, посвящена статья Е. В. Мареевой «Две трактовки гегелевской диалектики в работах В. И. Ленина» [10].

² Анализ культурно-исторической методологии у Л. С. Выготского, позволяющей характеризовать его как философа, дан в книге С. Н. Мареева «Л. С. Выготский: философия, психология, искусство» [8].

в «примеры», иллюстрирующие соотношение категорий качества и количества» [3, с. 166].

В противоположность такому взгляду на диалектику, главную свою книгу и докторскую диссертацию Ильенков посвятил диалектическому методу как восхождению от абстрактного к конкретному, а докторская диссертация Мареева, в свою очередь, конкретизирует этот метод в аспекте соотношения логического и исторического. Достоянием истории позднесоветской философии стала история с отказом «философского начальства» признавать ильенковское понимание восхождения от абстрактного к конкретному в качестве методологии научно-теоретического мышления в целом. В итоге в монографии Ильенкова, которая в урезанном виде вышла в 1964 году, метод восхождения был представлен лишь как метод «Капитала» Маркса³. Что касается переиздаваемой монографии Мареева 1984 года, то уже в ее названии конкретный историзм, реализованный Марксом в «Капитале», предстает как одна из форм, а, точнее, высшая форма взаимосвязи логики с историей в методологии теоретического исследования. И своеобразие этой книги состоит в том, что автор предлагает исторически подходить к формированию самой методологии конкретного историзма.

Логическое и историческое можно метафизически противопоставлять друг другу, а можно их соотносить и искать в противоположности мышления и реальности моменты их единства и содержательного тождества, без чего невозможен сам поиск истины. Решая эту проблему, Мареев, вслед за своим учителем Ильенковым, различает абстрактное и конкретное тождество логического и исторического, демонстрируя как это представлено в истории философии и науки. При этом абстрактные версии историзма, как показывает автор, закономерно тяготеют к проти-

воположным полюсам, когда в исследовании доминирует или история, а по сути историческая хронология, или, наоборот, решающей оказывается логическая точка зрения, и тогда в методологическом плане побеждает произвольный схематизм [6, с. 112]. Первый вариант абстрактного историзма с диктатом факта нам демонстрирует позиция эмпиризма, утрированной формой которого стал всеиндуктивизм Дж. Милля и Венского кружка. В противоположном случае факты становятся иллюстрацией умозрительных схем. И тогда, как отметил когда-то Гегель, если факты не вписываются в нашу схему, тем хуже для фактов.

В своем понимании конкретного историзма Мареев исходит из различий между историей природы и историей общества, закономерности которого рождаются из коллективной деятельности людей. Развитие в природе делается само собой, повторял он, а историю делают сами люди. И здесь, на наш взгляд, в воззрениях Мареева проявляют себя те моменты, в которых уточняется и углубляется их с Ильенковым общая позиция.

Хрестоматийной можно считать ту критику, которой в ильенковской традиции была подвергнута эмпирическая стратегия поиска общих признаков и чувственно данных отношений, претензию которых на всеобщность и необходимость развенчал еще Д. Юм. Основанием для споров о возможностях полной и неполной индукции Мареев, начиная со студенческих лет, считал миф о том, что индукция – самостоятельный научный метод, а не момент того реального метода, где она открывает истину в единстве с дедукцией. Тезис, согласно которому на пути индуктивных умозаключений можно развивать науку, он характеризовал как выдумку философов. Там, где мы вступаем на почву реальной науки, эмпиризм как антипод рационализма разоблачает сам себя, как это было с Ф. Бэконом, которого Мареев отказывался признавать эмпириком, мотивируя тем, что за счет единства с экспериментом индукция у Бэкона оказывается не обобщением чувственных данных,

³ Полная авторская версия работы Э. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» была впервые опубликована в 1997 году [2].

а рациональным выбором и проверкой тех фактов, которые указывают на существенные связи в действительности [11, с. 145].

Чувства сами по себе способны обманывать нас. А потому ученые не должны действовать, как указывает Бэкон, подобно муравьям, которые тащат в свой муравейник все подряд, не отделяя существенного от несущественного, на что нацелен разум. Вот почему там, где мы изучаем исторический процесс, логический анализ избавляется от случайного и второстепенного, выделяя внутренние и необходимые системные связи, которые именуют «законами истории».

Формула о том, что в логическом, то есть в теории, историческое выступает «в очищенном виде», превратилась в общее место советского «истмата». Именно такой моделью «истории вообще» была сердцевина «истмата» – учение о пяти общественно-экономических формациях, прозванное образованным народом «пятичленкой», и в соответствии с которым социализм был закономерным переходом от капитализма к коммунизму, а вовсе не наоборот – к капитализму в его новой исторической форме. В свете указанного события опровержение учения о формациях фактом гибели СССР может быть спроецировано, в том числе, на марксистскую методологию, если бы не возможность теоретического объяснения опровержения первого и гибели второго, «защитая» в ту самую переиздаваемую книжку Мареева о конкретном историзме.

* * *

Там, где С. Мареев, вслед за Ильенковым, рассуждает об «очищении» в логическом анализе реального исторического процесса, это касается, прежде всего, того, от чего освобождается сама история в движении к более зрелым формам. Но этим не отменяется необходимость логического осмысления ситуации, в которой зарождается новое в истории в контексте и на пересечении уже существующих исторических явлений. Именно здесь случайный побочный продукт одной системы

может обрести роль всеобщего в другой, развивая в себе новые возможности и тенденции. А в методологическом плане это означает, что случайное и исключительное в истории должны быть освоены наукой в их конкретно-исторической особенности.

«Единичное, представляющее собой противоположность всеобщего, – читаем мы в переиздаваемой книге Мареева, – случайный исторический факт, от которого отвлекается логика, в конкретном историзме органически входит в корпус логики» [6, с. 73]. Речь, таким образом, идет не только об «очищении» логического анализа от фактов эмпирической истории как условия их верного понимания, но и о возвращении их в зрелую теорию в рамках конкретно-всеобщего понимания хода исторического процесса. Таким образом в конкретном историзме эмпирия, в конечном счете, не вычищается, а снимается теорией. А точнее теоретическая рефлексия переходит от фактов, скомпилированных внешним образом, к постижению логики этих фактов в их взаимной связи.

В главах о современных версиях абстрактного историзма, включая эволюционизм и структурализм, Мареев делает акцент на недостаточности их методологического инструментария, заимствованного из той или иной науки. Для осмысления логики истории недостаточно категорий «часть-целое», «элемент-система-структура-функция», «индивид-вид-род». Конкретный историзм вырастает из той традиции в философской классике, где речь идет о диалектике единичного, всеобщего и особенного, где особенное есть единичное, обладающее конкретной, а не абстрактной всеобщностью. Именно в таком методологическом контексте диалектический метод из диалектики всеобщего у Гегеля становится диалектикой особенного у Маркса, позволяющей проследить, как рождается реально-всеобщее нового порядка.

Понятно, что в истории факт факту рознь. А потому в разговоре о роли факта в истории, Мареев противопоставляет абстрактному обобщению фактов в эмпиризме

«обобщение фактом» в конкретном историзме. Сам термин «обобщение фактом» появляется в его работе более позднего периода, что не меняет сути дела. «Интересно заметить, что даже единомышленники не понимали Мареева, – пишет в статье его памяти В. А. Лазуткин, – когда в дискуссиях он говорил об «обобщении фактом». Но ведь обобщение – это не только процесс в человеческой голове, а прежде всего объективный исторический процесс, в котором первоначально частный, иногда даже случайно возникший факт становится фактом принципиально всеобщим и таким образом – ключом к пониманию исторически становящегося и развивающегося предмета, как такой частный товар, как рабочая сила, в процессе становления и понимания капитала» [4, с. 90–91]. В конце процитированного фрагмента Лазуткин делает отсылку к формированию рабочей силы в качестве товара и тем самым к историческому очерку о «первоначальном накоплении», который дан у Маркса в XXIV главе «Капитала». На него ссылается и сам Мареев, и те авторы, которые обратились к теме исторической случайности и особого факта в истории за десять лет до него.

Речь идет о книге 1974 года Ю. М. Борода, В. Ж. Келле и Е. Г. Плимака под названием «Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации», которая выделялась именно тем, что задавала новый угол зрения на теорию общественно-экономических формаций. Помимо целого ряда иных аспектов, авторы пишут о диалектике случайного и необходимого в истории, сближаясь с ильенковским пониманием конкретного историзма. На обороте титульного листа экземпляра книги, который «гуляет» в интернете, есть надпись: «Эвальду Васильевичу Ильенкову – прямому виновнику и соучастнику, ибо ведь это Вы привили вкус к Марксу, – с признательностью и глубочайшим уважением. Юрий Бородай». Этот инскрипт тоже факт истории советской философии, который указывает на многое. За ним история личных взаимоотношений

Ю. Борода с Э. Ильенковым и их идейное расхождение, последовавшее в 70-е годы, которое в данной книге только намечено.

Там, где в книге указанных авторов речь идет о первоначальном накоплении, из множества фактов, сопровождавших аграрную революцию и промышленный переворот в Англии, особо выделен факт повышения цен на шерсть, поступавшей на мануфактуры в Нидерландах, как и на внутренний рынок Англии, что, собственно, и спровоцировало цепь событий, приведших к рождению английского капитализма. Разворачивая свое понимание генетической связи между уникальным фактом и общей закономерностью, они подчеркивают: «Таким образом <...> событие, в сущности уникальное (повышение цены на шерсть), при достаточной «зрелости общих предпосылок» становится *фактором реализации общей закономерной тенденции становления капитализма*, рычагом, который перевернул все прежние отношения и сменил прежние, по определению Маркса, «черепашьи темпы» развития все ускоряющимся движением, а затем и бешеной гонкой» [1, с. 107]. Уникальное событие здесь, как мы видим, напрямую связано с закономерным движением. И все же, что касается Мареева, то в этом вопросе он делает шаг вперед, раскрывая через «обобщение фактом» сам механизм формирования новой закономерности как реально-всеобщего, а также последующее воссоздание такого реально-всеобщего в теории на почве конкретного историзма⁴.

Позднее в книге о своем учителе Ильенкове Мареев уточняет суть конкретного историзма как «обобщения фактом» на примере все той же XXIV главы «Капитала». Специфика конкретного историзма, пишет он, состоит не в обобщении фактов, а в «обобщении фактом», но тем особым фактом, который в силу

⁴ Отметим, что в переиздаваемой книге Мареева 1984 года есть отсылка к книге трех авторов десятилетней давности, в которой он критикует их «новацию», связанную с заменой исторического анализа генетическим, а логического анализа «системно-структурным» [6, с. 122–124].

своей особенностью становится всеобщим, и в данном качестве он должен быть *открыт* в истории [9, с. 260]. В качестве примера Мареев берет «огораживание», в отличие от повышения цен на шерсть, о котором пишут в своей книге Бородай, Келле и Плимак. И это не случайно, поскольку роль указанных двух моментов в истории становления английского капитализма была разной. «Огораживание» в книге трех авторов приводится как один из примеров насильственного разрыва «сраженности» работника со средствами и условиями его труда. Другое дело повышение цен на шерсть в Нидерландах, которое стало, по их мнению, уникальным фактом активизации идущих процессов, «рычагом» становления капитализма в Англии. Иначе выглядит ситуация в трактовке Мареева, для которого рост цен на шерсть был лишь поводом для дальнейших трансформаций. Более серьезно он подходит к «огораживанию» в сельском хозяйстве Англии. В действиях феодалов, которые сгоняли крестьян с земель, уточняет он, содержится как отрицание старого феодального способа производства, так и формирование нового буржуазного. В этих фактах представлено превращение натурального хозяйства в товарно-капиталистическое [9, с. 262].

Известно, что «огораживание» в Англии XV–XVIII веков было насильственным превращением общинных угодий и пахотных земель в частные пастбища для овцеводства. Юридически и хронологически это серия разрозненных актов, местных решений, парламентских законов, случайных по своей форме. Одни осуществлялись лордами самовольно, другие – через суд, третьи – через парламентские акты. Ни один отдельный акт «огораживания» не был «необходимым» в строгом смысле этого слова. И, тем не менее, здесь особенное, и во многом случайное, уже не повод и внешний рычаг, а нечто другое, что несет в себе объективное содержание разных общественных систем, погибающей и нарождающейся. «Огораживание», при всей случайности каждого конкретного акта, создавало необходимые предпосылки нового способа жизни.

История является наукой, пишет Мареев, не потому что она эмпирически «обобщает», а потому что исследует «уникальные и неповторимые исторические обстоятельства». При этом «сама логика обобщается фактами, становится конкретной и плотной» [9, с. 266]. Что касается «огораживания» в Англии, то оно на протяжении веков в разных формах с необходимостью превращало землю в товар, а с другой стороны – из согнанных с земли крестьян формировался рабочий класс. Именно внезапное появление на рынке труда массы обездоленных пролетариев стало, по Марксу, отправным моментом для перехода к собственно капиталистическому способу производства. «Внезапность» здесь указывает на та случайную форму, в какой на фабриках Англии объявлялись вчерашние бродяги. Но в их найме в качестве фабричных рабочих заключено то всеобщее содержание, которое придает данному факту, на который указывает Маркс, особый исторический смысл, в сравнении с ростом цен на шерсть, а потом на зерно, и многочисленными фактами «огораживания». «Огораживание», превращая вчерашних земледельцев в бродяг, создавало свободного работника как побочный результат. Но превращение бродяги в «обездоленного пролетария» – факт, свидетельствующий о появлении на рынке нового товара – рабочей силы. И далее капиталистическое производство уже будет воспроизводить такого наемного работника как свое необходимое условие и предпосылку.

Добавим, что такую же уникальную роль в английской промышленной революции сыграла действия Ричарда Аркрайта – создателя английской системы фабричного производства. Этот бывший парикмахер к концу жизни стал лордом за свою организационную деятельность и одновременно был привлечен к суду за присвоение чужих изобретений – идей и чертежей прядильных машин. Из-за этого Маркс в свое время назвал Аркрайта «величайшим вором чужих изобретений и субъектом самого низкого сорта», что не отменяет его уникальной роли в становлении системно-

го единства в классическом английском капитализме. Даже такие аморальные побуждения как корыстолюбие, будучи втянутыми в капиталистическое производство, пишет Мареев в переиздаваемой книге, могут стать и становятся объективным фактором и движущей силой экономической жизни [6, с. 84].

Итак, основу «обобщения фактом» составляет конкретное тождество случайного и необходимого, особого и всеобщего, когда факты, «обобщая», как в мозаике, устанавливают новые связи, и через них трансформируется объективная логика истории. Здесь факт участвует в рождении реально-всеобщего, замыкая, порой уникальным образом, систему, которая начинает развиваться на собственном основании как единство многообразия и новая тотальность. Так история сама производит «обобщение фактом», прежде чем его воссоздаст теоретик. История своим ходом производит то всеобщее, которое теория потом воспроизводит в понятийной форме.

* * *

«Вместе с тем, материалистическое понимание истории – пишет Мареев, – это не только абстрактная историческая необходимость,

но и процесс ее становления в результате деятельности людей, превращения случайности в необходимость, происходящего всякий раз в неповторимой исторической форме» [6, с. 80]. Таким образом факт, который сам «обобщает», несет в себе ещё-не-ставшую необходимость, которая не задана прежде события, а производится посредством него. Необходимость здесь не предшествует случайным формам как скрытый закон, она *становится* в них и через них.

Именно поэтому историческая теория уже в ставшем виде остается пронизываемой для исторической конкретики. В наследии Мареева есть работы о конкретно-исторической ситуации, в какой формировался советский социализм – политически в 1917 году и экономически в первые годы Советской власти. Есть работы Мареева с анализом ситуации, которая подготовила его гибель к концу XX века. Мареев был цельной личностью, и между переиздаваемой книгой 1984 года и его работами, написанными о судьбах социализма через 20–30 лет, существует органическая связь. Метод конкретного историзма позволял Сергею Марееву не изменять ни ему самому, ни своим идеалам.

Список литературы

1. *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. Москва: Политиздат. 1974. 312 с.
2. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1997. 464 с.
3. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории. Москва: Политиздат. 1974. 271 с.
4. *Лазуткин В. А.* Диалектика и жизнь. Памяти С. Н. Мареева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 88–92. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10610
5. *Лекторский В. А.* О прошлом и настоящем. Воспоминания и размышления. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 532 с.
6. *Мареев С. Н.* Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. Москва: ЛЕНАНД, 2026. 168 с.
7. *Мареев С. Н.* Из истории советской философии: Лукач-Выготский-Ильенков. Москва: Культурная революция. 2008. 447 с.
8. *Мареев С. Н. Л. С.* Выготский: философия, психология, искусство. Москва: Академический проект, 2017, 227 с.

9. *Мареев С. Н.* Э. В. Ильенков: жить философией. Москва. Академический проект, Трикста, 2015. 327 с.
10. *Мареева Е. В.* Две трактовки гегелевской диалектики в работах В. И. Ленина // *Альтернативы*, № 4, 2015. С. 30–40.
11. *Мареева Е. В., Мареев С. Н., Майданский А. Д.* Философия науки. Учебное пособие для аспирантов и соискателей. Москва: ИНФРА-М., 2023.
12. *Потемкин А. В.* Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1980. 158 с.

*

Поступила в редакцию 22.04.2026

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been published before. The article should have scientific novelty, reflect the main results of the author's research, correspond to the general direction of the journal and be interesting to a wide range of the Russian scientific community. The article may contain (if necessary) a minimum of tables, formulas and graphic dependencies. The article must be completed with a conclusion (conclusions). All abbreviations and scientific terms should be disclosed. Do not abuse Internet sources. When using them, it is necessary to give references in accordance with the rules for designing the bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word editor, the font is Times New Roman, the point size is 14, the spacing is 1.5.
2. The length of the article is from 23,000 to 40,000 characters, including spaces.
3. The list of literature is located at the end of the article in alphabetical order, bibliographic descriptions in the list are drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article are given in square brackets. The number of sources in the bibliographic list is not less than 8 and not more than 30.
4. Attached to the article:
 - a) abstract (100–250 words) in Russian and English, as well as key words to the article in Russian and English (8–12 words);
 - b) information about the author in the following order – the full name of the author (authors), academic degree, academic title, position, place of study or work (in the nominative case), city, country. All data are duplicated in English. Separately, a contact phone number is indicated, and an e-mail address is required;
 - c) mandatory is an indication of the UDC, grant or state task. It is obligatory to indicate the code and the name of the specialty in which the article goes.
5. **Articles are accepted in the electronic version on the e-mail of the editors: vestnik-mguki@mail.ru**
 - a) all articles are double-blind peer-reviewed and published free of charge. The editorial board reserves the right to select materials, as well as the ability to make changes to the title and text of the article in agreement with the author. The position of the editors may not coincide with the point of view of the authors;
 - b) prior to reviewing, the originality of the article is checked in the Anti-Plagiarism system. The journal accepts articles with a degree of originality of the text of at least 75%. Quotations take up no more than 20 % of the text. Self-quoting is limited to the necessary minimum (no more than 10 % of the text in the form of a paraphrase with a link to the source);
 - c) the author is responsible for the accuracy of reproduction of names, quotations, formulas. The author must inform the editorial board of the journal about all his works and the works of his co-authors, which intersect in subject matter with the article submitted to the editorial office and are under consideration in other publications;
 - d) an article, after its approval by the editorial board of the journal, can be prepared for publication up to six months. The contract form is sent to the author after the editorial board decides to publish the manuscript. When presenting the main results of his research, the author must be in the legal field, its publication should not in any way violate the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124–1 (as amended on April 18, 2018) “On the Mass Media”.

«THE BULLETIN OF MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS»

Scientific academic journal «The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts» is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of major scientific results of dissertation research for the award of a scientific degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them: **5.7.2.** History of Philosophy (Philosophical Sciences), **5.7.3.** Aesthetics (Philosophical Sciences), **5.7.8.** Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophical Sciences), **5.8.1.** General Pedagogy, History of Pedagogy and Education (Pedagogical Sciences), **5.8.2.** Theory and Methodology of Training and Education (by areas and levels of education) (Pedagogical Sciences), **5.8.7.** Methodology and Technology of Professional Training (Pedagogical Sciences), **5.10.1.** Theory and History of Culture, Art (Philosophical Sciences), **5.10.1.** Theory and History of Culture, Art (Cultural Sciences), **5.10.2.** Museum Science, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects (Cultural Sciences), **5.10.2.** Museum Science, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects (Historical Sciences), **5.10.4.** Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Pedagogical Sciences), **5.10.4.** Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Historical Sciences), **5.10.4.** Library Science, Bibliography Science and Bibliology (Cultural Sciences).

It is published since 2003. It is issued once in two months

THE FOUNDER

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Moscow state institute of culture»

CHIEF EDITOR

E. L. Kudrina, DSc in Pedagogy, Professor,
Director of the Scientific Center of the Russian Academy of Education
based at the Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Culture of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR,
EXECUTIVE EDITOR

L. N. Voevodina,
DSc in Philosophy,
Professor

DEPUTY
EDITOR

E. V. Mareeva,
DSc in Philosophy,
Professor

DEPUTY EDITOR

A. D. Zharkov,
DSc in Pedagogy,
Professor

DEPUTY EDITOR

N. N. Yaroshenko,
DSc in Pedagogy,
Professor

EDITOR
V. A. Sadikova

TECHNICAL EDITOR
D. A. Fomicheva

LAYOUT
R. M. Pavlovsky

Editorial office address (actual):

141400, Moscow region, Khimki-6,
Bibliotchnaya str., 7, building 2, room B-304, MSIC

Contact phone number

8 (495) 570-01-04

The official website of the magazine

<http://vestnik.mgik.org/>

***E-mail to the editorial offices
of the MSIC scientific journals:***

vestnik-mguki@mail.ru

Signed to the press: 06/15/2026. Format 84x108¹/₁₆.
Conditional printed sheets 24,78. The edition is 500 copies. The price is free.
Printed from the finished original layout in the MSIC printing house.
Address: 7 Bibliotchnaya str., Khimki, Moscow region, 141406.

The certificate on registration of mass media of PI № FS77-61423 on April 10, 2015 is granted
by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)